

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el país y el mundo •

- БУНТУЮЩИЕ ОКРАИНЫ
- ТРИ ВОПРОСА ИСТОРИКАМ РЕВОЛЮЦИИ
- СИСТЕМА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЯ, ИЛИ КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ
- БЮРОКРАТИЯ – КОЗЕЛ ОТПУЩЕНИЯ
- МЫ ГОВОРИМ: АППАРАТ, ПОДРАЗУМЕВАЕМ – ПАРТИЯ
- СЛАВНЫ БУБНЫ ЗА ГОРАМИ
- БОЖЕ, СПАСИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКУЮ ПРИРОДУ
- СОДРУЖЕСТВО КОНКУРЕНТОВ
- СОРОК ПЕРВЫЙ
- ЦАРЬ НА НЕБЕ, БОГ НА ЗЕМЛЕ
- ДЬЯВОЛ ХОДИТ ЗИГЗАГАМИ
- ИНАКОМЫСЛЯЩИЙ, ИНАКОПОЮЩИЙ
- ДРОБЛЕНИЕ ДОБРА
- ПОДСТРИЖЕННЫЙ ГРОССМАН

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высланного в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Непринятые рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтамов.</i> Сказание о демиургах	14
Вести из СССР	27
<i>Ф.Клаудин.</i> Три вопроса об Октябрьской революции	46
<i>Ф.Фернандес Ордоньес.</i> Европа и Советский Союз	51
<i>В.Чалидзе.</i> Бюрократия и мирная революция	55
<i>А.Нуйкин.</i> Механизм подмены	59
<i>А.Стреляный.</i> Постепенность — самоцель?	63
"Свободу райкому!" <i>Интервью с А.Стреляным</i>	66
Из газет	72
"Мы выстрадали надежду". <i>Беседа с Юлием Кимом</i>	73
Архив. К деятелям науки, культуры и искусства	84
<i>А.Орлов.</i> Кандидаты и президент	85
<i>Б.Гришин.</i> Ученик чародея	91
<i>Г.Буяновский.</i> В железных объятиях друзей	97
<i>Б.Комаров.</i> В ожидании экологического чуда	106
<i>И.Косинский.</i> Наш собственный позор	113
<i>Л.Люкс.</i> Государство правды	120
<i>Е.Эткинд.</i> Нет двух правд	132
<i>Г.Померанц.</i> Что сказать Иову?	138
<i>С.Максудов.</i> Свободные голоса в твердом переплете	151
<i>Р.Шапиро.</i> Интересно тем, что неинтересно	157
<i>Б.Вайль.</i> Большевики и большевики	159
Содержание журнала за 1988 год	I—III

В номере 164 страницы

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514. Telex 5218017 unbt d. Telefax 534603

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178—5036

СТРАНА И МИР

Пятый год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

"ГОЛУБЫЕ КАСКИ" – ЛАУРЕАТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ МИРА

Норвежский Нобелевский Комитет присудил Нобелевскую премию мира 1988 г. миротворческим силам Организации Объединенных Наций. Глава Комитета Эгиль Аатвик выразил надежду, что решение Комитета повысит авторитет сил ООН по поддержанию мира, а также самой Организации Объединенных Наций.

Устав ООН, как известно, дает Совету безопасности довольно широкие полномочия по поддержанию мира, предоставляя ему, в частности, право использовать в необходимых случаях военную силу (раздел VII Устава). Первоначально предполагалось, что ООН будет располагать собственными воинскими подразделениями, но идея эта не была воплощена в жизнь. Вместо этого, по решению Совета Безопасности, в тех случаях, когда возникает необходимость использовать военную силу для устранения возникшего конфликта, создаются чрезвычайные вооруженные силы ООН. Состав их каждый раз определяется заново в ходе переговоров Генерального секретаря ООН с государствами-членами. Государства, согласившиеся участвовать в чрезвычайных силах ООН, передают определенный контингент своих национальных воинских формирований под командование ООН. Войсковые соединения могут принадлежать любой стране, командование чаще всего формируется из граждан нейтральных стран (Швеции, Австрии и др.). Подчиняется командование ООН только Генеральному секретарю.

Вот уже 40 лет миротворческие силы ООН помогают сдерживать страсти и тушить военные пожары в горячих точках планеты. Наиболее широко силы ООН были использованы в корейской войне 1950 г. Тогда Совет Безопасности принял решение о помощи Южной Корее в отражении агрессии Севера. В войсках ООН участвовали подразделения из Австрии, Бельгии, Великобритании, Греции, Канады, Колумбии, Люксембурга, Нидерландов, Новой Зеландии, США, Таиланда, Турции, Филиппин, Франции, Эфиопии, Южно-Африканского Союза (тогда еще не ЮАР). Южнокорейские войска тоже были поставлены под команду ООН. Активные действия сил ООН предотвратили распространение власти Ким Ир Сена и его идей чучхе на весь полуостров. В период наибольшего разгара военных действий численность соединений ООН достигала 500 тысяч.

Другие операции ООН не были столь широки. В 1960–1964 гг. чрезвычайные силы ООН помогали правительству Республики Конго (Леопольдвиль) – ныне Заир – восстановить мир, когда после объявления независимости поднял мятеж катангский сепаратист Чомбе, и в страну вернулись бельгийские войска. В операциях ООН в Конго участвовало более 20 тыс. чел. В ходе этих операций погиб Генеральный секретарь ООН Даг Хаммаршельд.

В 1964 г. были созданы силы ООН по поддержанию мира на Кипре. Их целью было предотвратить возобновление военных столкновений между киприотами – турками и греками. Когда в 1974 г. турецкие войска высадились на Кипре, войска ООН содействовали прекращению огня

между кипрской Национальной гвардией и турецкой армией.

В 1965 г., когда начались серьезные столкновения на индо-пакистанской границе, была усилена группа наблюдателей ООН, которая уже находилась с 1949 г. в Кашмире, наблюдая за прекращением огня между враждующими группировками в этом индийском штате. Одновременно части ООН были размещены и вдоль границы между Индией и Пакистаном. Эти миротворческие силы, как и на Кипре, до сих пор еще находятся на местах, выполняя свои обязанности.

Больше всего дела у сил ООН оказалось на Ближнем Востоке. Если не считать групп военных наблюдателей за прекращением огня после арабо-израильской войны 1948 г., впервые войска ООН как таковые были введены на Ближний Восток во время Суэцкого кризиса 1956 г. После вывода английских, французских и израильских войск из Египта (тогда ОАР), чрезвычайные силы ООН были размещены между Израилем и ОАР на Синае и в полосе Газы, где они и находились до 1967 г. Тогда по требованию Египта Генеральный секретарь ООН У Тан отвел войска, после чего и началась шестидневная война. За этот шаг У Тан позднее подвергся суровой критике.

После "войны Судного дня" 1973 г. были созданы новые чрезвычайные силы ООН для наблюдения за разъединением сил Израиля, с одной стороны, и Египта и Сирии – с другой. Войска ООН на египетско-израильской границе находились до 1979 г., вплоть до подписания мирного соглашения между этими двумя странами.

В 1978 г. после атак Израиля на базы ООП в южном Ливане в этот район также были введены силы ООН, дабы наблюдать за непрочным прекращением огня и выводом израильских войск. После вторжения Израиля в Ливан в 1982 г. задача войск ООН, находившихся за передовыми израильскими линиями, резко усложнилась. Численность их была увеличена. До сих пор солдаты ООН выполняют свою нелегкую миротворческую функцию в этом чрезвычайно сложном и взрывоопасном районе.

Несмотря на то, что "голубые каски" выполняют очень важную и опасную роль (сотни военнослужащих ООН погибли при исполнении своих обязанностей), до недавнего времени они не пользовались должным авторитетом в мире. Скептицизм, пренебрежение, а порой и враждебность к силам ООН со стороны многих стран, замешанных в локальные конфликты, связаны не столько с ролью самих миротворческих сил, сколько с отношением к Организации Объединенных Наций.

В 60-е и 70-е годы эта международная организация, детище послевоенных надежд на мир и процветание на земле, значительно потеряла свой авторитет. Антизападная и антидемократическая риторика в стенах ООН заглушала трезвые голоса и затрудняла конструктивный подход к решению проблем. Раздутый бюрократический аппарат пожирал значительную часть бюджета и чаще всего оказывался не в состоянии эффективно выполнять свои прямые обязанности. Все это отнюдь не способствовало росту популярности и самой ООН, и ее сил по поддержке мира. До недавнего времени казалось, что изменить положение невозможно, ибо "машина голосования", контролируемая странами Третьего мира и блоком социалистических государств, навязывала международному форуму свою волю в принципиальных вопросах и препятствовала проведению внутренних реформ в самой ООН.

Так продолжалось до тех пор, пока администрация Рейгана не решила воспользоваться своим единственным козырем. Дело в том, что взнос США составляет четверть годового бюджета ООН. Правительство США заявило, что оно приостанавливает выплату очередного взноса в 215 миллионов долларов до тех пор, пока ООН не проведет административные реформы, а ее исполнительные органы не прекратят впускать транжирить огромные средства.

Американские требования совпали по времени с двумя другими благоприятными изменениями. На смену "Господину Нет" – министру иностранных дел СССР А.Громыко, весьма успешно насаждавшему брежневский консерватизм в международных делах, пришел динамичный Эдуард Шеварднадзе, представляющий "новое мышление" советского руководства на международной арене. Новый советский подход к международным делам уже сказался на работе ООН. Прежде всего активизировалась, стала более четкой и эффективной работа Большой Пятерки – пяти постоянных членов Совета Безопасности. Это, в свою очередь, привело к оздоровлению климата во всех специализированных учреждениях ООН. Второе благоприятное обстоятельство связано с тем, что и страны Третьего мира уже порядком устали от националистической истерии и социальной демагогии. Лидеры этих стран, оказавшиеся перед лицом реальных проблем, сегодня более склонны прислушиваться к трезвым голосам в ООН и конструктивно работать над решением экономических и социальных проблем в собственных странах, нежели безудержно клеймить капитализм, империализм и сионизм.

На высоте положения оказался и Генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр, проявивший больше твердости и настойчивости, чем его предшественники, в попытках заставить свою организацию эффективно работать. В результате усилий де Куэльяра, штат секретариата ООН, насчитывавший 13 500 человек, был сокращен на 15%. Генеральный секретарь уволил большую часть временных сотрудников, которые зачастую просто-напросто дублировали постоянный штат ООН. Перес де Куэльяр зарекомендовал себя человеком слова, беспристрастным и объективным посредником на переговорах между враждующими сторонами.

В целом еще не закончившаяся "перестройка" в ООН уже принесла плоды – авторитет главного международного форума стал расти, заметно усилилась его роль в разрешении локальных конфликтов. Так, когда в апреле 1988 г. в Женеве были подписаны соглашения по Афганистану (см. "Страна и мир", № 2, 1988 г.), стороны договорились, что вывод советских войск и прекращение огня между правительственными войсками и повстанцами будет проходить под наблюдением ООН. Группа военных наблюдателей в Афганистане невелика – всего лишь около 60 человек.

Еще более значительной явилась роль ООН и самого Переса де Куэльяра в достижении договоренности о прекращении военных действий на фронтах затяжной ирано-иракской войны. В августе этого года 350 военнослужащих и гражданских лиц из персонала миротворческих сил были посланы в район военных действий в Персидском заливе, где они следят за соблюдением сторонами условий прекращения огня.

В настоящий момент миротворческие силы готовят к отправке в Юго-Западную Африку семитысячный контингент, офицеры и солдаты которого будут наблюдать за тем, как выполняются условия соглашения между Южной Африкой, Анголой и Кубой о прекращении огня в Намибии и Анголе, о выводе кубинских войск из Анголы и южно-африканских – из Намибии и о предоставлении Намибии независимости.

Судя по сообщениям из штаб-квартиры ООН в Нью-Йорке, не исключено, что вскоре мы станем свидетелями отправки контингента миротворческих сил в Камбоджу, где дело тоже идет к урегулированию.

Мир в целом одобрительно отнесся к присуждению миротворческим силам ООН Нобелевской премии мира. Президент Рейган, бывший в этом году вместе с М.Горбачевым одним из кандидатов на эту премию, приветствовал решение Норвежского Нобелевского Комитета. "Усилия

миротворческих сил ООН вносят важный вклад в реализацию одного из фундаментальных направлений деятельности ООН", – сказал американский президент.

В СССР реакция была сдержанной. Более того, в дни, когда в Осло было объявлено о присуждении премии, МИД СССР выступил с критикой деятельности миротворческих сил ООН в Афганистане. Обвинения советского правительства сводятся к тому, что наблюдатели ООН в Афганистане и Пакистане не причисляют к нарушениям Женевских соглашений и, соответственно, не информируют о них договаривающиеся стороны и Генерального Секретаря ООН, ряд политических шагов, предпринятых афганскими повстанческими организациями на территории Пакистана. К числу таких шагов представитель МИД Г.Герасимов отнес создание семью повстанческими организациями временного правительства, учреждение повстанческого агентства новостей и, наконец, даже само присутствие баз и штаб-квартиры Союза повстанческих организаций в Пакистане.

В прошлом советское правительство относилось к миротворческим силам ООН весьма негативно, а в некоторых случаях даже враждебно. Такое отношение диктовалось внешнеполитической доктриной, выдвинутой еще Хрущевым. Суть этой доктрины заключалась в том, что СССР должен был избежать лобовой конфронтации с Западом и одновременно наносить ему удары с флангов при помощи разного рода революционных и национально-освободительных движений в странах Третьего мира. В соответствии с этой доктриной СССР был заинтересован в разжигании локальных войн. Естественно, что те, кто занимался примирением враждующих сторон, стояли у него на пути. Советская пропаганда стремилась всячески дискредитировать "голубые каски" в глазах народов и правительств стран Третьего мира и представить их проводниками политического курса западных "империалистических" держав. Советское правительство отказывалось финансировать операции миротворческих сил ООН. Сегодня долг советского правительства ООН по этому пункту составляет 252 миллиона долларов, причем часть долгов числится за Советским Союзом еще с 50-х годов.

То, что произошло в Афганистане, радикально изменило положение дел. Афганские повстанцы в течение 9 лет воюют с советской оккупационной армией. На этот раз именно Запад поддерживает национально-освободительное движение. Может быть, одним из многих уроков, которые советское руководство вынесет из афганской эпопеи, будет признание собственных оши-

бок в оценке и роли ООН в целом, и миротворческих сил в частности. Сегодня Советскому Союзу очень хотелось бы, чтобы наблюдатели ООН эффективнее выполняли свою задачу в Афганистане и Пакистане. ●

з.ор.

ДОБРОЕ НАЧАЛО, ПРЕДПОЛАГАЮЩЕЕ ПРОДОЛЖЕНИЕ

Речь М.Горбачева перед Генеральной Ассамблеей ООН 7 декабря получила во всем мире практически единодушное одобрение. Это был, безусловно, один из самых сильных дипломатических шагов советского руководителя. Пожалуй, наиболее важно то, что это был именно дипломатический, а не просто пропагандистский шаг. Если это и была пропаганда, то такая, против которой трудно возразить.

Многие аспекты речи М.Горбачева еще будут неоднократно анализироваться наблюдателями. Но уже сейчас они выделяют как главное сенсационные предложения об одностороннем сокращении советских вооруженных сил. Заявления М.Горбачева приветствовали президент Р.Рейган и госсекретарь Дж.Шульц, генеральный секретарь НАТО М.Вернер и британский премьер Маргарет Тэтчер, целый ряд других государственных деятелей. Совет НАТО посвятил заявлению М.Горбачева специальное заявление, в котором, в частности, говорится: "Сокращение вооружений, объявленное Советским Союзом, — это положительный вклад в исправление существующей ситуации. Оно указывает, что серьезность, с которой мы указывали на неравновесие обычных вооружений, как на ключевую проблему европейской безопасности, ныне разделяется и советским правительством". "Горбачев предлагает ныне не только слова, но и дела", — говорит Дж.Стейнбрунер, директор отдела международной политики вашингтонского Института Брукингса. — Теперь труднее представить себе, что Советский Союз стремится быть способным нанести в Европе быстрый удар".

Но раздается немало и критических, точнее, осторожных голосов. Среди них — бывший министр обороны США К.Уайнбергер и его помощник Р.Перл. Они предостерегают против эйфории, вызванной заявлением М.Горбачева. "Важно не то, что он (М.Горбачев) убирает, а то, что он оставляет", — заметил К.Уайнбергер.

Любопытно то, что в этом последнем пункте сходятся и энтузиасты, и скептики. Тот же Совет НАТО, приветствуя одностороннее сокращение вооружений Советским Союзом, высказывает надежду, что это послужит хорошей основой для

дальнейших переговоров об установлении полного паритета обычных вооружений в Европе.

Неравновесие обычных вооружений на европейском континенте давно служит предметом беспокойства для западных держав. Сохранится оно и после того, как в течение двух лет будет проведено объявленное сокращение.

Наиболее значительным из объявленных мероприятий является сокращение на 5 тысяч числа танков, размещенных в ГДР, Чехословакии и Венгрии (но, почему-то, не в Польше), и еще на 5 тысяч — размещенных в европейской части СССР. Но даже и после этого к западу от Урала останется еще 41 500 танков стран Варшавского договора. Преимущество этих стран над НАТО в Европе сократится с 2,3:1 до 1,9:1. Все еще солидный перевес! Однако следует заметить, что это соотношение уже близко к "оборонительному": военные эксперты традиционно считают, что страна-агрессор должна для уверенности в победе иметь как минимум 3-кратный перевес над противником. Скептики считают, правда, что советская сторона хочет избавиться от устаревших танков Т-54 и Т-55, сохранив современные Т-64, Т-72 и Т-80. Едва ли этот упрек честен — американские эксперты, оценивая неравновесность вооружений, всегда настаивали на том, чтобы учитывались и старые модели танков.

Из трех восточноевропейских стран будут выведены 6 танковых дивизий. Сейчас за пределами СССР находятся 16 таких дивизий, так что сокращение существенное. Но у других стран Варшавского договора имеется еще 12 таких дивизий. У НАТО всего 14 танковых дивизий (включая 2 американские), так что соотношение по числу дивизий все равно останется неравным — 1:1,6. Правда, дивизии НАТО крупнее (16,6 тыс. против 12 тыс. чел.) и больше вооружены (348 танков против 328).

Советские войска в этих трех странах, по словам Горбачева, будут сокращены на 50 тыс. чел. Здесь есть какая-то несогласованность в цифрах: в 6 дивизиях, которые должны быть выведены, людей больше чем 50 тыс. Но если принять названную цифру, то сокращение советских войск составит 8,5% (общая оценка числа войск в ГДР, Венгрии и Чехословакии — 585 тыс.). С военной точки зрения это не изменит ситуации: у Варшавского договора в Европе имеется сейчас под ружьем 930 тыс. (будет 880), у НАТО — 550 тыс.

Объявлено о сокращении вооружений к востоку от Урала: артиллерийских систем — на 8,5 тысяч, боевых самолетов — на 800. Это означает сокращение примерно на 20 и 10% соответственно. Варшавский пакт все же сохранит после этого перевес в артиллерии 1:2,4, а в самолетах —

1:2,1. И все-таки это явно сигнализирует о смещении военной концепции в сторону оборонительной. Важно учесть еще и то, что боевые качества военной техники НАТО заметно лучше.

М. Горбачев заявил о выводе из трех восточноевропейских стран десантно-штурмовых и ряда других соединений и частей, включая десантно-переправочные. Цифр названо не было, но в целом сама инициатива также указывает на смещение советских приоритетов в сторону обороны. Сейчас, по имеющимся оценкам, Варшавский пакт имеет 2550 понтонных переправ против 454 у НАТО.

Общее сокращение состава советских вооруженных сил составит 500 тысяч. По оценкам экспертов, общая численность советских войск – 5,2 миллиона, включая около 1,5 млн. нестроевых. Так что сокращение, например, вспомогательного персонала на полмиллиона едва ли заметно отразится на боеспособности армии.

Таковы цифры. Но важно и другое. Если по обученности и, видимо, по моральному духу армий страны НАТО превосходят Варшавский пакт, то география – на стороне последнего. СССР – там, где он есть, а США – за океаном. Ввести в Европу назад выведенные силы в случае нужды легче, чем налаживать воздушный мост из-за океана.

Короче говоря, у Запада есть все основания, приветствуя объявленное сокращение вооружений, ожидать, что это лишь первый шаг, способный сдвинуть с мертвой точки переговоры о сокращении обычных вооружений, которые 23 страны, входящие в военные блоки, начнут весной 1989 г. в Вене.

Шаг М. Горбачева будет иметь и ряд других последствий. США, в частности, будет теперь труднее убедить своих союзников по НАТО модернизировать ракеты Lance с дальностью действия 130 км – США хотелось бы заменить их ракетами с дальностью действия до 480 км, которые вашингтонские соглашения разрешают. Наверняка усилится давление на правительство США со стороны его внутренних критиков, чтобы часть войск, расквартированных в Европе, была оттуда выведена.

Словом, речь М. Горбачева осложнила жизнь руководству НАТО. И все же оно скорее довольно происшедшим, чем проявляет тревогу. И понятно почему – сделан важный прогресс в деле установления доверия в Европе. А это то, к чему западные демократии всегда стремились, но едва ли могли всерьез ожидать от верных ленинцев – от Сталина до Андропова и Черненко. ●

ШПИОНАЖ И НОВОЕ МЫШЛЕНИЕ

Последние два года руководители американской контрразведки все более и более убеждались в том, что страны Варшавского договора каким-то образом получили доступ к высшим секретам НАТО. Было очевидно, что советские военные располагают мобилизационными планами НАТО на случай войны. Контрразведка США в сотрудничестве со своими коллегами в ФРГ начала тщательное и всестороннее расследование и наконец источник утечки секретной информации был обнаружен.

В первых числах сентября западногерманские власти арестовали отставного сержанта американской армии Клайда Ли Конрада, который был главой шпионской сети, снабжавшей советский блок секретами НАТО. Одновременно в Швеции в г. Гетеборге были арестованы братья Шандор и Имре Керчик, бывшие венгерские граждане, работавшие в Швеции врачами. Братья Керчик были курьерами Конрада. По делу Конрада арестован и ряд других лиц, в частности, еще один американский военнослужащий, будто бы завербованный Конрадом.

Клайд Конрад был служащим секретного архива в штабе 8-й пехотной дивизии США, расквартированной в Западной Германии. В его обязанности входили регистрация и хранение секретных и сверхсекретных документов, которые он в течение 10 лет копировал и передавал через братьев Керчик венгерской разведке. Конрад передал сотни документов, касающихся военных планов НАТО для Центральной Европы. В числе этих документов – генеральный план оборонительных действий 8-й дивизии на случай войны, а также подробные планы снабжения и путей обеспечения воинских частей, карты расположения противотанковых укреплений и ядерной артиллерии, схемы военных коммуникаций в Центральной Европе. Конрад передал на Восток буквально тома документов, в которых подробно изложены планы действий каждого воинского подразделения в случае войны.

Некоторые специалисты на Западе считают, что Конрад нанес огромный ущерб обороне НАТО, и склонны сравнивать его дело с делом шифровальщика американского военно-морского флота Джона Уокера. Уокер, арестованный в 1985 г., передал советской разведке секретные шифровальные коды, благодаря чему у американского военно-морского флота в конце 60-х – начале 70-х гг. попросту не было секретов от Советского Союза. "Дело Уокера" считается

самой успешной операцией советской разведки против вооруженных сил США.

Комментируя арест Конрада, бывший начальник генштаба армии США генерал Эдвард Мейер высказал мнение, что, располагая такой информацией о противнике, какую получил Советский Союз, можно вести войну с такой же легкостью, с какой в тире стреляют по неподвижным мишеням. Другие военные специалисты не склонны переоценивать ущерб, нанесенный деятельностью Конрада. Они считают, что в мирное время информация, переданная им, не столь важна, ибо оперативные планы армейских частей постоянно пересматриваются и в них вносятся существенные изменения.

Как бы то ни было, дело Конрада еще не закончено и очень многое в нем остается неясным. Неясно, например, как могло случиться, что в течение десяти лет Конрад передавал сверхсекретные документы в "товарном количестве" и не вызвал при этом никаких подозрений. Лишь после того, как переданная им информация стала играть заметную роль в советских военных планах, американская контрразведка приступила к поиску источника утечки. Неясно, каким образом и после ухода в отставку в 1985 г. Конрад продолжал получать секретные документы.

В 1985 г. под влиянием скандала, связанного с делом Уокера, Пентагон провел реорганизацию своих секретных служб, сократив число лиц, допущенных к военным секретам, с 4,1 миллиона до 2,8 миллиона человек. Но дело Конрада показало, что эта реорганизация не изменила положения дел настолько, чтобы можно было быстро и эффективно выявлять агентов вражеской разведки в рядах вооруженных сил.

Дело Конрада позволяет судить и о современном подходе ГРУ и КГБ к вербовке агентов. Если в прошлом агентов вербовали из числа людей, преданных идеям Маркса-Ленина и симпатизировавших первому в мире социалистическому государству, то сегодня идеализм не служит больше надежной основой для вербовки и не считается гарантией преданности агента. Маленький человек, держащий в руках большие секреты, – вот кто является нынче объектом пристального внимания вербовщиков. Старший измученный шифровальщик, армейский сержант из штаба дивизии, секретари и секретарши министров обороны, премьер-министров и президентов – те, кто получают скромные оклады, но жадны до больших денег – попадают обычно на удочку КГБ. Конрад, например, оклад которого составлял 19,5 тысяч долларов в год, получил за десять лет верной службы от своих хозяев 1,1 миллиона долларов.

Буквально в те же дни, когда в Западной Германии раскрыли шпионскую группу Конрада, во Франции разразился другой скандал, пожалуй, еще более грандиозный. На этот раз речь шла о промышленном шпионаже в пользу Советского Союза. Впрочем, этот скандал начался еще в апреле, когда офицеры французской службы безопасности арестовали коммерческого директора фирмы Forest-Liné Мишеля Лопухина. Лопухин был задержан на трапе самолета, направлявшегося в Москву, и обвинен в шпионаже в пользу Советского Союза. Через два дня после этого были арестованы и начальники Лопухина – глава фирмы Forest-Liné Поль Шамутон и Луи Тарди – президент головной компании Machines Francais Lourdes, в состав которой входит Forest-Liné. Арестованным грозит 20-летнее тюремное заключение.

В ходе расследования выяснилось, что фирма Forest-Liné, в число клиентов которой входят американские и французские авиационные заводы, производящие боевые истребители, в течение 15 лет нелегально продавала СССР десятки станков специального назначения. В середине 70-х гг. Forest-Liné поставила СССР, в обход закона, несколько сверхточных многоосевых фрезерных станков, которые позволили советской оборонной промышленности создать бесшумные пропеллеры для подводных лодок новой конструкции. Совсем недавно фирма продала Советскому Союзу оборудование, которое было использовано для производства крыльев сверхзвуковых истребителей МИГ. Следователи, ведущие дело фирмы, установили, что руководители фирмы подделывали документы, чтобы обойти закон, запрещающий экспорт военной технологии в страны восточного блока.

Афера Forest-Liné выплыла наружу в ходе расследования аналогичного дела по продаже Советскому Союзу оборудования высокой технологии. В 1987 г. Министерство обороны США возбудило дело против дочерней компании японской фирмы Toshiba, а американское правительство наложило санкции на эту гигантскую корпорацию в связи с поставками ею в СССР оборудования для производства подводных лодок. В ходе расследования руководители фирмы Toshiba заявили, что они начали поставлять свое оборудование в СССР после того, как обнаружили, что на верфях возле Ленинграда уже установлено аналогичное оборудование какой-то французской фирмы. Одновременно с этим норвежское правительство сообщило, что компания Kongsberg Vaapenfabrikk AS, замешанная в скандале с фирмой Toshiba, поставила в 1980 г. на ленинградские судостроительные компьютеры для

управления станками фирмы Forest-Liné. Когда же в марте в американское посольство в Париже явился один из служащих Forest-Liné и сообщил, что его фирма снабжает советскую космическую промышленность секретной технологией, помощник министра обороны США Стефен Брайан обратился к французскому правительству с просьбой начать расследование. Тогда-то и были арестованы Лопухин и его начальники.

Как и в случае с Конрадом, пока неясен размер ущерба, нанесенного фирмой Forest-Liné обороне Запада. Следователи подозревают, что фирма передавала СССР не только оборудование, но и военные и промышленные секреты. Известно, что незадолго до разоблачения руководители Forest-Liné вели переговоры о продаже СССР оборудования, используемого для производства новейшего французского боевого истребителя Rafal, разработкой которого занята фирма Dasso.

Реальное средство борьбы с промышленным шпионажем – это санкции, которые правительства США и других западных стран могут накладывать на компании, нарушающие экспортные правила. После того, как компания Toshiba подверглась санкциям со стороны США, серьезные корпорации вряд ли захотят оказаться в таком же положении. Афера Forest-Liné показывает, что для того, чтобы заполучить промышленные секреты или не подлежащее экспорту оборудование, советским охотникам за западной технологией достаточно иметь дело с маленькой, незаметной компанией, руководителей которой можно соблазнить особо выгодными заказами и большими прибылями.

Что же, казалось бы, все ясно, – Советскому Союзу весьма несложно добывать промышленные секреты, закупать оборудование высокой технологии и стратегическое сырье, запрещенные к экспорту в страны восточного блока.

В прошлом эта легкость толкала советское руководство на широкое использование шпионажа против Запада. Таким путем в СССР пытались исправить ошибки собственных военных и политических руководителей и компенсировать отставание отечественной науки и промышленности. Возможно, и сегодня у некоторых советских руководителей целесообразность шпионажа не вызывает сомнений. Однако в действительности шпионская "индустрия" не более эффективна, чем любая другая отрасль советской экономики.

Конечно, шпионаж – это древнее ремесло – не исчезнет, пока существуют государства и армии, пока вражда и противоборство будут определять международный климат. И тем не менее

перестройка советского общества в целом и новое мышление во внешней политике в частности требуют выработки нового подхода и к этой проблеме. Если советские руководители намерены добиваться сокращения вооружений и ослабления напряженности в мире, они не в последнюю очередь должны умерить ГРУ. Что же касается советского промышленного шпионажа, то, хотя кража технологических секретов иногда и помогала продвинуть разработку того или иного вида оружия, в целом промышленный шпионаж никогда не играл заметной роли в развитии советской промышленности. Мало украсть секретное оборудование, новую технологию или конструкцию. Их нужно внедрить в производство, а это для советской промышленности практически невозможно. Западная и советская технологии и промышленное производство принадлежат к разным техническим эпохам. Советская технология как в новых, так и в традиционных областях безнадежно устарела по сравнению с западной и практически несовместима с ней. Чтобы достичь уровня современной западной технологии, Советскому Союзу необходимо провести техническую революцию, перестроить инфраструктуру экономики, выработать новые общественные отношения, стимулирующие высокую производительность труда. Помочь в этом Советскому Союзу может не шпионаж, а широкое и всестороннее сотрудничество со странами Запада.

Кража промышленных секретов в прошлом способствовала отставанию отечественной науки и техники, препятствовала развитию новых идей, приводила к недооценке собственных талантов. Чрезвычайно важно, чтобы понимание этого стало частью нового мышления советского руководства. ●

⇒. φ.

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ПОЛЬСКАЯ ДИЛЕММА: МЕЖДУ ПАРТИЕЙ И "СОЛИДАРНОСТЬЮ"

Каждые семь-десять лет Польшу сотрясают всеобщие забастовки, массовые протесты, вызванные низким уровнем жизни, отсутствием подлинной демократии и унижительным положением страны в качестве советского сателлита.

В апреле и августе этого года, спустя семь лет

после массовых волнений 1980–1981 гг., по стране вновь прокатились волны забастовок. Бастовали рабочие судовой верфи имени Ленина в Гданьске, остановились сталелитейные заводы в Сталовой Воле, прекратили работу шахтеры угольных шахт Ястржебья, бастовали портовики и работники общественного транспорта в Щецине и многие другие рабочие коллективы в разных городах. Бастовали несмотря на то, что во главе страны все еще стоит генерал Войцех Ярузельский – тот самый генерал, который в декабре 1981 г. объявил в стране военное положение, арестовал десятки тысяч рабочих, профсоюзных активистов, диссидентов, поставил вне закона независимые профсоюзы “Солидарность” и “Сельская солидарность”, разогнал независимые творческие и молодежные организации, выслал из страны многих видных деятелей “польской весны” 1980 г.

И все же события повторились. Повторились потому, что правительство так и не решило ни одной из тех проблем, которые и были, собственно, причиной массовых волнений. Польская экономика находится на грани полного развала. Внешний долг составляет 40 миллиардов долларов, а две трети валютных поступлений страны идут только на то, чтобы погашать проценты по этому долгу. О модернизации производства, о закупках современного оборудования не может быть и речи. Заводы и шахты, с их устаревшим оборудованием и высоким удельным весом ручного труда, выглядят едва ли не как в XIX веке. Санитарные условия и охрана труда на польских предприятиях ниже всякой критики. Не лучше и жилищные условия рабочих. Заработная плата возмутительно низка. Согласно статистическим сводкам польского правительства, средняя зарплата заводского рабочего – 18–30 тысяч злотых в месяц, что по курсу черного рынка составляет 9–15 долларов!

Не кто иной, как сам генерал Ярузельский недавно признал, что “повседневная жизнь поляков стала не только тяжелой, но и унижительной”. Что ж, в данном случае с генералом нельзя не согласиться. Однако глава польского правительства не сказал, каким образом страна, патриотом которой он себя считает, дошла до такого состояния. Не сказал он и о том, каким образом отечественная экономика может выйти из паралича, как сделать жизнь поляков хоть сколько-нибудь обеспеченной и достойной, как вернуть уважение стране, которую сегодня называют не иначе как “нищенкой Европы”. Как и в дни народных волнений в 1970 и 1980 гг., польскую верхушку сегодня, похоже, волнует только одно – как обуздать недовольство народа,

прекратить забастовки, вернуть трудящихся к рабскому труду и заставить людей смириться с их жалким существованием.

На этот раз правительству не пришлось прибегать к силе – прекратить забастовки им помог лидер “Солидарности” Лех Валенса. Конечно, герой рабочего восстания в 1980 г., организовавший первый в коммунистическом блоке независимый профсоюз, арестованный, а затем выпущенный на свободу и ставший лауреатом Нобелевской премии мира 1983 г., все еще пользуется огромной популярностью в своей стране. И все же ему с трудом удалось уговорить забастовочный комитет судовой верфи в Гданьске прекратить забастовку в обмен на обещание властей начать переговоры о легализации профсоюза “Солидарность”. 15 членов комитета поддержали Валенсу, 12 человек высказались против прекращения забастовки, 10 – воздержались.

Рабочие в массе своей поддержали решение забастовочного комитета гданьской верфи им. Ленина. К концу августа волна забастовок, охватившая страну, начала спадать. И все же настроение в рабочей среде далеко от оптимизма. Многие рабочие недоумевают и критикуют Валенсу за то, что он пошел на прекращение забастовки без твердых гарантий со стороны властей. Кроме того, за прошедшие семь-восемь лет в рабочую среду влилось много молодежи. Эти молодые, воинственно настроенные рабочие по существу и были зачинщиками апрельских и августовских забастовок. Они, в отличие от своих старших товарищей, не были свидетелями кровавых расправ властей с рабочими в 1970 г., не испытали того драматического напряжения в 1981 г., когда со дня на день ожидалась советская интервенция и вероятность повторения кровавых событий была очень велика. “Молодые дикари” – так зовут в народе молодых забастовщиков – не очень-то боятся военных, но их и не гипнотизирует героический ореол Леха Валенсы. Их трудно воодушевить воспоминаниями о победе рабочих в 1980 г. Молодые хотят реальных перемен, немедленного улучшения условий жизни и труда, а не просто легализации “Солидарности”. Именно поэтому они и были недовольны решением прекратить забастовки.

Что толкнуло Валенсу рискнуть доверием рабочих – единственной реальной опорой, которой он располагает? По-видимому, прежде всего сознание того, что “Солидарность” теряет поддержку населения, что теперь это уже далеко не то массовое движение, которое в 1980 г. насчитывало 10 миллионов человек. Сегодня число активистов движения резко сократилось, а о внутреннем единстве не приходится и говорить.

Хотя все в Польше признают, что "Солидарность" и ее лидер для среднего поляка имеют глубоко символическое значение, тем не менее еще четыре месяца назад многие ведущие польские диссиденты чрезвычайно низко оценивали шансы "Солидарности" вновь занять ведущее место в общественной жизни страны. Судя по неофициальным опросам, "Солидарность" оказалась на последнем месте среди оппозиционных организаций, претендовавших на то, чтобы возглавить новый подъем движения за обновление страны. Так что когда Лех Валенса был приглашен на виллу министра внутренних дел генерала Чеслава Кишцака, он увидел в диалоге с властями шанс для "Солидарности". После 11-часовых переговоров Валенса и Кишчак пришли к соглашению. Валенса обязался содействовать прекращению забастовки, которая к тому времени продолжалась уже 19 дней, в обмен на это Кишчак заверил Валенсу, что власти готовы пойти на прямые переговоры с лидерами "Солидарности", и назначил время переговоров – середину октября.

Чем руководствовались власти, начав переговоры с Валенсой, совершенно ясно, как ясно и то, что они-таки добились своей ближайшей цели. Что же касается желания Валенсы и его соратников вернуть "Солидарности" былую политическую роль, то они ничуть не продвинулись в этом направлении. Наоборот, их ждало разочарование.

Первый удар Валенсе был нанесен в середине октября, когда власти под разными предлогами сорвали встречу с лидерами "Солидарности". Но главное, как видно, еще впереди. Генерал Ярузельский и его окружение воспользовались передышкой, чтобы "перестроить ряды". Правда, ход, который они предприняли, выглядит на первый взгляд тривиальным – ЦК ПОРП объявил об уходе в отставку премьер-министра Збигнева Месснера и о назначении на его место Мечислава Раковского. И все же решение это не совсем обычное и может иметь серьезные последствия для страны.

Новый премьер-министр Польши Раковский – фигура крайне противоречивая. Когда-то он был редактором прогрессивного еженедельника "Политика", слыл либералом и противником партийных догматиков. В глазах "твердолобов" в польском руководстве он и по сей день продолжает оставаться опасным интеллектуалом. Либеральные же круги и, тем более, инакомыслящая интеллигенция не могут ему простить поддержки военного положения и нападок на "Солидарность". Однако Раковский – гибкий и смелый политик, который, безусловно, пойдет на риск, ибо понимает, что в противном случае ему,

как и его предшественнику, придется уйти со сцены. К тому же Раковский хорошо знает настроение в стране. Он – единственный человек в польском руководстве, у которого большой опыт общения с оппозицией. Ведь именно он вел переговоры с лидерами "Солидарности" в 1980–81 гг.

Первые шаги правительства Раковского говорят о том, что новый кабинет ищет популярности у населения. В последние дни октября было объявлено о повышении пенсий престарелым, об отмене обременительной для крестьян системы рационирования угля, о разрешении частному сектору производить мясные продукты, об облегчении процедуры выезда за границу. По замыслу властей, росту популярности правительства должен содействовать и визит премьер-министра Великобритании Маргарет Тэтчер, в программу которого, между прочим, входит встреча с Л.Валенсой и возложение венка к памятнику жертвам рабочих волнений на гданьской судовой верфи.

Но не успело население насладиться приятным, как ему пригрозили клумом. 31 октября правительство заявило, что с 1 декабря оно закрывает судовой верфь им. Ленина в Гданьске "как нерентабельную". Решение это вызвало смутные в рабочих рядах и недоумение экономистов и тех, кто следит за положением дел в Польше. С одной стороны, гданьская судовой верфь, существующая уже добрую сотню лет, – предприятие действительно убыточное. В 1987 г. убытки судовой верфи составили 6,5 миллионов долларов. Однако эти потери меньше, чем на судовой верфи имени Парижской Коммуны в Гдыне да и на многих других предприятиях. Экономические отчеты польского правительства показывают, что самыми нерентабельными, поглощающими самые большие субсидии являются сталелитейные заводы. А уж если говорить о гданьской верфи, то официальный журнал "Ринки Заграничны" писал еще в начале этого года, что судовой верфь им. Ленина в Гданьске – одно из наиболее преуспевающих предприятий польской промышленности, где в текущем году планируется построить 11 новых судов. Тем не менее Раковский заявил, что решение закрыть судовой верфь продиктовано чисто экономическими соображениями, а новый министр промышленности Мечислав Вильчек объявил о намерении закрыть еще 150 нерентабельных предприятий.

Однако лидеры "Солидарности" считают, что решение правительства носит исключительно политический характер. Л.Валенса назвал его "личной провокацией премьер-министра Раковского против того места, где родилась "Солидар-

ность". Что ж, для такого суждения есть основания. Судоверфь в Гданьске с ее 9 тысячами рабочих снова стала эпицентром антиправительственных забастовок в апреле и августе. Фотографии главных ворот судоверфи обошли все газеты мира и стали символом польского рабочего сопротивления и массового движения "Солидарность". Здесь, у ворот судоверфи, в 1970 г. была пролита кровь рабочих-забастовщиков. Память об этом – незаживающая рана польского общества. Так что желание властей навсегда ликвидировать этот опасный очаг сопротивления понятно. Непонятно другое – является ли ликвидация нерентабельных предприятий той новой идеей, тем планом оздоровления экономики, который взял на вооружение кабинет Раковского. Если это так, то правительству придется ликвидировать большую часть промышленных, сельскохозяйственных, транспортных и других предприятий – ведь в Польше нерентабельна большая часть хозяйства страны!

Итак, первые шаги нового правительства свидетельствуют об отсутствии у него новых идей, комплексного плана перестройки экономики. С другой стороны, эти шаги говорят о том, что правительство готово к рискованным маневрам, способным накалить страсти и вызвать новую волну массовых протестов.

Не менее печален и тот факт, что новых идей и цельной экономической программы нет и у "Солидарности". Молодые рабочие, оставившие Валенсу в дни августовских забастовок, задавали ему вопрос: "А что будет после того, как "Солидарность" легализуют?". Это и есть главный, фундаментальный вопрос в сегодняшней Польше. Валенса не смог ответить на него сколько-нибудь вразумительно, как не могут ответить и представители правого и левого крыла в руководстве "Солидарности". Нет ответа на этот вопрос и у интеллектуалов из "мозгового центра" "Солидарности". Удивляться этому не приходится. "Солидарность" уже была легальной организацией. Ее влияние и могущество были столь велики, что правительство Станислава Кани, а главное, руководство в Кремле, в какой-то момент, казалось, были склонны смириться с перераспределением власти и влияния в Польше, оставив за ПОРП внешнюю политику и оборону и отдав экономике на откуп "Солидарности", а идеологию – католической церкви. Но "Солидарность" не сумела воспользоваться представившимися ей возможностями. За 16 месяцев легального существования этого массового объединения трудящихся никаких сдвигов в хозяйственном развитии страны, никаких улучшений жизни поляков не произошло. Само по себе это

понятно: сдвиги требуют времени. Но не было даже выдвинуто никаких серьезных проектов реформ, не говоря уж о их проведении в жизнь. Не приходится и говорить о разработке комплексной программы перестройки всей экономики страны, наподобие той, что разработал один из лидеров "Пражской весны" Отто Шик. Все это время ушло на риторику, на разрешение внутренних споров. Из организации трудящихся "Солидарность" все больше и больше превращалась в политическую партию, постоянно росли политические аппетиты ее лидеров. Ничуть не преуспев в своем прямом деле – обновлении экономики и улучшении условий жизни трудящихся, "Солидарность" постоянно усиливала давление на правительство, требуя все больше и больше политической власти. Именно это и явилось одной из главных причин ее краха в начале 80-х, а вместе с этим – и краха надежд поляков на перемены к лучшему.

И сегодня одна из главных проблем Польши состоит в том, что все те, кто претендует на роль ее спасителей, в самом деле не знают, как спасти страну от крушения. ●

АЛЖИР НА ПОРОГЕ КАТАСТРОФЫ

Беспорядки начались в столице страны 5 октября, когда обитатели беднейшего квартала Баб-эль-Уэд ринулись в центр города, громя по дороге государственные учреждения, магазины, отели и конторы авиакомпаний. Восставшие, основную массу которых составляли молодые люди и совсем подростки, переворачивали автобусы и автомобили, блокировали улицы, жгли автомобильные покрывшки. Уже на следующий день беспорядки распространились по всему средиземноморскому побережью Алжира – от Орана на западе до Аннабы на востоке.

Расправа властей с населением была решительной и жестокой. По всей стране было объявлено военное положение, в городах введен комендантский час, отменены занятия в школах и университетах. В столицу и другие города были введены войска, улицы патрулировались танками, силы безопасности оцепляли отдельные кварталы и открывали огонь прямо по толпе. По свидетельствам очевидцев, погибло не меньше 500 человек, хотя официальные источники гово-

рят о 200 убитых. О количестве раненых не сообщалось, но предполагают, что их несколько тысяч.

10 октября войскам удалось остановить, точнее утопить в крови, народное восстание. Вытеснив толпы с улиц, солдаты принялись заматывать следы событий: тела убитых были свезены в морт, раненых отправили в госпитали. Днем и ночью военные грузовики вывозили остатки сгоревших машин, битое стекло и сожженные покрышки. Хаос был остановлен, и Алжир погрузился в прежнюю атмосферу угрюмого ожидания и подозрительности. Основным свидетельством необычности происходящего в те дни были полные товаров магазины и отсутствие очередей: перепуганные власти "выбросили" в торговую сеть запасы продовольствия в надежде на то, что сытые желудки удержат людей по домам. Как только волнения улеглись, президент Алжира Шадли Бенджедид обратился к населению по телевидению, обещая провести реформы, "отвечающие требованиям народа". Через два дня он вновь появился на экранах телевизоров, обещая на этот раз провести всенародный референдум по поводу предлагаемых реформ.

Итак, порядок в стране удалось восстановить. Но чем же были вызваны столь яростные протесты населения?

Алжир – североафриканская страна с населением 25 миллионов человек. Площадь ее превышает 2200 кв. км. Хотя большую часть территории страны занимают пустынные равнины Сахары, приморский Алжир – богатая страна с прекрасным климатом, пышной растительностью, с большими городами и развитой сетью дорог. В недалеком прошлом, будучи французской колонией, Алжир производил и экспортировал замечательные вина и оливковое масло, фрукты и шерсть, железную руду и фосфаты. Геополитическое положение страны исключительно выгодно. Во-первых, Алжир – арабское государство, и позиция его в арабском мире чрезвычайно сильны. Во-вторых, у Алжира особые отношения с бывшей метрополией – Францией и тесные экономические связи с европейским Общим рынком. В-третьих, Алжир – африканская страна, к тому же одна из ведущих стран – участниц Движения неприсоединившихся.

Повезло Алжиру и в другом – он обладает несметными богатствами: нефтью и газом. Экспорт "черного золота" приносит миллиардные доходы, а членство в ОПЕК, нефтяном клубе, диктующем миру цены на жидкое топливо, – немалые политические дивиденды. Казалось бы, налицо все компоненты, необходимые для того, чтобы сделать Алжир одним из самых богатых

и передовых государств мира и обеспечить его населению высокий уровень жизни и социальный прогресс, стимулировать развитие культуры, науки и пр.

Как же обстоит дело в действительности?

"Возьмите экономический застой в восточноевропейской стране, смешайте его с сокращающимися доходами нефтедобывающей страны и с темпами роста населения в Африке, добавьте к этому голод – и вы получите Алжир", – так описывает реальное положение дел в стране британский еженедельник "Economist". Почему же потенциально богатая и благополучная страна оказалась на пороге катастрофы?

26 лет назад, после продолжительной и кровавой войны Алжир стал независимым государством. Хотя освобождать страну было уже не от кого, партия Фронт Национального Освобождения (ФНО) отнюдь не заявила о самороспуске, но, напротив, взяла бразды правления в свои руки. Конечно, ФНО была не единственной силой, принимавшей участие в борьбе за независимость. Но, действуя по примеру коммунистических партий в восточноевропейских странах, марксистско-ленинский ФНО решительно отстранил бывших союзников по борьбе и объявил себя единственной законной партией в стране. Все остальные политические партии и организации были разгромлены и запрещены, а любой иной путь развития, кроме построения социализма, объявлен "антинародным". Марксистско-ленинская программа ФНО стала платформой развития страны. В соответствии с этой программой, банки, крупные и средние предприятия и земельные наделы, внешняя и отчасти внутренняя торговля, транспорт и связь были национализированы, введено жесткое централизованное планирование и правительственное управление экономической страны. Капитализм, а точнее – экономическая база, доставшаяся стране от колониальных времен, подлежала уничтожению. Изменилась и внешнеполитическая ориентация страны. В первые же годы независимости Алжир превратился не только в ярого приверженца социалистического пути развития, но и в одного из самых надежных союзников и проводников советского влияния в Средиземноморье, Африке, в странах арабского и вообще Третьего мира.

Все это произошло в значительной мере благодаря военной, политической и финансовой помощи, которую СССР начал оказывать партии ФНО еще задолго до того, как Алжир получил независимость. Придя к власти, ФНО, как видно, оправдала возлагавшиеся на нее надежды. Н.Хрущев был настолько доволен новым алжирским руководством, что не только никогда не

отказывал ему в поставках оружия, в дипломатической и экономической поддержке, но даже присвоил первому президенту Алжира Ахмеду Бен Белле звание Героя Советского Союза!

Надо все же отдать должное Бен Белле: в некоторых вопросах внутренней и внешней политики он пытался проводить умеренный курс. Эти попытки стоили ему президентства. В 1965 г. представители наиболее радикального крыла ФНО сместили его, посадив в кресло президента своего ставленника Хуари Бумедьена, который уже не колебался в проведении крайнего курса – как в экономике, так и во внутренней и внешней политике. За годы правления Бумедьена в стране был создан грандиозный государственный аппарат управления экономикой, многочисленные, часто дублировавшие друг друга, гражданские службы. Создавался и постоянно расширялся государственный сектор промышленности, хотя большинство государственных предприятий так никогда и не стали рентабельными. Крестьянский труд оплачивался плохо (и в этой средиземноморской стране марксистские руководители тоже недолюбливают крестьянина – природного собственника!), так что процветавшее в прошлом сельское хозяйство хирело, и Алжир превратился из экспортера сельскохозяйственной продукции в импортера (в настоящее время страна импортирует 600 наименований различных пищевых продуктов).

Что касается финансовой политики, то правительство искусственно поддерживало высокий курс динара, цена которого на черном рынке была в три раза ниже официальной. "Сильная" национальная валюта стимулировала импорт, удерживая низкие цены на импортируемые товары, и буквально подавляла экспорт (за исключением нефти и газа) и развитие туризма. Разумеется, все прорехи экономики – затраты на содержание армии служащих, субсидирование убыточных государственных предприятий и поддержка завышенного курса динара – латались из государственной казны.

Огромных затрат стоил и стоит внешнеполитический курс страны, направленный на поддержку так называемых освободительных движений и революционных войн, где бы они ни происходили. Не будучи непосредственно причастен к арабско-израильскому конфликту, Алжир тем не менее занял активную воинственную позицию, выступая в роли покровителя наиболее экстремистских элементов в Организации Освобождения Палестины, блокируя любые начинания, направленные на мирное решение проблемы. В отличие от соседних Туниса и Марокко, занимающих относительно умеренную позицию в

этом конфликте и косвенно способствующих сближению враждующих сторон, Алжир порвал дипломатические отношения с Египтом, когда тот установил мир с Израилем, и выступает против проведения международной конференции по урегулированию ближневосточной проблемы. Алжир вместе с Сирией и Ливией образовал так называемый "Фронт отказа" – коалицию государств, отрицающих право государства Израиль на существование. Сколь далеко готовы были зайти алжирские руководители в своем экстремизме, свидетельствует тот факт, что они сделали страну союзницей многих актов воздушного пиратства. С именем Алжира связан первый случай такого рода – именно сюда в 1968 г. был угнан израильский гражданский самолет. Да и в дальнейшем Алжир не раз давал прибежище и оказывал поддержку воздушным террористам.

Не менее непримиримую позицию заняли алжирские руководители и в другом международном конфликте, связанном с дележом испанского наследства, а именно – с Испанской Сахарой. На Испанскую Сахару всегда претендовало Марокко, считающее ее частью своей территории. Алжир же стремился прибрать к рукам бывшую испанскую колонию путем создания на ее территории якобы суверенного, но фактически полностью зависимого от него государства. С помощью Алжира в Испанской Сахаре были сформированы повстанческие отряды, возглавляемые Фронтом Полисаро – партией, во многом очень близкой ФНО. Бойцы Полисаро, вооруженные и обученные в Алжире, сначала вели борьбу против испанской колониальной администрации. Но в 1975 г. Испания отказалась от притязаний на эту колонию, и территория Испанской Сахары перешла до 1989 г. под управление Марокко. В 1989 г., согласно решению ООН, в Испанской Сахаре будет проведен референдум, на котором население должно решить, останется ли страна в составе Марокко или станет независимым государством. Казалось бы, решение найдено. Но вместо того, чтобы способствовать его воплощению в жизнь, Алжир принялся подстрекать Полисаро и помогать его вооруженным отрядам в борьбе против Марокко. Трудно сказать, во что обходится алжирской казне эта явно обреченная на провал авантюра.

А между тем в стране назревала новая проблема. Высокий прирост населения – 3,3% в год – привел к тому, что за последние четверть века население страны удвоилось и достигло 25 миллионов человек. Столь быстрый рост населения заставлял правительство тратить огромные средства на создание новых рабочих мест, строительство жилья, развитие сети социальных служб,

В 70-х гг. остроту проблем сглаживал нефтяной бум. Многомиллиардные доходы от продажи нефти и газа, составлявших 98% экспорта, позволяли "затыкать дыры" в экономике и оплачивать внешнеполитические авантюры. Но нефтяной бум кончился, цены на жидкое топливо упали, доходы резко сократились. Так, если в 1985 г. Алжир получил от продажи нефти и газа 13 миллиардов долларов, то в 1988 г. его доходы составили всего лишь 8 миллиардов. При этом Алжир выплачивает 22-миллиардный внешний долг; платежи составляют 5 миллиардов в год. Алжирские руководители не сделали даже попытки договориться об облегчении условий выплаты займов, предпочитая переложить бремя долгов на плечи собственного народа, но ни в коем случае не "унизиться" перед кредиторами. Итак, количество нефтедолларов сократилось, в то время как число и острота проблем отнюдь не уменьшились. Алжир оказался на пороге кризиса.

Нельзя сказать, что руководители страны не дают себе отчета в создавшемся положении. Попытки как-то изменить положение начались еще 3-4 года назад с... сокращения правительственных ассигнований на жилищное строительство и социальное обслуживание населения. Уменьшились капиталовложения в государственную промышленность. Предпринимались попытки реорганизовать крупные государственные компании, причем была облегчена процедура увольнения работников. В последнее время начали поощряться частные капиталовложения, открылись некоторые возможности для частных предпринимателей в области внешней торговли. В этом году правительство наконец решилось девальвировать динар на 22%.

Увы, как показывает опыт Советского Союза и других социалистических стран, политика мелких, ограниченных реформ не может вылечить экономику страны, коль скоро она страдает от централизованного планирования и жесткого административного управления. Более того, многие экономисты утверждали, что частичные реформы в сторону либерализации, скорее всего, лишь усугубят проблемы Алжира. Так оно и случилось. Даже робкие попытки навести порядок в хозяйстве и хоть немного экономить уже привели к плачевным результатам. Количество безработных резко возросло и составило 40% всей рабочей силы в стране. Особенно сильно страдает от безработицы молодежь. Половина алжирцев от 20 до 24 лет не имеет работы. И это в стране, где каждый год на рынок труда выходит еще 170 тысяч молодых людей!

В январе 1987 г. правительство объявило о

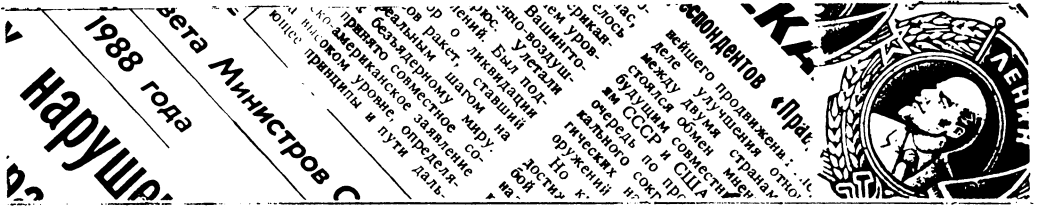
снятии субсидий на продукты питания, и цены на них немедленно подскочили на 40%. Не приходится удивляться, что по стране прокатилась волна забастовок: бастовали почтовые служащие и водители грузовиков, работники национальной авиакомпании и государственных электростанций. При этом не следует забывать, что забастовки в обстановке тотального контроля со стороны тайной полиции дело отнюдь не простое и очень небезопасное. Но как бы ни был велик страх населения перед властями, объявление об установлении еще более строгого режима экономии, которое правительство сделало в первых числах октября нынешнего года, стало той последней каплей, которая переполнила чашу терпения обитателей трущоб.

Однако даже ограниченные реформы, объявленные президентом Бенджедидом, встретили сопротивление со стороны радикального крыла ФНО. "Твердолобые" в партии демонстрируют свою несгибаемость и критикуют президента за "возврат к капитализму", за то, что он "бросил на произвол судьбы" партизан фронта Полисарио и смягчил свою позицию в отношении международной конференции по Ближнему Востоку. Именно противодействие радикалов и вынудило Бенджедиду прибегнуть к всенародному референдуму.

3 ноября референдум состоялся. Прошел он без эксцессов, и подавляющее большинство населения одобрило программу реформ из 14 пунктов, предусматривающую, в частности, ответственность премьер-министра перед Национальным Собранием (а не перед Центральным Комитетом ФНО, как раньше). Что ж, президент получил карт-бланш от народа, и его оппоненты вынуждены, во всяком случае на время, отступить. Вопрос, однако, состоит в том, как президент воспользуется мандатом народа. Если он всерьез считает, что его куца программа реформ в состоянии решить главные проблемы страны: массовую безработицу, острейшую нехватку продуктов питания и жилья и многое другое, то он глубоко ошибается. Но если эти проблемы не будут решены в ближайшее время, страну ожидают серьезные социальные и политические потрясения. Никто не сомневается, что народный мятеж может повториться и принять еще более широкий и острый характер. Это вполне возможно, ибо существует реальная сила, способная организовать и направить народный гнев. Эта сила — исламские фундаменталисты. Заблуждается тот, кто думает, что в социалистическом Алжире исламская революция невозможна. Ее первая репетиция состоялась в октябре.

Комментирует Р. БАХТАМОВ

Т Е М А: ПРЕСТОЛОНАСЛЕДИЕ В СССР

СКАЗАНИЕ О ДЕМИУРГАХ

Поводом к этим заметкам послужили известные события конца сентября – начала октября. Падкая на сенсации буржуазная пресса сообщала тогда леденящие душу подробности. Части Московского военного округа приведены в боевую готовность... Усилена охрана ключевых объектов... Над городом замечен вертолет...

События и в самом деле впечатляющие. В рекордно короткий срок были перетасованы все высшие органы власти: Политбюро, секретариат ЦК, президиумы Верховного Совета СССР и РСФСР, советы министров. Главный Идеолог страны стал Главным Аграрием, так сказать Чайновым нашей эпохи; Главный Чекист – советским Монтестье; Генеральный секретарь – президентом; влиятельные члены и кандидаты Политбюро – пенсионерами союзного значения. По данным иностранных информационных агентств, все эти метаморфозы, на которые иным странам потребовались бы годы, заняли у нас чуть больше двух часов (пленум ЦК – час; сессия Верховного Совета СССР – 45 минут; сессия Верховного Совета РСФСР – полчаса). Немудрено, что людям, не привыкшим к таким темпам перестройки, начали мерещиться вертолеты.

События эти можно рассматривать в двух планах. Первый (в духе незабвенных "Тайн мадридского двора") предполагает глубочайшее знание кремлевской кухни: кто стоял справа от Михаила Сергеевича на приеме 16 марта 1986 года, в каких отношениях Раиса Максимовна находилась с племянницей Добрынина, по чьему наущению "Правда" в начале сентября предоставила товарищу Чебрикову возможность высказаться на актуальную тему: "Перестройка и работа чекистов".

Второй подход столь глубокой эрудиции не требует. Он исходит из того, что данное событие (как и многие другие такого же рода) можно рассматривать как пример работы того загадочного механизма, каким является в СССР механизм власти.

Об этом главном механизме мы знаем поразительно мало. Например, до сих пор неизвестно, кто принял решение об оккупации Афганистана и кто – о ставках налога на кооперативы. Но особенно густой завесой тайны окружен кадровый вопрос. Как работает этот механизм в стационарном режиме при наличии всей пирамиды власти во главе с вождем? А как функционирует он в экстремальной ситуации, – когда пирамида лишается своей вершины и прежнего вождя предстоит заменить другим? Короче, каков при социализме механизм престолонаследия в самом широком смысле слова: от возведения на престол самого Вождя до замещения всех прочих вакансий?

ГЛАВА I. ТЕОРИЯ.....

Человечеству известно всего два способа формирования органов власти: *снизу*, путем выборов, и *сверху*, назначением. На практике оба способа сочетаются. Законодательные и судебные органы обычно формируются в результате выборов; в системе же исполнительной власти преобладает принцип назначения.

Февральская революция сломала старую государственную машину. Среди многих обвинений, которые предъявляли царизму буквально все его противники — от кадетов до большевиков, одним из главных был абсолютизм режима. Важно было даже не то, что во главе государства стоял царь — правитель наследственный. Важно, что царь обладал *неограниченной* властью. Именно он в конечном счете устанавливал законы, назначал на должности, определял политику, решал вопросы войны и мира.

Большевикам, пришедшим к власти в октябре, предстояло создать систему, принципиально отличающуюся от прежней. Отличающуюся прежде всего распределением власти. Лозунг о кухарке, которой надлежит отныне управлять государством, был вполне в духе времени.

В самом деле. Впечатление первых лет революции: все должности стали выборными. Выбирали главу совнаркома и главу уездного совета, председателя домового комитета и коммуны. Однако — странное дело — уже тогда среди избранных на сколько-нибудь заметные посты не было ни одной кухарки. Зато постоянно встречаются знакомые имена: Ленин, Троцкий, Свердлов, Каменев, Зиновьев... Говоря о кухарке, я имею в виду не социальное положение (по этому признаку многие избранные не слишком отличались от кухарки), характерно другое: участники всех этих, неконтролируемых, собраний, съездов Советов, заседаний, митингов с редким единодушием избирали на руководящие посты вождей "старой большевистской гвардии"!

Поразительно, но та же линия господствует и в самой партии, среди *своих*. Даже в тех несчастных случаях, когда выдвижение на руководящую должность в партии носит форму выборов, всем ясно, что это *инсценировка*. Вопрос решают Ленин и несколько его ближайших соратников: сначала на уровне ЦК, а потом даже Политбюро. До революции эта система "кооптации" объяснялась особыми условиями подполья, позднее — чрезвычайными обстоятельствами революции и гражданской войны. Однако война кончилась, а практика осталась. В конце концов сам Ленин выразил осторожное беспокойство по поводу *выборов сверху* и заметил, что систему надо бы изменить. Почему-то за почти полных 70 лет ни один из продолжателей ленинского дела не вспомнил этой цитаты...

Легче всего с печалью констатировать, что абсолютизм в России сохранился, лишь место монарха занял партийный вождь. Но такая констатация стоит недорого, ибо не учитывает принципиального различия между властью в условиях абсолютизма и тоталитарного строя. Власть царя и всех его чиновников только казалась абсолютной. В действительности она была ограничена и *вширь*, и *вглубь*. *Вширь* — потому, что она не распространялась на целые пласты жизни: частное хозяйство, торговлю, местное самоуправление, науку, культуру, личные дела. *Вглубь* — ибо существовали Государственная дума, суд присяжных, независимые газеты, наконец, общественное мнение, с которым царь не мог не считаться. Среди тех, кто в царской России занимал ведущие посты в центре и на периферии, встречались разные люди. Однако в XX веке мы не найдем среди них палачей типа Ежова и Берии, проходимцев и взяточников вроде Рашидова или Кунаева, людей, не имевших представления о той сфере жизни, которой им доверено командовать. И политика массовых репрессий в условиях царизма была невозможна: она встретила бы массовое сопротивление в самых разных слоях общества.

Октябрьская революция изменила *самую природу* власти. Прежде всего, сама эта власть распространилась на все пласты жизни, стала *всеохватывающей*. Во-вторых, изменилась система связей – вертикальных и горизонтальных. По вертикали каждый партийный руководитель оказался звеном в абсолютно жесткой цепи. Его назначение, благополучие, карьера, сама жизнь оказались в руках руководителя более высокого ранга. В свою очередь он обрел такую же власть над нижестоящими. Что касается горизонтальных связей, они тоже стали односторонними. Все иные руководители данного уровня (советские, хозяйственные, комсомольские, профсоюзные и пр.) стали целиком зависеть от партийного вождя, тогда как он (по крайней мере теоретически) от них не зависел. Ничего подобного Россия не знала, пожалуй, со времен татарского ига.

Все последствия *такой системы отношений* нам еще только предстоит осмыслить. Задача, как сказал бы Владимир Ильич, архитрудная. Уже хотя бы потому, что мы привыкли к этому порядку вещей и считаем его столь же естественным, как восход солнца утром или смена времен года. Никого, в общем-то, не удивляет, что Жданов учил Шостаковича играть на фортепьянах, а Ахматову – писать стихи. Скажете – это в прошлом?

Ну, нет. Читаем: "Ушел человек на пенсию. И этот уход не остался незамеченным. Его здесь давно ждали, многие – с откровенным нетерпением. Ибо речь – о человеке особом. А точнее – о человеке, занимавшем особый пост... Какое наследство оставил он своему преемнику и всем рядовым гражданам? Пустые прилавки продмагов, холод в домах зимой, разваленное строительство... город – на грани энергетической катастрофы".

О ком это? О наместнике Бога на земле? О современном Геракле? О диктаторе африканской страны? Нет. Всего лишь о бывшем первом секретаре Новосибирского обкома. Оказывается, это он, Александр Павлович Филатов, совершил невероятное: очистил прилавки, выдул тепло, развалил строительство, поставил самый крупный за Уралом город на грань катастрофы.

Разумеется, с автором очерка, напечатанного в "Правде" 11 октября сего года, можно поспорить. Виноват, дескать, не человек, а система. Но не слишком ли узко мы понимаем систему, сводя ее только к экономике? А разве ситуация, при которой один человек, будь он хоть трижды секретарь обкома, способен совершить такие подвиги, – разве это не важнейший *характеристический* элемент системы?

Недавно Юрий Поляков писал в "Литературной газете": "Вы когда-нибудь видели, скажем, в обкоме партии портреты первых секретарей, допустим, за последние пятьдесят лет? Чтобы висели в хронологическом порядке, с указанием заслуг и промахов. Если снят – за что? Если повышен – почему? Лично я таких галерей ни в обкомах, ни в горкомах, ни в райкомах не видел. Может быть, боимся: вывесим их всех рядком-ладком и получится что-то вроде истории города Глупова..."

Спорить с этим трудно. И дело не только в том, что природа лепит партийных вождей из какого-то особого материала (хотя это тоже факт), одновременно и абсолютно пластичного, до полной утраты формы – в отношениях с вышестоящими, и необычайно жесткого, прямо-таки гранитной пробы, – когда эта фигура оборачивается к нижестоящим. Дело еще и в самом механизме восшествия на должность и правилах функционирования в оной.

Когда в 1971 г. первым секретарем ЦК компартии Азербайджана был назначен председатель местного КГБ Гейдар Алиев, начался процесс стремительной смены кадров. В этом была своя логика: почти про каждого руководителя республиканского, областного, районного масштаба можно было, не слишком рискуя ошибиться, сказать, что он – взяточник. Впрочем, это как раз мелочь. Главное, что новому вождю были нужны *свои* люди. Естественно, что черпал он их из собственного источника – родного КГБ. Новые руководители с замечательной быстротой

освоили главную заповедь — "Бери и давай", но так и не научились отличать рожь от пшеницы, а астрофизику от метафизики. Именно поэтому убедить их в чем-либо было невозможно: перед тобой вставал гранитный лик.

Национальная специфика? Не похоже. "Есть, знаете, у назначенных, — писала в октябре "Литературная газета", — такая манера: привести с собой "команду". "Команда" не обязательно должна быть большой — достаточно заполнить ключевые посты в области своими людьми. Тогда получишь опору, свободу действий".

Из кого формируется эта "команда"? Понятно, не из специалистов, эрудитов, выдающихся организаторов. Само собой разумеется, что всеми этими качествами "первый" обладает в избытке: соперники и оппоненты ему не нужны. И даже не исполнители ему требуются, а свои, надежные, проверенные люди. Потому что для настоящего вождя руководство областью — забота второстепенная, а главная — борьба за власть: за сохранение с бою добытого места и за продвижение на следующее, оно ведь тоже без боя не дается.

И вождь прав, ибо знает, что продвижение зависит не от успехов на вверенном ему участке, а от совсем иных вещей. При том же Гейдаре Алиеве небогатые полки бакинских магазинов опустели окончательно. В результате виновник был наказан званием Героя Социалистического Труда и кандидата в члены Политбюро (при Брежнев), стал членом Политбюро и первым заместителем председателя Совета Министров СССР (при Андропове), курировал важнейшие отрасли промышленности (при Горбачеве), а затем благополучно ушел на пенсию.

Noblesse oblige. Положение *промежуточного звена* в цепи партийной иерархии обязывает руководителя ко многому. Прежде всего — к умению мгновенно усваивать вышестоящую идею как собственную и проводить ее в жизнь, не считаясь с последствиями, действительностью, здравым смыслом. Подобная роль не просто предполагает, но *требует* определенных человеческих качеств: неспособности мыслить, невежества, презрения к реальности.

Правила *отбора* действуют на всех уровнях и тем сильнее, чем уровень выше. В заметках, опубликованных "Правдой", член-корреспондент АН СССР Николай Федоренко так оценивает ближайшее сталинское окружение: "Беспристрастно и непредвзято наблюдал я эти персонажи высшей номенклатуры, всматривался в них вблизи и с дистанции. На сеансе, который длился не один год... Достаточно было уже одного того, что выступали они, как правило, с бумажкой, читая чужие писания, притом не без труда, нередко игнорируя всякие правила грамматики и знаки препинания... Стыдно было каждый раз, когда в беседе с иностранными друзьями некоторые из номенклатурной элиты проявляли такое невежество, которое переводить было просто позорно".

Мне снова скажут: так было. Почему же? Так было, и так есть. Выступая на партконференции, первый секретарь Кемеровского обкома В.Бакатин требовал сохранить партийный контроль над печатью. "Я не призываю, — уточнил он, — к контролю, допустим, над "Литературной газетой" или "Аргументами и фактами", я говорю о партийной печати". Эрудиция оратора была оценена по достоинству: недавно его назначили министром внутренних дел СССР.

Об облике нынешнего председателя правовой комиссии ЦК можно судить по его интервью, напечатанному 2 сентября в "Правде". Беру почти наугад: "Мы не можем закрывать глаза на то, что определенные круги стремятся создавать вблизи советской границы очаги напряженности". Какие очаги? Где? Фактическая сторона дела Чебрикова не интересует. Он не думает, он выполняет возложенные на него функции: клеймить, угрожать, призывать к бдительности.

Очерк Н.Андреева "Диктатура доверия", опубликованный недавно в "Литературной газете", рисует областного секретаря нового типа. "Первый" не навязывает подчиненным свое мнение по любым вопросам, он решает проблемы стратегические. Например? Определяет, какую модель трактора будет выпускать Липец-

кий тракторный завод, "отдает приказание" молочному заводу приступить к производству ряженки, требует сконструировать роторную линию по производству пельменей...

"Очередной раз, — вздыхает автор, — вырастает тоска по саморегулирующейся экономике, которой не нужно ни партийной дубинки, не морального кодекса, но нужен элементарный человеческий интерес. Материальный, духовный, творческий. Пока же интерес еще не в силах тягаться с административно-командными методами".

Почему? Вопрос этот чрезвычайно важен, ибо за ним встает другой — о *реальности перестройки*. Неужто подлинные хозяева страны не хотели бы отказаться от роли *давителей и давимых*, сосредоточиться на политическом руководстве, предоставить пекарю — пекарево? Боюсь, тут нет простого ответа. Конечно, "первый" охотно избавился бы от давления сверху, от изнурительной борьбы за "место под солнцем", от необходимости отвечать за все: за урожай зерновых и повесть, вышедшую в местном издательстве, за удои молока и воспитание молодежи, за самогонаварение и производство стиральных машин. Но это значило бы отказаться от власти — той огромной, не существующей уже нигде в мире власти над всем и всеми, кто ниже тебя: над директорами, председателями, учеными, писателями, врачами, милиционерами, педагогами, укротителями львов. Согласиться, это трудно. Как трудно отказаться и от всего того, что эта власть дает. И как раз потому, кстати, что она не абстрактно политическая, а *конкретная*: над людьми, колхозами, предприятиями, больницами, школами, театрами...

Тем более, что у секретаря есть иная возможность: вскарабкаться выше. Каждая следующая ступенька должностной лестницы укорачивает перечень тех, кто стоит над тобой, и удлиняет список подчиненных. В их числе оказываются уже не предприятия и колхозы, а области, республики, отрасли хозяйства. Ради этой высокой цели приходится чем-то поступаться. Тот, кто хочет командовать, должен уметь подчиняться.

Конечно, в натуре все не так просто. Подчиняясь, демонстрируя глубочайшую преданность тому, от кого ты зависишь сегодня, надо постоянно помнить, что над ним тоже есть начальник. А это значит, что завтра твой покровитель может полететь, прихватив с собой тех, кто был ему слишком предан. Потому, как резонно замечает "Правда", аппаратчики — "это нечто среднее между чуткими флюгерами и всегда равняющимися на светило подсолнухами". С другой стороны, и начальник, отлично знающий порядки в "коридорах власти", зорко следит за своими "подсолнухами": не учуяли ли чего, не роют ли под хозяина, не готовятся ли бежать с тонущего корабля...

Обстановка сложна и запутанна даже в обычной ситуации, когда система работает, так сказать, в штатном режиме. И становится вовсе непредсказуемой, когда пирамида власти теряет вершину, лишается верховного вождя. От кого, и главное, от чего зависит решение вопросов престолонаследия? Или, иначе, кто выбирает преемника вождю в обстоятельствах, когда со сцены исчез тот единственный в стране человек, кто обладал правом выбора?

ГЛАВА II. ПРАКТИКА.....

С этой парадоксальной ситуацией страна впервые столкнулась в 1924 г., когда умер В.И. Ленин. До того именно он *выбирал* членов Политбюро, Политбюро выбирало ЦК — и так по нисходящей. Обратной системы — снизу вверх — не было. Естественно, что наследники Ильича не собирались ее вводить: это опрокинуло бы всю установившуюся пирамиду власти. Избрать вождем самого талантливого, самого образованного, самого авторитетного? Но они безнадежно расходились в

оценках. И, что еще хуже, с момента избрания новый Вождь автоматически обрел статус Единственного Избирателя, и не было никакой уверенности, что он сохранит расстановку сил, оставив на своих постах тех, кого избрал в ЦК и Политбюро Ленин. Как показали последующие события, эти опасения оправдались с лихвой. Подавляющее большинство ленинских избранных лишилось не только должности, но и жизни.

Автор книги "Триумф и трагедия. Политический портрет Сталина" профессор Д.Волкогонов подчеркивает, что важна не столько личность преемника Ленина, сколько сам факт сосредоточения в одних руках всей полноты власти, превращения его в диктатора и деспота. Пусть так. И все-таки разве не интересно, почему наследником первого вождя оказался именно Сталин? Человек, по свидетельству того же Волкогонова, "из второго-третьего эшелона руководства", не обладавший ни серьезной теоретической подготовкой, ни способностью к оригинальному мышлению, ни талантами оратора или публициста.

Среди достоинств Иосифа Виссарионовича его биограф называет "неплохие организаторские способности", решительность и волю — качества в борьбе за власть существенные, но отнюдь не уникальные. Другие исследователи (например, Р.Медведев) подчеркивают особое коварство Сталина, знание слабостей противников, умение маневрировать, побеждать, используя в борьбе одних против других. Все это, видимо, справедливо, но ведь это *азы* политической борьбы. Лев Троцкий, который, кажется, так никогда и не понял, что произошло, назвал своего соперника "выдающейся посредственностью". Для него, похоже, это было так неожиданно, будто Сталин вдруг "спрыгнул с кремлевской стены".

Между тем стоит обратить внимание на любопытную деталь. Владимир Ильич, при всем своем огромном авторитете среди "своих", и в Политбюро, и в ЦК не однажды оказывался в меньшинстве, и не только на решающих, поворотных этапах истории (вроде Брестского мира), но и во вполне рядовых ситуациях. К концу жизни это случалось все чаще. Напротив, Сталин с момента, как Ленин утратил контроль, не потерпел *ни одного* поражения. В самых сложных, в самых запутанных обстоятельствах поддержка большинства была ему обеспечена. С чего бы это?

Стало общим местом утверждать, что Октябрь решил вопрос о власти. Это так и не совсем так. Да, власть принадлежала большевикам, но она была рассредоточена, распылена среди множества учреждений, чья иерархическая значимость была не ясна. Совнарком, Московский и Петроградский советы, ВЦИК, Коминтерн, армия, ВЧК, партийные комитеты... Сам Ленин, избрав себя председателем Совнаркома, казалось бы, отдал предпочтение *исполнительной власти*. Однако его действительная роль была намного шире, ибо в его руках были сосредоточены все нити.

Как ни странно, но самым слабым соперником среди претендентов на власть была партия. Если от имени всех остальных инстанций выступали люди из первого эшелона: от Совнаркома — Ленин, Каменев, Рыков; от Советов — Троцкий, Каменев, Зиновьев; от ВЦИК — Свердлов, Каменев, Калинин; от Коминтерна — Зиновьев; от ВЧК — Дзержинский; от армии — Троцкий, то партийные комитеты долгое время были представлены в центре фигурами второстепенными, по сути — техническими секретарями. Тот факт, что в 1919 г. было создано Политбюро, ничего не меняет: члены Политбюро представляли не партию, а себя.

Принятое в 1922 г. решение учредить пост Генерального секретаря ЦК как раз и было обусловлено слабым представительством партии в центре. И не случайно на эту должность (кстати, по предложению не Ленина, а Каменева) был назначен Сталин: уже не технический работник, но, конечно, и не фигура первой величины. Работяга, опытный аппаратчик, человек, всегда пребывавший на вторых ролях.

И тут мы должны отдать должное специфическим талантам Сталина. Во-первых, он правильно оценил *потенциальные возможности* разных центров власти и сделал

ставку на самый перспективный: партию. Точнее — на руководителей партийных комитетов. Во-вторых, он немало потрудился, чтобы *укрепить* их положение, постепенно наделив их всей полнотой власти на местах. В-третьих, Сталин раньше других понял, что их поддержка зависит не столько от программы претендентов на власть, сколько от того, в какой мере тот или иной претендент ориентируется на их *интересы*.

Почему Сталин сделал ставку на партию? Разумеется, какую-то роль тут сыграло то, что волею случая он оказался на посту именно генсека. Но не только. Важнее, что структура партии и ее положение в системе делали ее идеальным инструментом власти. *Внутри* себя партия строилась по принципу *ордена* (меченосцев или иезуитов): "солдат партии" должен был беспрекословно выполнять любое решение своей организации, а сама эта организация — решение вышестоящей. На практике организацию олицетворял ее первый секретарь, а вся пирамида имела своей вершиной ЦК, Политбюро и уже на самом острие — Генерального секретаря.

Вместе с тем *вовне* партия выступала как система не локальная (типа армии или ЧК), а *всеохватывающая*, всепроникающая, пронизывающая все иные структуры власти. Сталин без особых усилий добился того, чтобы член партии, какой бы пост он ни занимал в любой другой иерархической системе, выступал прежде всего как коммунист, выполняющий решение не этого органа, а партийного комитета. Позднее и само назначение на должность стало прерогативой соответствующего комитета — степень зависимости, какой не удалось достичь даже иезуитам.

Особую роль сыграл тут порядок выборов. И в самой партии, и в государстве выборы шли сверху вниз. Первый секретарь губернского или областного парткома выбирал не только секретарей укома, но и председателя исполкома, членов Совета, руководителей всех других органов местной власти, делегатов на съезды и конференции. Самого же секретаря избирал Сталин, так что генсеку было практически гарантировано большинство на любом партийном съезде, на любой партконференции. А поскольку внешне все назначения на партийные и советские посты носили форму выборов, получалось, что Сталин пользуется неизменной поддержкой и партии, и народа.

Конечно, в жизни все было гораздо сложнее. Избрание на ответственную партийную должность вначале зависело не только от Генерального секретаря, да и люди, которых он назначал, не всегда считали себя обязанными сохранять верность *избирателю*. Единого солнца еще не было, в небе было много солнц, и вряд ли кто мог тогда сказать с уверенностью, какое из них окажется истинным, а какие — ложными. В этих обстоятельствах партийные секретари нередко голосовали, руководствуясь не конъюнктурой, а собственными представлениями. Другой вопрос, что сама *представления*, как недавно напомнила нам Татьяна Ивановна Заславская, теснейшим образом связаны с интересами.

Чтобы судить об интересах этих людей, надо понять, что это были за люди. Большинство из них не имело ни образования, ни профессии. Революция и гражданская война научили их, в сущности, одному: умению командовать и добиваться выполнения приказов силой. В мирных условиях, в условиях нэпа, им просто нечего было делать. В конкретных вопросах они не разбирались, а главное — не желали разбираться. Посты партийных руководителей были прямо-таки *созданы для них*. Как и сами они были созданы для этих постов.

Обычно их оппозицию нэпу связывают с причинами материальными. Людям, совершившим революцию, победившим в гражданской войне, занимавшим ведущие посты в правящей партии, была нестерпима мысль, что недобитые буржуи тратят в день больше, чем они, ограниченные партмаксимумом, зарабатывают в месяц. Это, конечно, правильно. И все-таки главное не в этом. Нэп вывел из их прямого подчинения, из сферы их влияния основную часть народа: крестьянство, составлявшее 80 процентов населения страны, кооперативы, частных предпринимателей и

торговцев. Получив власть, партийные вожди оказались в положении полководцев *без армии*. Вот это было для них действительно нестерпимо.

Кандидат в вожди, если он хотел быть уверенным в их поддержке, должен был ясно представлять себе цели этих людей. Во-первых, *расширение* власти — расширение ее на все сферы жизни: экономику, науку, культуру и пр. Во-вторых, защита этой власти от посягательств со стороны врага: как внутреннего, так и внешнего.

Если проанализировать политику Сталина под этим углом зрения, то ему никак нельзя отказать в последовательности. Коллективизация, уничтожение частной собственности, превращение кооперативов в фикцию позволили сделать экономику частью "общепартийного дела"; та же цель применительно к науке и культуре была достигнута с помощью союзов, постановлений, цензуры и т.д. Необъятное расширение аппарата и функций ЧК обезопасило власть партийных вождей от любых посягательств *изнутри*, индустриализация, то есть по существу создание мощной военной промышленности, — от угрозы *извне*.

Разумеется, и все другие кандидаты в вожди учитывали интересы господствующей корпорации. Не случайно предложение об отмене партмаксимума не вызвало возражений ни у одного из "борцов за интересы трудящихся", с молчаливого одобрения ленинского Политбюро стала широко практиковаться система льгот и привилегий.

Однако одним соперникам Сталина не хватало чувства реальности, другим — четкости и последовательности, третьим — решимости окончательно порвать с "наследием проклятого прошлого". Скажем, идеи Троцкого о перманентной революции или трудовой армии были совсем не бессмысленны, и позднее Сталин их использовал. Но после неудачных попыток вернуть в лоно революции Литву, Латвию, Эстонию, Финляндию, после скандального поражения в Польше продолжать курс на перманентную революцию было опасно. А рисковать большинство новых хозяев страны не желало. На данном этапе они готовы были довольствоваться властью над одной шестой частью суши. Правда, после победы над Германией прежние амбиции возродились (и Сталин чутко их уловил), но это было уже на ином витке спирали... И план создания трудовых армий сам по себе... был хорош. Просто, чтобы реализовать его, надо было сначала многое усовершенствовать: законы, судебную систему, работу ЧК, практику концлагерей...

Сталин не забегал вперед, как Троцкий, не колебался, как Зиновьев, и уж начисто был лишен бухаринских сантиментов к прежней экономике, земле, крестьянству. Его не волновали такие абстракции, как продуктивность новой системы хозяйствования, падение урожайности, голод. Может быть, "врастание кулака в социализм" и было полезно с экономической точки зрения, но с политической — это был нонсенс, ибо только уничтожение кулачества, любых видов частной и кооперативной собственности открывало путь к социализму. То есть к неограниченной власти той корпорации, чьи интересы Сталин представлял.

В сущности все, что происходило в этот период — уничтожение крестьянства, разрушение мелкой промышленности, процессы над врагами народа, — логично и полностью соответствует *теории*. Надо лишь совершить простейшую подстановку: признать народом не рабочих, крестьян, интеллигенцию, а тот новый класс, который обрел реальную возможность говорить от имени народа. *Этот народ* не испытал голода 1933 г., никогда не ощущал дефицита. Не удивился, обнаружив, что у "народа" так много и таких разных врагов. По мере продвижения к социализму их число и должно было расти, а классовая борьба должна была становиться все ожесточеннее: борьба шла за утверждение *нового понятия* народа, за такого рода *народовластие*.

Совершив эту подстановку, мы уже не станем удивляться тому, что *весь народ* (а за ним уже и оставшаяся на свободе часть населения) горячо приветствовал ликвидацию кулаков и подкулачников, нэпманов и инженеров, кооператоров и пи-

сателей, левых и правых, русских дворян и казахских националистов. *Некоторые сомнения* в народе возникли позднее, когда в подвалы НКВД и в лагерь пошли сталинцы — "твердые сталинцы", как они себя называли.

Я подчеркиваю *некоторые сомнения*, потому что сама по себе система, созданная Сталиным, всегда представлялась им идеальной. Полностью управляемые (а значит, последовательно социалистические) экономика, наука, культура. Потрясающая по своей иерархической стройности пирамида власти, где каждый точно знает, кем он командует и кому подчиняется. Полнейшее равенство — для всех, находившихся на данной ступеньке служебной лестницы.

Со временем все забудется: и расстрелы *своих* (чужих и надо было расстреливать!), и ужас первых месяцев войны, когда прочнейшее здание разваливалось как картонный домик, и послевоенные авантюры, из-за которых они (не мир!) могли превратиться в облако атомов. А вот восторг перед этой *идеальной конструкцией* останется. Потому так мучительно трудно будет даваться им мысль о перестройке, все равно — хрущевской, косыгинской или горбачевской.

Однако в те дни, когда умер Сталин, прежние страхи были еще свежи в памяти. Хотя проклятый тридцать седьмой давно канул в прошлое, не было никакой гарантии, что нечто подобное не повторится. Вождь был не только бесконечно велик, но и бесконечно непредсказуем. Он, например, отправил на 25 лет в лагерь секретаря Ульяновского обкома только за то, что тот слегка заработал на денежной реформе. За что?! За игры с общественной собственностью. И кого?! Первого секретаря. Понятно, они и помыслить не могли возражать, но перед сном укоризненно качали головой: нет, это уже не в интересах народа...

На страхе и возшла звезда Н.С.Хрущева. Он тоже принадлежал ко второму эшелону. А в первом были столпы и сподвижники: Молотов, Берия, Маленков. С Берией ясно — его боялись все, он был живым олицетворением прежних ужасов. С той эпохой был связан и Маленков: ведал то ли кадрами ЦК, то ли тайной сталинской канцелярией, организовывал "ленинградское дело". К тому же он допустил смешную ошибку, но из тех, которых не прощают, — пытался поставить правительство над партией.

Но почему все-таки Хрущев, а не Булганин, Микоян, Косыгин? Для нас все они при Сталине были на одно лицо. А среди своих у них были разные лица. Первый секретарь одного из московских райкомов рассказывал мне в лагере (было это еще при жизни Сталина), как его посадили. "Я, естественно, был уверен, что это ошибка, провокация, происки врагов — у секретаря райкома их всегда хватает. Сказал следователю, что ничего не буду подписывать, отказался отвечать на вопросы. Тогда он показал мне постановление об аресте с визой секретаря МК. Я увидел подпись Хрущева и понял, что положение безнадежно. Будь хоть какая-то возможность, Никита Сергеевич не подписал бы".

Соперники Никиты Сергеевича — Маленков, Молотов и К^о — не просто подписывали, а подписывали с энтузиазмом. Потому-то первая попытка свергнуть Хрущева провалилась: слишком свежи были в памяти страшные сталинские времена. А вот второй переворот удался без особых усилий. Ощутившая свою силу каста секретарей могла позволить себе роскошь выбрать вождя по вкусу.

Однако самое примечательное событие этого периода, конечно, не переворот, а знаменитый доклад Н.С.Хрущева на XX съезде. Об антисталинской направленности доклада сказано достаточно. Гораздо меньше говорилось о платформе докладчика, о тех позициях, с которых он критиковал "культ". Между тем очевидно, что основной объект критики Хрущева — не *система*, созданная Сталиным, даже не массовые репрессии вообще, а преступления против партии: аресты и расстрелы ее членов, уничтожение "руководящего ядра". Да, в ходе этой кампании были реабилитированы и освобождены из лагерей миллионы людей — за одно это Хрущев заслуживает памятника. Но не будем заблуждаться. Подлинное внимание власть проявила только к *своим* — им вернули должности, звания, регалии, установили

персональные пенсии. В числе первых был освобожден и трудоустроен "пострадавший" секретарь Ульяновского обкома. Что касается прочих граждан, им в лучшем случае выдали компенсацию в размере двухмесячного заработка. Даже извинений не последовало: это освобожденным полагалось вечно благодарить партию за немислимую, прямо-таки божественную милость...

Впрочем, с партийным ядром все тоже оказалось совсем не так просто. Кое-кого, понятно, реабилитировали. Но только не вождей оппозиции. И это еще раз доказывает, что политика Сталина была не его личной политикой. Это была политика корпорации.

Особенно типична история с Бухариным. Он не критиковал линию партии, как Троцкий, не организовывал демонстраций, как Зиновьев. Вся его вина состояла в том, что он выдвинул альтернативный вариант развития страны, вариант, от которого почти сразу же отказался, публично признав свои ошибки и раскаявшись.

Тем не менее при Хрущеве его не реабилитировали. И через пятьдесят лет, когда у власти был уже Горбачев, реабилитация Бухарина шла медленно и со скрипом. Сквозь зубы признав, что в прямых преступлениях Бухарин не виноват, новый генсек поспешил процитировать известную ленинскую характеристику. Получилось, что Бухарин в общем-то виноват сам: вольно ему было по-настоящему не понимать диалектики...

Осознав ошибку, Бухарин всю остальную жизнь каялся. Даже в последнем письме, тайком продиктованном жене, Бухарин подчеркивает, что уже больше шести лет у него нет и тени расхождений с партией. "Бухарин или Рыков, — пишет в "Неделе" Дмитрий Затонский, — никогда, надо думать, не обольщались относительно Сталина как индивида. Но даже для них он на каком-то этапе начал срастаться со строем, со всей системой, которая (при всех лично с ним несогласиях) была, вне всякого сомнения, их системой".

Думаю, нет надобности особо останавливаться на феномене Брежнева: тут все ясно. Местные вожди наконец-то получили идеального предводителя — человека, который умел жить сам и не мешал жить другим. Конечно, тем *другим*, которым это положено. Так что все, кто пытался бороться с Леонидом Ильичем за место на Олимпе, были обречены: поддержка на местах была вождю обеспечена.

Все-таки самые умные из секретарей испытывали смутное беспокойство. Для каждого в отдельности Леонид Ильич был всем хорош: не мешал командовать, воровать, брать взятки. Но был ли он хорош для корпорации? Достаточно ли умело он защищал корпоративные интересы? И да, и нет. Нет — потому, что слишком потакал отдельным ее представителям, пренебрегая интересами государства — общей собственности всего клана.

История послебрежневского периода как раз и характеризуется борьбой двух тенденций: частных интересов каждого секретаря и общих интересов корпорации. Понятно, что интересы эти во многом совпадают. Но не всегда и не во всем. И главное ("тому в истории мы тьму примеров слышим"), сами члены корпорации вовсе не жаждут жертвовать собственными благами во имя "высших целей". И если на смену Брежневу пришел "корпоративный" Андропов, то наследовал ему Черненко. Разленившиеся, уверенные в незыблемости своей власти, вожди никак не хотели верить, что положение *настолько* серьезно.

ГЛАВА III. МЕХАНИЗМ.....

Я уже писал о том, почему из всех мыслимых жанров партийного сабантуя руководство выбрало конференцию. Конференция не решает вопроса о кадрах или, проще сказать, никого не снимает и не назначает. Кадровый вопрос в самом деле не обсуждался, но незримо витал в воздухе, заставляя биться сердца тех, для кого в движении должностных качелей — весь смысл жизни.

Первым коснулся его секретарь Волгоградского обкома Калашников, деликатно напомнив "печальный опыт 60-х годов", который "наглядно показал, что принижение роли партии может привести к непредсказуемым последствиям". В ответ дружной секретарь обкома, Мельников, потребовал отстранить от руководства тех, "кто в прежние времена активно проводил политику застоя". Были названы и кое-какие имена: Соломенцев, Громыко... И уж вовсе грозно прозвучали слова секретаря ЦК компартии Грузии Патиашвили: "Пора, наконец, полнее раскрыть ситуацию в партии накануне мартовского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС. Показать, перед какой пропастью мы стояли..."

Не станем удивляться предложению "полнее раскрыть ситуацию", о самом существовании которой население страны не имело ни малейшего понятия. Хорошо, что на следующий день т. Лигачев внес полную ясность: "Надо сказать всю правду: это были тревожные дни, — объявил он. — Могли быть абсолютно другие решения. Была такая реальная опасность. Хочу вам сказать, что благодаря твердо занятой позиции членов Политбюро тт. Чебрикова, Соломенцева, Громыко и большой группы первых секретарей обкомов на мартовском Пленуме ЦК было принято единственно правильное решение".

Что за решение, догадаться нетрудно. Нетрудно и понять, какую позицию занял в этих драматических обстоятельствах сам Лигачев, которому "пришлось быть в центре событий". Интересно другое: как и почему сложилась такая ситуация и в чем состояла ее опасность?

Не рискуя слишком ошибиться, скажу, что истоки этих событий восходят к Андропову. Именно он назвал своим преемником на пост генсека молодого, энергичного, но не слишком известного Горбачева. Он же выдвинул и Романова, рассчитывая, видимо, что тот займет фактически вакантную должность председателя Совета Министров. Подобная "двойная конструкция" могла бы показаться наивной (ведь многолетний председатель КГБ наверняка знал свое окружение), если бы ту же наивность не проявил Ленин, диктуя свое завещание.

Последующие события еще раз показали, чего стоит завещание *бывшего* вождя. Сомнительному Горбачеву Политбюро предпочло надежного Черненко. До обсуждения на Пленуме ЦК дело явно не дошло: Черненко всех устраивал. Горбачев счел за лучшее не спорить, благо, ему, надо думать, были даны обещания на будущее. Ждать этого будущего пришлось недолго. Однако и в этот раз коронование едва не сорвалось: на горизонте возникла унылая фигура Гришина. Похоже, он тоже многих устраивал. Беда лишь в том, что история приобретала фарсовый характер. Герой анекдота с постоянным абонементом на похороны вождей угрожал стать реальностью. А серьезные люди из Политбюро ужасно не любят, когда над ними смеются.

Но — обратите внимание! — даже и при этих обстоятельствах (кризис экономики, всеобщее неверие, повальная коррупция, гротескная фигура альтернативного кандидата в вожди) существовала "реальная опасность" "абсолютно другого решения". Воистину настоящий коммунист — это тот, кто готов во имя партии, во имя великой цели отдать все. Кроме, конечно, кресла.

Похоже, разногласия в Политбюро были настолько серьезны, что спор пришлось перенести на *низший* уровень — в ЦК. Однако и там, как свидетельствует Лигачев, решали первые секретари обкомов. По каким соображениям они предпочли Гришину Горбачева? Думаю, больше всего каждый из них боялся оказаться среди меньшинства. И они лихорадочно прикидывали, у кого на руках козыри. На одной стороне: Лигачев (руководящие кадры), Чебриков (КГБ)... На другой... На другой стороне козыри оказались слабее. Так страна вступила, наконец, в эпоху революционных сдвигов, гласности, демократизации, перестройки.

Не знаю, приложимо ли к данному случаю понятие "выборы". Если приложимо, то надо четко определить, *кто и в каких обстоятельствах* выбирает вождя многомиллионной партии, который автоматически оказывается и вождем великого совет-

ского народа. И так, при одной процедуре (назовем ее типовой) вождя выбирает Политбюро в составе нескольких человек; при другой – экстремальной – в выборах участвуют десятки человек. Стоит обозначить, как рекомендовалось выше, этих избирателей словом "народ", и мы получим картину вполне демократических выборов.

Существует, впрочем, еще третий вариант, самый распространенный: когда вождь выбирает себя сам. В свое время Владимир Ильич, которому Сталин успел изрядно досадить, определил его восхождение словами: "сделавшись генсеком". В этом "сделавшись" угадываются два значения: *сделав себя* и вступив в *делку*. Второе значение утратило смысл уже к середине 30-х годов. Невозможно даже помыслить, чтобы в этот период кто-то мог *выбирать* Сталина. Поэтому никто не удивился, когда на узком совещании соратников, предшествовавшем XIX съезду, вождь самолично зачитал список будущих членов Президиума ЦК во главе, естественно, с собой. Выбирать предстояло, понятно, не вождя, это вождь выбирал своих соратников.

И любой другой вождь, пробывший у власти достаточно долго, избавлял коллег от участия в трудной процедуре выбора. Кому пришлось бы в голову – хотя бы и на уровне Политбюро – выбирать на второй, третий... любой срок Хрущева или Брежнева? Достаточно было того, что вождь сам себя выбрал.

Переизбрать его могли лишь смерть или заговор. Истории известно всего несколько таких попыток. В 1934 г. около трехсот делегатов "съезда победителей", явно сговорившись, при выборах в ЦК проголосовали против Сталина. Конечно, они понимали, что в состав ЦК его изберут, ибо число кандидатов точно соответствовало числу избираемых. На что же они рассчитывали? Видимо, на то, что человек, получивший столько голосов против, не сможет остаться Генеральным секретарем. Экая наивность! Сталин приказал просто аннулировать неподходящие бюллетени. На его положении генсека это никак не отразилось. А вот остальным пришлось худо: и избирателям, и избранным. Меньше всего голосов (лишь три) было подано против Кирова. С него Сталин и начал.

Два других случая связаны с Хрущевым. Интересное описание механизма первой попытки "переизбрания" мы находим в воспоминаниях Серго Микояна, опубликованных "Советской культурой". Вопрос об освобождении Хрущева был решен Президиумом ЦК, аналогом Политбюро. "С этим решением, – пишет С. Микоян, – которое предполагалось предварительно опубликовать, было намечено выйти затем, через неделю-две, на Пленум ЦК. Тут же Хрущева отстраняют от ведения заседания".

Все ясно. Публикация решения в печати означает, что пересмотру оно не подлежит. Пленум ЦК, на который предполагается *выйти*, должен лишь проштемпелевать волю Президиума. Однако хитрому Анастасу Микояну удается оттянуть решение на день-два. Это позволяет сторонникам Хрущева организовать съезд. В результате на заседание пленума выносятся не одно, а *два* предложения. За первым стоят Молотов, Маленков, Каганович – их имена в сознании остальных членов ЦК все еще связаны со сталинским террором. За вторым – сам Генеральный секретарь, А.И. Микоян, министр обороны Жуков... Люди, прямо в репрессиях не замешанные.

Вторая попытка оказалась успешной. И не только потому, что заговор был лучше организован. Главное – изменился выбор. Теперь первым секретарям предстояло выбирать между двумя "либералами", из которых один все-таки покушался на их права, привилегии, образ жизни, а другой всего лишь стремился из второго стать первым, сохранив остальное в неприкосновенности. Отдадим должное Леониду Ильичу: возлагаемые на него надежды он оправдал. Даже с избытком: общие интересы корпорации были принесены в жертву личным. Как однажды заметил в разговоре кто-то из "первых": "Так тоже нельзя. С нашим братом нужна строгость".

Это нарушение равновесия интересов, необходимость выправить крен и привела к власти Горбачева. На том он и держится. И еще, конечно, на статусе должно-

сти. "Первые" не любят перемен: перемещения на верхах ставят под сомнение стабильность системы. И объединиться им нелегко, ибо живут они в мире, где каждый — только за себя, где цена неосторожно сказанного слова — карьера.

Примечательная особенность эпохи: за любым из нынешних вождей никто не стоит. Сейчас уже слабо верится, что были (действительно были!) троцкисты, зиновьевцы, бухаринцы. Представить себе романовцев, громыкинцев или добрынинцев просто невозможно. Если их кто-то и поддерживал, то лишь в то время, когда они что-то значили. Не стоит, наверное, преувеличивать и реальную силу Горбачева: его опорная база тоже узка. Однако он — Генеральный секретарь. А генсек — пока он генсек — волен менять соратников, это входит в правила игры.

Эти правила Горбачев знает превосходно. Стремясь улучшить общее положение в стране (в чем заинтересована и корпорация), он действует очень аккуратно, старательно избегая мер, которые затронули бы интересы лично-корпоративные. Отсюда — видимая непоследовательность его реформ, отсутствие системности, бесконечные колебания и компромиссы. Это относится и к экономике, и к демократизации, и к гласности, которая, разумеется, необходима, но такая, чтобы не слишком дразнить гусей.

Коллизия интересов видна уже сейчас, дальше она может только обостриться. Понимая это, Генеральный секретарь, судя по всему, еще не сделал выбора. Пока что во всех конфликтных ситуациях он избегает радикальных решений, а в случаях, когда необходимо чем-то жертвовать, жертвует интересами государства.

Убрав с поста второго секретаря ЦК Егора Лигачева, противника не только гласности, но и свободного рынка, генсек назначил его председателем аграрной комиссии ЦК, то есть руководителем той отрасли хозяйства, где больше всего нужна коренная перестройка и от которой зависит будущее страны. Отстранив Виктора Чебрикова от непосредственного контроля над рычагами власти, генсек возвел его в сан председателя правовой комиссии: под испытанным руководством т. Чебрикова нам и предстоит шагнуть к сияющим вершинам правового государства. Председателем идеологической комиссии стал не Александр Яковлев — человек со скромной репутацией "умеренного", а Вадим Медведев, человек без репутации. Кажется, от Лигачева он отличается только тем, что не скрипит зубами при одном упоминании о свободном рынке. Газетам явно дано указание *умерить критический пыл*. Как сказал недавно Горбачев: "И вообще, митинговая стадия перестройки завершается". Замечательно, что на встрече с журналистами из многих фраз, сказанных Михаилом Сергеевичем, Главный Идеолог повторил именно эту.

И поправки к конституции, которые недавно приняты, плохо увязываются в сознании со свободой, демократией, правовым государством. Странный этот документ заслуживает специального анализа. Но основная его идея ясна: узаконить власть корпорации секретарей, придать ей конституционный характер. Над страной, народом, парламентом отныне будет возвышаться фигура генсека, предводителя клана, а значит, Демиурга. Глава исполнительной и законодательной власти, Главный арбитр в вопросах конституционности (председатель Конституционного комитета будет лишь его заместителем), Суперсудья (от него будет зависеть назначение и отзыв судей), Верховный главнокомандующий. Такой всеобъемлющей власти ни одна диктатура не знала, на это способна только социалистическая демократия. Надо думать, перед этой исполниской фигурой вынуждено будет склониться даже Политбюро, партийная мастерская по производству вождей.

Не стану уверять, будто меня так уж волнует распределение власти внутри корпорации. Страшно другое: стремление объявить этот порядок вещей естественным состоянием страны.

Историки знают, какую дань платила Россия татарам. Но никто и никогда не считаете дани, которую мы уже заплатили за сегодняшний порядок вещей. Порядок, при котором только Вождю дано решать вопросы экономики, науки, права, религии, искусства, литературы, музыки, семейной и всякой иной жизни.

Мир Ньютона, Эйнштейна, Вернадского, Кондратьева, Чапынова, Ландау бесконечно сложен. Мир Вождя, любого вождя, предельно прост. Неужто нам навсегда суждено жить в этом простом мире?..

ВЕСТИ ИЗ СССР

ИСТОКИ КОНФЛИКТА

Сейчас, когда события в Нагорном Карабахе выплеснулись далеко за пределы области, захватив фактически все Закавказье, самое время вернуться к первоисточнику, к тому историческому решению, которое Президиум Верховного Совета СССР принял 18 июля. Очень важно при этом понять (не только для настоящего, но и для будущего), на что рассчитывали люди, решившие ничего не менять в ситуации, которая уже тогда была кризисной. Надеялись ли они заговорить конфликт, как заговаривают злых духов, погасить его магическими словами-заклинаниями: "интернационализм", "дружба народов", "перестройка"? Или – в глубине души – уже тогда они уповали на доброе старое средство: милицию, КГБ, армию? И тот, и другой ответ одинаково тревожны. Теперь уже ясно, что жизнь будет постоянно предлагать советскому руководству все новые и новые коллизии. И что же, всякий раз их будут разрешать заклинаниями и силой?

Итак, 18 июля. В тот же день в Ереван были введены дополнительные воинские части. По некоторым данным, общая численность войск, дислоцированных в городе и его окрестностях, достигла 200 тысяч. Эта мощная демонстрация силы, казалось, возымела действие. 25 июля работа на большинстве предприятий Еревана возобновилась. Даже массовый митинг в конце месяца можно было рассматривать как "последнюю тучу рассеянной бури". Народ маленькой Армении понял, что сопротивление бесполезно...

Однако развитие событий показало, что расчет на "благоразумие" был глубоко ошибочным. Уже 31 августа в Ереване состоялся митинг с участием 100 тысяч человек. С этого дня столица Армении не знала покоя: митинги, демонстрации, голодовки, забастовки. Так, в начале сентября в митинге на Театральной площади участвовало до 300 тысяч человек. 16 сентября началась забастовка, охватившая около трети пред-

приятый города. В течение всего сентября бастовало от 30 до 70 процентов предприятий. В последние дни сентября утренний митинг в Ереване собрал 250 тысяч человек, вечерний – 500 тысяч.

Еще более напряженная обстановка сложилась в НКАО. Вместо разогнанного властями комитета "Крунк" в Степанакерте был создан Совет директоров предприятий и учреждений. 11 сентября Совет принял решение о проведении всеобщей недельной забастовки. На следующий день в городе работали только продовольственные магазины.

Во второй половине сентября произошли и первые открытые столкновения между азербайджанцами и армянами. Вечером 18-го, когда в Степанакерте шел митинг, в городе появились автобусы со строительной бригадой из Еревана. В автобусах были выбиты стекла, несколько водителей и пассажиров ранены. По пути в селение Ходжалы автобусы подверглись нападению азербайджанцев, которые забросали их камнями. Возмущенные участники митинга бросились в Ходжалы, где их встретили ружейным огнем. С обеих сторон были ранены.

19 сентября в Степанакерте начались поджоги азербайджанских домов. Соответственно в Шуше азербайджанцы подожгли армянскую школу и церковь. В Степанакерт вошли войска. Была проведена эвакуация: армянское население Шуши вывезли в Степанакерт; азербайджанцев из Степанакерта – в Шушу.

В октябре и первой половине ноября напряжение нарастало. Митинги, в которых участвуют двести, триста тысяч человек, проходят в Ереване почти ежедневно. Не прекращаются голодовки студентов. 3 октября в Степанакерт прибыли члены комиссии Совета Национальностей Верховного Совета СССР. Это очередное (и бесполезное) "мероприятие" ничего не дало: комиссия жестко связывало решение, принятое в июле.

Среди множества мелких и крупных событий особого внимания заслуживают два. Первое –

В № 4 нашего журнала мы писали о трагических событиях 5 июля в ереванском аэропорту Звартноц. Как уже сообщалось, в ночь с 4 на 5 июля сотрудники аэропорта присоединились к общенациональной забастовке, объявленной по инициативе комитета "Карабах". В здании аэропорта собралось около 400 пикетчиков и еще около 1500 – вокруг него. Аэропорт был окружен войсками, ведущее к нему Эчмиадзинское шоссе перекрыто. В блокаде аэропорта участвовали легкие танки. В 6 часов вечера, после того, как переговоры между военным командованием и пикетчиками зашли в тупик, войска начали штурм аэропорта. Пикетчиков избивали дубинками и прикладами автоматов. Армянская милиция безуспешно пыталась предотвратить побоище, загородив пикетчиков от солдат. Один человек – студент Хачик Захарян был убит выстрелом в голову. Каджик Геворкян в результате пулевого ранения в позвоночник был парализован. Всего после избиений в аэропорту было госпитализировано 96 человек. Руководил расправой генерал-лейтенант Альберт Макашов.

7 июля были задержаны четыре человека, фотографировавших побоище в аэропорту: А.Оганесян, А.Погосян, В.Маркарян и Г.Саркисян. Все четверо были арестованы на 6 суток. Для 28-летнего Аветика Погосяна, сотрудника Ереванского фотокиноархива, дело этим, однако, не кончилось. 15 сентября на него, прямо на рабочем месте, напали "неизвестные". Получив 37 ножевых ран, Аветик Погосян на следующий день скончался.

Мы публикуем недавно полученный редакцией фоторепортаж о событиях в Звартноце, столь дорогой ценой обошедшийся автору.

дополнительные выборы в Верховный Совет Армении; второе – суд на убийцами и погромщиками Сумгаита.

Вечером 1 октября комитет "Карабах" созвал на Театральной площади Еревана митинг, посвященный дополнительным выборам в нескольких округах. Комитет предложил вычеркнуть из списков официальных кандидатов (министра внутренних дел Арутюняна и министра иностранных дел Мкртчяна) и вписать в них членов "Карабаха" Хачика Стамболчяна и Ашота Манучаряна. Выборы состоялись на следующий день. И хотя власти отказались включить в избирательные списки "самозванных" кандидатов, именно они, по сведениям наблюдателей, получили абсолютное большинство голосов (соответственно – 78 и 80%). Попытки руководства "замять" эту историю не удалось. Избиратели собрались у здания Верховного Совета и потребовали, чтобы им сообщили, кого же они все-таки выбрали.

Мандатная комиссия дрогнула. 8 октября шесть (из четырнадцати) ее членов собрались на заседание и официально признали депутатские полномочия Х.Стамболчяна. Однако уже 10-го бюро ЦК КП Армении отменило решение мандатной комиссии, обвинив председателя комиссии Х.Мандаляна и его заместителя В.Галумяна в "фальсификации результатов".

Однако и на сей раз решить вопрос так просто не удалось. Президиуму Верховного Совета Армении пришлось назначить повторные выборы. Теперь уже официальные кандидаты, понимая, что их ждет поражение, отказались от борьбы. В Верховный Совет Армении были избраны представители "Карабаха".

Между тем суд над виновниками сумгаитской трагедии приобрел характер фарса. Достаточно сказать, что на судебном заседании, проходившем в Сумгаите, в одном случае несколько погромщиков были приговорены к 2,5 годам лишения свободы условно, а в другом – общественный защитник представил ходатайство предприятия о передаче дела одного из обвиняемых в... товарищеский суд.

На заседании Верховного суда в Москве была использована иная тактика. Здесь суд не выгораживал обвиняемых, но делал все, чтобы придать их действиям сугубо локальный и личный характер. Убийцы и погромщики, оказывается, исходили исключительно из "хулиганских побуждений". Следуя этой тактике, председательствующий отказался вызвать в качестве свидетелей бывших руководителей Сумгаита, отклонил ходатайство зачитать телеграмму первого секретаря Нагорно-Карабахского обкома, в которой тот

сообщал, что секретарь Сумгаитского горкома Д.Муслим-заде заявил на заседании ЦК КП Азербайджана, что ответственность за погром несут бывшие руководители республики.

Утверждения, что сумгаитский погром был тщательно спланирован и хорошо организован людьми, занимавшими достаточно высокие посты, раздавались и раньше. Более того, они были подкреплены фактами: целая колонна автобусов доставила погромщиков в Сумгаит; списки армян, живущих в Сумгаите, готовились заранее; громилы действовали четко и организовано; манипуляции со светом в квартирах и отключение телефонов явно не были случайными; бездействие местного начальства было слишком демонстративным... Но сама мысль о том, будто решение об этой акции могло быть принято на достаточно высоком уровне, казалась настолько дикой, что в прежних обзорах мы ее даже не рассматривали. Однако суды – и в Сумгаите, и в Москве – проводятся с определенной целевой установкой: наказать (причем по возможности не очень строго) "стрелочников" и решительно игнорировать все обстоятельства, свидетельствующие об организованной деятельности, плановых акциях, заговоре. Власти явно не хотят, чтобы вскрылись какие-то очень важные факты. Что это: нежелание подливать масла в огонь или нечто более серьезное?..

14 ноября в НКАО была объявлена еще одна недельная забастовка. Бастующие требовали отмены особого положения в области (которое фактически распространялось только на армян), выселения азербайджанцев, завезенных в НКАО в последнее время, возврата армян в Шушу, прекращения потока комиссий из Баку, которые буквально захлестнули Степанакерт. В основе этих требований лежит печальный опыт Нахичеванской АССР. Армянское население этой когда-то армянской республики было постепенно вытеснено и заменено азербайджанским.

16 ноября Президиум Верховного Совета Армении рассмотрел вынесенный на всесоюзное обсуждение Проект поправок к конституции и высказался за существенные изменения. На состоявшемся в тот же день 200-тысячном митинге было решено добиваться отклонения всего проекта. Одновременно предлагалось объявить однодневную всеобщую забастовку. 18-го забастовка состоялась, охватив не только столицу, но и другие крупные города Армении. К 12 часам дня на Театральной площади состоялся 600-тысячный митинг с требованием тех же изменений в законодательстве, что принял Верховный Совет Эстонии. Митинг завершился шествием по городу, в котором участвовало до

миллиона человек – почти все взрослое население республики.

Среди участников митинга оказались и руководители Армении: председатель Президиума Верховного Совета Восканян, секретарь ЦК КП по идеологии Галоян. Факт, характерный не только для Армении, но и для всех республик, где движение протеста приняло общенациональный характер. С некоторых пор центральная печать стала объяснять это давлением неких "экстремистов" – в святой уверенности, что свободным может быть лишь мнение, совпадающее с указаниями Москвы. Но дело, понятно, не в давлении. Просто общенациональные требования сейчас настолько захватили основную массу народа, что в их орбиту попадают и руководители республик. Упорно отстаивая линию центра, можно оказаться в положении полководца без армии. Характерно, что в той же Армении практически существует двоевластие. Комитет "Карабах" организует демонстрации, объявляет забастовки, выдвигает своих кандидатов в Верховный Совет. И официальное руководство вынуждено с этим фактом считаться.

Между тем с середины ноября резко обострилось и положение в Азербайджане. 15-го в Баку прошли массовые митинги и демонстрации с требованием сохранения "национальной целостности" республики. В частности демонстранты протестовали против того, что в местечке Топхана (близ Шуши) началось строительство филиала Канакерского алюминиевого завода (сам завод расположен в Армении) и общежитий для рабочих-армян. Участники митингов утверждали, что это строительство преследует сразу несколько целей: изменить национальный состав населения в окрестностях Шуши, "очищенных" от армян, нанести ущерб экологии района, оскорбить святое для азербайджанцев место... И на митингах, и в печати рисовались зловещие картины того, что происходило в селении: огромный размах строительства, вырубка лесных массивов, угроза отравления курорта окислами алюминия... Только 3 декабря журналист Сергей Омельченко передал точную информацию: "Предлогом многотысячных нынешних демонстраций послужило ложное сообщение, что в местечке Топхана, что в Нагорном Карабахе, строится без ведома властей промышленное предприятие. Мы побывали там, в этом прекрасном горном уголке, и убедились, что там вырыта земля всего лишь для фундамента двух небольших трапещей. Сегодня все здесь, в Баку, поняли, что строительство в Топхана – это всего лишь предлог для выступлений".

Все здесь, разумеется, верно. Тонкость, однако, в том, что организаторам демонстраций как

раз и нужен был предлог: какой именно – особого значения не имело. Показательно, что число демонстрантов резко возросло, когда стало известно, что 18 ноября Верховный суд в Москве приговорил к смертной казни одного из участников сумгаитского погрома, А.Ахмедова. 21-го многие предприятия города прекратили работу. На площадь Ленина двинулись колонны рабочих. Собравшиеся (около 100 тысяч человек) подняли зеленые исламские флаги. С временных трибун, сооруженных на площади, неслись лозунги: "Свободу Ахмедову!" На городской доске почета появился плакат: "Армяне, убирайтесь". На следующий день на площади собралось уже более 400 тысяч человек. Кроме исламских знамен были подняты портреты аятоллы Хомейни, лозунги: "Смерть армянам, смерть русским!" Демонстранты призывали к отставке первого секретаря ЦК КП Азербайджана А.Везирова.

Требование освободить Ахмедова объяснялось не тем, что кто-то сомневался в его причастности к убийствам в Сумгаите. Просто толпа была настроена так, что убийства армян представлялись ей не преступлением, а действием естественным и похвальным. События следующих дней это подтвердили.

22 ноября в Ереване открылась сессия Верховного Совета Армении, которая должна была рассмотреть, в частности, Проект поправок к конституции. Можно было не сомневаться, что проект будет отклонен: население вполне определенно высказалось в поддержку позиции, занятой Прибалтикой.

Однако сессия не успела принять решения. Сразу после перерыва с чрезвычайным сообщением выступил представитель Москвы А.Вольский, объявивший, что положение в Азербайджане резко обострилось. Вольский сообщил, что в Баку, Кировабаде и Нахичевани готовятся армянские погромы. В Баку толпа окружила армянский район Арменикенд. Поезд Баку–Ереван остановлен близ станции Норашен, шестьдесят армян были взяты в качестве заложников и только усилиями армии освобождены и отправлены в Армению. В связи с этим решено было прервать сессию, чтобы дать возможность депутатам разгехаться по своим округам и предотвратить эксцессы.

Видимо, "чрезвычайное сообщение" Вольского было хорошо рассчитанным маневром, направленным на то, чтобы сорвать принятие еще одной республикой (уже пятой!) нежелательных властям решений. Но обстановка и в самом деле была серьезной. В течение нескольких дней железнодорожное сообщение между Баку, Нахичеванью и Ереваном было нарушено. В ряде мест

на путях созданы завалы из камней. Поезда ходили в сопровождении военных и сотрудников МВД. В Кировабаде произошли столкновения солдат с толпами азербайджанцев, пытавшихся прорваться в армянские районы. Трое военнослужащих было убито, 160 человек получили ранения. Азербайджанское население блокировало город, препятствуя эвакуации. Толпа совершила нападение на горком партии.

Из Нахичевани армия эвакуировала более 500 женщин и детей, мужчины остались защищать свои дома. Толпы азербайджанцев с криками: "Коммунисты продали Карабах армянам!" атаковали здание горкома. Было перевернуто и сожжено несколько машин и автобусов.

В Баку 23 ноября проходили демонстрации, в которых участвовало, по разным оценкам, от 400 до 800 тысяч человек. Демонстранты несли антиармянские лозунги, требовали суда над руководителями НКАО и другими лицами (в их числе – академик Абель Аганбегян), обвиняя их в "разжигании национальной розни". В город вошли танки и бронетранспортеры, войска окружили армянские районы города. В Баку был введен комендантский час, в Кировабаде и Нахичевани – особое (военное) положение.

На следующий день в Кировабаде была принята еще одна попытка организовать погромы. Было сожжено около 15 домов, есть пострадавшие. В город прибыли армейские вертолеты, начавшие эвакуацию армян. В Баку продолжалась вспыхнувшая раньше стихийная забастовка, охватившая почти треть предприятий города. В мелких населенных пунктах у границы с Арменией азербайджанцы нападали на армян. Произошли столкновения. Усилился поток беженцев из обеих республик.

24-го на Театральной площади в Ереване собралось около 500 тысяч человек, которые требовали возобновления сессии Верховного Совета Армении. Вечером 172 депутата (из общего количества 340) пришли к зданию Оперы и объявили сессию открытой. Позднее к ним присоединились еще несколько человек, так что в работе сессии участвовало 200 депутатов. Как и следовало ожидать, депутаты высказались за то, чтобы снять с обсуждения Проект поправок к конституции "как ущемляющий права союзных республик". Столь же естественно, что Президиум Верховного Совета Армении объявил эту сессию "незаконной" на том основании, что она будто бы проводилась "с нарушением процедуры".

Все это время в Ереван продолжали прибывать войска. Армейские части окружили правительственные здания, заняли стратегически важные пункты. Над городом кружили военные

самолеты. 24-го, перед полуночью, военный комендант объявил, что в городе вводится комендантский час; демонстрации, митинги и забастовки запрещены. Если учесть, что в Ереване не было ни беспорядков, ни столкновений, то ясно, что эта мера была принята исключительно для "симметрии".

Напряжение все возрастало. В одном только Кировабаде было зарегистрировано более 70 попыток армянских погромов, сожжено 60 армянских домов. Известны случаи, когда шоферы азербайджанцы направляли на прохожих армян машины, толпа атаковывала военные посты, забрасывая солдат камнями, бутылками с зажигательной смесью и гранатами. В Баку, как сообщил военный комендант города, участились нападения на армян. Широкие размеры приняла забастовка. На ряде предприятий и нефтяных промыслов отмечены случаи "промышленного саботажа". В Ленинском районе города найдено много "антисоветских документов". Столкновения между азербайджанцами и армянами отмечены в 19 населенных пунктах – главным образом в районах, примыкающих к иранской и турецкой границам, в частности в городах Нахичевань, Физули, Шеки, Закаталы. По официальным данным, за две недели ноября погибло 28 человек.

Можно ли считать такое развитие событий неожиданным? Нет. Оно было заложено, запрограммировано в решении Президиума Верховного Совета СССР от 18 июля. Решив "ничего не менять", советское руководство в очередной раз продемонстрировало неумение (да, пожалуй, и нежелание) считаться с действительностью, объективно оценивать новую реальность. Логика руководства была в общем проста: если армянская автономная область находилась в составе Азербайджана 65 лет, следовательно, она может находиться там и дальше. Нужно лишь кого-то снять, что-то подкинуть, слегка подновить лозунги и, конечно, покрепче стукнуть кулаком по столу.

Очевидно, однако, что за последние месяцы ситуация коренным образом изменилась. С самого начала, в 1923 г., когда решено было включить НКАО в состав Азербайджана – всего через пять лет после взаимной резни, власти продемонстрировали свое нежелание считаться с чувствами двух народов. И если до поры до времени это противоестественное образование сохранялось, то лишь потому, что у обеих сторон не было выхода. Стоило чуть ослабить давление, и долго сдерживаемые эмоции вырвались на поверхность.

В особенно трудном положении оказались

армяне. Они хорошо понимали, чем может обернуться для них требование самостоятельности. Тот факт, что петицию с требованием выхода подписали десятки тысяч жителей Нагорного Карабаха, означал, что терпеть больше армяне не в состоянии, что вода дошла до горла.

Постановление Президиума Верховного Совета СССР узаконило этот дикий порядок вещей. Армянское большинство НКАО рассматривало (и не без оснований) любые указания бакинско-го руководства как враждебные акции и всячески их саботировало. С другой стороны, начальство в Баку с зубовным скрежетом наблюдало за "окончательно обнаглевшими" армянами, которые позволяли себе не подчиняться приказам из столицы. Самые безбидные меры местного руководства рассматривались в Баку как подготовка к близящейся войне. За всем, что происходило в Ереване и в Москве (где полным-полно "влиятельных" армян), бакинцам чудились заговоры. Распространялись слухи – один другого нелепее и чудовищнее. Им верили: национальные чувства подкреплялись религиозными.

Сейчас модно во всем винить времена культа личности и застоя. Азербайджан и в самом деле пережил многое. Массовые репрессии и ломку привычного образа жизни, борьбу с "национализмом" и искусственное его раздувание, почти неприкрытый диктат Москвы и лицемерные восторги по поводу "расцвета" в республике экономики, науки, культуры, образования. Кого только азербайджанскому народу не навязывали в вожди: бандитов, откровенных воров, садистов, бездарей. И что только ему не навязывали: хлопок, морскую нефть, пшеницу вместо оливковых деревьев и винограда, виноград вместо нефти, нефть вместо винограда... И само "историческое решение" Президиума вызвало в Баку смешанные чувства. Вроде бы следовало радоваться. Но в то же время все народы страны (в том числе, конечно, и азербайджанцы) получили из Москвы наглядный урок "справедливости" и "уважения к национальным чувствам". Огромное большинство населения НКАО высказалось за выход из состава Азербайджана. И что же? А ничего.

Произвол непредсказуем. Сегодня в Москве решили так, завтра могут решить иначе. В Баку поняли: единственное, чего Горбачев боится, – это шум, мировой скандал. Ясно, что интриги армян потому и не прошли, что власти испугались Сумгаита. Что ж, мы им устроим десяток Сумгаитов!

С приятелью, но справедливым решением можно примириться. Примириться с произвольным решением нельзя, даже если оно в твою пользу.

Произвол рождает только произвол. Поймут ли это когда-нибудь люди, взявшиеся учить человечество новому мышлению и социальной справедливости?..

Беда никогда не приходит одна. Решение властей, погромы, теперь землетрясение, унесшее десятки тысяч жизней. Кажется, самые разные силы объединились, чтобы нанести удар в одну точку – в сердце маленького многострадального народа. Любые слова сочувствия нелепы, ведь слова – это всего лишь слова.

У каждого народа своя судьба. Вся тысячелетняя история армянского народа – история испытаний. Испытаний, через которые народ прошел, и тех, что еще впереди. Только одно обнадеживает: народу, с которого много спрашивается, многое и дано. Любовь к свободе, бесконечное трудолюбие, великая жизненная сила. Эта великая сила и внушает веру, что народ, который так много перенес, сумеет преодолеть нынешнюю черную полосу. И останется самим собой. Маленьким, гордым и великим армянским народом. ●

ЭСТОНИЯ: КОНСТИТУЦИОННЫЙ КРИЗИС

Веющий над республикой дух свободы, о котором с надеждой писали в предыдущем номере нашего журнала Х.Ахонен и Т.Мадисон, похоже, все более и более набирает силу. Толчком к новому и очень серьезному развитию событий послужило вынесение на всенародное обсуждение проекта поправок к Конституции СССР.

Подробный анализ этого проекта и принятых на его основе поправок будет сделан в следующем номере журнала. Здесь же отметим, что проект сразу же вызвал резкие протесты во многих союзных республиках – в первую очередь в Прибалтике, Грузии и Армении, где к протестам присоединилось и официальное руководство, а также и в Белоруссии, Молдавии и на Украине, где протесты, правда, выражало лишь население. Протесты вызывало прежде всего то, что проект поправок, резко усиливая центральную власть, ограничивал тем самым права союзных республик, сводя их во многих отношениях до уровня обычных областей.

Протесты раздавались очень широко, но лишь в одной Эстонии они вызвали серьезный конституционный кризис. Этот кризис – первый в истории нашей страны – может привести к по-

следствиям, которые пока предвидеть почти невозможно.

Советская пресса пишет о событиях в Эстонии скупо и невнятно. События развивались следующим образом. Вскоре после опубликования проекта поправок к Конституции СССР, 29 октября, состоялось первое собрание Совета уполномоченных Народного фронта Эстонии (НФЭ). Совет обсудил проект поправок к Конституции СССР и нашел их неприемлемыми. Совет предложил снять их со всенародного обсуждения и послал М.Горбачеву телеграмму соответствующего содержания. Совет высказался также за созыв чрезвычайной сессии Верховного Совета Эстонии для обсуждения поправок к Конституции.

3 ноября 1-й секретарь ЦК КПЭ Вяйно Вяляс прибыл в Москву для переговоров с М.Горбачевым и председателем Совета Министров СССР Н.Рыжковым. По возвращении В.Вяляс заявил в интервью по телевидению: "Мы ездили в Москву не как школьники к учителю за уроками. Мы приезжали как партнеры для деловых переговоров в партийном духе". Многие общественные организации Эстонии и собрания на предприятиях приняли в эти дни резолюции протеста против поправок к Конституции СССР. 4 ноября было сообщено, что чрезвычайная сессия ВС ЭССР будет созвана 16 ноября. В тот же день подал в отставку давно подвергавшийся критике председатель Совета Министров ЭССР Бруно Сауль.

Поток протестов в Эстонии против поправок к Конституции не утихал. И тогда в Эстонию был направлен специальный эмиссар — член Политбюро В.Чебриков. Цель визита была предельно ясна — приглушить, если уж не совсем остановить народное движение протеста. Такие же эмиссары — В.Медведев и Н.Слюньков — приехали в Латвию и Литву. Последующие события показали, что из всех троих бывший председатель КГБ оказался самым неудачливым.

В течение первого дня его пребывания в Таллине тон его выступлений был очень резким ("Вы можете получить суверенитет, но потерять все остальное"), однако на следующий день он стал более примирительным. В день отъезда, выступая на собрании партийного, советского и хозяйственного актива Эстонии, В.Чебриков призвал "искать то, что объединяет, а не разъединяет", но критиковал КП Эстонии за то, что она "плелась в хвосте событий, допустив серьезные просчеты в области межнациональных отношений".

14 ноября В.Чебриков отбыл в Москву. В этот день АПН распространило сообщение "Диа-

лог в Прибалтике", посвященный его визиту (и аналогичным визитам В.Медведева и Н.Слюнькова). АПН заявило, что эти визиты "нельзя отнести к разряду случайных", что "Москва отнюдь не намерена давать на откуп силам экстремизма судьбу социалистических завоеваний в этих республиках". Здесь необычен даже язык: "Москва" как синоним центральной власти употребляется обычно лишь в западной прессе.

А через два дня после отъезда бывшего шефа тайной полиции открылась чрезвычайная сессия Верховного Совета Эстонии, за которой с напряженным вниманием следила по телевидению вся республика. А.Рюйтель сообщил депутатам, что до начала сессии Президиум Верховного Совета получил 420 протоколов собраний общественности, под которыми стоят подписи 861 980 человек. Только в 10 протоколах (605 подписей) проект поправок к Конституции СССР одобряется. Остальные решительно его отвергают. Из 21 480 писем отдельных граждан только трое высказываются за проект. И депутаты, как это и полагается в нормальном парламенте, выразили волю народа: большинством в 254 голоса против 7 проект поправок, предложенный "Москвой", был отвергнут.

Но депутаты этим не ограничились. Большинством в 258 голосов против одного при 5 воздержавшихся Верховный Совет Эстонии принял Декларацию о суверенитете Эстонской ССР.

Декларация констатирует крайне тяжелое положение, в котором оказалась республика после вхождения в СССР. Далее в ней провозглашается: "Верховный Совет Эстонской ССР видит лишь один выход из трудного положения — дальнейшее развитие Эстонии должно происходить в условиях суверенитета. Суверенитет Эстонской ССР означает, что ей в лице ее высших органов власти, управления и судебных органов принадлежит высшая власть на своей территории. Суверенитет Эстонской ССР един и неделим. В соответствии с этим дальнейший статус республики в составе СССР должен быть определен Союзным договором... Исходя из международных пактов об экономических, социальных правах, правах в области культуры, гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 года, ратифицированных Союзом ССР, а также из других норм международного права, высший представительный орган народной власти Эстонской ССР — Верховный Совет декларирует верховенство законов Эстонской ССР на территории Эстонской ССР.

Изменения и дополнения Конституции СССР на территории Эстонской ССР вступают в действие в силу после их одобрения Верховным Советом Эстонской ССР."

Отдельной резолюцией Верховный Совет Эстонии призвал к разработке текста Союзного договора. Договор этот, по мысли ряда союзных республик, должен в дальнейшем заменить Конституцию СССР, превратив тем самым централизованную федерацию республик в свободную конфедерацию.

Отклонив поправки к общесоюзной Конституции, депутаты эстонского Верховного Совета приняли важные поправки к своей собственной. Преамбула ее была дополнена важным положением: "Неотделимой частью правовой системы Эстонской ССР являются положения международного пакта "Об экономических, социальных правах и правах в области культуры", международного пакта "О гражданских и политических правах", а также других международных пактов и деклараций о защите прав человека и гражданских прав, получивших всеобщее признание у государств мира и ратифицированных Союзом ССР".

Целый ряд статей Конституции ЭССР был изменен таким образом, чтобы легализовать в общественной жизни республики такое массовое движение, как Народный фронт. Новая Конституция Эстонии законодательно оформила положения Декларации о суверенитете, придав Верховному Совету республики право наложения вето на общесоюзные законы: "Законы и иные нормативные акты СССР вступают в силу на территории Эстонской ССР после их регистрации в порядке, установленном Президиумом Верховного Совета Эстонской ССР.

Верховный Совет Эстонской ССР имеет право приостанавливать или устанавливать пределы применения законодательного или иного нормативного акта СССР, если этим актом нарушен суверенитет Эстонской ССР или урегулированы вопросы, которые по Конституции Эстонской ССР относятся к ведению Эстонской ССР, либо если в них не учтена специфика республики".

Принципиально по-новому были сформулированы статьи Конституции о собственности. Первые в истории Советского Союза частная собственность объявлена частью экономической системы и поставлена под защиту государства:

"Основу экономической системы Эстонской ССР составляет социалистическая собственность на средства производства в форме государственной, кооперативной собственности, а также собственности общественных организаций и общественных движений.

В экономическую систему Эстонской ССР входят также личная, частная и смешанная собственность.

Государство защищает все формы собствен-

ности и создает условия для приумножения соответствующего этим формам имущества".

Другая статья провозглашает все то, что ранее относилось исключительно к общесоюзной собственности, собственностью республики:

"В исключительной собственности Эстонской ССР находятся земля, ее недра, атмосферный воздух, внутренние и территориальные воды, шельф, леса и другие природные ресурсы. Собственностью Эстонской ССР являются также основные средства производства в промышленности, строительстве и сельском хозяйстве, средства транспорта и связи, государственные банки, имущество организованных государством торговых, коммунальных и иных предприятий и основной городской жилищный фонд, а также другое имущество, необходимое для выполнения задач Эстонской ССР".

На сессии премьер-министром Эстонии вместо Б.Сауля был избран один из самых решительных сторонников реформ – секретарь ЦК КПЭ по идеологии Индрек Тооме.

Уже на следующий день Президиум Верховного Совета СССР объявил, что документы, принятые эстонским парламентом, противоречат действующей Конституции СССР, и вызвал эстонских руководителей на специальное заседание Президиума для обсуждения возникшего кризиса.

Эстонскую делегацию в Москву провела огромная толпа. Люди призывали своих руководителей проявить твердость и не поддаваться нажиму. Группа виднейших деятелей эстонской культуры, в их числе Густав Эрнесакс и Юри Ярвет, обратилась ко всей интеллигенции Советского Союза с призывом поддержать правое дело эстонцев.

Заседание Президиума состоялось 26 ноября. Эстонцы держались до последнего, но численный перевес был не на их стороне. Если не поддержали, то по крайней мере не осудили позицию Эстонии лишь депутаты от Литвы, Латвии, Грузии и Армении – в этих республиках Верховные Советы не решились пойти так далеко, как эстонцы, но проект поправок к всесоюзной конституции тоже либо полностью, либо в основной части отклонили.

В результате Президиум постановил признать большинство принятых эстонским парламентом поправок и значительную часть Декларации о суверенитете недействующими. Отвергнуто было право вето на общесоюзные законы, введение частной собственности в хозяйственную систему, объявление природных богатств и средств производства собственностью республики и др. Все эти положения эстонского закона, как указыва-

лось, не согласуются со всесоюзной конституцией.

Это верно. Но верно и то, что в периоды революционных преобразований приходится иногда проводить и ломку обветшавшего закона. Американская конституция противоречила законам британской короны, первые декреты Временного правительства, да и декреты советской власти явно вступали в конфликт с царским Манифестом 1905 г. и законами Российской империи. Что касается Эстонии, то в случае, если не увенчаются успехом ее попытки обеспечить суверенитет таким не вполне конституционным путем, то можно сделать это и вполне конституционно, правда, куда более радикально. Статья 72 всесоюзной Конституции гласит: "За каждой союзной республикой сохраняется право свободного выхода из СССР". Об этом недвусмысленно напомнил один из руководителей НФЭ Эдгар Сависаар:

"Народный фронт. — сказал он, — не уходит от обсуждения вопроса о выходе из состава Союза. У нас твердая точка зрения: мы хотим быть суверенной республикой в составе Союза ССР. Но если нас практически лишают возможности быть суверенной республикой, мы волей-неволей вынуждены будем пересмотреть свои взгляды.

Мы подчеркивали, что считаемся с историческими реалиями. Но когда последовательно и не по нашей воле нам навязывают известное состояние, которое не мы сами выбрали, то такой реальности мы должны избежать всеми имеющимися в нашем распоряжении средствами, включая право на самоопределение, предусмотренное действующей конституцией. Если наше мнение не будет принято во внимание, то нет основания полагать, что кто-то будет считаться с мнением и других союзных республик. А если Советский Союз не считается с мнением союзных республик, то каким образом вообще представляют себе этот союз равноправных республик?"

Выступая по эстонскому телевидению, Э.Сависаар сообщил, кстати, что за выход Эстонии из СССР высказывается 56% эстонцев и 10% русскоязычного населения. Он сообщил также, что за передачу средств производства в руки республики высказывается 90% эстонцев и 63% неэстонцев, живущих в республике.

28 ноября по местному телевидению выступил В.Вяляс, который заявил: "Мы не отступим... Мы пойдем вперед, невзирая на решения Президиума Верховного Совета", "Мы не принимаем приказы из Москвы", — сказал 1-й секретарь ЦК эстонской компартии. Член правления НФЭ заявил: "Мы не будем обращать внимания

на решения Президиума". А представитель эстонского МИД В.Фельдман пояснил: "Только эстонский парламент может изменить решение эстонского парламента".

А парламент как раз этого-то и не собирался сделать. На очередной его сессии, проходившей 5–7 декабря, после утверждения плана и бюджета был принят закон, объявляющий эстонский язык государственным, а затем спокойно, без шума, парламент большинством в 152 голоса против 91 подтвердил свои предыдущие решения.

Реакция "Москвы" на этот раз была совсем иной. Вместо резких слов ответом было молчание. Московское радио сообщило лишь, что кроме плана и бюджета были приняты "и другие решения". "Москва" явно не знала, что делать, и, видимо, решила не обострять конфликт, заняв выжидательную позицию. Иметь второй Карабах на севере, пусть и по-эстонски сдержанный, ей явно было не по силам.

Сдержанной реакции, впрочем, можно было ожидать уже после того, как М.Горбачев в своем докладе на сессии Верховного Совета СССР 29 ноября воздержался от резких слов по адресу Эстонии. А слова эти в первоначальном тексте его доклада, распространенном ТАСС, были. Однако позднее ТАСС этот вариант текста отозвал и осуждения мятежной республики с трибуны не произошло.

Конституционный кризис налицо. Действительно, ст. 74 союзной конституции провозглашает приоритет общесоюзных законов над республиканскими. Но теперь уже и эстонцы могут указать, что решение союзного Президиума Верховного Совета у них законной силы не имеет, ибо республиканский Верховный Совет его не утвердил.

М.Горбачев занял сейчас, по-видимому, в эстонском вопросе разумную позицию сдержанности. Если это так, то это мудрое государственное решение, резко контрастирующее с шагами центральной власти в карабахском вопросе. Сами же эстонцы, похоже, не намерены далее углубляться в юридическую казуистику, а будут спокойно и основательно, по-эстонски, воплощать в жизнь свой только что провозглашенный суверенитет.

В наших общих интересах, чтобы они добились успеха. Перефразируя А.Герцена: "Мы с Эстонией, потому что мы за Россию".

ДЕНЬ ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННОГО В СССР

30 октября этого года, как и в предыдущие годы, во многих городах Советского Союза прошли митинги и демонстрации в поддержку политических заключенных, с требованием их освобождения. Вот уже 15-й раз в Советском Союзе отмечается День политзаключенного в СССР.

В Москве демонстрация состоялась на Тверском бульваре по призыву Инициативной группы по проведению демонстраций в защиту политзаключенных. Демонстрацию разогнали, несколько человек было задержано, но уже через несколько часов на том же месте состоялась новая демонстрация, организованная другой группой. По Москве были расклеены листовки.

В Ленинграде в тот день около 300 человек провели у Казанского собора минуту молчания, стоя с обнаженными головами, держа свечи в руках. Их разогнали тоже, было задержано более 40 человек.

Митинги и демонстрации прошли 30 октября в Новосибирске и Тбилиси, в Риге и Одессе и в других городах.

Когда и при каких обстоятельствах возник День политзаключенного? В расклеенных в этом году по Москве листовках за подписью "Демократы" говорится, что этот День установлен в память подписания декрета 1918 г. о создании первых советских концлагерей. Это ошибка: декрет был подписан 5 сентября. Ряд западных корреспондентов, сообщая из Москвы о событиях 30 октября, упомянули, со ссылкой на "диссидентские источники", что день этот установлен в память погибшего в лагере политзаключенного Юрия Галанкова. Это тоже неверно: Ю. Галанков умер 4 ноября 1972 г. В прошлом году самиздатский журнал "День за днем" писал, что День был установлен по инициативе заключенных женского политлагеря. Что это не так, могут засвидетельствовать давно освободившиеся обитательницы лагеря того времени.

Сейчас, когда инициаторы провозглашения Дня политзаключенного находятся на свободе, и репрессии им не грозят, можно раскрыть, как в действительности это произошло. Об этом рассказывает ниже один из инициаторов Дня – бывший политзаключенный Алексей Мурженко. Остается добавить, что дата 30 октября была выбрана из практических соображений. Вопрос об установлении специального дня обсуждался в марте 1974 г., и нужно было время, чтобы подготовить совместные действия, оповестить не только мордовские политлагеря, но и пермские, и Владимирскую тюрьму. Этот день должен был

быть нейтральным, не иметь особого значения ни для одной из групп политзаключенных, например, национальных, чтобы не ставить ее в выделенное положение. Имело значение и то, что День этот должен был отмечаться незадолго до государственных праздников 7 ноября, привлекая внимание к реальной действительности нашей страны. Наконец, просто удобно было выбрать круглую дату.

Недавно я вновь встретил Петра Рубана. Рядовой политзаключенный, в свое время отсидел срок за изготовление подарка народу США к 200-летию Декларации независимости. Мы долгое время находились с ним вместе в политическом лагере особого режима. И вот, когда мы стали вспоминать о лагерной жизни, я услышал от него: "Последние шесть месяцев до самого освобождения я находился на статусе политзэка". Так пришло ко мне напоминание о статусе политзаключенного. Для меня это было не чужое дело. С этим связана моя лагерная судьба, хотя теперь события тех лет далеки от нас по времени.

Дня два продолжалось это воспоминание в моей памяти и, может быть, стерлось бы в суете дней, если бы не вторая встреча. Снова "статус политзэка" напомнил о себе. И не просто напомнил – ожила сама суть, существо вопроса, ибо встретил я Крониды Любарского, человека, с которым мы 15 лет назад в Мордовии в долгих лагерных беседах выхаживали, вынашивали, с трудом и муками рождали этот первый "статус политзаключенного". Моя, как и Любарского, причастность к статусу политзэка была, с одной стороны, случайной, с другой – логичным следствием всей нашей судьбы политзаключенных.

Случайной была наша встреча. Дело в том, что к весне 1974 г. в лагерях уже обсуждалась идея "статуса политзаключенного", и нужно было вычленил, наконец, рациональное зерно из этих дискуссий и затем в назначенный срок бросить это зерно в почву лагерной жизни. Необходимо было отобрать требования, выдвигаемые политзаключенными, согласовать формулировки и выбрать дату, в которую будет отмечаться День политзаключенного в СССР.

Политзаключенные, находившиеся в мордовских лагерях строгого режима, могли встретиться в БУРе лагеря № 19 – в штрафных изоляторах, когда их свозили для "исполнения наказания" с разных лагпунктов. С нами же, политзэками, находившимися на особом режиме в лагере № 1–8, встретиться можно было только в лагерьной больнице, находившейся в поселке Барашево. Весной 1974 г. представился удобный случай

– меня отправили в больницу на операцию. Я получил от нашего лагеря особого режима "мандат" на ведение переговоров о статусе политзаключенного и, конечно, искал кого-то с таким же мандатом от лагерей строгого режима. Таким человеком оказался К.Любарский, которого привезли в больницу после шести месяцев пребывания в БУРе.

И хотя, как я сказал, наша встреча была случайной, она в то же время была и неизбежной, так как к этому времени движение в защиту прав заключенных в лагерях выдвинуло проблему перехода на "статус политзэка" на первое место.

Советское законодательство применяет для преследования инакомыслящих целый ряд статей уголовного кодекса. Такие статьи, как 190¹ (в кодексе РСФСР) – "распространение клеветнических измышлений..." или 142 и 227, используемые для преследования верующих, считаются "общеуголовными", и такие политзаключенные находятся в лагерях вместе с обычными преступниками, "бытовиками". Другие статьи – например, 64, "измена Родине", или 70, "антисоветская агитация и пропаганда", кодекс относит к "особо опасным государственным преступлениям". Таких политзаключенных содержат отдельно, в специальных лагерях, однако режим содержания в них точно такой же, как и в общеуголовных. Одним словом, советское законодательство не делает различия между уголовниками и политзэками.

Такое отношение к политзаключенным установилось не сразу. В 20-х гг. статус политзаключенного признавался за социалистами и членами некоторых других партий, находившимися в концлагерях. Но уже в 30-е гг. это различие было окончательно стерто. О каком "статусе политзэка" могла идти речь, когда число их составляло миллионы и "статус" был у всех один – медленная смерть?

Почему движение за статус политзэка возникло именно в 70-е годы, а не раньше? В 60-е гг., во времена Хрущева и первые брежневские годы, в лагерях находилось достаточно политзэков, осознавших свое правовое положение в советском обществе и в системе ГУЛага. Однако требование о предоставлении политзэкам особого статуса тогда не было выдвинуто, идея эта просто никому не приходила в голову. Объяснить это можно тем, что режим содержания в лагерях с 1953 по 1961 гг. был сравнительно терпимым. Сталинско-бериевские инструкции и приказы были отменены, а новый Исправительно-трудовой кодекс вступил в силу лишь в 1961 г. Кроме того, в то время инакомыслящие еще не осозна-

ли себя достаточно глубоко в качестве общественно значимой политической силы. Это произошло в 70-е гг. Потребовалось два десятилетия после смерти Сталина, чтобы инакомыслие осознало себя не просто как протест, как вызов всеобщему безмыслию и рабской покорности, а как положительная, созидательная общественная сила. Такая общественная сила должна была иметь свой социально-политический статус. В обществе она определила себя как правозащитное движение. Когда же правозащитников бросали в лагерь, они очень быстро приходили к осознанию своего нового статуса – статуса политзаключенного.

В 70-е гг. мордовские политлагеря бурлили от притока свежих сил. Здесь находились правозащитники в основном двух категорий. Одна категория – так называемые "националисты", те кто защищал право своих народов на собственный язык, культуру, право на национальное самоопределение. Это были в основном украинцы, евреи, армяне, прибалты, но были и представители многих других национальностей – например, грузины и молдаване. К другой категории можно отнести тех, кто выступал за реальные гарантии декларируемых прав – на свободу слова, информации, передвижения, кто боролся за демократизацию общества и свободу эмиграции.

Эти люди в корне отличались от знаменитой "58 статьи" сталинского набора. Они не были жертвами непонимания генеральной линии партии или неумения бездумно выполнять установки "вождя народов". Нет, это были люди, осознавшие кризис системы, увидевшие, что государство превратилось в механизм подавления и искоренения свободы, нравственности, человечности. И они решили действовать, чтобы отстаивать поправные права человека, чтобы повернуть развитие общества в русло здорового демократического процесса. Лагерь не мог сломить этих людей: они имели прочные убеждения, и время подтверждало их правоту.

В 70-е гг. проблема прав человека вышла в международную политику на одно из первых мест. Начался хельсинкский процесс. Советский Союз, принимая участие в этом процессе, старался создать для себя образ "правового государства". Однако у Брежнева, как и у его предшественников, слова расходились с делами. На международных форумах и в советской печати много говорилось о необходимости приведения существующих в Советском Союзе правовых норм в области прав человека в соответствие с международными. Однако на деле ничего не менялось. Наше требование статуса политзаключенного было требованием согласовать сло-

ва и дела хотя бы в этой области. Если уж система не может обойтись без политических арестов, она должна предоставить своим политзаключенным возможность достойного существования.

Мы были знакомы с существующими международными "минимальными правилами обращения с заключенными", и учитывая особенности советских лагерей, старались выработать наши собственные требования к статусу политзаключенного. Этим мы и занимались, встретившись с К.Любарским в лагерной больнице. Не все было так просто, как могло бы показаться со стороны. Были определенные сложности, трудноразрешимые противоречия и проблемы, частично так и оставшиеся до сих пор неразрешенными. Например, считать ли день 30 октября – число, которое мы избрали днем защиты наших прав – Днем политзаключенного или просто Днем заключенного? Мы остановились на том, чтобы объявить этот день Днем политзаключенного в СССР, но при этом понимали, что мы должны бороться одновременно и за право на человеческое содержание и обращение в лагерях для всех заключенных. Любопытно, что многие "бытовики" – из числа не испорченных до конца, сохранивших искру нравственности и чувства справедливости, восприняли нашу борьбу за статус политэзка как борьбу и за их права, за права всех заключенных. Они также в знак протеста против произвола администрации переходили на свой "статус заключенного", подразумевая под этим требование гуманизации режима лагерного содержания, отмены всевластия местных внутренних инструкций и приказов, уважения их человеческого достоинства.

Все, кто читал Солженицына, помнят, как жалко выглядели социалисты в ранних сталинских концлагерях, борясь только за свои права, что сводилось к отстаиванию своих исключительных прав на "жирную пайку". В каком-то смысле даже хорошо, что мы так и не получили статуса политэзка. Ибо, получив его, мы могли подвергнуться той же опасности – всю свою энергию тратить на защиту своей "жирной пайки" от вороватой администрации. Борьба за статус политэзка стала практически борьбой за права всех заключенных, против произвола инструкций и администрации, борьбой за лучшие условия содержания для всех, за человеческое обращение со всеми заключенными. Мы требовали, в частности, установить независимость медперсонала лагерей от администрации, засчитывать работу в лагере в трудовой стаж, разрешить заключенным иметь религиозную литературу, носить крест, допустить посещение священника и т.п. – все это касалось всего населения ГУЛага. Это были тре-

бования гуманизации всей системы исправительно-трудового законодательства.

Как и было обусловлено на нашей встрече, 30 октября 1974 г., во всех политических лагерях Мордовии и Пермской области, во Владимирской тюрьме были проведены массовые голодовки, которые с тех пор регулярно проводятся в Советском Союзе – и не только в специальных политических лагерях, но и в общеуголовных, где, как было сказано, тоже содержатся политзаключенные. Политэзки открыто заявили о своих требованиях.

Тогда, во время нашей встречи в лагерной больнице, мы не зафиксировали выработанные нами требования в виде какого-то окончательного текста. Через год к нам в Мордовию пришел проект "статуса политзаключенного" из Владимирской тюрьмы, написанный Я.Сусленским. Еще через год написали свой проект В.Чорновил и Э.Кузнецов. Были и другие проекты, в основных чертах совпадавшие между собою. Можно сказать, что требования ввести "статус политзаключенного" звучат одинаково – и будут звучать, пока в Советском Союзе существуют политзаключенные.

День политзаключенного – 30 октября – отмечают не только заключенные в лагерях и тюрьмах, но и люди, находящиеся на свободе в Советском Союзе, и люди свободного мира, сочувствующие защите прав человека в СССР. ●

Алексей Мурженко (Нью-Йорк)

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ СОЮЗ – ОППОЗИЦИЯ ИЛИ ИГРА?

7 мая этого года в Москве на частной квартире собрались 148 человек из 14 городов Советского Союза и после трехдневных бурных дебатов объявили о создании новой, оппозиционной партии под названием Демократический союз. Этот учредительный съезд проходил нелегко, с активным участием милиции, которая уже на другой день задержала до полусотни делегатов, а в последний день просто заблокировала помещение, предназначенное для работы съезда, так что его заключительное заседание было проведено на железнодорожной платформе подмосковной станции. В результате руководящие органы партии избрать не удалось, и направлять ее деятельность стал временный Центральный координационный совет.

С самого начала жизнь новой партии была очень нелегкой. В ней начался раскол. Ленинградцы сразу же заявили, что не признают авторитета ЦКС и их организация – Демократический союз Северо-Западного региона – является

полностью независимой. О независимости заявили отделения ДС и в некоторых других городах, не столь многочисленных, как ленинградское. Так что организационная структура новой партии остается не вполне понятной. Тем не менее поступают сообщения, что местные отделения ДС продолжают возникать и активно о себе заявлять в Саратове, Куйбышеве, Красноярске, Горьком, Риге и множестве других мест. В октябре партию постиг новый кризис – после скандальной истории, затронувшей ее руководство, самораспустился Центральный координационный совет. Группа некогда ведущих активистов партии призвала своих товарищей покинуть ряды ДС.

Тем не менее за несколько месяцев своего существования Демократический союз успел сделать немало и привлечь к себе пристальное внимание советской прессы. Главной сферой деятельности ДС стало проведение демонстраций: в защиту политзаключенных, в годовщину советской оккупации Чехословакии, в поддержку прибалтийских республик, в годовщину подписания декрета о красном терроре, в День политзаключенного в СССР и по многим другим поводам. Некоторые из этих демонстраций вызвали ярость властей и были жестоко разогнаны с применением частей спецназначения (например, 21 августа). После этих демонстраций ДС заставил о себе говорить. По своей "популярности" в советской прессе ДС уступает, пожалуй, лишь "Памяти", причем похоже, что отношение к нему куда более недоброжелательное, чем к пресловутому "патриотическому фронту".

ДС опубликовал программу, в которой открыто заявляет, что целью его является "изменение существующего строя", хотя и ненасилственным. Тем не менее репрессии в отношении его членов пока ограничиваются лишь большими денежными штрафами да 15-суточными арестами после демонстраций. Неоднозначно отношение к ДС и свободной, самиздатской, прессе. Есть среди авторов самиздатских публикаций и яростные сторонники новой партии, но немало и таких, которые относятся к Демократическому союзу не то чтобы враждебно, но с известной долей иронии, подчас и сарказма.

Нам кажется, что интересный, взвешенный подход к деятельности ДС содержится в публикуемых заметках молодого правозащитника Андрея Новикова из Рыбинска (города, новое название которого – Андропов – написать просто не поднимается рука).

7 мая, во время открытия Учредительного съезда Демократического союза (ДС), я попы-

тался открыто поделиться своими размышлениями в связи с проблематикой создания в СССР оппозиционной партии. К сожалению, мое выступление было воспринято как деструктивное, если не хуже того. Вполне допускаю, что организационная стадия работы съезда – не лучшее время для политического рефлексирования; я был вынужден принести свои извинения в связи с этим. Однако в то же время я считаю необходимым проанализировать современное состояние демократического движения в нашей стране в связи с новым его этапом, когда возникла возможность для создания качественно новой структуры – политической оппозиции партии.

Предлагаю здесь в сжатой форме основные свои мысли.

Теоретически создание в стране многопартийной политической системы не менее необходимо, чем экономическая свобода и духовный расцвет народа; более того, последние проблемы невозможны кардинально решить, не решив первой проблемы, то есть не изменив политическую систему в СССР, поскольку многие внеполитические области – экономика, культура, религия, философия, проблемы экологии и социальные проблемы – испытывают на себе гнет бюрократической политической надстройки. По меткому замечанию публициста Л.Тимофеева, "у нас нет экономики, у нас есть экономическая политика". Экономика, эта "биология общественного организма", привязана к политике и prostituteруется ею. То же самое можно сказать о культуре и других областях общественной жизни, то же самое можно сказать об обществе в целом, которое в настоящее время "не отделено" от государства и которое не способно оказывать на последнее влияние. Подобно тому, как при государственной монополии на средства производства неизбежно возникает диктат производителя, точно так же в политической сфере исполнительная власть диктует свои интересы власти законодательной. В итоге мы получаем замкнутую на себя систему экономической и политической власти, благодаря которой государственный аппарат оказывается способным диктовать гражданскому обществу свои интересы, выдавая при этом их за интересы "общенародные", а также постоянно воспроизводить себя как правящий эксплуататорский класс. И если в экономическом плане выход из такой ситуации состоит в том, чтобы передать средства производства в руки непосредственных производителей, в создании многоукладной экономики (так называемый экономический плюрализм), где ни одна форма собственности – частная, кооперативная, коллективная, государственная – не была бы

монопольной и где единственным критерием являлся бы прагматический принцип экономической эффективности, – то в политической сфере выход заключается в том, чтобы "отделить" общество от государства, превратив его и его функции – экономические, культурные, духовные – в относительно независимые от государства, в том, чтобы создать гражданское общество, которое отличало бы себя от государства. Для этого необходима демонополизация государственной политики. Государственная деятельность и политическая жизнедеятельность общества – не одно и то же. Общество должно само создавать структуры, которые конкурировали бы с государственной политикой. Так называемая "малая политика", то есть политика общественности, должна иметь право на существование и представление в законодательных государственных органах. Создание мощной *политической инфраструктуры* общества, подразумевающей целый комплекс неправительственных структур – общественных неформальных объединений, свободной прессы, оппозиционных политических партий, комитетов социальной безопасности, которые должны контролировать репрессивные государственные органы – то, без чего немыслимо действительно правовое общество. Оппозиционные политические партии, которые бы конкурировали в борьбе за государственную власть с правящей партией, являются лишь частью, хотя и важнейшей частью, описанной политической инфраструктуры общества.

Итак, в настоящее время ситуация в стране такова, что, начав заниматься "конкретными" культурными, экологическими, экономическими, правозащитными проблемами, мы вольно или невольно наталкиваемся на вопросы политического порядка. Таким образом, политизация демократического движения в настоящее время совершенно необходима. Может быть, единственная проблема в этом плане состоит в том, что попытка скоординировать демократическое движение с помощью слишком централизованных организационных методов, превращение всего демократического движения в некий "единый фронт", который подчинялся бы единому центру, именно в таком виде самоубийственна для демократического движения. Во-первых, специфика демократического движения (прообраз будущей политической инфраструктуры общества) такова, что оно вообще не может и не должно быть totally политизированным и "единым". Демократическое движение в принципе должно быть разным: разным как по идеологии, так и по уровням и формам организации. Оно должно быть и партийным, и беспартийным,

и политизированным, и непolitизированным. В противном случае, если демократическое движение будет иметь единый центр, оно станет очень уязвимым, скажем, для того же КГБ, поскольку при централизованном управлении возникнет возможность для его искусственного направления и будет достаточно взять под контроль центр, чтобы контролировать все движение в целом.

Итак, идея политизации, если ее понимать правильно, сама по себе замечательна. Проблема лишь в том, как она осуществляется на практике. Не открою, наверное, большой тайны, если скажу, что тот процесс, который пытаются проводить организаторы только что созданного Демократического союза и который претендует, по-видимому, на реальную политику, несмотря на самые возвышенные цели этих людей, *объективно* находится вне советского социума. В этом состоит, на мой взгляд, самая главная проблема. Это ни в коем случае не вина ДС, это его беда, но не видеть этого нельзя. Только что родившаяся политическая оппозиция в СССР не имеет социальной основы, за ДС нет тех миллионов, тех социальных сил, интересы которых (Прежде всего насущные – экономические) могли бы кристаллизоваться в политических требованиях ДС. Реальная политика – это квинтэссенция социальных процессов, а не процесс, который замкнут сам в себе и который является не более чем умственным упражнением группы интеллигентов. Демократическое движение в нашей стране, где практически никогда не было опыта открытой политической борьбы, всегда было прерогативой в основном интеллигенции. В отличие, например, от Польши, где оппозиция (не будучи, кстати, формально политизированной, существуя на правах "свободного профсоюза") включает в себя десятки тысяч людей. Таким образом, всякая попытка заняться политической деятельностью в таких условиях объективно будет выглядеть не как реальная политика, представляющая достаточно широкий слой населения, а как, грубо говоря, *игра в политику*. (Исключение, быть может, составляет "Память", которая, не будучи слишком изысканно аргументированной в своих воззваниях, тем не менее опирается на достаточно широкий слой населения.)

С другой стороны, это отнюдь не является аргументом против самой *попытки* создания политической партии, ибо, по моему убеждению, игра сейчас жизненно важна демократическому движению, подобно тому, как ребенку игра необходима для того, чтобы овладеть рядом жизненных и рабочих навыков. Вот почему, будучи достаточно критически настроенным к тому, что

в настоящее время ДС представляет собой, я считаю, что то, что там происходит, тоже необходимо. Вопрос лишь в том, чтобы не выдавать желаемое за действительное. Прерогатива ДС – пока не большая политика, не тот *масштаб политики*, который есть в польской “Солидарности”, и даже не тот размах, который есть сейчас в “Памяти”, а так называемая “малая политика”, то есть “политика общественности”, в строгом смысле – только еще *зародыш* такой “малой политики”. И я отнюдь не хочу этим никого оскорбить, как не хочет оскорбить Би-Би-Си, когда определяет Демократический союз в таких выражениях: “группа, объявившая себя на прошлой неделе политической оппозицией”. Речь идет просто о констатации факта, ибо констатация факта есть гарант против спекуляции. Я надеюсь на то, что в будущем произойдет *социализация* Демократического союза, то есть его широкое социальное развертывание как политической оппозиции, когда оппозиционеры будут представлять не только самих себя, но и какие-либо социальные силы общества. Не буду сейчас спорить о том, что первично и что вторично – политика или социальный процесс. Могу допустить мысль, что при определенных условиях именно политический процесс, будь он всего лишь зародышем реальной политики, “вещью в себе”, даже если его проводит два десятка московских интеллигентов, способен послужить детонатором, который даст толчок глубинным социальным процессам, послужит им формой практической организации. После Учредительного съезда ДС я вернулся из Москвы к себе в провинцию и рассказал о том, что видел. Могу с уверенностью сказать: даже если ДС еще не стал фактом общественного бытия, он уже успел стать фактом общественного сознания. Люди удивлены тем, что *такое* у нас возможно, и уже одно это хорошо. Посмотрим, что из этого выйдет в дальнейшем. Как говорит мой знакомый, “ДС – это картошка, из которой должен вырасти куст”.

Другой важный вопрос – соотношение ДС и общей структуры демократического движения. С появлением, точнее, с самопровозглашением Демократического союза новая оппозиционная структура отнюдь не превратилась автоматически в главный эпицентр демократического движения. Помелькав в сообщениях западных радиостанций несколько дней, Демократический союз отнюдь не стал главной темой на все время. Хорошо это или плохо, но Запад прагматичен в таких вещах, ему нужны не только слова, но и дела. Думаю, что основной эпицентр в демократическом движении по-прежнему находится в

таких традиционных правозащитных структурах, как журнал “Гласность”, Московское отделение Международного общества прав человека, в структурах, имеющих исключительно общественный (не политический) статус, группа “Доверие”, например, или в таких *дискуссионных* общественно-политических клубах, как клуб “Перестройка”. Каждая из перечисленных структур занимается своим делом, но у них всех есть нечто общее: и журнал “Гласность”, и дискуссионный клуб “Перестройка”, и (в прошлом) семинар “Демократия и гуманизм” ориентируются в своей деятельности не на организационно-практические задачи, а на область *общественного сознания*. С одной стороны, это можно считать традиционным недостатком, но, с другой стороны, сейчас через бурлящее общественное сознание, через публикацию разнообразной фактографии, как это делает журнал “Гласность”, или через дискуссии, как это происходит в “Перестройке”, можно сделать не меньше, а может быть, даже и *больше*, чем ставя перед собой практические организационные задачи. Собственно говоря, даже руководители Демократического союза признают, что главное сейчас – просветительство, пропаганда идей, собранных в программе ДС. И это совершенно естественно, потому что в настоящее время ни одна оппозиционная структура не располагает эффективными и масштабными организационными и мобилизационными механизмами, чтобы собрать вокруг себя миллионы. Пока что такая “практическая политика” является прерогативой КПСС и в какой-то мере “Памяти”. ●

Андрей Новиков

НА СМЕНУ “ЧЕРНОБЫЛЬСКИМ” РЕАКТОРАМ

Советский Союз уже давно проявлял большой интерес к так называемым высокотемпературным ядерным реакторам с газовым охлаждением. Такие реакторы разработаны и построены в ФРГ. Они обладают рядом важных преимуществ по сравнению не только с устаревшими реакторами “чернобыльского” типа, но и с другими, значительно более надежными и широко распространенными во всем мире типами реакторов.

Высокотемпературные газоохлаждаемые реакторы обладают так называемой встроенной безопасностью. Если такой реактор в результате аварии или повреждения (например, в результате военных действий) потеряет весь свой газоохладитель, в роли которого используется гелий, то промежутки между тепловыделительными

элементами в форме графитово-керамических "теннисных мячиков" будут заполнены воздухом. Это, правда, приведет к постепенному разогреванию реактора, однако процесс этот будет происходить крайне медленно и у персонала реактора в распоряжении окажутся не секунды, а многие часы и даже дни для принятия мер против этого разогревания. Причем в результате теплопроводности, излучения и конвекции будет происходить естественное охлаждение, так что температура активной зоны реактора не превысит 1600°C.

Кроме того, управление таким реактором значительно проще, чем реакторами иных типов. Например, нет надобности периодически вынимать из реактора отработанные тепловыделительные элементы (твэлы) – многометровые металлические трубки. Достаточно дать высыпаться из реактора некоторому количеству "теннисных шариков" и подсыпать сверху такое же количество новых. В результате достигается непрерывность действия реактора, который нет нужды отключать для замены твэлов. Реактор такого типа высокотехнологичен даже при мощности в три, пять или десять раз меньшей мощности одного чернобыльского блока. Поэтому его можно применять и для энергоснабжения отдельных больших предприятий, причем присущая ему встроенная безопасность позволяет устанавливать такие реакторы в непосредственной близости от завода или даже на его территории, а также в густонаселенных местностях.

Договор о сотрудничестве в планировании и строительстве высокотемпературных реакторов малой мощности был подписан 24 октября в Москве. Западногерманским партнером Госкомитета СССР по использованию атомной энергии является фирма Siemens, вернее ее дочернее предприятие. Фирму Siemens поддерживает международный концерн Asea Brown Boveri. Этот концерн, в котором немецкий капитал играет большую роль, был создан специально для экспорта технологии высокотемпературных реакторов в различные страны мира.

Первый этап договора предусматривает строительство в СССР исследовательской установки, включающей высокотемпературный реактор с термической мощностью 200 МВт, который будет построен по модульному принципу. Этот принцип позволяет превратить газоохлаждаемый реактор в универсальный источник энергии для одновременной выработки электроэнергии, технологического тепла и пара. Реактор будет располагаться на территории Ядерного исследовательского центра в Димитровграде приблизительно в 800 км к востоку от Москвы. Состав-

ляющий основу этого центра НИИ ядерных реакторов всемирно известен своими разработками в другой важной области ядерного реакторостроения: реакторов на быстрых нейтронах или реакторов-размножителей. В этой области советская энергетика занимает ведущее положение. Западногерманские эксперты с пользой для себя познакомились в этом году в Димитровграде с успехами советских коллег. ●

Е.Габович (Карлсруэ)

"УТОЛИ МОЯ ПЕЧАЛИ"

Так, по одному из приделов, православные жители Васильевского острова, да и не только "островитяне", называли Воскресенскую церковь Смоленского кладбища.

Ту самую, где сейчас строят водокачку.

Так называлась и моя статья, которую я написал в 1987 году для ленинградского еженедельника "Ленинградский рабочий" (кстати, это самая либеральная из местных газет). Статья была тоже написана вполне либерально, с тревогой за судьбы историко-культурных памятников.

Единственной поправкой, которую внес "Ленинградский рабочий" в мою заметку, стала замена названия. Того, которое вы видите в заголовке, – на сентиментально-неопределенное "Здесь с Блоком прощались..." (в этой церкви действительно прощались с Блоком, но об этом речь впереди).

Справедливости ради скажу, что тогда я безграмотно написал название чудотворной иконы Божией Матери – "Утоли мои печали" – и один мой знакомый сказал, что само провидение не захотело ошарашивать мою ошибку.

Почему же мне так хотелось этого названия и почему я так пространно об этом пишу сейчас?

Дело в том, что если раньше в названии иконы, придела и самой церкви звучала православная традиция, имевшая отношение прежде всего к людям, то ныне в нем появился код, знак судьбы самого храма.

Того самого, в котором строят водокачку.

..Водокачку в нем начали строить давно, лет пять назад, уже ухлопали на это дело сотни тысяч (обязка, прокладка, сметы, проекты). Сейчас строитель водокачки и новый хозяин храма (производственное объединение им. Козицкого) замер в неприятном ожидании, что достроить не дадут. И правильно делает, что замер и экономит в дальнейшем свои средства, – не дадим.

Ну, а строили церковь, как вы понимаете, не для водокачки, а для Церкви.

Ее архитектор, петербуржец В.А.Демянов-

ский, был тонким любителем старины и в своей вдохновенной работе обратился к стилю "нарышкинского барокко".

Москвичи хорошо знают этот стиль – Троицкая в Лыково, собор Богоявленского монастыря, конечно, Покровская в Филях и ряд других. Но самой лучшей "нарышкинской" церкви они не знают. Это – Успенская церковь на Покровке (ныне ул. Чернышевского).

Про эту церковь в Москве ходили вполне обоснованные легенды. Так, говорили, что Наполеон считал ее самой лучшей московской красоты и во время пожара установил возле нее караул. Баженов сравнивал ее с собором Василия Блаженного. Академик Лихачев, увидев ее в юности, был так потрясен, что решил заняться древнерусской культурой именно после этой встречи.

Был потрясен и Демяновский, и сравнивая дореволюционные снимки церквей, с радостью замечаешь их родство.

Москвичи сломали Успенскую церковь, как полагается, в начале 30-х. После этого акта в Москве реализовался вполне советский анекдот – Потаповский переулок, бывший Большой Успенский. Дело в том, что переулок был переименован в 1922 г. в честь "замечательного зодчего-самородка Петра Потапова", построившего Успенскую церковь. Вот так своеобразно увековечена память о самородке.

А в Петербурге осталась материализованный духовный импульс Успенской. В городе на Неве это единственная, уникальная стилизация под московское барокко. Неповторимая. Уже никогда. Даже в виде стилизации.

Демяновский (его наследие, как полагается, не повезло: большинство других его церковных построек было просто сломано), по завещанию был похоронен рядом с церковью, своим последним шедевром.

Его прах нетронут, и он действительно лежит рядом с тем местом, где строят водокачку. Ну, а когда Демяновский писал завещание, Смоленское кладбище было одним из самых богатых в городе и – странно вообразить, – но там действовали две православные церкви и часовня на могиле еще не канонизированной, но очень почитаемой Ксении. И хватило средств на строительство третьей церкви, Воскресенской.

Некоторые сейчас недоумевают, зачем на одном кладбище было столько церквей? Зачем? В ответ на этот вопрос в 30-х на кладбище сломали самую древнюю церковь, Троицкую, а Воскресенскую закрыли, с тем чтобы в 80-х отдать под водокачку. Дважды (!) закрывали часовню.

Впрочем, в начале двадцатого века ничто не

предвещало этих бедствий. Церквей не хватало. Церкви строились.

Воскресенскую строили с душой и с толком. По последнему слову расцветшего тогда (в последний раз) русского строительного искусства. Привезли откуда-то фигурный кирпич, пол выстлали метлахской плиткой, подвели электричество, а для обогрева в долгие петербургские зимы выстроили отдельную котельную.

Иконостас резали из березы (тоже в барочном вкусе), потом золотили.

Золотили купола.

В подвале сделали склеп с проветриваемым специальными вентиляторами пространством. Эта предусмотрительность, признаться, меня слегка покорила, но скорей всего склепы действительно надо проветривать.

В том склепе захоронили больше сотни знатных и уважаемых петербуржцев. Их останки были безжалостно выброшены. В том числе и прах Михаила Стасюлевича, основателя и долголетнего (40 лет) издателя "Вестника Европы". Кому он нужен, этот Стасюлевич со своим журналом! Кто его помнит! А если бы осталась могила, может быть, помнили бы. может быть, сходили бы лишний раз в Публичку поддержать в руках его замечательный журнал...

В 1921 г. здесь прощались с Блоком...

В тот жаркий день 10 августа (27 июля по старому стилю) печальная процессия прошла от его дома на Офицерской через пьяный и полумертвый Петроград, сюда, на Смоленское. Люди несли большой гроб. По странному (но характерному для Божественного дара) совпадению в этот день на Смоленском были большие торжества – храмовый праздник Смоленской иконы Божией Матери. Кстати, именно в этот день, через 66 лет, торжественно "возобновили" часовню Ксении Блаженной.

В 1921-м здесь была Анна Андреевна:

А Смоленская ныне имениница,
Синий ладан над травой стелется,
И струится пение панихидное,
Не печальное нынче, а светлое.
И приводят румяные вдовушки
На кладбище мальчиков и девочек
Поглядеть на могилы отцовские.
А кладбище – роща соловьиная,
От сиянья млечного замерло,
Принесли мы Смоленской заступнице,
Принесли Пресвятой Богородице
На руках во гробе серебряном
Наше солнце, в муке погасшее –
Александра, лебедя чистого.

Здесь, контрапунктом, уместно привести слова одного из руководителей Общества охраны памятников Л.Л.Азанчевского. В это общество,

точнее, в его штаб-квартиру, что в бывшей Скорбященской церкви, я пришел с вопросом о бывшей Воскресенской. И услышал: "Мало ли кто кого где отпел? Мало ли кто где венчался и крестился?" Мало ли где что было...

Я не хочу обвинять это огромное общество в целом: в Ленинграде пятьсот тысяч его членов, то есть все взрослое население Ленинграда, среди которого, уверен, найдутся люди, чье мнение может не совпасть с мнением Льва Львовича.

..В музее Блока на Офицерской хранятся фотографии: распахнуты церковные двери, люди несут белый гроб. Несут к месту, которое до сих пор зовется (официально) Блоковской дорожкой, но где Блока давно уже нет. В 1944 г. в другой жаркий летний день через полумертвый город белый гроб везли на Волковское кладбище к другим "литераторам", где и свергли его в какую-то купеческую усыпальницу.

Но прощались с Блоком здесь...

И на Блоковской дорожке рука верующего в святость места последнего успокоения постоянно возобновляет надпись "Здесь лежит Блок". А другие руки постоянно кладут цветы...

А в церкви еще другие руки строят водокачку...

С водокачкой случилась следующая история.

Когда церковь закрыли в 30-х, ее, как водится, передавали из рук в руки под мастерские, склады и прочее. В войну с нее сбили купола – сбили сами ленинградцы, как нежелательные ориентиры для бомбежек. Сейчас, правда, этого факта стесняются, и, как многое другое, сваливают на "фашистских варваров".

В 1983 г. в ее судьбе произошел интересный поворот. Церковное здание было официально объявлено памятником архитектуры, зарегистрировано положенным образом и передано производственному объединению им. Козицкого (кстати, кто такой Козицкий?). Правда, новый памятник не включили ни в один справочник, но это, право, пустяк. Позабыли...

О Воскресенской договорились так: производственное объединение реставрирует экстерьеры, а в интерьерах строит очень нужную для производственного объединения насосную станцию, в просторечьи – водокачку.

Главный архитектор Василеостровского района К.И.Погодин сейчас резюмирует так: "Снаружи будет блеск. А внутри – какая вам разница? Снаружи водокачка не видна".

Снаружи будет блеск...

Когда к будущей водокачке тянули по кладбищу трубопроводы, уничтожили несколько сотен могил. Так один аморальный поступок рождает другие.

К 1000-летию крещения Руси страдальицу одели в леса. Возникла видимость заботы. На самом деле работы замерли. Хотя производственное объединение где-то уже отчиталось о досрочном строительстве (пятый год!), в ответственной инстанции о Воскресенской слышу: "Да там же водокачка работает! Процесс нельзя остановить!"

Вранье! Там нет никакого процесса. Да если б был, такое надо остановить.

Ну, а что делать? Как "утолить печали"?

Конечно, в церкви должна быть церковь. Но увы, одна из наших трагедий в том, что верующих не хватает на все наши закрытые храмы.

Митрополит Ленинградский и Новгородский Алексий на мой вопрос (прошу не считать, что я вхож к митрополиту, это была единственная беседа) ответил так: "Василеостровская община не поднимет еще одну постройку. Рядом – Смоленская церковь. Но, быть может, часовня Ксении Блаженной начнет давать доход и тогда..."

Ну, а сейчас? Мириться с водокачкой? Приемлемый выход есть.

Это – памятный дом, посвященный истории Смоленского кладбища, петербуржцам, здесь похороненным, и, конечно, Блоковский мемориал...

Последний сюжет моего рассказа связан с фотографией, которую я сделал в 1983 г., в том году, когда церковь получила юридический статус памятника.

Я, конечно, этого не знал и просто пришел на Смоленское фотографировать его памятники. Сделав несколько снимков, я отправился вглубь кладбища и потом, уходя, приготовился снять еще один вид.

В этот момент меня задержали милиционеры. Доставив на ближайший пост – он в нескольких десятках метров от церкви, в кладбищенской ограде, – мне выдвинули обвинение: "Снимать руины нельзя".

Держали меня несколько часов, выясняли личность (почему-то в адресном бюро я не значился). Засветили конец пленки (начало мне удалось отстоять). Мои попытки объяснить значимость этого памятника вызывали дополнительные приливы подозрительности.

Наконец меня отпустили, "внедрив" в мое сознание мысль о незаконности моих занятий.

Но я сопротивляюсь этой мысли.

И даже склоняюсь к тому, что незаконно строить в церкви водокачку. ●

М. Талалай

Статья опубликована в самиздатском журнале "Российские ведомости" № 13 за 1988 г.

25—29 октября 1988 г. Институт гуманитарных исследований г. Барселона, Центр международной информации и документации Барселоны и Фонд им. Пабло Иглесиаса организовали в Барселоне конференцию на тему "Куда идет Советский Союз?". В конференции приняли участие испанские, французские, итальянские, английские, американские ученые и общественные деятели, большая группа советских публицистов, писателей и философов, в большинстве своем — ведущих деятелей перестройки, а также несколько публицистов и писателей из числа советской и чехословацкой эмиграции. Это был второй такой форум, после встречи в "Луизиане", в Дании (см. "Страна и мир", № 2 и 3, 1988 г.), где встретились и откровенно обменялись мнениями деятели культуры, которая сейчас трагически расколота на культуру "метрополии" и культуру эмиграции, но по сути остается единой культурой. По сравнению с луизианской встречей, встреча в Барселоне отличалась куда большей степенью откровенности, взаимопонимания, остроты поднимавшихся вопросов.

В этом и в следующем номерах нашего журнала мы публикуем несколько докладов и выступлений на этой конференции и интервью с ее участниками. Докладом Ф.Клаудина была начата дискуссия на конференции.

Фернандо КЛАУДИН (Мадрид)

ТРИ ВОПРОСА ОБ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Официальная версия советской истории, ставшая с тридцатых годов единственной, не выдержала испытания гласностью. Выявилось то, что и раньше было хорошо известно специалистам: почти вся эта история, умещавшаяся между "белыми пятнами" и фальсифицированными страницами, являет собой непревзойденный пример сокрытия и искажения действительности.

Тот факт, что из школы были изъяты учебники истории и отменены экзамены по этому предмету, красноречиво свидетельствует о том, с какими сложностями связана переоценка ценностей. Ни одно общество не может осуществить радикальные — "революционные", по нынешней терминологии — преобразования без критической оценки собственной истории. Сокрытие или фальсификация прошлого и настоящего, равно как и идеализация будущего, были основным идеологическим оружием прежнего советского руководства на протяжении последних шестидесяти лет — за исключением, отчасти, хрущевского периода. Эти манипуляции производились, чтобы придать власти видимость законности и увековечить существующий порядок вещей. В конечном счете это привело к общему кризису системы. Из сказанного следует, что дискуссии по проблемам истории носят отнюдь не академический характер, а составляют один из самых острых моментов в нынешней политической борьбе вокруг перестройки.

Стоило лишь начать поиски причин кризиса — и в действие вступила неумолимая логика научного анализа. Прервать этот процесс мог бы только возврат к политическому насилию. Критика брежневского "застоя" естественно привела к критике сталинской эпохи, ибо именно в эту эпоху были созданы социально-экономические структуры и сверхцентрализованные бюрократические методы управления, укоренившиеся на долгие годы. Эта критика оказалась гораздо более глубокой, чем во времена Хрущева, когда она концентрировалась в основном вокруг разоблачения "культы личности" и политики террора, то есть вокруг надстроженных аспектов, которые, при всей их несомненной важности, не способны раскрыть природы явления.

Структуры и методы, внедренные Сталиным, нельзя рассматривать как простое следствие его деспотизма. В статье, опубликованной недавно "Правдой", два сотрудника Института марксизма-ленинизма выдвинули тезис, который уже высказывали западные исследователи: те экономические и социальные тенденции, а

также формы хозяйствования, которые позднее узаконил и развил Сталин, сформировались уже во время нэпа. Иначе говоря, Сталин ничего не открыл и не изобрел. Он лишь довел эти тенденции до логического конца с помощью тех диктаторских, а часто и террористических методов, о которых мы знаем.

Разумеется, сами эти тенденции не возникли на пустом месте. Они родились в эпоху военного коммунизма, и их истоки следует искать в политике и идеологии большевистской партии, которые проявились еще в период ее борьбы за власть и в самом захвате этой власти. Статья в "Правде" указывает, в частности, хоть и в уклончивой форме, на то влияние, которое оказала на Ленина модель немецкого государственного капитализма в годы мировой войны.

Все это не значит, что между Октябрем и режимом сталинской автократии существовала фатальная связь, что октябрьское яйцо содержало зародыш сталинского монстра, что ленинское истолкование марксизма автоматически вело к установлению власти единственной партии и т.д. В каждый из решающих моментов истории существовали различные альтернативы, велась борьба, исход которой отнюдь не был предопределен. Тут важно понять, почему победила та, а не другая альтернатива, какая совокупность элементов идеологии, структурных и социальных условий, личных качеств лидеров революции склонила чашу весов именно в этом направлении.

Есть немало статей и книг, которые дают довольно полное представление о начальном периоде советской системы. Однако очень многое нам еще предстоит сделать. Нужно не только ввести в научный оборот новые источники и новые историографические методы, но и заново проанализировать уже, казалось бы, хорошо известные материалы.

Да и сама перестройка, позволяющая глубже понять, что представляла собой советская система на протяжении всех семидесяти лет своего существования, не может не пролить новый свет на истоки этой системы. Разумеется, пересмотр ключевых этапов советской истории будет в свою очередь способствовать лучшему пониманию проблем, с которыми сталкивается перестройка.

Моя цель как раз и состоит в том, чтобы поставить некоторые вопросы общеполитического плана, не претендуя, понятно, на то, чтобы дать на них окончательные ответы.

Была ли революция преждевременной?

Первый из таких вопросов звучит так: доказывает ли то, что произошло, правоту тех, кто считал социалистическую революцию в России преждевременной? Напомню, что на этой позиции стояли самые выдающиеся марксисты той эпохи: Каутский, Плеханов, Мартов, Роза Люксембург, наконец, сам Ленин — вплоть до его "Апрельских тезисов". Того же мнения придерживались Маркс и Энгельс в последние десятилетия XIX века, когда на горизонте возникли первые смутные признаки русской революции. Правда, Маркс допускал возможность социалистического развития гипотетической русской революции, но только в том случае, если она произойдет одновременно с социалистической революцией в развитых капиталистических странах. Тот же тезис отстаивал и Ленин, хотя в то время взгляды Маркса по этому вопросу были ему неизвестны.

Ленин исходил из конкретной ситуации. Анализ капитализма убедил его в том, что эта формация объективно исчерпала свои исторические возможности, а Первая мировая война вызовет кризис, который разрешится революцией в европейских странах. Февральская революция, по его мнению, и была началом этой мировой революции.

Уже два года спустя, к 1920 г., стало вполне ясно, что этот анализ был ошибочным. Ошибочным в оценке как возможностей капитализма, так и поведения рабочего класса в Европе. Однако в апреле 1917 г. эти ошибочные выводы были

положены в основу политической линии большевистской партии, направленной на то, чтобы захватить власть и использовать ее для преобразования демократической революции в революцию социалистическую.

Конечно, без развала государства, нерешительности Временного правительства, возрастающей радикализации масс, их усталости от войны, тяжелого экономического положения большевики не получили бы той поддержки, которая позволила им захватить власть. Но эта поддержка определялась конъюнктурными факторами и никак не меняла фундаментальных параметров системы, таких, как слаборазвитая экономика России, преобладание деревенского населения, отсутствие демократических традиций и т.д.

В 1922 г., полемизируя с Николаем Сухановым, который в книге "Хроника русской революции" отстаивал ту мысль, что революция в России — тем более социалистическая — была явно преждевременной, Ленин признал, что к тому времени в стране действительно не сложились необходимые для этого объективные условия. Однако, утверждал он, располагая рычагом власти, большевики смогут создать эти условия.

История советской системы показала, что в своем стремлении установить то, что она называла социализмом, коммунистическая власть была вынуждена прибегнуть к диктатуре, которая становилась все более тоталитарной. Длительное же существование этой диктатуры породило структуры и методы, весьма далекие от социалистических идеалов вождей революции, пока их самих не пожрало сталинское чудовище.

Итак, опыт "преждевременной революции" и "перепрыгивания через этапы" с диктаторским использованием рычагов власти свидетельствует, что таким образом удастся решить — да и то частично — лишь определенные задачи индустриализации производства, которые сами по себе еще не делают общество социалистическим. Но даже и за решение этой, весьма ограниченной, задачи приходится платить страшную человеческую цену, расходовать гигантские естественные ресурсы, десятилетиями держать население в условиях, которые Маркс некогда квалифицировал как "казарменный коммунизм".

Если мой анализ правилен в главном, этот исторический опыт представляет не только академический интерес. Он позволяет полнее оценить значение перестройки и нынешние попытки "перепрыгивания через этапы", характерные и для ряда стран Третьего мира, и даже для умонастроения некоторых левых группировок в странах развитого капитализма.

Была ли неизбежной диктатура пролетариата?

Мог ли кризис русской революционной демократии в 1917 г. завершиться иначе, чем установлением диктатуры большевиков? Известные данные — не думаю, что новые исследования существенно изменят этот вывод — показывают, что исход борьбы между радикальной позицией Ленина и другими взглядами отнюдь не был предопределен. И в самом руководящем большевистском ядре, и в других эшелонах партии оппозиция так называемой авантюристической линии была очень сильна. Возникшая с самого начала оппозиция Апрельским тезисам только усилилась в ходе подготовки к Октябрьскому восстанию. Одни (Каменев, Зиновьев и некоторые другие, менее известные) возражали против самой идеи восстания; другие (например, Троцкий) противились проведению восстания до II-го съезда Советов.

После победы восстания оппозиция усилилась. Многие в самой партии были против правительства, состоящего из одних большевиков, требуя создания коалиционного правительства, включающего меньшевиков и эсеров. Это движение возглавлял Каменев, и оно включало целую группу известных деятелей — членов ЦК и Совнаркома. Их оппозиция зашла так далеко, что в знак протеста против отказа Ленина создать коалиционное правительство они подали в отставку со своих по-

стов. При этом они сделали заявление, оказавшееся пророческим: "Мы полагаем, — писали они, — что нужно сформировать советское правительство с участием всех советских партий. /.../ Мы считаем, что если не следовать по этому пути, то выход будет один: сохранить чисто большевистское правительство с помощью политического террора". Так оно и произошло.

Иначе и не могло быть. Как показали выборы в Учредительное собрание, проведенные уже при большевистской власти и в период, когда эта партия пользовалась наибольшей в своей истории популярностью, даже тогда большевики не имели поддержки большинства. Они получили только четверть голосов, тогда как эсеры — больше половины. Роспуск Учредительного собрания нанес последний удар первой и единственной демократии в русской и советской истории, исключил саму возможность компромисса между социалистическими партиями.

Этот акт, осужденный Розой Люксембург и другими выдающимися марксистами того времени, был не просто конъюнктурной мерой для сохранения диктатуры партии, но выражением стратегии, направленной на сохранение власти любой ценой. В 1921 г. Ленин сделал поворот к нэпу, что означало принятие экономической программы, близкой к той, которую предлагали меньшевики и эсеры. Но вместо того, чтобы попытаться достичь согласия с оппонентами, Ленин усилил репрессии против других социалистических партий, окончательно поставив их вне закона.

Идеологически эта линия оправдывалась отрицанием "формальной буржуазной демократии" во имя высшей, советской. В действительности же, как предвидела Роза Люксембург, эта мера сопровождалась последовательным искоренением демократии в самих Советах, их превращением в послушный придаток партии.

Сейчас перестройка предлагает вернуть власть Советам. Однако опыт и тех лет, и последующего периода дает основания утверждать, что без общей демократии — демократии без прилагательных — не может быть и демократии частной. Как говорила Роза Люксембург, чьи провидческие мысли следует вспоминать постоянно, "без общих выборов, свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений в любом общественном институте жизнь затухает, становится лишь видимостью. И единственным активным элементом жизни становится бюрократия". Эти слова, по-моему, следовало бы начертать на фронтоне перестройки.

Сказанное (а есть и другие аргументы в пользу этого вывода) приводит нас к постановке следующего вопроса: действительно ли существовали объективные условия, которые с неумолимой, прямо-таки железной логикой вели к установлению диктатуры коммунистической партии и предопределили ее семидесятилетнее правление в качестве единственной партии?

На мой взгляд, анализ этих "объективных" условий свидетельствует скорее об обратном. Понадобились весь политический гений Ленина и его железная воля, чтобы утвердить в партии и в обществе ленинскую концепцию революции и господствующей партии, добиться, вопреки крайне неблагоприятным обстоятельствам, сохранения этой партии у власти. Трудно найти другой пример, когда личность сыграла бы в истории столь решающую роль, какую сыграл Ленин.

Теперь очевидно, что для Ленина (не говоря уже о Сталине) демократия не была основной ценностью социализма. Он рассматривал ее лишь как один из возможных промежуточных этапов на пути к установлению диктатуры пролетариата или Советов, через которые, собственно, и должна была осуществляться диктатура партии. Ибо именно партии, вооруженной знанием законов истории, и предстояло, по Ленину, статьдемиургом великих социалистических преобразований.

Что же осталось от этой грандиозной идеологической конструкции? Не свидетельствует ли семидесятилетний опыт правления единственной партии о том, что без реального участия общества в политической жизни страны, без полной свободы для проявления различных политических идей и тенденций вся эта великолепная конструкция превращается в царство бюрократии?

Почему возник "военный коммунизм"?

Мы знаем, что первая попытка создания экономической системы — той самой, которую ныне стремятся радикально реформировать, была осуществлена еще до Сталина, при Ленине. Речь идет о так называемом военном коммунизме. Согласно официальной версии, эта система была следствием гражданской войны — отсюда и название.

Эта версия, однако, не выдерживает испытания фактами. Характерно, что сам термин "военный коммунизм" мы не встречаем ни в работах Ленина, ни в партийных документах между октябрём 1917 и мартом 1921 г. Наименование это появилось позднее, уже после поворота к нэпу и констатации того факта, что попытка "прямо перейти к социализму", предпринятая весной 1918 г., оказалась серьезной ошибкой. Кстати, этот курс был провозглашен вслед за подписанием Брестского мира, когда гражданская война еще не началась и происходили лишь отдельные столкновения на южных границах.

Как же понимала социализм партия Ленина в апреле—июне 1918 г.? Она понимала под этим огосударствление всей экономики, упразднение рынка, прямой продуктообмен с крестьянством (как способ включения его в государственную экономику), уничтожение денег и т.д.

Поскольку продуктообмен вызвал сопротивление крестьянства, а полностью дезорганизованная национализацией промышленность почти ничего не могла им дать, обмен трансформировался в реквизицию. В результате основная масса крестьян, ранее поддерживавшая новый режим, перешла к пассивному или открытому сопротивлению — в зависимости от обстоятельств.

Таким образом, военный коммунизм вовсе не был следствием гражданской войны. Скорее наоборот: он явился ее причиной, во всяком случае — обстоятельством, способствовавшим ее расширению. Естественно, что война в свою очередь привела к тому, что эта политика стала еще более жесткой, просто свирепой.

У меня нет возможности подробно анализировать другие факторы, действовавшие в том же направлении: репрессии против остальных социалистических партий, отказ от выполнения октябрьских обещаний предоставить свободу нерусским народам империи и проч.

Некоторые исследователи, анализируя обстановку, сложившуюся после подписания Брестского мира, резонно утверждают, что провозглашение уже в 1918 г. политики, сходной с нэпом, сохранило бы большевикам поддержку крестьян, изолировало бы белых генералов и тем самым снизило бы вероятность гражданской войны. Чем же тогда объяснить выбор в пользу "прямого перехода к социализму"?

На мой взгляд, на то были две основные причины. Первая — идеологического характера: вера в то, что "социализм", как его понимали, не только более справедливая, но и более эффективная система экономического устройства. И вторая причина — очевидно, решающая: поскольку Ленин до Октября и в месяцы, предшествовавшие Брестскому миру, занимал относительно умеренную позицию, провозглашение нэпа в 1918 г., когда партии меньшевиков и эсеров еще не были уничтожены (и к тому же пользовались широкой поддержкой внутри и вне Советов), почти неизбежно вынудило бы большевиков к политическому компромиссу с указанными партиями.

Но именно этот вариант — последнее, что Ленин мог принять. Нужно было, чтобы "прямой переход к социализму" полностью провалился, привел к гражданской войне, к полной экономической разрухе, к Кронштадтскому мятежу, к драматической изоляции коммунистической партии, — и только после всего этого Ленин решился на поворот к нэпу.

Однако даже тогда нэп был объявлен всего лишь "стратегическим отступлением", а отнюдь не новой теоретической и политической концепцией социализма. Правда, статья Ленина о кооперативном плане (написанная незадолго до того, как его разбил паралич) исходила из того, что путь к социализму лежит через постепенные реформы в союзе с крестьянством. Но, повторяю, сама концепция социализма не изменилась.

Понятно, что это не могло не привести к усилению — именно в период нэпа — таких тенденций, которые подготовили почву для нового витка "военного коммунизма" — уже на более "высоком" уровне.

Вряд ли эта линия победила бы легко, если бы в решении вопроса участвовало все общество. Но он решался исключительно внутри партии, в ходе фракционной борьбы. Все крупные социальные группы, заинтересованные в сохранении нэпа, были исключены из политической жизни. И тем не менее массовый террор, который использовал Сталин, не был случаен: ему надо было не только сломить противников внутри партии, но и подавить общество в целом, огромное большинство которого враждебно отнеслось к идее нового "военного коммунизма".

Интересно было бы рассмотреть и вопрос о том, не потому ли концепция "военного коммунизма" так глубоко укоренилась в партии, что это и была по существу партийная концепция социализма? Победа ее была обеспечена такими обстоятельствами, как отсутствие демократии в партии и невозможность для всех других групп публично выражать свои политические взгляды. Таковы были те факторы, которые в переломный для нэпа момент склонили чашу весов в пользу Сталина.

Конечно, есть немало других вопросов, которые я хотел бы задать перестройке. В коротком докладе это, однако, невозможно. Я допускаю, что некоторые высказанные здесь положения покажутся схематичными или даже провоцирующими. Как бы то ни было, я решительно высказываюсь за перестройку. Уверен, что борьба за ее успех требует от всех нас понимания существа проблемы, не исключая самых острых и спорных ее аспектов.

Франсиско ФЕРНАНДЕС ОРДОНЬЕС

ЕВРОПА

И СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Все мы знаем, что Европа — самый малый из континентов. На карте мира она представляется всего лишь придатком огромных географических пространств Евразии. Однако этот небольшой кусок земли обладает огромным внутренним потенциалом, который позволил Европе стать центром, распространившим на весь остальной мир свои технические, экономические, политические, культурные и особенно гуманитарные модели.

На территории, примерно равной площади таких стран, как Бразилия, Канада, Китай или Австралия, сгруппировалось тридцать пять государств, достаточно непохожих друг на друга. Неудивительно поэтому, что совсем не просто определить, что мы понимаем под Европой. На одном континенте разместились, по существу, несколько Европ: этнические Европы (латинская, англосаксонская, германская, славянская и т.д.), географические (северная, балканская, центральная, иберийская, островная), религиозные (католическая, протестантская, православная, исламская). Но особенно остро ощутимо разделение политическое, совершившееся после Второй мировой войны. Оно разбило континент на множество Европ по обе стороны старого занавеса. Западная Европа, нейтральная Европа, Восточная Европа, даже советская Европа и американская Европа. Именно этим и объясняется участие США и Канады в общеевропейском диалоге на Конфе-

ренции по безопасности и сотрудничеству в Европе, диалоге, который начался в 1972 году в Хельсинки.

Если мы попытаемся определить каждую из составных частей этого многообразного сообщества, то наверняка столкнемся с серьезными трудностями. Ведь нам придется учитывать не только географию и этнические особенности, религиозные компоненты, политические различия. Речь должна идти еще и об интеллектуальных, научных, философских, моральных и иных принципах, которые, вопреки всем этим различиям, сформировали европейского человека, европейца.

Европа плохо приемлет попытки любого государства — члена региона добиться главенствующего положения или преимущества. Европейский континент, европейское сообщество всегда отвергало гегемонизм, хотя следует признать, что в разное время едва ли не каждое из европейских государств добивалось гегемонии: Испания, Франция, Великобритания, Пруссия, Австрия, Россия. Европа малых и средних стран, Европа тридцати пяти, ясно обозначившаяся после Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе, несовместима с идеей доминирующего государства:

За последние два века наш маленький континент дважды становился объектом экспорта. Первый раз научные, гуманитарные и политические достижения Европы сделались достоянием четырех стран света: от тысячелетней Японии до молодого чилийского государства, от Канады до Новой Зеландии. В сжатом, концентрированном виде европейская цивилизация распространилась на всю планету.

Во второй раз славы оказалось меньше. Ослабленная и обедневшая после мировых войн Европа с грустью наблюдала, как сама ее суть, европейское существо, переливается в две великие страны — США и СССР. Страны, в определенном смысле европейские, но — в силу взятых ими на себя глобальных функций — потерявшие часть своей европейской сущности:

Старая Россия была, конечно, страной европейской даже в тот период, когда она обратила свои взоры на Восток и занялась его завоеванием. Этот процесс, не столь известный, как завоевание американского Запада, довел царей до льдов Аляски. Торговая нелепость — продажа Соединенным Штатам Аляски менее чем за 100 миллионов долларов — лишила Советский Союз возможности быть даже трехконтинентальной страной: европейской, азиатской и американской.

Де Голль был тем государственным деятелем, который первым заговорил о необходимости вернуться к Европе, охватывающей пространства от Атлантики до Урала. Этот призыв был одновременно и очевидным, и революционным. Очевидным, ибо все мы еще из школьных учебников географии знали, что Европа лежит именно в этих пределах. Но и революционным, поскольку при таком определении Советский Союз оказывался в двойственном положении: Уральские горы делят страну на две части, одна из которых, европейская, составляет около четверти территории страны, другая, азиатская, — более трех четвертей.

Выше я говорил, что зерна европейской сущности были посеяны в США и в СССР. Это либеральные мыслители Европы открыли путь всевластию денег и затем капитализму, прочно укоренившемуся в Северной Америке.

В 1917 году коммунистическая революция привела к созданию Советского Союза. Его географический облик был начертан еще царями, однако две мировые войны сдвинули страну на запад. Это гигантское государство, площадь которого — 22 миллиона квадратных километров — вдвое превышает площадь Европы, стало руководствоваться доктринами, резко отдалившими страну в тяжелые периоды ее истории от того рационального, логического, гуманистического мышления, которое составляет суть европейской цивилизации. Разумеется, мы понимаем, что Советский Союз создавал новую систему, и ему пришлось в течение считанных десятилетий осуществлять глубокие преобразования, на которые у либерального общества ушли столетия.

Уже к пятидесятым годам вывело, что итоги неутешительны. Когда через несколько лет после Второй мировой войны возник диалог между Востоком и Западом, вылившийся в Хельсинкский процесс, стало ясно, что два европейских фланга, восточный и западный, существенно расходятся. Понадобилось более пяти лет подготовки, прежде чем в 1975 году стало возможным подписать Хельсинкский заключительный акт.

В тексте этого акта, полном оговорок, недомолвок, неопределенных формулировок, отчетливо выявились два различных подхода к пониманию роли человека в обществе, его прав и обязанностей, роли государства в обеспечении свобод. При этом Восток делал упор на экономические, трудовые и этнические аспекты проблемы, Запад же, отнюдь об этих аспектах не забывая, ставил во главу угла свободы политические, религиозные, социальные.

С момента подписания Хельсинкского заключительного акта произошло немало событий. Международное сообщество встретилось с множеством проблем, знало периоды подъемов и спадов. В частности политика разрядки начиная с 1945 года постоянно сталкивалась с трудностями, с подводными и надводными камнями.

За это время стало ясно, что Советский Союз, превратившийся в сверхдержаву, расположен не где-нибудь, а в Европе, на пространстве, традиционно именуемом "Центральная Европа". Может быть, поэтому он всегда уделял особое внимание Западной Европе — ведь за последние два века именно с этой стороны Россия трижды подвергалась нашествиям. Между тем созданная в СССР экономическая, социальная и политическая система не только отличалась от европейской, но и была внутренне противоречива. Это в конечном счете и привело ее к экономическому, социальному и политическому кризису, который стал особенно очевиден в последние двадцать лет.

Наиболее светлые умы в СССР хорошо понимали, что из состояния кризиса можно выйти, сделав шаг либо вперед, либо назад, но избежать кризиса, оставаясь на месте, нельзя. Тут и появляется Горбачев, личность мирового масштаба. Открыто признав кризисное состояние страны, Горбачев решил преодолеть его с помощью политики обновления, включающей замену старых кадров и перестройку режима с учетом изменившейся обстановки.

Переживаемая нами ситуация точно соответствует тому определению кризиса, которое дал Грамши: старое не хочет умирать, а новое не может родиться. Процесс этот требует длительного времени и концентрации усилий, а значит, и переоценки внешней политики СССР. Эта переоценка вызвала целую волну диалогов и соглашений, я бы даже сказал, — настоящую эпидемию мира во всем мире.

В какой мере это отразилось на отношениях между Европой и СССР? В июне Европейское экономическое сообщество и Совет экономической взаимопомощи признали друг друга. За признанием последовало установление прямых отношений между ЕЭС и рядом стран СЭВ. Сообщество уже подписало соглашение с Венгрией, ожидается подписание соглашения с Чехословакией, изучаются возможности заключения договора с СССР. Растет интерес и со стороны других стран Европы. Видимо, ЕЭС и есть тот генератор, который способен питать энергией процесс строительства единой Европы.

В то же время последние конференции в Мадриде, Стокгольме и Вене показали, что развитие идей Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе открыло такие возможности для диалога, о которых нельзя было и мечтать пятнадцать лет назад. Так, возник диалог по гуманитарным проблемам, и Советский Союз даже предложил провести конференцию по правам человека в Москве. Несмотря на естественные опасения и оговорки, это предложение следует оценить по достоинству.

Разработаны меры по укреплению военного доверия, позволяющие европейским странам наблюдать за военными маневрами, проводящимися в любом государстве Европы, обмениваться информацией. Все это способствует изменению общего климата на континенте и открывает перспективы для успешного завершения диалога о сокращении обычных видов вооружения.

Советский Союз, безусловно, поворачивается лицом к Европе — об этом свидетельствует необычайное развитие внутривосточного диалога, затронувшего буквально все направления. Недавно Горбачев впервые заговорил о Европе как об общем доме, где все европейцы могли бы обрести кров.

Новое динамичное развитие охватывает целый ряд фундаментальных проблем.

1 *Разоружение.* Независимо от диалога между СССР и США, завершившегося соглашением об уничтожении ракет средней и меньшей дальности, Европа готовит к Венской встрече по безопасности и сотрудничеству собственные предложения. Они предусматривают одновременное продвижение по двум основным направлениям. Во-первых, создание

атмосферы военного доверия, что означает углубление принципов, согласованных в Стокгольме. Во-вторых, достижение равновесия объемных видов вооружения. Уже очевидно, что переговоры о разоружении привели к дальнейшей разрядке в двухполюсной логике гонки вооружений.

2. *Уважение к старым гуманистическим идеалам.* После пятнадцати лет общеевропейского диалога нам удалось продвинуться вперед и в сфере прав человека. Сопреждения, проведенные в Оттаве и Берне (соответственно в 1984 и в 1986 годах), хотя и не привели к принятию согласованных документов, были бы вообще невозможны десять лет назад. Еще менее реальным представлялся вариант, при котором Москва предложила бы свою кандидатуру для проведения конференции по этим проблемам. Сейчас мы должны стремиться к тому, чтобы отказаться от бесконечных дискуссий на тему о том, что такое права человека, и избегать самодовольного восхваления каждой из наших систем.

3. *Техническое и экономическое сотрудничество.* Уровень обмена между Советским Союзом и Западной Европой пока что очень невысок. Во внешнем торговом балансе обеих сторон он не превышает 3,5%, а в Испании и того ниже — примерно 1,75%. На обмен внутри СЭВ приходится приблизительно половина торгового оборота стран этого сообщества. Торговля внутри одной экономической системы сопровождается сбоями, нарушением ритма и консервацией того отставания, которое вообще присуще этой системе. При соблюдении норм и правил *Socot*¹ укрепление технического сотрудничества было бы полезно для всех стран, но особенно для государств Восточной Европы, опасно отставших от Запада в технике и технологии.

Совсем недавно европейские банки начали гигантскую операцию по предоставлению СССР кредитов на общую сумму 6 миллиардов долларов. Группа Deutsche Bank предоставила кредиты на 1,6 миллиарда долларов, французские банки во главе с Credit Lyonnais — на 2 миллиарда, итальянские — на 775 миллионов, английские — ведут переговоры о кредите на 1,75 миллиарда долларов. В некоторых консервативных кругах эту операцию расценивают как новый "план Маршалла", направленный на поддержку перестройки. В действительности, я думаю, инициатива банков порождена атмосферой внутриевропейского диалога. Замечу, что в данный момент долг Москвы европейским банкам достигает 34 миллиардов долларов.

В заключение хотел бы сказать следующее. Еще сравнительно недавно мы могли спорить о том, действительно ли Горбачев собирается проводить серьезные реформы. Позднее вопрос был сформулирован иначе: возможны ли эти реформы, и каковы их цели? Сейчас тоже далеко не все еще ясно. Мы не в состоянии точно оценить экономическое положение Советского Союза, столкнувшегося со многими трудными проблемами; у нас нет уверенности, что перестройка затронет фундаментальную сферу политических свобод и прав человека; вряд ли кто возьмется судить о глубине национальных конфликтов, выплеснувшихся на поверхность, и о серьезных переменах, происходящих в ряде стран Восточной Европы.

Одно несомненно: перестройка в Советском Союзе требует от европейцев четкой позиции. Мы просто не можем остаться равнодушными к переменам таких масштабов — пожалуй, к самому важному из того, что происходит во второй половине XX века. Важному уже хотя бы потому, что все это совершается в Европе.

Европейскому сообществу, с таким трудом сумевшему взяться за выполнение своей исторической программы, должно принадлежать в этом деле активная роль. Мы не можем, повторяю, быть всего лишь свидетелями, мы обязаны четко определить свою позицию.

Следует помнить, что чудес или внезапных сдвигов ждать не следует. Процесс перемен в Советском Союзе развивается медленно. Так же медленно, как идет развитие истории. Поэтому сейчас трудно предвидеть, к каким изменениям приведут нынешние реформы.

Мне представляется, что общество в конечном счете напоминает кинетическую скульптуру Кольдера: тронь ее в любом месте, и вся скульптура придет в движение. Вспомним, что даже ледники движутся.

В каком направлении? Я приведу здесь слова русского поэта Бродского: "Петр Великий не хотел подражать Европе, он хотел, чтобы Россия была Европой". Может быть, столько веков спустя наконец пришел этот час? ●

¹ Координационный комитет (западных стран) по многостороннему контролю за экспортом. — *Ред.*

Валерий ЧАЛИДЗЕ (Бенсон, США)

БЮРОКРАТИЯ И МИРНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Английский философ Бэкон высказал такую мудрую мысль: "Природой можно руководить, лишь подчиняясь ей". Перефразируя его, можно сказать: "Обществом можно руководить, лишь подчиняясь ему". Звучит разумно. Действительно, можно добиться многого и в развитии общества, и даже в резком его изменении, если понимать природу поведения и развития общества, если не идти против этой природы. Но часто бывает и так, что правители пытаются насильно навязать обществу нечто ему не свойственное, противное его природе и естественным тенденциям развития. Тогда общество сопротивляется давлению, тогда правители могут быстро проиграть и уйти с политической арены. Примеров слишком много, я не отвлекаюсь на них.

Если давление на общество слишком сильно, общество иногда не в состоянии скинуть тех, кто предъявляет ему противоестественные требования. Тогда некоторое время может казаться, что правители, идущие против природы общества, преуспели, что общество им подчинилось. Рано или поздно все же оказывается, что хотя такие правители и отклонили общество от его естественного пути развития, но результат получился совсем не тот, что был задуман. Оказывается, что общество отомстило насильникам, развиваясь в неожиданную сторону.

Россия столкнулась с такой ситуацией после 1917 года. Те, кто мечтал установить общество противоестественного равенства, вскоре увидели, что общество мстит им, не имея возможности сопротивляться открыто. На насаждение равенства общество ответило не только всеобщей разрухой, но и созданием слоя жадных до власти и привилегий начальников, тех самых начальников, которые по замыслу должны были насаждать равенство. Незадолго до смерти Ленин заметил силу и опасность этого нового слоя, слоя партийных и советских бюрократов, но, во-первых, было уже поздно — чудовище оказалось сильнее своего создателя. Во-вторых, ни Ленин, ни Троцкий, ни другие борцы с бюрократией не поняли природы грозного явления, они винили нехороших людей, неправильную организацию управления. Они не поняли, что это месть общества за пренебрежение его природой, за попытку насадить неестественное равенство, за попытку создания искусственных, идеальных людей.

Прошло 70 лет. Мечты о равенстве давно оставлены правителями России. Никто не сомневается теперь, что бюрократия — это нужный и в общем полезный общественный слой. Вопрос теперь в том, чтобы бюрократия была более эффективной, более гибкой. Вопрос теперь и в том, чтобы бюрократия немного поделилась властью с народом. В том, чтобы бюрократия поддержала перестройку, а не саботировала ее. Как достичь этого, не идя против природы общества, как достичь этого, разгадав естественные тенденции развития? Единственный путь, я думаю, это понять причины недовольства и осторожности бюрократии и правильно понять роль бюрократии и ее ценность для общества.

Казалось бы, это странно слышать от меня, человека, который уже 20 лет критикует злоупотребления бюрократии. Но мне это говорить не странно. Можно критиковать какой-то общественный слой и в то же время понимать ценность этого слоя. Напомню, что еще при Брежневе я писал, что на управленческий слой надо смотреть как на вид национального богатства, наравне с индустриальным комплексом и природными ресурсами.¹ И вот теперь меня настаивает накал официальной и общественной критики бюрократии. Так и хочется сказать: "Подпиливаете сук, на котором сидите". От бюрократии слишком многое зависит в том, чтобы перестройка пошла успешно. Ее симпатий не добиться наскоком, а ее послушание может быть формой саботажа, более опас-

¹ СССР: Внутренние противоречия, 9, 1983.

ного, чем прямое сопротивление. Я думаю, что здесь очень легко пойти против естественных тенденций развития общества и добиться результатов, обратных желаемым.

Под естественными тенденциями развития я здесь имею в виду то, как в обществе развиваются иерархические отношения. Если бы речь шла теперь о насильственной революции, то перетряска иерархических отношений в обществе была бы естественна. Разные иерархические слои поменялись бы местами, как бывает при революциях. И как это часто бывает при революциях, ничего хорошего не вышло бы. Но перестройка, как утверждают, — это мирная революция. Поэтому даже если и произойдут какие-то иерархические изменения в обществе, они должны произойти постепенно и без ущерба для тех слоев, которые привыкли считать себя высшими. Я здесь говорю об общественных слоях, а не об иерархическом положении отдельных лиц: в их положении могут происходить подчас драматические изменения и на поведении общества в целом это может совсем не отразиться.

Бюрократия привыкла быть на вершине иерархической лестницы в обществе. И с этим надо считаться. Унижение столь сильного и важного для перестройки слоя может привести к беде. А такое унижение уже можно наблюдать. Положим, бюрократия проглотит горькую пилюлю гласности — разрешение оную бюрократию критиковать. Но здесь есть предел. Одно дело критиковать отдельных лиц по отдельным делам, когда заслужили, другое, когда из бюрократии делают ритуального козла отпущения за все беды. Вот мне говорят, Горбачев сильно отступил на партконференции, когда не слишком защищал прессу от бюрократов. А я думаю, это было разумно с его стороны, это было шагом для поддержания баланса.

Другим унижением являются нападки на так называемые чрезмерные привилегии. Это уже мелочность, какое-то сведение счетов. Привилегий этих не так уж много, направлены они в основном на экономии времени и создание минимального комфорта для людей, которые, как правило, работают с колоссальной нагрузкой. Споры нет, было бы приличнее просто больше платить, но дефицит диктует обществу свои законы. Надо при этом помнить, что это действительно мелкие привилегии. Если президент крупной компании в Америке имеет в своем распоряжении удобный реактивный самолет, то это здесь никого не смущает. А в СССР директора крупного предприятия, того и гляди, попрекнут машиной. Я, конечно, избаловался в Америке, но когда я слышу о привилегиях советских начальников, мне и грустно, и смешно. Среди этих привилегий в общем нет ничего, чего человек среднего достатка в Соединенных Штатах не имеет или не мог бы иметь, если бы ему это понадобилось.

Я думаю, острая критика привилегий бюрократии — это отзвук старой мечты о материальном равенстве. Это естественно, в перестройке принимают участие разные слои и каждый поет свою песню. Но некоторые песни могут звучать диссонансом. Мечта о материальном равенстве, несомненно, противоречит и тенденциям развития общества, и идеям перестройки, хотя политически песня о равенстве и может звучать привлекательно.

Перестройка — это мирная революция, задача которой активизировать активные слои общества, дать им больше простора для инициативы, больше стимулов для проявления их способностей. Для этого требуются гарантии равенства в правах, но в то же время допущение большего материального неравенства. Борьба с уравниловкой — это борьба за неравенство. Надо это четко понимать. Надо четко понимать, что именно дифференциация общества открывает путь к тому, чтобы активность активных могла быть использована на благо общества.

Поэтому любые попытки принизить активные слои противоречат перестройке. А бюрократия — это один из активных слоев общества. И надо внимательно посмотреть, какие меры по ограничению бюрократии необходимы как гарантия активизации других слоев, таких, как кооператоры или интеллигенция, а какие могут на радость неактивной массе ущемить интересы бюрократии и вызвать ее сопротивление и саботаж.

Разумно, я думаю, посмотреть, достаточно ли бюрократия в среднем вознаграждена за свою управленческую роль в обществе. С моей точки зрения — недостаточно. В США ценят управленческий труд и талант гораздо выше, и надо брать пример с хорошо работающей системы. Здесь нередки случаи, когда руководитель производства получает зар-

плату в десятки раз выше, чем рабочий, а некоторые руководители — даже в сотни раз выше. Это — рыночная, то есть экономически справедливая оценка роли руководящих кадров. А в СССР оплата труда, таланта и перегрузок бюрократии не сильно отличается от оплаты квалифицированных рабочих, хотя рыночная ценность труда хорошего управленца, несомненно, намного выше труда рабочего.

Как же надеяться, что при такой недооценке труда бюрократии не будет саботажа со стороны этого слоя, когда перестройка пытается активизировать другие слои общества? Каково среднему бюрократу содействовать кооператору, если он видит, что этот, с его точки зрения, выскочка сразу начнет зашибать деньгу, которая и не снилась честному начальнику. Ясно, что он сознательно или бессознательно будет противиться кооперативному движению. Это лишь один пример того, как при существующем пренебрежении к начальникам можно добиться результатов, обратных желаемым.¹

Вряд ли политически возможно теперь увеличивать объем привилегий бюрократии. В любом случае даже существующие привилегии не должны быть секретными. Но очень, я думаю, важно не принижать бюрократию, не делать из нее козла отпущения. Кроме этого, я думаю, пришло время для резкого увеличения оплаты труда бюрократии. Бюрократия может стать союзником перестройки, если ее роль в управлении обществом, ее таланты и ее активность будут по достоинству оценены. В этом случае она смирится и с повышенными требованиями к ней, и с гласной критикой, и даже с сокращением аппарата.

Мне могут возразить, что при всей ценности бюрократии она уж очень несимпатична, имея в виду тот неоспоримый факт, что в слое этом полно тех, кто попал туда по благу, тех, кто не печется о нуждах страны, тех, кто просто не способен и не захочет содействовать перестройке общества. Все это так. Возражение разумное. Но посмотрите на другие слои общества. Разве интеллигенция избежала тех же проблем? Разве коррупция, приспособленчество, интеллектуальная нечестность не характерны для интеллигенции? А разве среди рабочих мало бездельников, несунув и пьяниц?

Страна была в кризисном состоянии почти целый век. Этот кризис привел к деформации моральных и даже правовых ценностей во всех слоях населения. Естественно смотреть на эту моральную деформацию как на результат сопротивления общества противоестественному давлению на него. У тех, кто теперь пытается вернуть общество к нормальному состоянию, есть выбор: попрекать отдельные слои общества этими моральными деформациями или создавать в обществе условия, при которых эти деформации теряют смысл как выражение массового сопротивления народа. Первый путь явно непригоден: попрекать придется почти всех. Праведников в России осталось немного, и они не таковы, чтобы смогли управлять государством. Управление так или иначе придется доверить неправедникам, если не ворам, то циникам, которые лицемерно терпели гнусность прошлых лет и умудрились продвинуться, поддакивая мерзавцам из начальства. Нет смысла в том, чтоб они били себя в грудь за прошлые грехи или в том, чтоб охочая до обвинений толпа смешивала их с грязью, тем более, что некоторые искренне рассматривали свое приспособленчество как жертвенность, как терпеливое ожидание часа, когда они смогут по-настоящему послужить своей стране.

Очищение страны может быть достигнуто не покаянием или взаимными обвинениями, а готовностью жить иначе. В ситуации, когда кризис страны осознан страной, когда большинство народа хочет из этого кризиса выйти (если это так!), в этой ситуации должна прийти на ум идея прощения прежних грехов. Прощения без забвения, ибо отказ от анализа прежних бед социально вреден.

Прощение должно прежде всего выразиться в отказе от поисков козла отпущения. Но этого недостаточно. Нужно отказаться от юридического преследования коррумпированных бюрократов по обвинениям за действия, совершенные до перестройки, скажем, до 1987 года. Всех не посадишь, коррупция была распространена слишком широко, а избирательные преследования — это пощина праву, это продолжение произвола тех,

¹ Изучая Закон о кооперации, я был поражен тем, в какую зависимость от местной бюрократии поставлены кооператоры. Это не только тормоз кооперативному движению, это еще и приглашение к процветанию взяточничества.

кто имеет власть выбирать, кого преследовать. Одновременно это — шантаж почти всего слоя бюрократии, создание напряженности, которая вряд ли совместима с желанием перестройщиков видеть бюрократию работающей по-новому. Объявление амнистии по соответствующим статьям Уголовного кодекса ознаменует начало новой жизни для многих бюрократов, начало очищения. Я имею в виду статьи о взяточничестве, хозяйственных преступлениях, частнопредпринимательской деятельности с использованием государственных форм и т.п. в случаях, когда преступление не связано с насилием или с действиями против правосудия. Многие из осужденных по этим статьям пострадали вполне заслуженно, но не будем забывать, что среди них много стрелочников, принесенных в жертву вышестоящими ворами, много таких, кто просто не смог откупиться. Освобождение таких второстепенных виновных — справедливо.

Такая амнистия освободила бы от страха тех, кто помнит за собой грехи, и освободила бы от наказания тех, кто уже осужден. Последнее означает дополнительную социальную пользу. В условиях, когда правительство делает ставку на кооперативы, освобождение деятелей второй экономики — разумный шаг. Эти люди пытались проявлять свой предпринимательский талант, когда это было незаконно. Разумно, чтобы теперь их талант служил обществу.¹

Мне возражат, что даже если все мои пожелания осуществляются, то есть если грешники будут прощены, если общественный статус бюрократии и ее материальное положение будут повышены, все равно останется много проблем, в том числе проблема чистки бюрократии — слишком много бесталанных бездельников попало в престижный слой. Я и не надеюсь, что принятие моих пожеланий решит все проблемы, но я думаю, что вместе с гласным контролем за деятельностью властей это создаст условия для самоочищения бюрократии. Вышние иерархические слои умеют очищаться от недостойных, коль скоро общественные условия это позволяют. В то же время народ также сумеет освободиться от недостойных начальников, если гласность станет нормой жизни. Без гласности народ можно обмануть, но он обычно знает, когда его обманывают. В условиях гласности обмануть народ будет трудно, рано или поздно вороватый или бесталанный бюрократ будет засвечен народной критикой.

Отмечу также путаницу в умах критиков. Бюрократию часто путают с бюрократизмом. Бюрократия — это общественно ценный слой управленцев. Бюрократизм — это стиль работы. Надо четко понимать, что именно общественные и правовые условия ответственны за то, что такой стиль работы стал распространенным. Назову лишь отсутствие гласного контроля, ограниченность судебной защиты прав людей, келейность назначений на ответственные посты, наличие системы номенклатуры. Список этот можно продолжить, но и без того ясно, что устранение условий, способствующих бюрократизму, приведет к духовному обновлению слоя бюрократов и одновременно создаст обстановку в стране, в которой этот слой будет подвержен меньшей опасности засорения бездельниками, ворами или просто людьми, неспособными к управлению. Я даже могу утверждать нечто более решительное: распространение бюрократизма — это вынужденная защитная реакция бюрократии на условия правовой и общественной среды, так же как приписки — это весьма часто реакция на нереалистические плановые задания. Я не пытаюсь оправдывать бюрократизм или приписки. Но понимание причин явления должно предшествовать борьбе с этим явлением. Винить бюрократию в бюрократизме можно, но это будут пустые разговоры. Изменить условия работы управленцев, то есть в большой мере изменить саму систему управления — это реалистический путь, хотя я понимаю, что это путь нелегкий, прежде всего потому, что часть бюрократии будет сопротивляться таким изменениям. Тем более важно повышение престижа бюрократии, чтобы она стала союзником перестройки. ●

¹ Закон о кооперации запрещает лицам, имеющим судимость, быть в числе руководящих работников кооператива. Юридически и с точки зрения социальной пользы это неразумно, но с политической точки зрения введение такой нормы можно понять. Однако даже это ограничение не препятствует использованию делового таланта бывших осужденных в работе кооператива.

Андрей НУЙКИН (Москва)

МЕХАНИЗМ ПОДМЕНЫ

Чаще всего мы рассматриваем перестройку в экономическом аспекте, говорим о схемах, которые позволят вывести страну из предкризисного, а может быть, и кризисного тупика. Такой подход позволяет лучше понять ситуацию, но в чем-то также искажает картину. Экономические схемы могут быть превосходными, но при этом не учитывать какого-то маленького нюанса конкретной исторической ситуации. И в результате — не сработать.

Конечно, политические факторы не отменяют экономических законов, но затормозить их действие, исказить исторические закономерности они могут очень существенно, что мы и наблюдаем в течение последних 70 лет. Поэтому, мне кажется, нужно уделять самое пристальное внимание изучению конкретной политической ситуации, ее внутренних механизмов и т.д.

Возьмем вопрос о многопартийной и однопартийной системах. Общеизвестно, что многопартийная система — это хорошо. С точки зрения общей теории спорить тут, собственно, не о чем. Это столь же очевидно, как то, что лучше быть здоровым и богатым, чем бедным и больным.

Преимущества многопартийной системы очевидны. Но — при каких-то определенных сложившихся исторических ситуациях. Часто говорят, что при капитализме многопартийная система — это и есть тот гарант, который обеспечивает стабильность общества, плюрализм, страхует от чрезмерной концентрации власти в одних руках. А ведь это не так. Гарантом является частная собственность. Именно она, а вовсе не многопартийность страхует общество от политического всевластия, засилья государства. Что касается многопартийности, то она является только одним из следствий этих отношений собственности.

Однопартийную систему принято считать главным злом, вызвавшим те печальные последствия, о которых мы так откровенно говорим сегодня. Мне кажется, стоит хотя бы поставить под сомнение абсолютную верность этих утверждений.

В нашей нынешней, уже почти плюралистической политической ситуации одним из самых опасных ярлыков остается обвинение человека в том, что он выступает против руководящей роли партии. Хочу привести один пример. Перед партконференцией, когда перестройка оказалась в кризисном положении, я высказал в интервью "Литературной газете" мысль, что поскольку партийный аппарат — прежде всего его среднее звено — отнюдь не проявляет желания стать лидером перестройки, настало, видимо, время создавать комитеты в поддержку перестройки, которые со временем слились бы в Народный фронт. Однако, когда я прочел собственное интервью, я удивился. В него была вставлена скромная фраза, на которую в прошлые годы никто из нас даже не обратил бы внимания: "Разумеется, под руководством партии". Теперь же я был огорчен. В самом деле, не будешь же потом выходить на площадь и кричать: "Товарищи, я против руководства партии!"

Почему меня это так задело? Ведь я член этой самой партии, почему же я не доволен, что моей партии так настойчиво приписывается руководящая роль? А потому, что в контексте подразумевалась вовсе не партия, а партийный аппарат. Это под его руководством должны были действовать комитеты перестройки. Естественно, что подобная интерпретация идеи мне не понравилась.

Эта подмена типична. Всякий раз, когда подразумевают аппарат, у нас говорят о партии. Аппарату это чрезвычайно удобно, и он проявляет прямо-таки трогательную заботу об усилении власти партии. Ибо заботится он, собственно, об укреплении своей, аппаратной, власти. Такие подмены совсем не так невинны, они во многом определяют нашу политическую жизнь.

В чем должна быть сила партии, если бы она именно в этом качестве присутствовала в обществе? Часто говорят: во власти над государственным аппаратом. Казалось бы, все тут логично, если эта партия — правящая. Но ведь это все-таки не партийная функция — командовать государственным аппаратом, судами, армией, органами госбезопасности, профсоюзами. Все это функции государственные, очень серьезные, важные и нужные, но в общем административные. Если именно в них сила партии, то это мало соответствует ее партийной сути.

Разве кто-нибудь стал бы возражать против силы партии, если бы она выражалась в ее связи с народом, в верности идеалам — коммунизма в данном случае, поскольку это коммунистическая партия, — в открытости целей, в гуманности идей, в глубине научного проникновения в историю, в активности и принципиальности каждого ее члена? Видимо, сила партии и должна складываться из всего этого. Однако произошла подмена функций партии, и пора об этом сказать прямо и откровенно. Я, например, проводил такие маленькие социальные эксперименты в самых разных аудиториях. Я говорил: "Ну вот, я коммунист, и в зале много членов партии. Хочу предложить такую схему изменений. Давайте распустим всю партию, но оставим секретарей парткомов, райкомов, всю остальную партийную иерархию. Скажите, как, на ваш взгляд, что-нибудь изменится в нашей жизни?" Ответом было молчание или смех.

Затем я обращался к залу: "Вот уже 33 года я состою в партии. Поскольку собрания положено проводить каждый месяц, легко подсчитать, на каком гигантском числе собраний я присутствовал. Но я не могу припомнить ни одного собрания, которое бы на что-то повлияло: на выбор руководящих органов или хотя бы на какую-то сугубо частную сторону жизни нашего коллектива. Если в зале присутствует кто-то, кто был на таком собрании хотя бы раз, пусть он в этом признается". Ни один не признался.

Такая вот ситуация. А мы говорим о руководящей роли партии, которая состоит из восемнадцати миллионов.

Что такое партия? Союз единомышленников, говоря популярно. Но вот я вглядываюсь в тех, кто состоит у нас в партии. Единомышленники? Но без особых усилий в партии можно найти и фашистов, и националистов, и демократов, и либералов, и социалистов, и коммунистов, и просто людей беспартийных по своей сути. Это обыватели, которым сказали, что надо вступить в партию. Они и вступили.

Какой же это союз единомышленников, если он вбирает в себя всех — все оттенки идеологий, мировоззрений, и они без всяких затруднений и противоречий в этом объединении уживаются? Добавлю, что из этих восемнадцати миллионов большая часть никаких льгот и привилегий из своей принадлежности к партии не извлекает. Если человек начальству мил и не противоречит, то коммунист он или не коммунист, он может получить какие-то блага. Если же противоречит, принадлежность к партии его не защитит, скорее наоборот.

Если искать параллели, то лучше всего, вероятно, подошло бы сравнение партии с деревенской общиной прошлых времен с ее круговой порукой, с ее возможностью управлять большой группой людей сверху, с дополнительными возможностями, облегчающими управление, послушание и т.д. Поскольку все параллели хромают, то хромает и эта. Но на какие-то размышления она все-таки наводит.

На первых этапах своего существования наша партия была именно партией, но условия подполья превратили ее в военизированную организацию с системой централизации и подчинения, с повышенной властью небольшой группы людей. И все-

таки думаю, что при Ленине она еще оставалась партией, хотя уже тогда начали развиваться процессы, которые в конечном счете привели к тому, что руководящая роль партии превратилась в руководящую роль партийного аппарата. Кстати, и сам этот аппарат по своим функциям уже не чисто партийный. Аппарат этот прочно сросся и с государственным, и с хозяйственным аппаратом. Разделение функций внутри этого сращения неясно, но аппарат все-таки один. Это еще раз подтверждает мысль, что подобное образование трудно назвать партийным. Скорее это некий государственный организм, который использует партийные структуры и идеологические схемы для удобства управления. Позволю себе напомнить известные слова Розы Люксембург. "Если политическая жизнь в стране будет задущена, — писала она вскоре после революции, — Советы тоже не смогут избежать прогрессирующего паралича. Без общих выборов, свободы печати и собраний, свободной борьбы мнений в любом общественном институте жизнь затухает, становится лишь видимостью. И единственным активным элементом жизни становится бюрократия. Общественная жизнь погружается в спячку. Управляют всего лишь несколько десятков очень энергичных и вдохновляемых безграничным идеализмом руководящих партийных деятелей. Истинное руководство находится в руках этого десятка руководителей, а рабочая элита время от времени созывается лишь для того, чтобы аплодировать выступлениям вождей и единогласно голосовать за заранее заготовленные резолюции. Таким образом, в сущности, это власть клики. Конечно же, их диктатура — это не диктатура пролетариата, а диктатура горстки политиков. С моей точки зрения, диктатура пролетариата — это самая неограниченная, широчайшая демократия. Социализм без политической свободы — не социализм".

Это предупреждение было высказано задолго до того, как победил сталинизм. К сожалению, прогноз Розы Люксембург полностью оправдался.

Интересно, что Роза Люксембург писала это задолго до прихода к власти Сталина, в те годы, когда группа политиков, вдохновляемых, как она выразилась, "безграничным идеализмом", сочла, что объяснять, воспитывать массы и прочее — дело долгое и ненадежное. Можно сделать дело — благо власть в руках! — куда быстрее и проще. На этом этапе они искренне верили, что командная система приблизит построение социализма.

В итоге политика все больше сводилась к групповой, аппаратной борьбе за преобладающее влияние, за реальную власть. Но это были еще люди, одержимые идеалом. Сталин произвел в их среде такую вивисекцию, что группа, клика сохранилась, а от идеалов не осталось почти ничего. Практически возникла преступная группа. Сейчас, зная факты — а их накапливается все больше, — мы можем утверждать это с полной ответственностью. Поэтому нет ничего удивительного, что члены преступной группы вознамерились достичь своих политических целей преступными средствами.

В журнале "Огонек" были помещены воспоминания 90-летней большевички Зинаиды Немцовой о том, как, собственно, Сталину отдали власть. В нем привлекает внимание рассказ о том, как в 1936 г. Петра Смородина, бывшего тогда секретарем райкома, назначили председателем Комиссии по обмену партдокументов ленинградского управления НКВД. Познакомившись с документами, он обнаружил, что абсолютное большинство чекистов вступило в партию в последние годы. Как правило, это были немолодые люди, которые в прошлом служили в полиции, в жандармерии; много было белогвардейских офицеров. Дальше Немцова вспоминает, что когда она вернулась в Москву, отец с ужасом сообщил ей, что и в Москве, проверяя документы сотрудников НКВД, он обнаружил ту же картину.

Параллельно с этими изменениями шло неуклонное снижение уровня партийных руководителей. Сошлюсь на дневниковые записи академика Вернадского: "Крупные неудачи нашей власти — результат ослабления ее культуры. Средний уровень коммунистов — и моральный, и интеллектуальный — ниже среднего уровня беспар-

тийных. Он сильно понизился в последние годы — в тюрьмах, в ссылке. Казнены лучшие люди партии, делавшие революцию, лучшие люди страны. Это сказалось очень ярко уже в первых столкновениях в финляндской войне и сейчас сказывается катастрофически”.

Разумеется, тут можно усмотреть естественный процесс: была маленькая высококультурная партия, потом она стала бурно разрастаться, и качественный состав ее изменился. Однако в действительности произошло совсем другое: захват полной власти аппаратом, превратившим партию в такую систему, которой было легко манипулировать. Бесспорно, при этом было немало людей, которые искренне верили, что так и нужно.

Когда сейчас критики у нас и за рубежом ополчаются против власти партии, они, мне кажется, подыгрывают этому самому аппарату, которому очень хочется, чтобы его власть, даже всевластие, воспринималось в мире как власть партии.

Часто спрашивают: а способен ли этот аппарат, который, конечно, наиболее силен, наиболее вооружен и организован, повернуть перестройку назад? Думаю, что пока он еще в состоянии это сделать, ибо основные рычаги власти все еще в его руках.

Настораживает, что аппарат не проявляет особой склонности к компромиссам, и это при том, что сторонники перестройки понимают, что без компромиссов с аппаратчиками не обойтись: довести сейчас дело до гражданской войны — значило бы погубить не только Советский Союз, но, может быть, и весь мир.

Однако аппарат занимает жесткую позицию. Результаты выборов на XIX партконференцию, письмо Нины Андреевой — все это звенья одной цепи. Дело, понятно, не в самом письме — печатаются письма и посерьезнее. Важно, что это письмо аппарат готовил как манифест, сигнализирующий всеобщий поворот назад. И выборы на конференцию показали: аппарат прямо-таки афишировал тот факт, что крепко держит власть в своих руках.

Тут, правда, я разделил бы два вопроса: могут ли аппаратчики погубить перестройку и могут ли они победить. Это не одно и то же. Помешать перестройке они могут, победить — нет. У них нет никакой позитивной программы. Самое большее, что они могут, — это на какое-то время ввести военную диктатуру. Это был бы очень опасный шаг, опасный для всего мира. Но диктатура не решила бы экономических проблем страны. Иначе говоря, нынешний кризис был бы доведен до предельной остроты — что само по себе опасно — и все-таки рано или поздно это кончилось бы. И если бы даже обошлось без мировой катастрофы, то нам пришлось бы все начинать сначала. И уж тогда, не сомневаюсь, мы пришли бы к многопартийной системе, потому что в таких условиях невозможно представить себе иной альтернативы, которая организовала бы народ на сопротивление тирании.

Сейчас ситуация все-таки другая. Очень многие демократически настроенные люди считают, что торопиться с призывами к многопартийной системе не стоит. Наши демократы пока не организованы и еще не созрели для того, чтобы создать партию, способную руководить. Те же националисты, например, куда больше к этому подготовлены.

Сейчас у народа появилась уникальная возможность: не создавая альтернативных партий, объединиться для выполнения решений той партии, которая на XXVII съезде провозгласила свою программу. Программу, которая в общем-то всех устраивает. Вполне закономерно, что у нас создаются Народные фронты, и наиболее подготовленный к демократии регион — Прибалтика настойчиво и мудро подчеркивает, что Народный фронт — не партия. Они отмежевываются от такого отождествления не из боязни, а потому, что видят возможность объединить в этом фронте лучшие силы и самой партии. Как мне сказали в Эстонии: “Зачем же создавать новую партию, чтобы выполнять решения другой партии? Но нам нужен плюрализм социальных и политических структур”.

ПОСТЕПЕННОСТЬ — САМОЦЕЛЬ?

Когда с самой высокой трибуны было впервые заявлено, что восьмидесятые годы Советский Союз встретил в предкризисном состоянии, некоторые из нас решили, что это было сказано слишком мягко, хотя по судебным меркам семидесятых годов и за этот *клетчатый* вывод полагался *срок*. Нам казалось, что мы уже давно живем в стране, охваченной глубоким всесторонним кризисом, который вот-вот разрешится чем-то неопределенно ужасным.

Однако Михаил Горбачев с его советниками был, пожалуй, прав. До кризиса, до такой температуры, при которой перестают действовать все обычные рычаги управления, не дошло даже сейчас, спустя три с лишним года.

О *предкризисе* — и ни о чем большем — свидетельствует и то, как вяло и поверхностно совершаются преобразования, обещанные народу после того, как в привычной обстановке траурной помпезности проводили в последний путь незадачливого генсека Черненко, собиравшегося увековечить, как он выражался, брежневский стиль работы. Положение в народном хозяйстве ухудшается, но еще не достигло такого предела, чтобы реформаторы были вынуждены хотя бы отказаться от разрушительного по самой своей природе централизованного командного планирования.

Продолжают держать на привязи и печать. Разрешено, правда, многое; разрешено такое, о чем до Горбачева и не мечтали: разоблачать Сталина, критиковать индустриализацию и коллективизацию, воспевать кое-кого из расстрелянных в тридцатые годы виднейших оппозиционеров, без обязательного восторга разбирать произведения почти всех высших руководителей Союза писателей СССР (вольность, которая пишушую братию пьянит не меньше, чем то, что газеты могут сообщать о некоторых крупных забастовках и массовых выступлениях). Однако руководителям печати напоминают, что открыто спорить с газетой "Правда" нельзя, поскольку она центральный орган партии, а что ЦК и Политбюро критике не подлежат — само собой разумеется.

Каждый день подчеркиваются и другие *нельзя*, так что настроение многих из нас по-прежнему определяется не столько тем, что нам сегодня позволено, сколько тем, что — запрещено. Что запрещено, то и болит. Вернее, наоборот: что больше всего болит, то и запрещено. Запрещено доводить народ до сомнений, что то, что у нас построено, — социализм. Резко осуждены первые попытки не вполне апологетического разбора деятельности и взглядов Ленина. "Как мало надо верить в его правоту и величие, — сказал мне один из твердых ленинцев, каковых у нас еще немало, — чтобы бояться, что его авторитет не выдержит свободного критического анализа на родине ленинизма!" Нельзя обсуждать вопрос о сокращении армии, без чего ее не оздоровить. Нельзя подробно и правдиво писать о том, что происходит в Польше и Румынии, как, впрочем, и в любой другой *братской* стране. Нельзя вслух мечтать о независимой массовой печати и многопартийности. Пресса призвана всячески способствовать укреплению руководящей роли одной партии, но статью, в которой вы попытаетесь показать, что не партия правит тем же Госпланом, а Госплан — партией, и возгласите: коль она одна и правящая, так пусть все-таки правит, — статью, продиктованную такой заботой о повышении роли КПСС, не пропустят.

Особенно строгий запрет наложен на вопросы, есть ли у наших руководителей программа действий, на выражение опасений, что вместо стратегии нам еще долго будут предлагать тактику — тактику малых шагов в неопределенном направлении.

Когда этот текст прочитали мои друзья, они сказали, что я должен считаться с тем, что буду неправильно понят. Журналисты, мол, объявят, что я не просто предвижу кризис, а призываю его, причем в понятие кризиса вкладываю-де нечто очень страшное. У нас возникла дискуссия, и я сказал, что могу привести примеры таких явлений в сегодняшней нашей жизни, которые можно рассматривать как первые признаки предстоящего благотворного кризиса. Газеты сообщают о случаях, когда колхозы и совхозы то здесь, то там явочным порядком выходят из РАПО — то есть из-под власти государственного ведомства, управляющего агропромышленным комплексом. Есть и заводы, отказывающиеся подчиняться своим министерствам и с вызовом объявляющие об этом во всеуслышанье. Кто мог предположить еще вчера, что борьба за демократизацию, в данном случае — за демократизацию хозяйственной жизни, может принять такие кощунственно революционные, с точки зрения правоверного тоталитариста, формы? Непослушание отдельного лица, протест группы людей, даже всего рабочего персонала предприятия — это одно, это знакомо, но *бунт* предприятия со всей его администрацией, с партийным, профсоюзным и комсомольским комитетами — это другое, небывалое, непредвиденное.

Это поистине творчество масс, низов. Здесь администрация и персонал не противостоят друг другу, а солидарно и действительно по-революционному берут себе права, нужные им для эффективной деятельности. Причем это бунтовское творчество одобряется высшим политическим руководством, которое, как кажется, само временами изнемогает под давлением ведомственного империализма. Я встречал у нас образованных ленинцев, которые именно с этим явлением связывают чуть ли все свои надежды... Кто знает, сколько колхозов и совхозов, сколько заводов должно взбунтоваться, чтобы это количество перешло в качество, обрело характер кризиса, который многократно ускорит процесс выработки и принятия кардинальных экономических и политических решений?

Само собой разумеется, мне было сказано, что я экстремист. Это одно из недоразумений последних лет: называть экстремизмом мнение о том, что разрыв с прошлым должен быть резким, что пропасть надо преодолевать все-таки в один прыжок. Показательно для наших нравов: эту точку зрения многие *постепеновцы*, особенно руководящие, считают не просто ошибочной, но и предосудительной, опасной, заслуживающей прямо-таки наказания. А ведь она выражает, как я замечаю, отнюдь не только нетерпение и прочие юношеские чувства. Она исходит из анализа, не менее строгого и спокойного, чем тот, на который опираются постепеновцы. Кто может сказать с уверенностью, кто может дать гарантию с приложением подписи и печати, что постепенность не будет означать постепенного накопления трудностей и недовольства, которое в один несчастный день все равно обернется тем, чего сейчас хотя бы избегает посредством тактики малых шагов? А раз такой гарантии дать нельзя, то я думаю, что было бы дальновидным со стороны властей пустить эту мысль в печать. Пусть бы общество как следует с нею повозилось — это подготовило бы население к вполне вероятным резким переменам. Народ надо готовить ко всем вариантам. Вопрос о способах и сроках революционных по сути преобразований — вопрос слишком серьезный, чтобы считать его уже решенным.

Я допускаю, что жестоко ошибаюсь, считая более убедительными взгляды и предложения "экстремистов-рыночников" (экстремисты не-рыночники меня не интересуют, это по части психиатров). Но мне хотелось бы, чтобы и постепеновцы допускали, что они тоже могут ошибиться, тем более, что их разочарования в случае моей правоты будут более горькими. По сути, они исходят из бессознательной — или даже сознательной — уверенности, что все главные постепенные решения, все главные мелкие шаги *будут мудры*, точно рассчитаны. Но последние четыре года мы видим, что на одно мудрое решение приходится пять не совсем мудрых и не совсем последовательных.

Создается впечатление, что власть считает, что запланированный ею уровень гласности и свободы слова уже достигнут. Испугались первых признаков того, что происходило в Испании сразу после Франко: так называемого *destaño*, повального обнажения. Испугались — и с наивно хмурой старательностью взялись пресекать.

В самом начале многие с готовностью искали оправдания каждому неверному высочайшему шагу: новым людям трудно, надо их понять, у них противники, надо маневрировать и т.д. и т.п. Первое, что требует справедливость и сейчас, — действительно попробовать объяснить наметившийся новый *застой* благими намерениями. Но все-таки... Что она, собственно, дает и может дать — политика жесткого, подчас открыто недоброжелательного сдерживания общественного темперамента? — все чаще спрашиваем мы друг друга. Приближает она кризис или отдаляет и даже предотвращает его? Кто может это сказать? Вопрос тем более трудный, что не всякий кризис однозначно нежелателен. Болезни, протекающие бескризисно, бывают, как известно, чреватые особенно тяжелыми, необратимыми последствиями. Кризисы расчищают строительную площадку. Лучший из близких нам примеров — Польша. ПОРП в своей перестройке пошла уже намного дальше, чем КПСС, но спрашивается: сумела бы она это сделать, если бы не знаменитые польские кризисы?

Беспорно, кажется, одно. Какими бы добрыми ни были намерения тех, кто отвещивает нам гласность и свободу слова наравне с другими дефицитными товарами, — цена, которую страна платит за это дозирование, очень велика. Речь идет об определенном разочаровании. Слов нет, паника может оказаться зряшной, но беда от этого не уменьшается, паника есть паника. Беда в том, что в таких делах, как демократизация, невозможно остановиться, даже если очень этого хочешь. Или вперед, или назад — на одном месте не потопчешься. Попытка удержаться на одном месте оборачивается откатом назад. Особенно неприятно, если это происходит вопреки тому, что задумывалось, — тогда маятник может отлететь слишком далеко. С мыслью, не произошло ли это, многие начинают каждый новый день.

Государство, которое в конце двадцатого века решает за гражданина с высшим образованием, что ему читать из художественного, подвергает себя исключительному риску. Об этом говорят у нас в эти дни, в эти минуты — из уст в уста передаются будто бы сказанные в Кремле или на Старой площади слова: "Солженицын нам не нужен". Об этом говорят не экстремисты, а вполне уравновешенные, но думающие люди, обеспокоенные тем, не становится ли политика постепенности самоцелью. Эта политика вызывает не только уныние, но и любопытные, подчас весьма дельные возражения. В одной из рукописей, которые не могут быть сейчас у нас напечатаны, я недавно прочитал призыв самым серьезным образом задуматься над опытом тех стран, где "застойное прошлое" преодолевалось другими, чем у нас, методами и темпами. "Смогла бы Германия, — пишет автор, молодой экономист, — поверженная, морально опустошенная, за одно десятилетие превратиться в "локомотив Европы", если бы она не пошла на сокрушительный разрыв с идеологией, политикой и системой тоталитарной власти? Что было бы, если бы эта страна стала бы шаг за шагом, медленно, по крупицам, отторгать от себя "не оправдавшие" и "опорочившие себя" элементы авторитарной идеологии? Экономическое чудо ФРГ было обеспечено решительной сменой идеологии и конституированием экономического либерализма в чрезвычайные сроки. Уже в 1948 году идеология свободного рыночного хозяйства стала там правительственной программой".

Нам, похоже, предстоят трудные времена. Для того, чтобы провести подлинно радикальные реформы, предкризиса оказалось мало. Остается надеяться на кризис. Хотелось бы, чтобы был он благодетельным, творческим. Но знать бы, каким он будет!..

СВОБОДУ РАЙКОМУ!

Интервью с Анатолием Стреляным

Известный советский публицист Анатолий Иванович Стреляный родился в 1939 г., окончил факультет журналистики МГУ. Работал в АПН, "Комсомольской правде" и других изданиях. В 1987 г. был членом редколлегии журнала "Новый мир". Он — автор сценария известного документального фильма "Архангельский мужик". А.Стреляный — член Союза советских писателей. В декабре 1988 г. А.Стреляный был избран директором издательства "Советский писатель".

Интервью у Анатолия Стреляного взяли наши специальные корреспонденты Кронид Любарский и Борис Вайль.

Что изменилось за последнее время в советском сельском хозяйстве?

Как вам сказать... Да ничего не изменилось.

Но семейный подряд, аренда? Разве нет никакого движения в этом направлении?

Статистика сообщает о росте производства. Однако политическое руководство не скрывает, что этот рост его не устраивает. Тем не менее если кто-то, ну, скажем, из руководителей сельского хозяйства, услышит, что я вот так, перед всем честным народом говорю, что ничего не изменилось, то, конечно, возмутится и побежит с доносом в ЦК. Это сейчас излюбленная форма борьбы с гласностью. На подобные упреки я отвечаю так: сейчас никого не интересуют сообщаемые вами проценты роста. Важен прилавок магазина.

Они объясняют, что рост есть, но и население растет. Вот это наша привычка — дал объяснение и вроде бы уже устранил недостатки, как бы исправил положение. Эта привычка не столько отвечать по сути дела, сколько давать отпор неодобрительным отзывам — в данном случае о сельском хозяйстве — настолько укоренилась, что мы уже просто не в состоянии говорить по существу, то есть так, как говорит нормальный человек, приходя в магазин. Если мяса там не стало больше, чем четыре-пять лет назад, когда вы начинали свои реформы, то хоть какие угодно проценты объявляйте! О чем разговор...

Но когда я говорю, что ничего не изменилось, я имею в виду даже не результаты: ничего не изменилось в условиях хозяйствования. Или еще проще (как трудно дается нам способность говорить просто!) — колхозами как командовали по всякому пустяку пятьдесят, тридцать или пять лет назад, так командуют и сейчас. И вот это — главное, что я имею в виду, когда говорю: ничего не изменилось. Даже если мне завтра скажут, что производство мяса увеличилось на 20 процентов, но я буду знать, приезжая в колхозы и в райком, что секретарь райкома партии как и десять лет назад вынужден, бедный, командовать каждой полевой работой в колхозе, и он будет мне жаловаться, что он вынужден это делать, что его заставляют, поскольку у него есть план, за который он отвечает, я скажу,

что ничего не изменилось. А на заявление о том, что производство на 20 процентов выросло, я отвечаю: "Так неизвестно, на сколько бы оно выросло, если бы действительно изменилось что-то в политических и экономических условиях хозяйствования".

Ну а что же тогда делать? Многие говорят: распустите вы, наконец, колхозы и совхозы...

Это все из области наших знаменитых российских умственных решений. Это наша страсть искать нечто такое простое, решительное, что одним махом решит все проблемы. Но ведь дело же не в этом.

Но что-то делать надо?

Оставить их в покое! Скоро тридцать лет будет, как я об этом говорю: "Оставьте их в покое, они сами решат, распустаться или объединяться. Оставьте их в покое. Забудьте о них хотя бы на несколько лет!"

Вот что сейчас нужно. Иногда я в порядке шутки говорю — но это не шутка, я считаю, что это очень важно: нашей власти надо в конце концов набраться решимости и хотя бы на несколько лет вообще забыть о народном хозяйстве.

Как это, забыть?

Обыкновенно. И о сельском хозяйстве забыть, и о промышленности. Допустить простую мысль, которая известна всякому нормальному человеку: дело прокормления народа, дело обеспечения его одеждой, топливом, крышей над головой, никогда не решало и не сможет решить никакое государство — ни социалистическое, ни капиталистическое, ни феодальное, ни рабовладельческое. Это такие вопросы, которые может решить только сам народ, только сами люди в ходе своей нормальной хозяйственной самостоятельности. Дело прокормления народа есть дело народа в самом прямом, простом смысле. Поэтому я и призываю родную партию и родное правительство: "Забудьте о нас на некоторое время! Дайте нам повариться в собственном соку! Что-нибудь да получится".

Но о чем же тогда они будут думать?

Я понял вопрос. Вы хотите сказать: если наша партия, КПСС, уйдет из хозяйства, перестанет ежесекундно диспетчерски управлять хозяйством — в данном случае деревней, — чем же она тогда будет заниматься?

Знаете, это сомнение я тоже много раз высказывал. Чаще, правда, в устных разговорах, поскольку до недавнего времени печатать это было нельзя. Сомнение звучало примерно так: "Ведь эта партия и создавалась-то для такого повседневного диспетчерского управления всеми сторонами жизни. И если от нее забрать хозяйство, она же будет беспомощна. И не то что беспомощна: ей попросту нечем будет заниматься". И, говорил я не раз, сами партийные руководители это прекрасно понимают, продолжая твердить, что будут заниматься идеологией, воспитанием и так далее. Они хорошо знают, что заниматься этим, только этим, будет для них унижительно, оскорбительно. Это будет означать для них потерю власти. Так я говорил еще некоторое время назад.

Но вот я только что вернулся из Польши, о которой пишут, что она переживает глубочайший кризис. Вполне возможно, что она его переживает, вполне возможно, что этот кризис глубочайший. Но таких крестьянских домов, как в этой стране, такого количества строящихся крестьянских домов — двухэтажных, огромных, с теплицами — я в Советском Союзе не видел. Страна, сельская часть которой так строится, — хотел бы я, чтобы наша страна была в таком кризисе!

Я не ожидал, что польские кризисы заставят Польскую объединенную рабочую партию, польских коммунистов настолько серьезно уйти из хозяйства, настолько серьезно реформироваться внутренне, психологически. Оказывается: можно оставаться правящей партией — я не знаю, правда, как долго, это уже другой вопрос, — уйдя из хозяйства и уходя все дальше с каждым днем.

Я спросил одного человека (я ему доверяю — мы оказались единомышленниками, он занимает серьезную должность): "Слушай, что будет, если райком партии решит, что председателем этого кооператива или этого госхоза должен стать такой-то, а не другой?" Он отвечает: "Если райком партии это заявит, то, в пику ему, этого мужика точно не выберут". Я говорю: "А если райком партии установит план колхозу, госхозу — к такому-то числу столько-то; или скажут — брось свиноводство, давай кактусы выращивай!"? Что у нас сделает совхоз или колхоз — известно: руки по швам — и будет кактусы выращивать, хоть на крайнем севере, и объявит в газете, что кактусы на сегодняшний день — это вообще самое главное. И будет удивляться, как же это он вчера не додумался кактусы выращивать. В Польше, оказывается, не так. Если райком партии будет настаивать, чтобы кооператив, скажем, бросил свиноводство и занялся овцеводством — сделают наоборот. Даже если кооперативу и в самом деле стоило бы бросить свиноводство. Только потому, что райком скомандовал, хозяйство откажется.

Я считаю величайшей заслугой польских коммунистов, что они сумели так поставить дело, что вынуждены уже не командовать в стране, а вести настоящую политическую борьбу за власть. Выиграют они — я их поздравлю, честь им и хвала. Проиграют — ну, тут уж...

Вот это и есть демократия, хотя, естественно, не совсем та демократия, которой бы мне или вам хотелось. Десять дней в Польше меня убедили в реальности того, что партия может уйти из хозяйства, не взбунтовавшись, не совершив переворота, не выделив из себя диктатора, который бы вернул ее к той же диспетчерской, тоталитарной власти над всеми сторонами жизни. Для меня лично это очень серьезный вывод. Я вспоминаю свои встречи за почти тридцать лет, вспоминаю, что почти не встречал первого секретаря райкома партии, который бы не жаловался (то ли официально, то ли неофициально — в бане, на рыбалке), что ему опостыдела эта его руководящая роль. И я не раз говорил уже, что нам надо ставить вопрос о свободе для райкомов, о свободе для обкомов.

А какая же свобода им нужна?

Я хотел бы дожить до того дня, когда кто-нибудь из наших умных публицистов бросит лозунг: "Свободу райкомам!". Мы все кричим: "Свободу колхозам, свободу совхозам!". Но без свободы райкома, обкома, республиканского ЦК, ЦК КПСС — никакой свободы для колхоза или совхоза быть не может. Это элементарно. Какой свободы секретарь райкома для себя просит, о какой свободе он мечтает со мной наедине, за рюмкой водки? О той самой свободе, о которой мечтает и всякий руководитель всякой организации. Он говорит: "Оставьте меня в покое. И я, и мои председатели прекрасно знаем, что нужно делать, как нужно делать, знаем рынок! Оставьте нас в покое: мы уж как-нибудь договоримся". Почему это говорит секретарь райкома? Потому, что он продолжает чувствовать себя хозяйственным руководителем района, а район — это все-таки некое объединение, во многих случаях достаточно цельное. И было бы большой глупостью из абстрактно-демократических соображений эту цельность ломать. Вот он и говорит: оставьте нас в покое. Мы сами решим, где райком оставлять в таком виде, в таком размере, а где — в ином, потому что жизненные связи — хозяйственные и социальные — очень тонки и очень конкретны. А сейчас секретарь райкома диктаторствует, требует от председателя колхоза сажать кактусы, потому что этого требует от него обком.

А какая свобода нужна ЦК?

Я не оговорился, когда назвал и его. На сегодняшний день — и это ни для кого не секрет — сам ЦК КПСС во многих случаях выступает не как правящая организация. Он тоже во власти аппарата, во власти... даже трудно сказать, в чьей он власти! Героиня одного моего последнего сочинения, партийный работник, говорит: "Нас ругают за то, что мы диктаторствуем, что у нас слишком много власти. Чушь это! Беда нашей страны, нашей системы в том, что достаточно власти нет ни у кого: власть распылена".

Но как же все-таки с перестройкой? Или она просто еще не дошла до сельского хозяйства?

А собственно, что такое перестройка? Думаю, все понимают, что это просто слово, обозначающее некоторый политический период, некоторое намерение властей. В пропагандистском обиходе, в общении с массами политическое руководство любой страны ищет какие-то лозунги, какие-то термины. Слово "перестройка" мне представляется далеко не самым удачным, неточным. Но все сейчас обстоит так серьезно, что не время придирааться к словам.

Так вот. Конечно же, до сельского хозяйства перестройка не дошла, если из-за очередных затруднений с выполнением хлебозаготовок уполномоченные из Москвы мчатся в республиканские центры, уполномоченные из республиканских — в областные, из областей — в районы, а из районов — в колхозы и совхозы. Мчатся, как и при Сталине, как и после Сталина, как и при Брежневле: выколачивать из колхозов и совхозов недостающее зерно, объясняя это, как и раньше, высшей государственной необходимостью, погодными условиями, нехваткой валюты, проблемами мирового империализма. Забыв, естественно, о том, что только вчера обещали хозяйственную самостоятельность.

А что вы думаете о семейном подряде?

Та настойчивость, с какой печать толкует сейчас о семейном подряде, об арендном подряде, очень показательна для нашего способа мышления. Сколько раз мы себя клеймили за эту невежественную, наивную надежду отыскать панацею, лекарство от всех болезней, найти решение, которое бы одним махом устранило все проблемы! Точно такой же оттенок в разговорах об этом самом подряде. Райкому надо хлеб убирать, план выполнять, а тут еще ему этот семейный подряд... Както из одного научного учреждения мне позвонили и сообщили, что устраивают научную конференцию по проблемам семейного подряда. Я спрашиваю: "О чем же вы будете говорить?" "О том, как его внедрять". Тогда я говорю: "Слушайте, но кто же вы такие и кто я такой, чтобы вместе с вами сидеть и решать, как внедрять подряд? Подряд — это естественная, природная форма хозяйственных отношений, тут никакого внедрения не надо, никаких социальных усилий. Хозяйственная жизнь, если оставить ее в покое, не сможет без этого обойтись — это само собой разумеется. А коль скоро возникает вопрос о внедрении семейного подряда, то греш ему цена — дело не пойдет".

Статистика показывает, что по ряду показателей продуктивность индивидуальных приусадебных участков в последние годы снижается. Если это так, то почему?

Специально я этим вопросом не занимался, но тут, по-моему, все естественно. К примеру, породы коров, содержащихся в личном хозяйстве, много хуже тех, что содержатся на колхозных фермах. Как ни плохо у нас поставлено племенное дело, но все-таки...

А где хуже с кормами?

Понимаете, все наши старые представления меняются. По некоторым данным, 50–60 миллионов тонн зерна в год пережигается в коровьих и бычьих желудках впустую. Проблема не в том, чтобы просто увеличить количество кормов, а в том, чтобы их меньше расходовалось и с лучшим результатом. Сейчас мы покупаем у американцев до черта фуража, да и сами немало производим, а что толку? Правда, надо иметь в виду, что значительная часть этого фуража попадает все-таки в личные хозяйства, к этим непородистым коровам. Это, конечно, неплохо: там ничего не пропадает. Вообще в колхозе, в совхозе ничего не пропадает.

Не пропадает?

Конечно. Воруют же люди. Скажем, три килограмма зерна, которые доярка в подоле, в торбе или в карманах унесет с фермы, — это не пропащие корма. Умные председатели, секретари райкомов и обкомов это вам честно скажут. А умнейшие из них — так те вообще запрещают бороться с этими "расхищениями".

Но вернемся к приусадебным участкам. Такое впечатление, что люди больше не хотят на них работать, бросают...

Разумеется. Личное хозяйство сходит, к сожалению, на нет. Это естественно и неизбежно. Люди из деревни продолжают уходить. В целых районах просто некому держать коров, во многих случаях держат одну корову на две, на три семьи... Село, деревня обезлюдела.

Как известно, в США в смягчении катастрофических последствий засухи 1988 года большую роль сыграло государственное вмешательство. Признаете ли вы в принципе экономическую роль государства или считаете, что любое участие государства в хозяйстве, в частности сельском, вредно?

Я не специалист, но попробую ответить. Несколько лет назад я с удивлением узнал, что в доходах американского фермера, того самого фермера, чье хозяйство является высшим достижением человечества за всю его историю, которое поражает своей продуктивностью, фермера, который кормит не только себя, но и подмира, включая значительную часть советских людей, так вот, оказывается, 80 процентов в его доходе — это субсидии государства. Тяжелое впечатление производит уже тот факт, что фермер, который содержит две тысячи свиней, еле сводит концы с концами, тогда как у нас пяти свиней достаточно, чтобы безбедно существовать. В чем смысл этого государственного регулирования? Почему оно оказалось необходимым? А очень просто. Фермер производит так много, что не может всю свою продукцию продать. Государство и покупает у него излишки, спасает фермера и создает свои резервы или отправляет в другие страны в порядке помощи.

Это западное государственное регулирование сыграло злую шутку с некоторыми нашими специалистами. У нас же много таких людей, для которых "славны бубны за горами": все, что не у нас, — хорошо и истина в последней инстанции. Раз даже "проклятые империалистические государства" регулируют свое хозяйство, вмешиваются в него, так уж социалистическому государству, научно руководимому всеведущими большевиками, сам Бог велел.

При этом не учитываются, как я понимаю, две вещи. Первое — вмешательство западных государств в экономику в принципе отличается от нашего, оно не игнорирует рынок, рыночные показатели. Второе и, может быть, самое главное — оно не носит жесткого, директивного характера. Фермеру говорят: "Ты имеешь полное право похерить этот план и жить по-другому. Но риск ты берешь на себя".

Это вроде бы пустяк, ибо из тысячи хозяев, может быть, только один воспользуется правом отказаться от сотрудничества с государством. Но больше и не нужно. Вот этот один, он и выдумает (или к тому времени уже выдумал) такой способ откорма свиней, что рискнет и выиграет. Этот один из тысячи — он и есть тот, кто двигает вперед цивилизацию. В этом и состоит смысл конкуренции. Участвует тысяча, выиграет один. Вся тысяча это заранее знает, но с азартом участвует в борьбе. Не только с азартом: некоторые — тоскуя, некоторые — покрываясь потом от ужаса. Вот этот-то механизм конкуренции у нас отсутствует. А ведь свободное рыночное хозяйство — неперемное условие творчества. На рынке проверяется эффективность всего: товара, идеи, хозяйственного или технологического решения и так далее. И еще: западный человек знает (и это определяет его психологию), что успех отдельного человека — одного из тысячи включившихся в гонку — зависит не только от его ума, способностей, силы, энергии, но и от везения. Представьте, какой перелом должен произойти в мозгах нашего советского "самого передового в мире" рабочего или крестьянина, чтоб он признал нормальным, что его сосед стал вдруг процветать, стал зарабатывать в тысячу раз больше, чем он, только потому, что ему повезло. Сейчас он его на вилы поднимет: где же справедливость?!

Недавно я имел любопытный разговор в корректорской издательства "Советский писатель". Женщины жаловались мне: одни работают по 20 лет и получают столько же, как и те, что только с институтской скамьи. Я спрашиваю: "А кто работает лучше, каковы результаты?" Они отвечают: "Конечно же, молодая, она только что из института". "Так вы что же хотите, чтобы издательство больше платило за плохую работу?" А они мне: "Но где же справедливость? У пожилой глаза устали. Она 20 лет работает".

Никто не понимает, что справедливость — это дело социальных институтов: пенсионного обеспечения, медицины и т.д. Потому я и говорю, что нам предстоит настоящая революция, если, конечно, стране суждено пойти по пути рынка. Но по другому пути она просто пойти не может... Гуманизм и эффективность — вещи не только не совпадающие, они просто из разных опер.

Возвращаясь к вопросу насчет государственного регулирования. Я уже сказал, что наши сторонники государственного регулирования упускают из виду, что как бы западное правительство ни диктовало производителю свою волю, оно все-таки оставляет человеку свободу выбора. Но хочу также заметить, что западные государства, та же Западная Германия, Англия, Швеция, под давлением известных социальных обстоятельств, профсоюзов, набравших гигантскую силу, а также — увыв! — увлечений социалистов, этих сочинителей прожектов устройства быстрого рая на земле, слишком увлеклись государственным регулированием. Судя по тем данным, которые есть у нас, государственное регулирование, если оно превышает известный уровень, бьет по эффективности народного хозяйства. Другое дело, что, исходя из социальной обстановки, общество иногда может жертвовать эффективностью ради социального мира.

Мне кажутся заслуживающими внимания доводы тех экономистов, которые считают, что эра свободного рынка — не только на Западе, а вообще в мире — не позади, а впереди.

Сейчас начинают возникать новые мифы. Скажем, что нэп — это был почти что рай земной. Вы разделяете взгляд на нэп как на панацею или думаете, что это всего лишь пропагандистский лозунг?

Мне кажется, что новая сказка про нэп не опасна. Может быть, плохо, что она еще недостаточна ярка.

Но это все-таки сказка?

Конечно же, сказка. В период нэпа в стране существовало своеобразное двоевластие. С первого и до последнего дня шла ожесточенная борьба нэпа с военным коммунизмом. К сожалению, военный коммунизм победил.

Однако не стоит представлять дело так, будто появился коммунист-фашист Сталин и ввел вместо нэпа военный коммунизм. Нет, просто Сталин со своей группой обеспечил победительный конец борьбы военного коммунизма с нэпом. Я думаю, что нэп погиб потому, что новая экономическая политика была недостаточно последовательной, двусмысленной. Природа и рыночных, и административных методов такова, что и тот, и другой способны принести заметные результаты только при условии, что данный метод используется достаточно полно и последовательно. Если же ни то, ни се — тогда плохо. Ну, с административными методами это ясно. Одно дело — погрозил кулаком: "Иди в холодную воду!". И совсем другое — когда пистолет к спине. Но так же и с рыночным регулированием. Если ты помахал перед носом десяткой — эффект один, сотней — совсем иной. Так вот, в новой экономической политике сотенной все-таки перед носами помахивали меньше, чем следовало бы. Я уже не говорю о том, что секретарь райкома, председатель сельсовета, сидя в отдельном кабинете и чувствуя себя властелином района, хозяином над жизнью и смертью своих подданных, имея один маузер на заднице, а другой — возле телефона, получал за эти свои неусыпные труды в месяц столько, сколько какой-нибудь торговец ваксой тратил за вечер в ресторане. Не случайно герой романа Залыгина "После бури" генерал Бондарин писал правительству бумагу против партмаксимума. Он понимал, что этот парень с маузером на заднице и с нищенской по сравнению с нэпманом зарплатой долго терпеть этого не будет. Это ведь, с его точки зрения, величайшая несправедливость: он "кровя проливал", он этих генералов к стенке ставил, и они перед ним ползали, он их победил в схватке, — и вдруг такая несправедливость! Вот почему, думаю, нэп и был обречен с самого начала.

ИЗ ГАЗЕТ

L'ESPRIT MAL Tourné

О явлении инициативных движений, программе выдвинутой инициаторами создания "алма-атинского народного фронта", мы подробно, по деталям беседовали с доктором исторических наук, членом-корреспондентом Академии наук Казахской ССР Манашем Кабашевичем Козыбаевым...

М.К.: Даже при беглом прочтении проекта программы "алма-атинского народного фронта" (АНФ) прежде всего бросается в глаза сумбурность суждений по политико-идеологическим аспектам проблемы, очевидны несуразицы с точки зрения формальной логики.

К примеру, по таким разделам документа, как "Люди", "Догматики и фальсификаторы" и другие, блуждает термин "честные производители". В словаре русского языка дается два определения этому слову: 1) тот, кто изготавливает что-то, и 2) самец, производящий потомство. Однако из контекста программы АНФ остается до конца не выясненным, к какой из двух дефиниций относить этих "честных производителей".

*"Казахстанская правда",
26 ноября 1988 г.*

Профессор прав. Необходимо также срочно уточнить, что имеет в виду Конституция СССР под "органами государственной власти", а Устав КПСС — под "членами КПСС".

ПОПРАВКА

В статье Х.Ахонена и Т.Мадисона "Эстонская весна" в № 5 за 1988 г. по техническим причинам допущена ошибка. На стр. 81 строки 5 и 6 сверху следует читать:

В перспективе Эстонская ССР считает целесообразным заключение Союзного договора между союзными республиками на основе единогласия (консенсуса).

Фотографии на стр. 75 относятся не к 1988, как указано, а к 1987 г.

МЫ ВЫСТРАДАЛИ НАДЕЖДУ

Беседа с Юлием Кимом

Юлия Кима не надо представлять читателям. Один из самых любимых гитарных бардов, один из зачинателей этого жанра. Поэт, композитор, автор песен для популярных кинофильмов, музыки и текстов многочисленных мюзиклов. Может быть, несколько менее известно, что поэт и композитор Ю.Михайлов и Юлий Ким — это одно и то же лицо. В 70-е годы Ю.Ким вынужден был взять себе псевдоним, чтобы сохранить возможность заниматься творческой работой.

Ю.Ким впал в немилость потому, что был не только бардом. Он был в числе первых участников правозащитного, демократического движения, которое потом назвали диссидентским.

Юлий Чорсанович Ким родился в 1937 г. Окончил Московский городской педагогический институт. В 1960 г. стал преподавателем истории и литературы. Работал сначала на Камчатке, где и начались его первые опыты в качестве самодеятельного композитора и певца. В 1967 г., вернувшись с Камчатки в Москву, активно включился в правозащитную деятельность. Некоторые документы, под которыми стоит его подпись, стали вехами в истории демократического движения, например, подписанное им, Петром Якиром и Ильей Габаем "Обращение к деятелям науки, культуры и искусства", связывавшее репрессии против инакомыслящих с опасностью возрождения сталинизма.

Позднее по личным причинам Ю.Ким отошел от активной правозащитной деятельности. Однако в глазах властей его имя было уже настолько скомпрометировано, что он был вынужден надолго укрыться под псевдонимом. Лишь в последнее время этот псевдоним был публично раскрыт.

Интервью у Ю.Кима взял наш специальный корреспондент Кронид Любарский. Интервью посвящено в основном не художественному творчеству Ю.Кима, не его песням, а общественной деятельности, о которой сейчас, вероятно, знают и помнят лишь немногие.

Но поскольку Ю.Ким непредставим без своих песен, мы сопроводили интервью публикацией нескольких их текстов. Публикуемые песни относятся к разным периодам — от старых песен 60-х годов, таких как "19 октября" или "Адвокатский вальс", до новейших "перестроечных". Время написания песен наложило на них свой четкий отпечаток, и тем не менее они, удивительным образом, не стареют.

Сейчас идет перестройка — второй порыв общества к свободе. Пожалуй, сейчас очень важно вспомнить об уроках первого такого порыва — зарождения правозащитного, или демократического, движения. Давай вернемся в 60-е годы. Ты ведь был в числе тех, кто начинал это движение. "Обращение к деятелям науки, культуры и искусства", подписанное тобой, Петром Якиром и Ильей Габаем, было в числе первых значительных документов этого движения. Почему ты тогда вступил на этот путь?

Главной причиной был, конечно, 1956 год, год XX съезда. До этого времени я был абсолютно правоверным пионером и комсомольцем. Впрочем, оценивая позднее некоторые детали своей тогдашней жизни, я понял, что уже тогда подсознание независимо от меня фиксировало какую-то дисгармонию, неудобства в моем стройном сталинско-комсомольском существовании. Но это было подспудное ощущение, а настоящее осознание началось в 1956 г. Осознание это было глубоко личным: и

отец, и мать мои были репрессированы. Отец погиб, я его не знаю. Его взяли через год после того, как я родился. А маму я увидел сознательными глазами только через 8 лет. Ей дали 5 лет лагеря и 3 года ссылки. Ссылку, кстати, она отбывала в Казахстане, в поселке Бахыт, а рядом, в поселке Жарык, отбывала ссылку мать Булата Окуджавы. Бывают же такие совпадения!

Итак, был собственный семейный опыт — я занимался реабилитацией родителей. Затем семейный опыт продлился, ибо я познакомился с Петром Якиром, затем женился на его дочери. И мое знание о 30-х, 20-х годах значительно расширилось.

Петр Якир сыграл большую роль в твоём становлении как правозащитника?

Громадную! И его личный лагерный опыт, и его знания историка-источниковеда. Дело в том, что, вернувшись после освобождения из лагеря в Москву, Петр пошел на прием к министру высшего образования Столетову, и тот записал его, с семиклассным образованием, в Историко-архивный институт, ныне столь известный своим ректором. Петр хотел восстановить историческую правду, начав с правды о своем отце, а затем вообще принять участие в этом процессе. Он закончил институт с отличием. Его коллеги по Институту истории СССР, куда он поступил на работу, говорили о нем как о блестящем источниковеде. Я очень многому у него научился. Кроме того, он был в курсе новейших исторических открытий, у него концентрировался появившийся тогда самиздат. Сначала это был преимущественно исторический самиздат, письма-протесты пошли позже. У него всегда были и материалы, печатавшиеся легально, например, в "Военно-историческом журнале". Я держал в руках макет двухтомника "История коллективизации в СССР", написанного коллективом под руководством известного тогда историка Виктора Данилова. Там было сказано много правды о коллективизации. Двухтомник этот так и не был издан, набор был рассыпан.

Все это, вместе с моими собственными воспоминаниями, формировало мое отношение к действительности, к прошлому, и, следовательно, и позицию на будущее. Возникло сознание глубины несправедливости и лжи, в которой мы жили при Сталине и продолжали жить при Хрущеве и Брежневе. Тогда-то и пошли у меня веселые песенки на эту тему. Жанр сатирической песни не стал у меня главным, но позиция, отношение к несправедливости, произволу, несвободе во всех моих других песнях, по-моему, сохранились. Но почему мои первые крамольные песенки были шутливыми, веселыми? Да потому, что все еще дышало надеждой, надеждой на то, что хрущевская оттепель — это не оттепель, а весна. Хотя к тому времени и сам Хрущев ясно показал, как хрупки эти надежды — взять хотя бы ту же встречу с творческой интеллигенцией 8 марта 1963 г. Потом уже я узнал, что "за политику" сидят и при Хрущеве: дело Краснопевцева, дело "Феникса" и многие другие.

Пришел Брежнев, но по инерции прежнее настроение еще сохранилось. Ты помнишь, конечно, песенку, которую я тогда написал: "Было 56, стало 65, цифры переставили, да только и всего". Это отношение веселой иронии продолжалось, пока не появились первые жертвы нового режима — состоялся процесс Синявского и Даниэля. А с 1966 г. уже связана песня "Ой, не плюйтесь, хунвейбины", в которой была строчка: "На худой конец парламент примет вам любой закон". Это была реакция на принятие статьи 190¹ Уголовного кодекса РСФСР. В это-то время и встал остро вопрос о личной ответственности: мой отец погиб по вине Сталина, и вот опять дело идет к сталинизму.

Но как получилось, что ты, бард, поэт, вдруг обратился к такой чисто политической деятельности, как написание и подписание писем и обращений в правительственные органы, к общественности? Твоих сатирических песен тебе показалось мало?

Первое наше письмо было подписано историком Петром Якиром, учителем Ильей Габаем и учителем Юлием Кимом. А не поэтом. Я тогда преподавал в знаменитой московской математической спецшколе акад. Колмогорова. Вел уроки истории и литературы с позиций, теперь бы сказали, нового мышления. Например, когда проходили "Поднятую целину", то о коллективизации я говорил с позиций уже упомянутой мною книги Виктора Данилова, и в этом контексте фигуры Давыдова и Нагульнова становились действительно трагическими. Фигуры искренних палачей, руководствующихся верой в общемировую справедливость. Так что я тогда в большей степени ощущал себя воспитателем, чем поэтом.

И вот, находясь перед лицом учеников, уже будучи отрезвленным первыми процессами брежневского времени, но все еще не освободившись полностью от эйфории начала 60-х годов, я ринулся вместе с другими в писание и подписание писем. Тогда, в 1968 г., этим была охвачена вся наша столичная, да и не только столичная, интеллигенция.

Была при этом надежда на конкретный результат или это был просто акт чистого самовыражения?

МОСКОВСКАЯ КУХНЯ

Чай-чай-чай, чай-чай-чай...

Чайхана, пирожковая, блинная,

Кабинет и азартный притон,

И приемная-зала-гостиная,

По-старинному, значит, салон,

И кабак для заезжего ухаля,

И бездомному барду ночлег —

Одним словом, московская кухня —

Десять метров на сто человек.

Московская кухня —

Десять метров на сто человек. (2 раза)

Стаканчики граненые,

Стекланный разнобой

И бутылочки зеленые

С той самой, с ей родной!

Ой, сколько вас раскушано

Под кильку и бычка

И в грязный угол сгружено

На долгие века!

Стаканчики граненые,

А то и с коньячком!

Ой, шуточки соленые

Об чем-нибудь таком!

А трубочно-сигарочно-махорочная взвесь,

А семь-сорок да цыганочка —

Чудовищная смесь!

Ты ж, моя румба!

Ой-ой-ой-ой-ой...

Ты ж, моя челова!

Ой-ой-ой-ой-ой...

Да, бывало, пивали и гуливали.

Но не только стаканчиков для —

Забегали, сидели, покуривали,

Вечерок до рассвета продля.

Чай, стихов при огарке моргающем

Перечитано, слушано всласть,

Чай, гитара Высоцкого с Галичем

Тоже здесь, а не где, завелась!

Чай да сахар, да пища духовная,

Но еще с незапамятных пор

Найпервейшее дело кухонное —

Это русский ночной разговор.

Где все время по нитке таинственной,

От какого угла ни начни,

Все съезжается к теме единственной,

Словно к свечке, горящей в ночи.

Россия, мать чудная,

Куда, откуда, как?

Томленье беспробудное,

Рывки из мрака в мрак.

Труднее и извилистей

Найдутся ли пути?

Да как же столько вынести,

Чтоб сызнова нести!

Ой, черные "маруси"!

Ой, Потьма и Дальстрой!

О, Господи Иисусе!

О, Александр Второй!

Который век бессонная

Кухонная стряпня...

И я там был, мед-пиво пил,

И корм пошел в коня.

Это вопрос личный. Лично я очень надеялся на результаты. Вся первая половина 1968 г. проходила под знаком вопроса — войдут или нет наши танки в Чехословакию? Хорошо помню, как во сне орал не то на Якира, не то на Габая: "Ну, конечно, не войдут! Вы что, не понимаете, что тогда будет?" И все это уже после того, как меня за подписанство выгнали из школы! Акад. Колмогоров и директриса нашего интерната с трудом добились, чтобы я хотя бы закончил учебный год. И все-таки еще в июле я кричал: "Наши в Чехословакию не войдут!" А они вошли, и мы узнали об этом 21 августа, когда шли на очередной суд над Анатолием Марченко.

А была ли надежда воздействовать не только на действия правительства, но и на общественность, на общую атмосферу в стране?

Безусловно! И для такой надежды были основания. Была же ко Второму съезду писателей громадная волна писательских писем, вызванная письмом Солженицына. Кто только тогда не писал, чуть ли не Феликс Кузнецов! А еще раньше — кампания сбора подписей в защиту математика и поэта Александра Есенина-Вольпина, которого посадили в психбольницу. Так что общественность остро реагировала на несправедливость.

Вообще происхождение таких действий очень просто. Обычная реакция на несправедливость: "Не могу молчать!"

Но к середине 1969 г. ситуация уже резко ухудшилась и усложнилась. Тогда я и сказал Петру Якиру и Виктору Красину, что больше никаких открытых писем подписывать не буду. Я находился перед нелегким выбором: я не мог одной рукой подписывать договоры с театрами, репетировать свои песни с актерами, а другой — подписывать письма протеста. Для нормального человека в нормальном обществе тут никакого противоречия не было бы. Но не в нашем. Я оказывался в ложном положении, скажем, перед двадцатью актерами саратовского ТЮЗа, которые разучивали моего любимого "Недоросля". Я должен был сделать выбор. Понимаю, что это не был выбор героя, но я оставлял себе по крайней мере возможность помогать правозащитному движению если не открыто, то, так сказать, нелегально. И я пользовался этой возможностью.

АДВОКАТСКИЙ ВАЛЬС

*Софье Васильевне Калистратовой
и Дине Исаковне Каминской*

"Конечно, усилия тщетны,
И им не вдолбить ничего.
Предметы для них беспредметны,
А белое просто черно.

Судье заодно с прокурором
Плевать на детальный разбор.
Им лишь бы прикрыть разговором
Готовый уже приговор.

Скорей всего, надобно просто
Просить представительный суд
Дать меньше по сто девяностой,
Чем то, что, конечно, дадут.

Откуда ж берется охота,
Азарт, неподдельная страсть
Машинам доказывать что-то
Властям корректировать власть?

Серьезные взрослые судьи,
Седины, морщины, семья,
Какие же это орудья?
Такие же люди, как я!

Ведь правда моя очевидна,
Ведь белые нитки видать!
Ведь людям должно же быть стыдно
Таких же людей не понять!"

Ой, правое русское слово —
Луч света в кромешной ночи!
И все будет вечно херово,
И все же ты вечно звучи!

Но это наступит позже. Пока давай остановимся еще немного на начале. Вспомним вашу с Петром Якиром квартиру недалеко от метро "Автозаводская", где, кстати, мы и познакомились. В то время — в середине 60-х гг. — там, кажется, перебивали чуть ли не все люди, которые оставили значительный след в правозащитном движении. Кто они были? Ведь далеко не у всех, как у тебя, были репрессированы родители. Было много и вполне благополучных людей, не отягощенных воспоминаниями.

Это один из самых интересных вопросов, и сейчас я могу лишь наметить какие-то контуры ответа на него. Я много думал на эту тему. Мне приходилось бывать в разных кругах творческой интеллигенции — кинокритиков, театроведов, актеров, литераторов, музыкантов, и я слышал множество рассуждений о "диссидентах". Чаще всего это были неприязненные — презрительные, высокомерные, а то и просто злобные рассуждения. Диссидентов обвиняли, что ими движет что угодно: корысть, тщеславие, слабоволие или бездумие и легкомыслие, но только не истинное возмущение социальной несправедливостью. Интеллигенция сама была — пусть и на уровне кухонных разговоров — в оппозиции, она сама питала диссидентскую сферу своими соками, но к людям, реализующим свою оппозиционность в действиях, относилась со страхом.

Может быть, это была попытка создания морального алиби, стремление оправдать свое неучастие?

Именно. И страх свой нужно было замаскировать, ибо и признаться себе самому в своем страхе — страшно. Я видел это. Может быть, правда, были и такие, которые искренне считали, что нужно делать черновую творческую работу, именно в ней пытаться выразить передовые идеи, развить передовое мышление.

Недавно известный социолог Игорь Бестужев-Лада, размышляя на эту тему, высказал мысль о том, что нашему обществу нужны были и Джордано Бруно, и Галилеи. Одни были бы невозможны без других, они нуждались друг в друге.

Это очень трудный вопрос, вопрос о мере компромисса, о степени приближения к идеалу. Один мой знакомый говорил, что если представить себе Христа с его моральными абсолютами, живущего в наше время, то он не прожил бы и дня, к вечеру его бы распяли. Вопрос о компромиссе, о соотношении подвига и пассивного сопротивления — это тонкий вопрос, который каждый может решить для себя только индивидуально. Вероятно, какие-то критерии есть, но я их сейчас не могу сформулировать. Так вот, общую претензию интеллигенции к диссидентам можно было бы сформулировать так: вы сами не святые, чтобы браться за святое дело.

И они действительно не были святыми.

Не были. Я всегда сожалел, что я не прозаик и не могу написать портреты некоторых из них. Скажем тех, кто вышел на Красную площадь с демонстрацией протеста против вторжения в Чехословакию. Какие разные люди! Педагог, филолог Лариса Богораз, чистейший, обаятельный человек... Костя Бабицкий, такой честный и такой работающий... Павел Литвинов, из семьи дипломата, чуть ли не из золотой молодежи, жизнелюб, любимец и любитель женщин... Наташа Горбаневская, поэтесса, капризная, нервное существо из московской богемы, непримиримая и в то же время какая-то беззащитная... Владимир Дремлюга — полупролетарий-полуавантюрист... Все это были обыкновенные люди, из разных социальных слоев.

А есть ли доля истины в утверждениях, что среди участников демократического движения была велика доля социально неустroенных, отодвинутых на край существования?

Я категорически с этим мнением не согласен. Может быть, вернее будет сказать, что в движении было больше, чем обычно, людей психически неустойчивых, я не говорю — больных, а именно неустойчивых, внутренне напряженных. Чувствительных, социально чувствительных. А неблагополучных, неустроенных — нет! Был ли неблагополучен Александр Галич? А Павел Литвинов? А Сахаров, а Григоренко? Петр Якир, Анатолий Якобсон — все они были по стандартам среднего интеллигентного обывателя вполне благополучными. Я-то вообще процветал, бегал с гитарой, и в 1965 г. меня знала вся страна.

Значит, в тех претензиях к диссидентам не было ни грана правды?

Правда была, и ты ее уже сформулировал, сказав, что они не были святыми. У одного можно найти элементы тщеславия, честолюбия, у другого — своеобразной конъюнктурности. Например, уже в более позднее время, когда началась эмиграция, были такие, что вступали в какой-нибудь там комитет, чтобы их поскорее выгнали за границу. Многие из тех, кто шел в первых рядах движения, как, например, Виктор Красин, в дальнейшем сломались, но это свидетельствует лишь о том, что они переоценили свое мужество и недооценили силу карательной машины. Но кого в нашей жизни можно назвать святым?

Мы надолго задержались на претензиях интеллигенции к диссидентам. Посмотрим на другую сторону дела: оказало ли правозащитное движение влияние на общественную мысль, оставило ли оно иной след, кроме как на личных судьбах самих правозащитников?

19 ОКТЯБРЯ

*Тогда, душой беспечные невежды,
Мы жили все и легче и смелей...*

На пороге наших дней
Неизбежно мы встречаем,
Узнаем и обнимаем
Наших истинных друзей.
Здравствуй, время гордых планов,
Пылких клятв и долгих встреч!
Свято дружеское пламя, (2 раза)
Да не просто уберечь. (2 раза)

Все бы жить, как в они дни,
Все бы жить легко и смело,
Не высчитывать предела
Для бесстрашья и любви,
И подобно лицеистам
Собираться у огня
В октябре багрянолистом (2 раза)
Девятнадцатого дня. (2 раза)

Так мечталось в они дни —
Все объаты новым знаньем,

Все готовы к испытаньям,
Да и будут ли они?
Что ж, загадывать нет нужды —
Может будут, может нет,
Но когда-то с нашей дружбы (2 раза)
Главный спросится ответ. (2 раза)

И судьба свое возьмет,
По-ямщицки лихо свистнет,
Все по-своему расчислит —
Не узнаешь наперед.
Грянет бешеная вьюга,
Захохочет серый мрак,
И спасти захочешь друга, (2 раза)
Да не выдумаешь — как. (2 раза)

На дорогах наших дней,
В перепутьях общежитий
Ты наш друг, ты наш учитель,
Славный пушкинский Лицей!
Под твоей бессмертной сенью
Научиться бы вполне
Безоглядному веселью,
Бескорыстному доверью,
Вольнодумной глубине. (2 раза)

Я могу опираться только на собственное ощущение. Важно то, что правозащитники сумели донести до людей правду о попрании прав человека у нас в стране. И сделано это было, во-первых, через самиздат, а во-вторых, путем установления гласности на международном уровне, грубо говоря, установления непрерывной связи с зарубежной прессой. А оттуда уже эта информация через радиостанции попадала назад в нашу страну. Имя академика Сахарова стало известно всем и каждому задолго до того, как оно стало появляться в "Правде".

Воздействие на людей оказывала не только информация сама по себе, скажем, о сталинских репрессиях или о коллективизации, но и моральный пример. Сильное впечатление оказывало то, что и сейчас существуют люди, готовые за свои убеждения идти в лагеря. Где бы я ни бывал, разговор рано или поздно сворачивал на эту тему: "А что там с Григоренко? С крымскими татарами? Опять такого-то судили... А вот Солженицын, Сахаров..." Отношение — то презрительное, то молчаливо-уважительное, то прямо-таки восторженное, но тем не менее разговоры вечно крутились вокруг этих тем. Сознание значительности того, что люди рискуют собой за правду, было у всех, по крайней мере в интеллигентском обществе Москвы и Ленинграда.

Сейчас освободились из лагерей и ссылки многие политзаключенные из числа тех, кто в самые тяжелые годы шел в первых рядах сопротивления. Как ты объяснешь тот факт, что в нынешнем общественном движении они оказались не в первых рядах? Впереди идут "галилеи", а бывшие правозащитники как будто не то что позади, а где-то сбоку.

Ну уж если быть совсем точным, то впереди идут даже не "галилеи", а "отцы-инквизиторы", ибо возглавляют перестройку члены Политбюро. Что касается диссидентов, то они вовсе не сбоку, а все время впереди. Эта та самая морковка, которая висит перед носом ишака, перед носом наших "галилеев". И погоня за этой морковкой все время повышает уровень перестройки. Сравнение не очень точное, но в нем много правды.

У нас есть интересный — пока единственный — пример того, как "Джордано Бруно" стал "Галилеем": акад. Сахаров, который сейчас как бы стал частью истеблишмента. Есть много таких диссидентов, которые его резко за это осуждают. Что бы ты сказал этим критикам?

* * *

Был я мирный человек — стал фраер.
И чего я не поехал в Израиль!
Покороче там все же этапы,
Хоть, конечно, там тоже арапы.
И жена-то у меня еврейка,
И ведь сам-то я похож наружно,
И на месте есть одна семейка,
Столько вызовов пошлет, сколько нужно.
И пускают сейчас всех, даже рады.
Кто без допуска — тот в полном праве,
Так что вроде бы уже и не надо
На Центральном голодать телеграфе.

Ну так в чем же суть? А все Россия-мать!
Ты чего — говорит — Ты того!
Авось, как-нибудь обойдется, чать,
Перемелется, ничего!

И поверил я, мудака, этой сути,
И утратил надлежащую меру,
Начитался самиздату до жути,
Хоть сейчас давай мне высшую меру!
Расчирикался, как канарейка,
То про Сталина загну, а то и дальше.
Прям, как будто и жена не еврейка,
Прям, как будто я Пельше на даче!
А ведь, помню, приходил участковый,
Даже статский маиор сделал милость:
Упредил меня беседой суровой,
Предсказал мне все, что случилось!

Но мне кажется, ну разумеется,
Ну годок пройдет, ну пяток!
Ой, дайте срок, все перемелется,
Авось как-нибудь...

Дали срок!

К сожалению, по традиции, идущей у нас еще с XIX века, с тогдашних журнальных, а затем и межпартийных боев, дискуссии проходят в условиях острой взаимонеприимости. Нашей общественной мысли очень чуждо понятие плюрализма, не хватает культуры принять другую точку зрения. Общее дело можно делать по-разному. У каждого человека есть спектр выбора, спектр форм его участия в перестройке. Осуждать за то, что у другого выбор иной, подвергать за это остракизму, изоляции, по-моему, нельзя. Та же проблема стояла и на начальных порах диссидентства. У нас в интернате был старший учитель литературы, честнейший человек. Он позвал меня к себе и говорит: "Юлик, снимите вашу подпись под письмом (очередным письмом протеста). Вы важны для интерната. Если вы уйдете, придет такая-то, начнет лгать, развращать детей ложью. Наша армия и без того тут малочисленна". Есть в этом своя правда? Есть. Я избрал этот путь. Другой избрал путь героический, и он тоже прав. Помню, мы пришли к Ларисе Богораз 24 августа 1968 г., уговаривать ее не ходить на демонстрацию. Чуть-чуть не уговорили, но приехал Паша Литвинов, и все пошло, как оно было.

Может быть, "случай Сахарова" показывает, что не только истэблшмент отвергает диссидентов, которые неприятны ему, как болтающаяся впереди морковка, но и наоборот — многие диссиденты отвергают истэблшмент? Самый факт того, что человек занимает такую позицию, как Сахаров, вызывает у них раздражение. Какой уж тут контакт или возможность сотрудничества?

Думаю, что да. Судя по программе, например, "Демократического союза", они никакого сотрудничества не хотят или хотят при условии, что их программа будет принята. Ребенку ясно, что сегодня это совершенно невозможно. Но власти их терпят. Не знаю, до каких пор продлится это терпение: власти стали внешне терпимы по форме, но по сути, я думаю, с большой неприязнью относятся к иным точкам зрения. Так что скорого примирения не приходится ожидать с обеих сторон.

НУ, РЕБЯТА, ВСЕ!

или

ИСТЕРИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЕЧНАЯ

Ну, ребята, все, ребята!

Ходу нету нам назад!

Оборвались все канаты,

Тормоза не тормозят,

Вышла фига из кармана,

Тут же рухнули мосты,

А в условиях океана

Негде прятаться в кусты.

И дрожу я мелкой мышью

За себя и за семью.

Ой, что вижу! Ой, что слышу!

Ой, что сам-то говорю!

Как намедни на собраньи

Что я брякнул — не вернешь!

Вот что значит — воздержанье!

Вот что значит — невтерпеж!

И я чую, как в сторонке

Востроглазые кроты

Знай фиксируют на пленке

Наши речи и черты.

Точат перья, точат зубы,

Шьют дела и часу ждут,

И уж если час наступит,

Они сразу к нам придут.

И прижучат, и прищучат,

И ногами застучат,

Отовсюду поисклют

И повсюду заключат.

Встанешь с видом молодецким,

Обличишь неправый суд

И поедешь со Жванецким

Отбывать, чего дадут.

Ибо все же не захочешь

Плохо выглядеть в глазах,

Так что полностью схлопочешь,

Так что, братцы, дело швах!

Так что, братцы, нам обратно

Ветер ходу не дает.

Остается нам, ребята,

Только двигаться вперед!

Но в то же время возникает и большое число таких организаций — культурных, экологических и даже политических, — с которыми власти готовы если не сотрудничать, то хотя бы полемизировать, их собрания и митинги не запрещаются. Может быть, такие организации со временем объединятся — по эстонскому образцу.

Что касается нетерпимости, разъединения, то это, наверное, в настоящих условиях — естественный процесс. Как было сказано в другое время и по другому поводу — прежде чем объединиться, и для того, чтобы объединиться, надо сначала решительно размежеваться. В этом, наверное, есть доля правды. Отсюда и отношение к Сахарову. Но мне все равно противна та легкость, с которой забывают, что такое Сахаров, и судят о его эволюции. Это все та же позиция: кто не с нами, тот против нас.

Разговор о размежевании и объединении возвращает нас в 60-е годы, когда произошло удивительное объединение христиан, марксистов, либералов, националистов и других — в рамках правозащитного движения. Что объединяло их, почему не было стремления к размежеванию?

Дело в том, что сейчас движение стало массовым, а тогда было единичным, штучным. Каждый человек был на счету. Объединяла всех общедемократическая идея: права человека, свобода личности — то, что для западной демократии давно является естественным. Теперь, когда возникли условия свободы, начался поиск самоопределения, а не того, что объединяет. Это естественный процесс. Тогда же дело было новое, трудное, людей было мало, и они искали друг друга. Кстати, размежевание внутри эмиграции тоже, вероятно, связано со снятием прессы, попаданием в условия свободы.

В общем, видимо, потребуется какое-то время, пока люди навоюются друг с другом, устанут от войны и поймут, что воюют-то они за общее дело.

Будем надеяться. Как ты думаешь, есть ли какая-то преемственность между идеями, которые мы защищали в те годы, и тем, что сейчас называют духом перестройки?

Конечно, я убежден, что одно проистекает из другого. В 1956 г. мы многое узнали, а когда человек получает знание, он старается его воплотить в действие. Знание при помощи самиздата все расширялось, а действие было парализовано, все попадали под пресс. Действия были разрозненными: была "Хроника текущих событий", был "Комитет прав человека" и т.д., были индивидуальные

КАДРИЛЬ ДЛЯ МАТИАСА РУСТА

Здравствуй, киндер дорогой!
 Гость, никем не чаемый,
 В нашей склоке мировой
 Голубок отчаянный!
 Прилетел, настрекотал,
 Перышки расправил —
 Агроматный арсенал
 На хер обесславил.

Ждать не хочет человек
 Череду столетий:
 Надоел двадцатый век,
 Хочу в тридцать третий,
 Где ни пушек, ни границ,
 Ни плохой погоды,

Где не меньше, чем у птиц,
 У людей свободы.

Генералы ПВО,
 Вам навек спасибо!
 Не убили вы его,
 А ведь как могли бы!
 Молодец, Матюша Руст!
 Пошутил по-русски:
 И смысленный, и не трус,
 И сидит в кутузке.

Партия-правительство,
 Есть такое мнение:
 Отпустите вы его
 В виде исключения!
 Это будет торжество
 Нового мышленья!

выступления. Но, несмотря на всю разрозненность этих действий, значение их было велико. Возник круг идей, который сейчас возрождается в новом виде. Я просто чувствую, что дело идет к воплощению тех идей, которые были изложены в знаменитой сахаровской брошюре "Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе". Особенно в том, что касается идей конвергенции. Ясно, что нам без помощи Запада не выйти из клубка наших безумных проблем. Так что нам просто выгодно дружить с Западом. Но Запад с нами дружить не будет, если мы не проведем у себя демократизацию.

Видимо, это и движет Горбачевым?

Да, я об этом и говорю.

Ты упомянул, что в свое время сделал выбор, который ты охарактеризовал как "не выбор героя". Сейчас, когда ситуация изменилась, чувствуешь ли ты, что возвращаясь к себе изначальному, прежнему, снова становишься общественно активным? Или это уже совсем в прошлом?

И да, и нет. Нет — в том смысле, что не смог бы не только возглавлять, но даже и участвовать в какой-либо из общественных организаций, активно тащить какой-то воз. Я и раньше, признаться, не чувствовал к этому призвания. Ну, и конечно, с годами человек меняется, у меня сейчас накопилось много проблем, много планов чисто художественного порядка. Но должен сказать прямо, что эти планы впрямую связаны с идеями, с проблемами нашей перестройки. Никогда еще в жизни я не чувствовал такого желания активно во всем этом участвовать — через свои произведения. В прошлом году, например, я написал не очень хорошую, может быть, даже плохую пьесу — вторую "Баню" Маяковского. Это пьеса о том, как "Баня" Маяковского репетируется в наше время под контролем своих победоносиков и оптимистенко (они у меня в пьесе называются Победоносов и Оптимистюк). Туда я многое ввернул из того, о чем ежедневно толковали газеты, — от разорения крестьянства до поворота рек. Получилось сумбурно, но от какого-то груза я освободился. Но ощущение необходимости соучаствовать не проходит, груз нарастает снова...

Ты не жалеешь о выборе, который тогда сделал?

Нет. Но я его стыжусь. Когда я отошел от движения, я еще пытался участвовать в нем, так сказать, нелегально. Например, участвовал в составлении нескольких выпусков "Хроники текущих событий". Просто видел, что больше некому, вот и взялся. Это были номера 11, 15 и 18. Но, конечно, этого было мало. Честно скажу, тогда я очень боялся. Но вот что странно. В 1972 г., когда взяли Петра Якира, и он начал давать показания, мне потом объяснили — да я и сам чувствовал, — что надо мной стали сгущаться тучи. Мне рассказали, что тогда в Лефортове решался вопрос: не прихватить ли и Кима. И я был к этому готов, как ни странно, даже желал этого. Может быть потому, что уже были случаи, когда люди ломались — как Добровольский, например, — и враги диссидентов злорадно тыкали в них пальцем: "Вот они, только на словах революционеры!" И я чувствовал, что мне надо и для себя, и для всех остальных сесть, чтобы своим примером это опровергнуть. У меня сохранились стихи 1973 г., где говорится об этом желании.

А до этого... Тогда, в 1969 г., я думал: ну, буду помогать тайно, но все же писать, работать в театре — это дело моей жизни, я должен им заниматься. Знаю, что это не лучший выбор, но так сложилась судьба.

Ну, что ж, тогда последний вопрос. Мы не кремленологи и не футурологи, чтобы предсказывать будущее, поэтому мой вопрос относится к твоему чисто человеческому, внутреннему ощущению. Скажи, есть ли у тебя надежда, что перестройка действительно совершится?

Безусловно. Очень сильная надежда. И сила эта выстраданная. Я уже не в том состоянии эйфории 1968 г., о котором я говорил, когда я кричал, что наши танки никогда к чехам не войдут. Я помню этот свой опыт разочарования. И тем не менее сейчас у меня надежда сильна, и я думаю, она основана на реальной оценке ситуации. К сожалению, таких оптимистов, как я, меньшинство. Но и пессимисты, я думаю, — пессимисты только на словах. Все равно они в глубине души надеются.

Помню, одна моя московская знакомая (мы с ней учились раньше в институте) звонит мне и плачет. "В чем дело?" — спрашиваю. "Ты что, ничего не читаешь? Ты посмотри два последних номера "Огонька", они же совершенно беззубые! Значит, они победили, теперь уже все кончено, надеяться не на что!" И я подумал: до какой же степени можно так за всем следить, так остро переживать, так связывать свою судьбу с каждым номером "Огонька"? Что это — привычка к безнадежности, или же, скорее, такое сильное желание надеяться? ●

* * *

Дорогой Булат Шалвович, а также Владимир Семеныч!
 Как живется-здоровится вам в ваши светлые дни?
 Ничего, помаленечку, как говорится, Бог в помощь...
 Бог в помощь вам, друзья мои, (2 раза)
 Бог в помощь вам!

На гитаре играем, на сцене, на писчей машинке,
 Вроде врозь, а, с другой стороны, вроде как в унисон.
 Все пытаемся, пробуем, ловим на слух по-старинке
 Глагол времен, металла звон...
 Бог в помощь вам, друзья мои, (2 раза)
 Бог в помощь вам!

Но мне все-таки жаль, извините, Булат, за цитату,
 Что никак мы не встретились на перекрестках Москвы.
 Пять минут на такси, две копейки по автомату,
 Но, увы! Я ужасно жалею. Не знаю, как вы.

Посидели бы, как бы попили, а как бы попели...
 Но не вышло, не выйдет, поскольку по нашим часам
 Слишком мы опоздали, приходится гнать на пределе.
 Потому и не выйдет. Мне жаль, я не знаю, как вам.

Потому и спешу, и к тому все слова и мелодья,
 Что я очень спешу объясниться вам в нежной любви.
 Я люблю вас, Булат, я люблю вас, Володя!
 Бог в помощь вам, друзья мои, (2 раза)
 Бог в помощь вам, (2 раза)
 Бог в помощь вам, друзья мои, (2 раза)
 Бог в помощь вам! (2 раза)

К ДЕЯТЕЛЯМ НАУКИ, КУЛЬТУРЫ И ИСКУССТВА

(фрагменты)

Мы, подписавшие это письмо, обращаемся к вам со словами глубокой тревоги за судьбу и честь нашей страны.

В течение нескольких лет в нашей общественной жизни намечаются зловещие симптомы реставрации сталинизма. Наиболее ярко проявляется это в повторении самых страшных деяний той эпохи — в организации жестоких процессов над людьми, которые посмели отстаивать свое достоинство и внутреннюю свободу, дерзнули думать и протестовать.

Конечно, репрессии не достигли размаха тех лет, но у нас достаточно оснований опасаться, что среди государственных и партийных чиновников немало людей, которые хотели бы повернуть наше общественное развитие вспять. У нас нет никаких гарантий, что с нашего молчаливого попустительства исподволь не наступит снова 37-й год.

Мы еще очень не скоро сможем увидеть Андрея Синявского и Юлия Даниэля — людей, осужденных на долгие годы мучений только за то, что они посмели излагать вещи, которые считали истиной..

Власти в очередной раз организовали "гласность" с расчетом на самые низменные черты специально подобранных людей: хамское безразличие к чужой судьбе, бездумье, не нуждающееся ни в информации, ни в анализе фактов.

Пока в зале суда дремали или издевались над подсудимыми кликуши и черносотенцы, в фойе, а потом на морозе толпились люди, составляющие подлинное общественное мнение: друзья и близкие подсудимых и люди, не знакомые с подсудимыми, но желающие знать истину, — писатели, художники, студенты, учителя..

Бесчеловечная расправа над интеллигентами — это логическое завершение атмосферы общественной жизни нескольких последних лет. Наивным надеждам на полное оздоровление общественной жизни, вселенным в нас решениями XX и XXII съездов, не удалось сбыться. Медленно, но неуклонно идет процесс реставрации сталинизма. Главный расчет при этом делается на нашу общественную инертность, короткую память, горькую нашу привычку к несвободе...

Мы еще раз напоминаем: молчаливое потворство сталинистам и бюрократам, обманывающим народ и руководство, глушащим любой сигнал, любую жалобу, любой протест, логически приводит к самому страшному: незаконной расправе над людьми.

В этих условиях мы обращаемся к вам, людям творческого труда, людям, которым наш народ бесконечно верит: поднимите свой голос против надвигающейся опасности новых сталинских и новых ежовых. На вашей совести — судьба будущих Вавиловых и Мандельштамов.

Вы — наследники великих гуманистических традиций русской интеллигенции.

Перед вами пример мужественного поведения современной прогрессивной западной интеллигенции.

Мы понимаем: вы поставлены в такие условия, что выполнение гражданского долга — каждый раз акт мужества. Но ведь и выбора тоже нет: или мужество — или трусливое соучастие в грязных делах; или риск — или присоединение к васильевым и кедрным; или поступиться какими-то благами — или встать в ряд с желтыми борзописцами из "Известий" и "Комсомольской правды", посчитавшими для себя нравственно возможным публичный оговор людей, над которыми учинили расправу.

Мы хотим немногого: чтобы наша общественность имела моральное право требовать освобождения греческих политзаключенных.

Для этого нужно тоже немного: добиться того, чтобы из многолетнего заключения были возвращены наши несправедливо осужденные сограждане.

Помните: в тяжелых условиях лагерей строгого режима томятся люди, посмевающие думать. Каждый раз, когда вы молчите, возникает ступенька к новому судебному процессу. Исподволь, с вашего молчаливого согласия может наступить новый *тридцать седьмой год*.

Илья Габай, педагог, редактор
Юлий Ким, учитель
Петр Якир, историк

Выборы президента Соединенных Штатов – событие само по себе достаточно интересное и значительное. Но в нынешнем году выборы в Америке совпали по времени со сходными, казалось бы, процессами в жизни нашей страны: выборами председателя Президиума Верховного Совета СССР и обсуждением поправок к конституции, которые призваны открыть нам путь к свободе, народовластью, правовому государству. Аналогии напрашиваются.

Стремясь дать объемное, стереоскопическое изображение президентской кампании в США, мы посвящаем ей две статьи. Одновременно мы публикуем заметки Р.Бахтамова, анализирующего действующий в СССР механизм сотворения вождя. В следующих номерах журнала мы предполагаем вернуться к этой теме, рассмотрев ситуацию, которая возникнет после того, как в конституцию страны будут внесены соответствующие поправки и дополнения.

Алексей ОРЛОВ (Джерси-Сити)

КАНДИДАТЫ И ПРЕЗИДЕНТ

8 ноября 1988 года борьба за президентское кресло завершилась. Началась она на полтора года раньше, весной 87-го, когда представители двух крупнейших партий страны стали выставлять свои кандидатуры. Выдвигать себя никому не возбраняется, так что список претендентов поначалу был весьма многолюден. Этот первый этап предвыборной борьбы продолжался до февраля 88 года, после чего начался сезон первичных выборов (праймериз) и местных партийных собраний (кокусов), где выдвинутые кандидаты демонстрировали себя перед членами своей партии. На этом — втором — этапе от борьбы добровольно отказались некоторые кандидаты, увидевшие, что у них нет шансов заручиться поддержкой делегатов всеамериканского партийного съезда своей партии (конвента). К концу второго этапа стало ясно, кто из кандидатов от каждой партии пользуется наибольшей популярностью среди своих однопартийцев. Затем последовали партийные съезды, которые, теперь уже от имени партии, рекомендовали кандидата в президенты. В начале сентября начался третий, решающий этап борьбы: гонка двух оставшихся кандидатов в Белый дом вышла на финишную прямую.

Консерваторы и социалисты

За пределами Соединенных Штатов сложилось представление, будто программы демократической и республиканской партий почти идентичны. Когда-то разница действительно была невелика, но в последние двадцать пять—тридцать лет произошло резкое размежевание. Сегодня две крупнейшие американские партии почти так же не похожи друг на друга, как две крупнейшие английские. Республиканцев можно уподобить британским консерваторам, демократов — лейбористам. Размежевание произошло потому, что демократическая партия в последние десятилетия настойчиво левела, превращаясь по существу в социалистическую партию европейского толка. И если сегодня американские демократы не именуют себя социалистами, то лишь оттого, что в лексиконе среднего американца слово "социалист" звучит столь же негативно, как, скажем, "коммунист" или "фашист". Назвать человека в Америке социалистом значит оскорбить его. Тем не менее социалисты Швеции, Бельгии, Дании и Греции, а также английские лейбористы всячески высказывали свои симпатии ДукаКису и желали ему победы. В нем они видели своего единомышленника и были абсолютно правы. Лидер же британских консерваторов Маргарет Тэтчер открыто высказывалась за кандидатуру Джорджа Буша.

В сегодняшней политике республиканская партия делает ставку на личность, на частную инициативу; демократическая партия — на комитеты, комиссии, органы социаль-

ного обеспечения, на Правительство (с большой буквы). Демократы убеждены, что простому человеку, попавшему в затруднительные обстоятельства, правительственные учреждения обязаны помогать. Республиканцы же исходят из того, что личность развивается самостоятельно и обретает силу через такие важнейшие институты свободного общества, как церковь, семья, школа. Представления республиканцев наилучшим образом выразил президент Рейган: "Я верю, что Бог создал землю между двух великих океанов для того, чтобы на ней могли собираться люди со всего света, те, чья сверхлюбовь к свободе побудила их покинуть свои страны и прийти сюда, дабы осветить эту землю бриллиантовыми лучами свободы".

Процесс полевения демократической партии наметился в 30-е годы и был завершен в конце 60-х—начале 70-х годов. При этом в стан республиканцев ушли многие значительные политические деятели демократы. Демократом был когда-то президент Рональд Рейган. Демократом была Джин Киркпатрик, занимавшая с 1981 по 1985 годы пост представителя США в ООН. Один из самых крайних республиканцев-консерваторов в сенате Джесси Хелмс тоже начинал свой политический путь как демократ.

Надо сказать, что американское общество весьма резко воспринимает проявление в демократической партии крайне левых, откровенно социалистических тенденций. В 1972 году, когда впервые в истории демократической партии ее кандидатом в президенты оказался откровенный социалист Джордж Макговерн, он потерпел сокрушительное поражение. Тогда за него проголосовали избиратели лишь одного штата. С той поры штат этот американцы полушутя называют "Народной Республикой Массачусетс".

Крайне левые тенденции в демократической партии в разные годы выявлялись по-разному. Во время войны во Вьетнаме демократическая партия сплачивала вокруг себя сторонников поражения армии США, позднее она поддерживала всевозможные пацифистские группы и организации, стремившиеся разоружить страну. Демократические активисты выступили также против ядерного оружия, атомной энергетики. Они не раз уже объявляли себя борцами за права угнетенных, относя к этой категории негров, феминисток, гомосексуалистов, лесбиянок.

"Семеро гномов" и шестеро республиканцев

В то время как демократическая партия левела, республиканская становилась все более консервативной. Эта ориентация нашла свое отражение и во взглядах тех республиканцев, кто выдвинул свою кандидатуру в минувшей кампании. Лишь двое из них могут быть отнесены к категории умеренных консерваторов. Это — вице-президент Джордж Буш и сенатор Роберт Доул. Остальные четверо — конгрессмен Джек Кемп, бывший государственный секретарь и бывший командующий армией НАТО Александр Хейг, бывший губернатор штата Делавер Пит Дюпон и проповедник-евангелист Пэт Робертсон — настроены крайне консервативно. В целом все шесть кандидатов республиканцев в делах внутренней и внешней политики держались весьма близких позиций. Серьезные разногласия вызвал лишь вопрос о договоре с Советским Союзом по ракетам средней и меньшей дальности. Хейг, Кемп, Дюпон и Робертсон выступали против договора, Буш и Доул были "за", хотя с существенными оговорками. Все шестеро поддерживали Стратегическую оборонную инициативу (СОИ), к которой, с легкой руки сенатора-демократа Эдварда Кеннеди, пристала кличка "звездные войны". Республиканские кандидаты в президенты выступали также за помощь повстанческим движениям в Афганистане, Анголе и Никарагуа. Во внутренней политике они одобряли линию президента Рейгана, стремящегося устранить барьеры на пути свободного предпринимательства.

Демонстрировали поначалу полное единство и кандидаты демократической партии. Сначала их было восемь: бывший сенатор Гэри Харт и "семеро гномов", как он называл своих соперников. Харт был несомненным фаворитом среди однопартийцев после того, как на выборах 1984 года финишировал вторым, уступив лишь Уолтеру Мондейлу, который и стал кандидатом партии. В 1988 году Харту было обеспечено первое место при выдвижении на демократическом конвенте, но вмешались непредвиденные события. Как и все претенденты на Белый дом, Харт находился под постоянным пристальным вниманием прессы. Журналисты, не оставлявшие наблюдения ни днем, ни ночью, устано-

вили, что претендент неравнодушен к молодым красоткам, а затем и застучали его с красавицей из Флориды. В стране, где, по представлениям избирателей, претендент в президенты непременно должен быть примерным семьянином, такие шалости не поощряются. Бывшему сенатору пришлось сойти с беговой дорожки. А "семь гномов" остались. Ими были: сенаторы Джозеф Байден, Альберт Гор и Пол Саймон, конгрессмен Ричард Гепхард, губернатор Массачусетса Майкл Дукакис, бывший губернатор Аризоны Брюс Эзбитт и негритянский пастор Джесси Джексон.

Все они выступали за сокращение ассигнований на оборону страны, все были противниками "звездных войн", все считали ненужной помощью борцам за свободу Никарагуа. Все они были убеждены, что необходимо обложить новыми налогами "богатых" и корпорации. И хотя за годы администрации Рейгана-Буша инфляция в стране была сведена к минимуму и составляла 3—4 процента вместо 12 процентов в год, как было при Картере, а безработица достигла самого низкого уровня за полтора десятилетия, все кандидаты-демократы выражали громкое недовольство экономическим состоянием страны. Они сосредоточили свою критику также на росте дефицита федерального бюджета и на дефиците внешнеторговом. Эти явления они объявили результатом порочного курса Белого дома.

Два кандидата

Успех Джорджа Буша в споре за лидерство легко объясним. Он участвовал в президентской кампании Рейгана еще в 1980 году и уже тогда в известной степени заложил базу собственной кампании 1988 года. В 1979—80 годах во всех штатах возникли комитеты в поддержку Буша. Став вице-президентом, Буш постоянно ездил по стране, встречался со своими сторонниками. Все эти годы он был на виду, его знала страна, к нему привыкли. Ни у кого из однопартийцев-соперников Буша не было такой общенациональной известности и поддержки. К тому же он восемь лет работал рука об руку с президентом, пользовавшимся в стране необычайной популярностью.

С другой стороны, выход на передовые позиции Майкла Дукакиса представляется довольно странным. По сути он был ничем не хуже и не лучше большинства своих конкурентов. И тем не менее в его выдвижении просматривается некоторая закономерность. Обойти соперников губернатору Массачусетса помогли две причины. Во-первых, Дукакису, его советникам и помощникам удалось создать миф о "массачусетском чуде". Согласно этому мифу, в 80-е годы в штате наблюдался экономический рост, которым граждане целиком обязаны губернатору. Разъезжая по стране, Майкл Дукакис призывал голосовать за него, обещая в случае удачи повторить массачусетское чудо в масштабах Америки.

А между тем никакого чуда в Массачусетсе не произошло. Своим процветанием штат обязан совершенно другим причинам. В штате сосредоточены многие научные учреждения, сотни электронных фирм и компаний. Все они обрели вторую жизнь, когда президент Рейган взял в 1981 году курс на укрепление обороноспособности страны. В Массачусетс стали поступать сотни миллионов долларов, ассигнованных на оборону, что и привело к расцвету научно-исследовательских институтов и компаний. Их рост в свою очередь привел к увеличению числа рабочих мест, безработица уменьшилась. Но, конечно же, на подобные "чудеса" не могут рассчитывать штаты с сельскохозяйственной ориентацией или штаты с основными доходами от легкой промышленности.

Вторая причина, способствовавшая взлету Дукакиса, относится к его служебному посту. За губернаторами в Америке давно закреплена слава людей инициативных, умеющих считать деньги и не транжирить их попусту. Эти традиционные качества губернаторов штатов способствовали тому, что из их числа нередко выходили президенты страны. Губернатором Калифорнии был Рональд Рейган, перед тем, как занять Белый дом, губернаторствовал в штате Джорджия Джимми Картер, а в штате Нью-Йорк — Франклин Делано Рузвельт. В сознании избирателей эти факты, несомненно, присутствуют. К тому же у губернаторов есть преимущество, которого не имеют сенаторы и конгрессмены. Членам конгресса США приходится постоянно голосовать, принимая или отвергая различные резолюции, касающиеся как внутренней, так и внешней политики государства.

Политическая позиция конгрессмена, таким образом, всегда на виду у избирателей, ее нельзя скрыть или заглушить. Если, например, какой-нибудь член конгресса голосовал в свое время за повышение налогов, а став кандидатом в президенты, объявит, что будет бороться против повышенного налогообложения, ему непременно напомнят его прошлые слова и действия. Политическая же позиция губернатора по многим вопросам скрыта от избирателей. О его взглядах не всегда осведомлены даже в родном штате. В известной степени именно это позволяло некоторым губернаторам побеждать в прошлом на президентских гонках.

Таковы наиболее явные причины, по которым Майкл Дукакис оказался более счастливым, когда в руководстве демократической партии обсуждалось, кого выдвинуть в кандидаты. Ему удавалось скрывать противоречивость своих взглядов и нечеткость программы от избирателей и позднее, когда начался его круиз по городам страны. Только в последние дни перед выборами выяснилось, что финансовое положение штата Массачусетс совсем не так великолепно, как описывал Дукакис. Один из ведущих банков штата отказался даже оплачивать чеки местной администрации, так как штат задолжал банку почти двести миллионов долларов.

Насколько губернаторы были в прошлом удачливы на решающей стадии президентских выборов, настолько же неудачливы были чаще всего вице-президенты. В нынешнем веке никому из них не удалось сразу пересечь из своего кресла в президентское. Можно напомнить, что за всю историю Америки было всего лишь три удачливых в этом отношении вице-президентов. А проигравших — сколько угодно. Почему? В сознании массового избирателя вице-президент — человек, годный лишь на вторые роли. Его зовут нередко "мистер "да". По мнению публики, он по самой сути своей должности обязан во всем поддакивать боссу. То же думали о Буше.

Взвешивая "за" и "против" обоих кандидатов в президенты, журналисты и радиокомментаторы сходились на том, что в век, когда телевидение играет столь большую роль в избирательной кампании, Майкл Дукакис обладает еще одним преимуществом перед Джорджем Бушем: Дукакис хорошо говорит. В прошлом он даже исполнял роль посредника в телепрограмме "Адвокаты", где проявил себя человеком находчивым и острым на язык. Что до Буша, то он сам как-то заметил о себе: "Когда я говорю, даже Барбара (жена) засыпает". А ведь обоим кандидатам предстояло много и долго говорить в телевизионных дебатах, ставших традиционными в избирательных кампаниях США. Так что, как видим, с самого начала в глазах избирателей Дукакис имел серьезные преимущества перед Бушем, преимущества личного, должностного и исторического (традиционного) порядка. Как же получилось, что он проиграл в этой борьбе?

Я предпочел бы поставить вопрос по-другому: на что надеялся демократ-социалист Майкл Дукакис, собираясь победить в стране, которая за последние 20 лет на четырех выборах из пяти отвергла левых кандидатов и предпочла консерваторов? Лишь однажды за последние двадцать лет демократы победили на президентских выборах. Это случилось в 1976 году: попасть Картеру в Белый дом в значительной степени помог разыгравшийся перед тем Уотергейтский скандал. Способствовало успеху южанина Джимми Картера и то, что он умело загримировался тогда под умеренного политика, скрыл от избирателей свою политическую слабость и либерализм.

Дукакису предстояло ответить на вопросы своих избирателей-однопартийцев на съезде демократической партии прежде Буша, поскольку съезд правящей партии проходил по традиции после съезда оппозиционной. Буш, таким образом, смог выработать тактику и стратегию своей избирательной борьбы, исходя из того, какой путь избрали демократы.

"Грязная кампания"

"Рыба гниет с головы", — сказал Майкл Дукакис об администрации Рейгана, положив тем самым начало кампании, в которой обе стороны не слишком стеснялись в выражениях. Это началось на конвенте демократической партии в Атланте. Там имя Буша склоняли все ораторы. А один из них, сенатор Эдвард Кеннеди, задал риторический, подхваченный прессой вопрос: "Где же был Джордж?" Кеннеди намекал этой фразой, что

вице-президент никогда не принимал серьезных решений: без него решили начать тайные поставки оружия Ирану; без него обсуждали федеральный бюджет, в котором расходы на многие миллиарды долларов превышали поступления в государственную казну; без него решался и вопрос о договоре с Советским Союзом относительно ракет. "А где же был Джордж?" — повторили вслед за Кеннеди делегаты конвента, а за ними и демократы по всей стране.

На том съезде Майкл Дукакис предложил Джорджу Бушу вести избирательную борьбу не с идеологических позиций, а с позиций опыта, компетентности. Дукакис изображал себя человеком более опытным, чем Буш, поскольку он управлял штатом Массачусетс, а Буш не управлял, по сути, ничем. Состязания же в идеологических вопросах Дукакис не желал, понимая, что консервативные взгляды пользуются у массы американских избирателей большей поддержкой, чем идеология либералов. По тем же, вероятно, соображениям Дукакис взял себе в напарники — кандидатом в вице-президенты — сенатора из Техаса Ллойда Бентсена, одного из немногих консерваторов, сохранившихся среди ведущих деятелей демократической партии.

Демократы знали и другое: если на первом и втором этапах избирательной гонки, пока они оставались в кругу однопартийных единомышленников, не следует скрывать своих либеральных, а по сути — социалистических симпатий, то на третьем этапе, выйдя на широкого рядового избирателя, следует на время оставить свои идеологические взгляды в тени. Тут выгоднее демонстрировать умеренную позицию. Джордж Буш и его сотрудники республиканцы находились во время избирательной кампании в другой ситуации: им не было нужды скрывать от избирателей свои взгляды, но они воспользовались публичными выступлениями также и для того, чтобы показать избирателям, на каких политических позициях стоят их противники.

Однако до съезда республиканцев, который состоялся в Новом Орлеане, Буш еще не решил, как наилучшим образом пробиться к сердцу избирателя, как доказать простому человеку Америки, что Дукакис следует по тому же пути, который избиратели отвергли в 1972 году, когда Ричард Никсон разгромил Джорджа Макговерна, в 1980-м, когда Рональд Рейган разбил Джимми Картера, и в 1984-м, когда тот же Рейган сдул с политической карты либерала Уолтера Мондейла. Буш стремился выяснить, что именно в 1988 году более всего волнует избирателей, и это ему удалось.

Речь Буша на конвенте в Новом Орлеане понравилась широкой публике, но этого было мало. Она касалась более чем ста проблем внутренней и международной жизни Америки. Сразу после нее республиканские социологи принялись исследовать общественное мнение. В крупнейших штатах страны они попросили избирателей назвать всего лишь три наиболее животрепещущих, по их мнению, вопроса, затронутых в речи вице-президента. Опрос показал, что избирателей сравнительно мало волнует проблема дефицита федерального бюджета, их не очень беспокоит и внешнеторговый дефицит страны. Даже отношения с Советским Союзом, по мнению массового человека в Америке, не относятся к проблемам насущным, да и разоружение в полученных ответах оказалось на каком-то "надцатом" месте. Тремя главными вопросами сегодняшнего дня из тех, что упомянул Буш, избиратели назвали: отсутствие ежедневной — по утрам — клятвы на верность флагу Соединенных Штатов в государственных школах; борьба с преступностью и, в частности, с наркоманией, а также членство Майкла Дукакиса в "Американском союзе защиты гражданских свобод".

С точки зрения государственных политиков, все три названные проблемы носят довольно узкий характер. По реальной значимости их нельзя сравнить, например, с вопросами разоружения или с бюджетным дефицитом. Но коль скоро избиратель решил так, а не иначе, Буш все свои последующие выступления акцентировал именно на этих трех вопросах. Тем более, что они позволяли показать, насколько идеи кандидата демократов отличаются от взглядов основной массы избирателей.

"Американский союз защиты гражданских свобод", членом которого оказался Дукакис и который так заинтересовал избирателей, — организация не партийная. Союз выступает, к примеру, за легализацию наркотиков и свободное распространение порнографической литературы. Члены его считают, что государственный запрет на порнографию и торговлю наркотиками антиконституционен: государство покушается на сво-

боду личности. Членство в этой организации, с точки зрения среднего американца, не красит никакого политика, и уж тем более — кандидата на высший государственный пост.

Как и многие демократы-социалисты в США, Дукакис против смертной казни для особо опасных преступников. Будучи губернатором, он не раз уже накладывал вето на законопроекты законодательного собрания Массачусетса о смертной казни. И это также не могло поднять кандидата демократической партии в глазах избирателей, которые выступают за самые решительные действия против преступников.

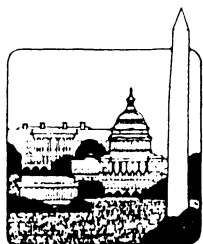
Дукакис высказался также против обязательной утренней клятвы на верность американскому флагу. Между тем большинство американцев старшего поколения выросло, принося такую клятву. Простые люди не понимают, как можно объявлять себя патриотом и в то же время быть противником клятвы.

На диспутах эти три темы отодвинули на задний план другие, более важные с точки зрения здравого смысла. Дукакис не устал повторять, что "следует говорить о главном, а не о второстепенном". Но чем больше он повторял это, тем меньше ощущал поддержку общественного мнения. Очевидно, эти "второстепенные" вопросы, в том виде, как их трактовал кандидат демократов, все больше отталкивали от него избирателей. Если в начале кампании Дукакис лидировал во всех без исключения опросах общественного мнения и преимущество его над Бушем достигало 12 и даже 18 процентов, то к концу августа — примерно через семь-десять дней после съезда республиканской партии — от бывшего превосходства Дукакиса не осталось и следа. По подсчетам социологов, Буш оказался впереди на 4—6 процентов. После же вторых телевизионных дебатов 13 октября, когда "неразговорчивый" Буш явно показал себя сильнее опытного "говоруна" Дукакиса, преимущество кандидата республиканцев перевалило за 10 процентов.

Когда до выборов оставалось две недели, демократы без каких-либо аргументов обвинили республиканскую партию в разжигании расизма. В эту версию не поверили, ее не поддерживали американские периодические издания. Даже по здешним избирательным стандартам такого рода безосновательные обвинения считаются постыдными. После этого эпизода комментаторы стали склоняться к тому, что шансы Дукакиса упали до нуля.

*

Победа Джорджа Буша свидетельствует не только о его личных качествах и доверии к нему как к политику, который был два срока конгрессменом, послом США в ООН, главой дипломатической миссии в Пекине, директором ЦРУ и, наконец, восемь лет вице-президентом. Он одержал победу во многом еще и потому, что обязался перед избирателями продолжать политику Рональда Рейгана — одного из самых популярных президентов в истории Соединенных Штатов. Рейган вернул Америке уверенность в своих силах на международной арене. Он принес стране экономическое процветание. Он вернул обществу оптимизм, утраченный в картеровские годы. Джордж Буш обязался продолжать политику своего предшественника, и это обещание стало одним из слагаемых его победы. Говорят, что кандидаты в президенты много обещают и мало выполняют. Рональд Рейган опроверг такую точку зрения. Нам предстоит узнать, опровергнет ли ее и Джордж Буш. ●

УЧЕНИК ЧАРОДЕЯ

Итак, один из самых популярных в истории Соединенных Штатов президент завершает предельно допустимый срок своего пребывания в Белом доме. Рейган не просто удачный президент, это целая глава в истории Америки. Начав свою политическую карьеру как сторонник демократической партии и профсоюзный лидер, он дважды победил на национальных выборах как убежденный консерватор, противник сильного централизованного правительства и слишком мощных профсоюзов, проповедник свободной рыночной экономики. Он пришел к власти после нескольких не слишком популярных предшественников, после исключительно порядочного и, может быть, именно поэтому неудачливого Картера, когда многим американцам стало стыдно за свою страну. Я не знаю, в чем секрет его успеха, — может быть, в том, что он человек очень твердых убеждений, обладающий огромным личным обаянием. Как бы то ни было, он оставляет своему преемнику уверенную в себе страну с процветающими промышленностью и сельским хозяйством, хотя и обремененную долгами и многими другими проблемами.

Эксперты, в зависимости от политической принадлежности, резко расходятся в оценке как деятельности Рейгана, так и экономического положения страны. Средний американец, который не силен в высокой экономике, видит, что безработица держится на уровне 4—6 процентов (то есть ее практически нет), что инфляция сократилась втрое, что деньги в банке можно одолжить под 8—9 процентов годовых (при Картере приходилось платить двадцать с лишним). Средний человек не очень любит, когда ему толкуют о государственных долгах, дефиците внешней торговли и прочих скучных материях.

Популярность Рейгана последние годы держалась на очень высоком уровне — его политику одобряло 60 процентов опрошенных. Поэтому нет ничего удивительного в том, что 41-м президентом страна выбрала Джорджа Буша, человека, который стал верным оруженосцем Рейгана с момента, как проиграл ему на съезде республиканской партии восемь лет назад. Буш твердо держался в тени оба президентских срока, хотя явно готовился к выборам 1988 года.

Свой шанс

Президента в Соединенных Штатах выбирают долго и дорого. Кампания начинается чуть ли не за два года до выборов и обходится налогоплательщикам в сотни миллионов долларов. Любая политическая партия имеет право выставить своего кандидата — нужно лишь соблюсти некоторые формальности. Титул "кандидат в президенты" достаточно почетен, поэтому находится немало любителей использовать свой шанс. Помните (из советского прошлого, естественно; здесь об этом мало кто знает), что в президенты обычно баллотируется глава не очень многочисленных американских коммунистов. На нынешних выборах г-н Гэс Холл представлен не был, он обиделся на несправедливые избирательные законы в некоторых штатах. Но свято место пусто не бывает. И в числе претендентов числился известный своими скандальными финансовыми махинациями глава очень правой организации, подозревавший английскую королеву в торговле наркотиками, а также черная дама, доктор философии, которая обещала обложить сверхналогом корпорации, срезать наполовину оборонный бюджет и за счет этого обеспечить всех нуждающихся жильем и медицинским обслуживанием.

По существу же борьба за президентство шла, как обычно, между двумя партиями: республиканской и демократической. Как хорошо известно читателям "Правды" и всех ее центральных и местных вариантов, "ни та, ни другая партия американских трудящихся не представляет". Американцы, тем не менее, разницу видят.

Поскольку достойных людей, желающих послужить своей стране в роли президента, в рядах этих партий много, формальному выдвижению предшествуют первичные выбо-

ры, на которых претенденты пробуют свои силы. На этом этапе важно угодить активу партии (рядовой избиратель на праймериз не ходит), поэтому претендент обычно выглядит "левее" или "правее" чем потом, на настоящих выборах. Предварительные выборы проводятся в разных штатах в разное время, чтобы дать возможность претендентам организовать, добыть денег, а избирателям — присмотреться к кандидатам. Но уже на третьем-четвертом штате становится ясно, кого публика любит, а к кому безразлична. Весьма популярный на Среднем Западе сенатор-республиканец Роберт Доул считался очень серьезным соперником Буша, но быстро "вылетел из седла", не сумев организовать кампанию должным образом. У демократов дольше всех продержался, помимо самого Дукакиса, Джесси Джексон, восходящая звезда черной Америки.

Съезд партии в Штатах — это совсем не сборище большого числа мрачноватых и подавленных своей значимостью людей, чинно голосующих и аплодирующих по мере надобности, а в перерывах отоваривающихся в недоступных рядовому гражданину распределителях. Здесь съезд — это всем понятное шоу, зрелище, которое хотя и нельзя сделать совсем веселым, но следует сделать как можно менее скучным. Поэтому он продолжается считанные часы, разбавлен оптическими и музыкальными эффектами, конфетти и воздушными шарами. Среди немногих серьезных моментов самый серьезный — тронная речь кандидата партии. И хотя он уже выбран и вроде бы полдела позади, его смотрит и слушает все страна, и впечатление, которое он произведет, чрезвычайно важно.

Защитник "маленького человека"

В свой звездный час кандидат от демократической партии, губернатор штата Массачусетс Майкл Дукакис, казалось, покорила страну. Люди растроганно говорили о том, как он не похож на того холодного и расчетливого человека, каким представлялся по описаниям газет, как любит свою жену Китти и детей. О программе его говорили мало, да и сам он в тот раз не очень о ней распространялся.

И хотя сейчас ясно, что Дукакиса в ближайшем будущем ожидает политическое забвение (как это случилось с предыдущим кандидатом демократов Мондейлом), интересно разобраться, от кого отказалась Америка в пользу консервативного Буша.

Майкл Дукакис происходит из греческой семьи, перебравшейся в США сравнительно недавно, он — представитель ее первого американского поколения. Политическую карьеру он сделал в Массачусетсе, известном своими либеральными традициями северо-восточном штате. Совсем молодым был избран губернатором штата, но следующие выборы проиграл и на несколько лет удалился читать лекции в один из известнейших университетов Бостона. Затем вернулся в политику и дважды избирался губернатором.

Мнения о том, какой он "правитель", сильно расходятся. Вероятно, неплохой: он ввел в штате всеобщее медицинское страхование (хотя еще не совсем понятно, кто за это будет платить), активно боролся с потоком наркотиков, захлестнувшим страну, защищал, насколько возможно в индустриальном штате, природу и пытался сбалансировать бюджет.

Однако губернаторство, хотя и политика, но политика местная, штатная. Можно с блеском управлять штатом, наладить здравоохранение, школьную систему, ремонт мостов и дорог, но ровным счетом ничего не смыслить в делах международных. И то, что у "Майка" не было никакого опыта в глобальной политике, отпугивало многих, в том числе и тех, кто соглашался с его внутренней программой. Больше того, стало известно, что он осуждал многие шаги Рейгана, поддерживаемые большинством американцев: высадку на Гренаду, помощь повстанцам в Никарагуа, установку ракет среднего радиуса действия в Европе. Он высказывался против разработки и ввода новых систем вооружения, будь то ракеты, авианосцы или невидимый радару бомбардировщик. Как всякий либеральный интеллигент, он большой противник атомного оружия и предпочитает ему вооружение обычное.

Надо полагать, что, придя в Белый дом, Дукакис вряд ли решился бы на одностороннее сокращение вооружений; конгресс, даже в нынешнем демократическом варианте, не пошел бы на это. Полагаю, что и идея добиться паритета с Советским Союзом в

области неатомных видов оружия тоже осталась бы неосуществленной по причине ее чрезмерной дороговизны. Кстати, желание выглянуть не чуждым военной мощи сыграло с Дукакисом злую шутку: на одном из полигонов он облачился в форму и прокатился на танке. Маленький носатый человечек в шлеме, едва заметный в башне мощной машины, выглядел очень смешно. Республиканцы с удовольствием воспользовались этими кадрами для антидукакисовской рекламы, снабдив их соответствующими комментариями.

За время пребывания Рейгана у власти американцы до конца убедились в том, что совсем не обязательно ждать, пока тебе наступят на мозоль, чтобы принять ответные меры. Рейган вернул им веру в себя и в свое право использовать силу. Дукакис, однако, предпочел бы не бомбить Каддафи, не посылать военный флот в Персидский залив и вообще почаще обращаться в ООН.

Буш в первые же дни кампании навесил на своего противника ярлык либерала. Слово это в американском политическом лексиконе почти ругательное, ассоциирующееся в сознании среднего американца с проблемами 60-х годов: распадом семьи, вседозволенностью, открытым применением наркотиков, потаканием преступности и, самое главное, антиамериканизмом. Дукакис явно растерялся, и это ему дорого обошлось. Как здесь говорят, когда грязь высохла, отмыть ее трудно. Лишь перед самыми выборами он вспомнил, что Рузвельт тоже вроде бы был либералом, и стал о своем либерализме говорить с гордостью. Рузвельт, однако, был скорее социал-демократом европейского толка: сторонником государственного планирования, регулирования экономики, поддержки профсоюзов, общественного владения средствами производства, дорогостоящих социальных программ. Именно эта сторона его деятельности ассоциируется здесь с демократическим либерализмом, не слишком в наши дни популярным в Штатах.

Демократическая партия прочно утвердилась в общественном сознании как защитник маленького человека от сильных мира сего. Иммигранты, которых страна за последнюю сотню лет приняла великое множество, видели в ней свою защиту. А поскольку прибывали они большими национальными группами и стремились сохранить свое единство, сегодня демократическая партия — это рыхлый конгломерат, объединяющий людей не столько по принадлежности к общей идеологии, сколько по расовым, религиозным и социальным признакам. Большинство американцев тяготеет к этой партии скорее по привычке и из-за осторожного отношения ко второй большой партии, республиканской, которая — опять же скорее по традиции — считается партией людей обеспеченных.

Парадоксально, но в Штатах именно консервативные республиканцы продолжают истинно либеральную — в европейском смысле — традицию, защищая рыночную экономику, свободную торговлю, противостоя сильной, всеобъемлющей государственной машине. В отличие от демократов, стремящихся к централизации, к участию правительства во всех начинаниях, они стремятся сократить роль правительства, избавить его от мелочной опеки над делами штатов и вообще надо всем, что может быть сделано людьми на местах. В ходе избирательной кампании, например, много говорилось о необходимости создания системы детских садов, чтобы помочь работающим матерям. Дукакис ратовал за государственную систему, которая обошлась бы в несколько миллиардов долларов. Буш предложил небольшую скидку с налога для семей с маленькими детьми, чтобы сэкономленные деньги родители могли использовать по своему усмотрению.

Формально сторонников у республиканской партии гораздо меньше, чем у демократов. Однако на президентских выборах значительная часть демократов голосует против кандидата своей партии. В результате за последние двадцать лет страна имела лишь одного президента-демократа, который даже не сумел добиться избрания на второй срок. Демократы обычно берут реванш на выборах в конгресс.

Американцы говорят, что у них консервативная голова и либеральное сердце, поэтому их больше устраивает президент-республиканец и демократический представитель в конгрессе. Помимо этого, широта политического спектра внутри демократической партии больше соответствует идеологической дифференциации страны: консервативный юг, либеральный северо-восток, колеблющийся фермерский "библейский пояс" центра страны. Сравнительно легко подстроиться под настроение одного избирательного округа

и пройти в конгресс, но на президентских выборах нельзя выиграть, не завоевав расположения консервативных и умеренных штатов.

Найти кандидата, который удовлетворял бы одновременно и демократическую партию, и страну в целом, видимо, очень трудно. Известный нью-йоркский журналист Сэфайр в полушутливом эссе вспоминает последних кандидатов от демократической партии — Макговерна, Картера, Мондейла и Дукакиса и находит одну объединяющую их черту: они невыразимо скучны и лишены индивидуальности (холодная рыба, по образному выражению американцев). Человек, который не проявляет никаких эмоций, отвечая на вопрос, что бы он сделал с насильником и убийцей своей жены, не достоин быть моим президентом, говорит Сэфайр, имея в виду Дукакиса.

Необыкновенную популярность Рейгана относят во многом за счет его обаяния, умения пошутить (пусть даже не всегда удачно и осторожно, потом помощники разъясняют, что именно президент имел в виду), прикинуться своим в доску, не теряя достоинства. Что ж, он бывший актер, ему и карты в руки. Но ведь хорошо известно, что популярность нашего генсека и дома, и, особенно, на Западе зиждится не столько на его добрых делах, сколько на широкой улыбке и простецкой повадке. Коллеги могут знать о его железных зубах, народу — это не обязательно.

Сорок первый

Вице-президент Буш, хотя и находился долгое время в тени Рейгана, сумел сохранить свое лицо. Он проявил себя верным солдатом, никогда не "возникал", но всегда держался твердо и не стеснялся вступать в споры с журналистами, когда его слишком допекали неприятными вопросами, отшучивался и даже отругивался, что американцам явно нравилось.

Опытные люди утверждают, что вице-президентство — худшая работа в Вашингтоне. Помощники президента близко не подпустят вас к нему в тот момент, когда принимает важное решение. (Это в том случае, если вас уже не отправили представлять в каких-нибудь похоронах.) Иногда вас назначат председательствовать в некоей комиссии, но и это делается главным образом для того, чтобы подчеркнуть значение, которое президент придает этому вопросу.

Буш, действительно, ездил на похороны и руководил многими такими комиссиями. Но те же опытные люди говорят, что роль Буша в Белом доме этим не ограничивалась. Он помешал Рейгану ослабить законы, защищающие права меньшинств. Он много сделал, чтобы ограничить правительственный контроль над экономикой. В области внешней политики его роль была еще более значительной: он настоял на выводе американских морских пехотинцев из Ливана, руководил специальной группой, принявшей решение о вторжении на Гренаду (пропагандистски — один из наиболее удачных внешнеполитических шагов Рейгана). В 1985 г., когда два важнейших департамента — государственный и обороны — противились использованию американских военных самолетов для переброски "черных евреев" из Эфиопии в Израиль, Буш добился отмены их решения, и многие сотни людей были спасены от неминуемой голодной смерти. Когда в Сальвадоре свирепствовали "батальоны смерти", он добился встречи с военной верхушкой республики, и серьезное предупреждение, сделанное им, подействовало. Ему, наконец, досталась не очень благодарная задача убедить союзников по НАТО, что соглашение о запрещении ракет среднего радиуса действия — в их прямых интересах.

В биографии этого человека немало черт, импонирующих среднему американцу. Не просто пилот, а ас на тихоокеанском театре военных действий во время Второй мировой войны. Был ранен и сбит в воздушном бою, но уцелел. Вернувшись домой, показал себя успешным бизнесменом, пионером в освоении морских залежей нефти. Был конгрессменом от богатого техасского города Хьюстона и не стеснялся противоречить своим избирателям: голосовал за финансирование жилищного строительства для бедных, поддерживал законы в защиту гражданских прав. Представлял США в Китае и в ООН. Но наиболее далеко идущее последствие имело его сравнительно короткое пребывание в ЦРУ. Он пришел туда в середине семидесятых годов, когда скандальные детали о "подрывной деятельности" ЦРУ широко обсуждались в мировой печати. Управление

было на грани развала. Буш не только быстро восстановил нормальную обстановку, но и сумел перенаправить усилия разведывательного аппарата на анализ информации о военном потенциале Советского Союза. Результатом был доклад так называемой Группы Б, в которой Буш собрал лучших знатоков советской военной и политической машины. Перевооружение американской армии, проведенное Рейганом, а также последовавшая готовность Советского Союза к переговорам были не в последнюю очередь обусловлены выводами Группы Б. Недаром скупая на похвалы сенатская комиссия по разведке назвала его одним из лучших директоров ЦРУ в истории.

Буш побил еще один рекорд — он стал первым за 150 лет "вице", избранным в президенты. Не случайно в этой кампании непропорционально большую роль играли личности двух будущих заместителей президента. По конституции, вице-президент не несет никаких официальных обязанностей, не считая председательствования в сенате. Его задача — быть готовым заместить президента в случае его болезни или смерти. Буш неожиданно для всех выбрал своим "вице" молодого и малоизвестного сенатора из Индианы, Дэниэля Куэйла, хотя выбор у него был очень широкий. Многие весьма популярные в стране сенаторы и конгрессмены республиканцы намекали, что совсем не прочь выступить в этой роли. Буш утверждает, что он выбрал Куэйла в силу его выдающихся личных качеств (в чем многие сомневаются). Говорят, что Буш пытался привлечь таким образом голоса молодых избирателей. Думают (но не говорят вслух), что Буш не заинтересован в слишком ярком и независимом заместителе. Неопытный в общении с прессой, Куэйл был первое время тяжелым грузом для Буша. "Посмотрите, кто будет править страной, если что-нибудь случится с Бушем, — патетически восклицали демократы. — Сравните его с нашим кандидатом в вице-президенты, и вам сразу станет ясно, на кого можно положиться".

Сенатор Бентсен, глава одного из влиятельнейших комитетов сената, действительно, выглядел бы на посту вице-президента куда внушительнее, чем юный (40-летний!) Куэйл. Злые языки утверждают, что у демократов было бы гораздо больше шансов победить на выборах, если бы Бентсен был в паре первым. Дукакис рассчитывал, что Бентсен обеспечит ему голоса южных штатов (чего не случилось), а также придаст их совместной платформе легкий консервативный лоск. Однако комбинация губернатора северного штата, считающегося гнездом либерализма, и южного консервативного демократа, позиции которого гораздо чаще смыкались со взглядами Рейгана, чем с платформой его будущего патрона, несколько напоминала небезызвестного Тянитолкаю, две головы которого смотрели в противоположные стороны. Обе головы, однако, дружно обещали забыть о противоречиях и проявлять коллегиальность. И хотя шансы Куэйла стать президентом высоки (за последние 50 лет три "вице" стали президентами: Трумэн, Джонсон и Форд), предварительные опросы показали, что избиратели голосуют не за гипотетическую возможность, а за живого кандидата. Поэтому к концу кампании о Куэйле вообще забыли, тем более, что в сенате, как оказалось, он успел проявить себя не худшим образом.

Почти как на ринге

С весны все теле- и радиоизвестия начинались с сообщений о том, где были сегодня претенденты, что каждый из них сказал и каковы сегодняшние прогнозы. Опросы, опросы, опросы. "Washington Post" сегодня проводит опрос совместно с телесетью CBS, завтра "New York Times" — с телегигантом ABC. Опрошены полторы тысячи человек, три тысячи, две тысячи. Ответы, естественно, зависят от постановки вопросов, но в общем, надо сказать, картина получалась ясная и динамичная, почти как на ринге.

Примерно до середины этого года Дукакис был неоспоримым фаворитом. Потом, примерно с конца мая, его популярность стала падать и упала до минимума (45% всех опрошенных) в июле. Интересно, что Бушу это почти не прибавило сторонников, вероятно, потому, что отражало приливы и отливы внутри демократической партии. Съезд демократов, где Дукакис произнес пламенную речь (известно даже, кем написанную), выправил положение — число желающих увидеть его в Белом доме резко возросло. Насмешки над элитарностью Буша ("Он родился с серебряной ложечкой во рту") и его

сомнительным поведением во время закулисной торговли с Ираном ("Где ты был, бедный Джордж?"), которыми были полны речи на съезде, сильно повредили вице-президенту. Но с этого момента что-то стало меняться: Буш устоял; превосходно, по мнению всех обозревателей, провел съезд своей партии (в которой он, кстати, никакого официального статуса не имеет, как и Дукакис в своей) и начал ответную атаку. Результаты опросов начали прыгать в сторону то одного, то другого кандидата, пока, примерно с середины сентября, Буш не начал прочно лидировать.

Что же послужило причиной перелома? Демократы утверждают, что причина кроется в характере кампании, начатой республиканцами против Дукакиса лично.

Надо сказать, что традиции очернительства имеют в американской политической жизни очень глубокие корни (достаточно вспомнить Марка Твена). С фантастическим развитием информационного аппарата, особенно того, что здесь называют электронной прессой, возможность вытащить на всеобщее обозрение грязное белье противника или просто посмеяться над ним возросла чрезвычайно. Это даже не надо делать самому — достаточно легкого намека или кивка головой, дотошные репортеры все сделают сами.

Нет ничего удивительного, что Буш и его штаб (а его возглавлял не кто иной, как многолетний помощник Рейгана, весьма искушенный политик Джим Бейкер) взяли на прицел Дукакиса, известного своими если не левыми, то весьма либеральными убеждениями.

Я думаю, что в этой кампании электронная пресса дошла до предела своих возможностей, а политические партии просто не удержались от искушения воспользоваться великолепно отработанными приемами коммерческой рекламы. Обсуждать сущность высоких проблем по телевизору скучно (это делается, но не по коммерческим каналам), поэтому вся информация должна прежде всего быть визуально впечатляющей, короткой и сопровождаться соответствующими комментариями, или, в случае выборов, выдержкой из выступления. Много ли можно донести до зрителя за 1—2 минуты?

В том, что личность будущего президента заслуживает самого пристального внимания, у меня никакого сомнения нет, так же как и в том, что у него есть четко выраженные качества лидера, не говоря уже о программе. Пока программы, надо признать, были довольно расплывчаты у обоих, хотя тренированному глазу отличия были ясно видны. Помимо того, что Буш гораздо лучше выглядел на телевизионных экранах, он предлагал преемственность и стабильность уже испытанного рейгановского курса. Дукакис же, резонно указывая на тупиковую ситуацию, в которую может попасть страна, призывал к неясным переменам.

Победителю, однако, предстоит нелегкая жизнь. Хотя Буш набрал значительно больше голосов выборщиков, чем нужно, победа его не так безусловна, как победа Рейгана 8 лет назад, когда республиканцы получили большинство в сенате. Сейчас демократы преобладают в обеих палатах. Настроение у них воинственное, раздаются даже голоса, что нового президента следует "проучить". Но Буш с самого же начала взял примирительный тон, назначил на пост госсекретаря очень популярного в конгрессе Джима Бейкера, бывшего министра финансов в кабинете Рейгана, и обещает работать в тесном контакте с законодателями.

Вероятно, нужен человек масштаба Рузвельта или Кеннеди, чтобы убедить благополучную и сытую Америку в необходимости отказаться от приятного, но чреватого будущими трудностями сиюминутного расточительства и повернуть на разумный, но малопопулярный путь экономии, реконструкции промышленности, создания базы для глубоких социальных преобразований. Может быть, время для таких преобразований еще не пришло? Остается надеяться, что нужный этой стране человек появится в нужное время. ●

Григорий БУЯНОВСКИЙ
(Миссури, США)

В ЖЕЛЕЗНЫХ ОБЪЯТИЯХ ДРУЗЕЙ

Конкуренция. Хорошо это или плохо?

Пользуясь всеми благами планового хозяйства и почти построенного социализма, мы не слишком ясно представляем себе, что это такое — конкуренция и кому она нужна. Это понятно, ибо феномен конкуренции прямо противоречит самому принципу планового хозяйства. Госплан решает, сколько пар подштанников средний советский гражданин должен сносить в будущем году (цифра зависит не столько от потребностей упомянутого гражданина, сколько от урожая хлопка или запроса Министерства обороны на солдатское белье), а уж что именно гражданину достанется — зависит от его личного везения. Выбора у него обычно нет, так как уважающий себя советский плановик не станет забрасывать в одну торговую точку продукцию разных швейных фабрик. Потребитель, с пеленок приученный стойко переносить временные трудности непреходящего характера, не ропщет и носит, что досталось. Если и случается накладка, и товар залеживается по причине очень уж низкого качества, то производитель за это никакой ответственности не несет, и на его заработках это никак не сказывается. Говорят, правда, что в связи с новыми веяниями такую ответственность намереваются ввести в законодательном порядке и даже будут бить бракоделов рублем.

Законодательством Соединенных Штатов и других капиталистических стран выпуск продукции, не пользующейся спросом, никак не карается. Несмотря на этот явный пробел, магазины полны товаров вполне приличного качества. Я частенько думаю даже, что товаров слишком много, но, по-видимому, это у меня "отрыжка социализма". Американцы воспринимают изобилие как должное.

Как должное воспринимают мои местные знакомые и непривычное человеку из закрытого общества разнообразие в происхождении товаров. Японские автомобили, итальянская обувь, французские духи, турецкие сушеные фрукты, ковры из Ирана, Афганистана, Индии, Пакистана...

Открытый международный рынок — явление сравнительно новое. Таможенные барьеры, в свое время придуманные, чтобы давать доход казне, постепенно превратились в средство защиты от иностранных конкурентов. Государство вводило повышенные пошлины на товары, которые в соседнем государстве производились дешевле. Иногда пошлина была настолько высокой, что граждане просто не могли позволить себе покупку импортного товара. (Опыт первого в мире социалистического государства свидетельствует, что даже такие драконовские меры не всегда помогают. Для этого, конечно, надо довести до немыслимо низкого качества отечественную продукцию.) Совершенно ясно, что от пошлины страдает не только импортер, но и свой покупатель. Купец не может торговать себе в убыток — он перекладывает пошлину на плечи потребителя. Но больше всего страдает отечественная промышленность: защищенная от конкурентов, она теряет импульс к совершенствованию. Какой капиталист станет покупать новые машины или вкладывать деньги в покупку патентов, если его товарам и без того обеспечен рынок?

После Второй мировой войны торговые барьеры между странами стали размываться. Человечество, за малым исключением, пришло к выводу, что оно не столько разделено государственными границами, сколько привязано к одной и той же сравнительно небольшой планете. Резко улучшились средства сообщения и свя-

зи. Стало гораздо труднее хранить за семью замками промышленные секреты. Мир захлестнула волна технологической революции. Щедрая помощь Соединенных Штатов помогла подняться из руин не только бывшим военным союзникам, но и вчерашним врагам — Германии (Западной) и Японии. Многонациональные корпорации обнаружили в бывших колониях колоссальные резервы рабочей силы, во много раз более дешевой, чем в Европе или в Америке. Все это привело к промышленному подъему, от которого выиграли прежде всего Соединенные Штаты.

Когда мир становится тесен

В 60-е годы Штаты обладали не только колоссальным промышленным потенциалом, но и фактической монополией на многие виды промышленной продукции. Отсутствие конкуренции привело к тому, что цены устанавливались не рынком, а производителем. Отсюда — легкие победы профсоюзов, которым было сравнительно просто добиться уступок у предпринимателей. Спрос на уникальную американскую продукцию был велик, поэтому ничего не стоило удовлетворить рабочий класс, слегка увеличив цену.

Америка недолго наслаждалась своим исключительным положением. Если 20—25 лет назад любой новый продукт, будь то новая марка стали или электронная зажигалка, обычно появлялся сначала в США, а потом уже расходился по всему миру, то сейчас у Японии, например, есть на то равные шансы.

Беда, как известно, никогда не приходит одна. С уменьшением доли на мировом рынке существенно сократился рост американской экономики. Если в 1960—1973 гг. ежегодный прирост производства составлял около 4%, то между 1973 и 1985 гг. он едва превышал 2%. Еще важнее, что и этот рост был обусловлен не столько повышением продуктивности, сколько увеличением числа работающих. Если в 60-е годы продуктивность росла примерно на 2% в год, то в 70-е прирост составлял всего 0,3%.

Все это, как и полагается в нормальной экономике, ударило по самому рабочему. Фирмы, ранее пользовавшиеся монопольным положением на мировом рынке, теперь вынуждены были из-за конкуренции снижать цены. Это можно было делать, либо увеличивая производительность (чего не случилось), либо снижая плату рабочим. Американский рабочий, который в 1970 г. зарабатывал в 4—5 раз больше японского, в 1985-м с ним почти сравнялся. Это естественно: производительность труда росла в Японии вдвое быстрее, соответственно росли зарплата и потребление. Завоевания американских профсоюзов начали таять. Рабочие все чаще оказывались перед выбором: соглашаться на снижение зарплаты или на закрытие предприятия...

Что же произошло с промышленным гигантом, с тем самым китом, на котором держится вся мировая экономика? В конце XX века можно говорить уже о мировой экономической системе, которая связывает в единое целое государства свободного мира. Соединенные Штаты — самое сильное звено этой системы. Недаром лондонские и токийские финансисты невесело шутят, что когда нью-йоркская биржа чихает, у них случается жестокий грипп. Октябрь прошлого года, когда на Уолл-стрите резко упала стоимость акций, доказал это как нельзя лучше. Так что и конкуренты отлично понимают, что они сидят в той же лодке, которую нельзя слишком сильно раскачивать. Тем не менее...

Промышленный Гулливер жестоко страдает от конкурентов-лилипутов. Каждый из конкурентов в отдельности не идет ни в какое сравнение с великаном, но все вместе они, оказывается, способны нанести ему тяжелые ранения.

Используя американскую же технологию и полуфабрикаты, Южная Корея, например, поставляет в Штаты отличные цветные телевизоры и дешевые маленькие автомашины. Я уже не говорю о японцах, монополизировавших производство видеомагнитофонов и всякой другой электроники, или о швейных фабриках Гонконга, Син-

гапура и Тайваня, буквально затопивших американский рынок дешевой и отлично сшитой одеждой. Примерно половина тканей и повседневной одежды, продаваемых сегодня в стране, произведена за границей, 12 лет назад это была лишь пятая часть. Жестоко страдает американская автомобильная промышленность от конкуренции с Японией. На ту же Японию жалуются производители полупроводников и стали. Почти заглохло в стране производство сахара – его куда дешевле импортировать. "Мы теряем рабочие места", – кричали на всех перекрестках профсоюзные боссы. Демократы в конгрессе ругали республиканскую администрацию за ее бездействие...

Докричались. Начали действовать. В 1981 году, когда растущие цены на бензин неожиданно поставили автомобильную промышленность в тяжелое положение (выпускались в основном большие автомобили с мощными моторами), японцы уже имели на рынке легкие экономичные машины, пользовавшиеся очень большим спросом. Правительство США предложило Японии добровольно ограничить ввоз автомобилей. Вроде бы сработало: три года спустя Детройт праздновал победу: 75% американского рынка и 10 миллиардов прибыли. Через три года, однако, доля американцев на собственном рынке упала до 10%, несмотря на то, что Япония строго соблюдала соглашение. За это время, оказывается, Южная Корея создала свою автомобильную промышленность и выбросила на рынок дешевые компактные машины взамен японских. Японцы, надо отдать им справедливость, тоже не дремали: по той же квоте они стали ввозить в США более дорогие автомобили и, кроме того, строить свои автозаводы в Америке. Кончилось тем, что в Токио можно сейчас купить японскую "хонду", сделанную в штате Огайо. С прибылью на сегодняшний день – японцы, а для американского потребителя цена импортной машины выросла примерно на 2 500 долларов, отечественной – на 750.

Нечто похожее произошло со сталелитейной промышленностью. Ввоз стали из 20 ведущих стран-производителей ограничен вот уже два десятилетия. Поддержанные государственными займами, сталелитейные компании доусовершенствовались до того, что затрачивают на производство тонны стали всего четыре человеко-часа. Никто в мире не умеет быстрее. Тем не менее сталь в США дороже, чем в Индии и Турции, никому ранее не известных в этом качестве и потому квотой не ограниченных (развивающиеся страны, режим наибольшего благоприятствования и т.д. и т.п.). Рынок быстро захлебнулся, и многие мощные производители стали пошли, как здесь выражаются, брюхом кверху. Но кое-кто сумел приспособиться и процветает. Одна из причин – использование "неорганизованного" (то есть внепрофсоюзного) труда. Сейчас, кстати, рынок испытывает нехватку стали, и система квот, введенная конгрессом с целью защиты американской промышленности, обходится американскому же покупателю в 7 миллиардов долларов в год.

Сотню долларов переплачивает сегодня покупатель недорогого (600-долларового) компьютера из-за того, что ведущие американские фирмы – производители полупроводников не сумели поспеть за японскими конкурентами. Под их давлением Вашингтон потребовал от Японии сократить производство полупроводниковых чипсов, дабы искусственно поднять цену на международном рынке до уровня, нужного американским фирмам. "Не делайте этого, – говорили сторонники свободной конкуренции. – Мы своими руками создаем международный картель, мы договариваемся о завышенной цене, что строгойше запрещено всеми законами о монополиях. Пусть компьютерные гиганты научатся делать полупроводники так же дешево, как японцы или некоторые межкие фирмы в Штатах". Голоса их не были достаточно громкими, и гигантская фирма Texas Instruments не потерпела убытка. Однако с куда большей прибылью оказались японские фирмы, которые смогли продавать свои чипсы по 5 долларов вместо 2.50.

Бороться со следствием...

Казалось бы, чего проще: обложи зловредный импорт, подрывающий отечественную промышленность, высокими пошлинами, и все будет в порядке. Потребитель подумает не один раз, переплатить ли ему за импортный товар или купить отечественный — похуже, но дешевле. Большинство, естественно, предпочтет не тратить лишних денег. Ну а если кто и приобретет заграничное, то и тут родному государству польза — пошлина ведь идет в казну.

Молодой, но весьма пробивной конгрессмен демократ Ричард Гепхард был давно известен своими протекционистскими наклонностями. Когда торговый дефицит достиг рекордного уровня, Гепхард представил конгрессу законопроект, который должен был этот дефицит уменьшить. Прицел у Гепхарда был дальний: Белый дом. Он был уверен, что его поддержат профсоюзы и "неорганизованный" средний американец, теряющий работу из-за наплыва дешевых иностранных товаров. Рецепт Гепхарда был прост: мы должны торговать на равных, утверждал он. Сколько продают нам — столько пусть у нас и покупают. Страны, которые не хотят выравнять свой торговый баланс, пусть пеняют на себя. Мы установим жесткую норму на ввоз их товаров, мы обложим их высокими пошлинами, и они волей-неволей будут продавать меньше или покупать больше.

Средний американец, однако, за Гепхардом не пошел. Выставить свою кандидатуру он успел, но вылетел из обоймы на самой ранней стадии выборов. Платформа его не вызвала большого энтузиазма даже у демократов, не говоря уже о республиканцах.

Протекционизм, как я уже говорил, явление отнюдь не новое. Наша родная советская промышленность тщательно защищена от конкуренции не только с капиталистическими кровососами, но и с соцстранами, где властвует такой же протектариат, как и у нас. "Широкий разворот социалистического соревнования" сменялся еще более широким, потом небывалым, а очереди за "импортом" становились все длиннее, и он все чаще уплывал из-под прилавка, минуя рядового покупателя.

Но не только советский опыт свидетельствует против протекционизма. Некоторые историки утверждают, что Вторая мировая война была следствием остракизма, которому подверглась Германия в 20-е годы. Истоженная войной, репарациями и революцией, изолированная от мировых рынков страна стала легкой добычей демагога, сумевшего использовать обиду талантливого народа, чтобы натравить его на остальной мир. Это, конечно, одна из многих теорий, которые, как и полагается в исторической науке, невозможно проверить практикой. Но уже то обстоятельство, что Западная Германия и Япония сегодня являются полноправными членами сообщества свободных государств, говорит о том, что урок не пропал даром. И весьма характерно, что угроза миру в послевоенные годы, как правило, исходила от стран, самоизолировавшихся от системы мировой конкуренции, добровольно поставивших себя вне системы мировой экономики.

Интересно, что в Штатах идею свободной торговли поддерживают республиканцы, партия с явно консервативным уклоном. Демократы, которые в чем-то близки к европейским социалистам с их идеей перераспределения богатств и всеобщего благосостояния за счет государства, постоянно атакуют Рейгана за отказ защищать свою промышленность. Но и они понимают, что дубиной протекционизма надо действовать осторожно. Причин для этого много. Не последняя из них — опасность лишить страны Третьего мира их главного рынка: и без того не слишком стабильные демократические режимы этих стран могут стать жертвой социальных потрясений. Поэтому закон о торговле с иностранными государствами, принятый конгрессом в этом году, оказался сравнительно беззубым. Президент Рейган подписал его без особой охоты, а затем наложил вето на другой законопроект, ограничивающий ввоз текстиля и обуви.

Итак, мнения политиков по поводу того, как (и нужно ли) урезонивать иностранных конкурентов, расходятся. А что думают по этому поводу американские промышленники, имеющие дело непосредственно с конкурентами?

...или обратиться к причине?

В Вашингтоне есть специальный президентский совет по конкурентоспособности. Заседают в нем воротилы американского бизнеса под председательством Джона Янга, который заодно руководит многонациональным компьютерным гигантом Хьюллет-Паккард. Совет был создан потому, что американские фирмы тоже серьезно обеспокоены тем, что с некоторых пор их продукция не только теряет спрос на международном рынке, но и вытесняется с внутреннего. Янг был назначен руководителем совета не случайно: он только что вывел свою фирму из тяжелого положения, вызванного падением спроса. Воротилы дали такое определение международной конкурентоспособности: "Степень, с которой данная страна способна производить в условиях свободного рынка товары и услуги, отвечающие мировым стандартам, одновременно обеспечивая рост реального дохода своих граждан". Обратите внимание на оговорку — "в условиях свободного рынка" (то есть без законодательной защиты от иностранных конкурентов) и, что не менее важно, "обеспечивая рост реального дохода" — нет, не предпринимателей, а рядовых граждан, на них работающих.

Причина "тихой депрессии", которая, по мнению многих экономистов, подрывает американскую экономику с начала 70-х годов, кроется, как ни странно, не в происках иностранных конкурентов, а в силе жизни, в привычках рядового американского гражданина и в законах, на первый взгляд не имеющих никакого отношения к конкуренции. Попытаюсь это объяснить.

Развитие промышленности требует непрерывного притока капитала, то есть денег. Всякий новый продукт, всякий новый процесс стоит огромных средств: разработка технологии, приобретение новых машин или переналадка старых, обучение персонала и т.д. Выход на рынок, наконец, сопряжен с расходами на рекламу: пресыщенного потребителя надо убедить, что в его интересах сменить уже имеющийся у него телевизор с 36 каналами на другой, в котором 144 канала. Как правило, рядовая промышленная фирма такими средствами не располагает. Деньги приходится одалживать. Поэтому в странах капитала существует и рынок капитала, рынок, на котором торгуют деньгами. Продают, вернее, одалживают деньги под проценты, прежде всего, конечно, банки. Это деликатно называется кредитом, и если вы человек достойный и репутация у вас не запятнана, вы можете получить деньги практически на что угодно: покупку нового дома или подержанного автомобиля, строительство большого завода или сарая на ферме. Банк с радостью одолжит вам нужную сумму. Потому с радостью, что он прилично на этом зарабатывает. Есть и другие крупные владельцы денег, например, пенсионные фонды. Есть, наконец, пресловутая биржа, где торгуют акциями и долговыми обязательствами.

Вряд ли на обширной территории бывшей царской России сохранились люди, имевшие дело с акциями. Когда у диктатуры пролетариата еще не сменились ее молочные зубы, существовали какие-то подозрительные общества со смешанным капиталом. Энтузиасту Треухову, герою вставной новеллы в романе Ильфа и Петрова, удалось даже сколотить акционерное общество. Участниками его, правда, были Мучной трест и еще какая-то государственная организация, но сама идея привлечения постороннего капитала была налицо. Отдушина тогдашней перестройки, однако, закрылась очень быстро, и не очень новая идея инженера-трамвайщика была забыта.

На загнивающем Западе, между тем, акционеры оставались полноправными членами общества, и никто их не гноил в лагерях за то, что они, имея деньги,

вкладывали их в нужное дело. И хоть бдительному ОБХСС это покажется неправдоподобным, 90 процентов этих людей зарабатывали свои деньги вполне достойным образом.

Страна расточителей

Средний человек на Западе зарабатывает вполне прилично. Чего уж больше: в США считается, что семья из четырех человек с доходом в 12000 долларов в год находится на пороге нищеты. На эти деньги здесь не разгуляешься, но прожить можно вполне. Тем не менее такой семье полагаются талоны на бесплатное продовольствие, помощь в оплате квартиры и т.д. Столько (или чуть больше) зарабатывают двое, получая минимальную гарантированную законом плату: 3,35 доллара в час. Ее обычно получают сезонные рабочие, старшие школьники и студенты, подрабатывающие летом в мелких ресторанах и кафе, на заправочных станциях и пр. Квалифицированный рабочий получает не менее 10–12 долларов в час, а то и все 20–25 (для справки: килограмм мяса можно купить за 3 доллара, хлебный батон – от 50 центов до доллара, дюжину яиц – за 70–80 центов).

Доход средней американской семьи уже давно перевалил за 25 тысяч долларов в год и подползает к 30 тысячам. Семьи, имеющие 60–70 тысяч дохода в год (трудового!), отнюдь не редкость, они составляют костяк американских налогоплательщиков. Потратить такие деньги здесь нетрудно, соблазнов более чем достаточно. Но можно и сберечь часть – на черный день, на старость...

Так вот, оказывается, что американцы – небольшие любители копить деньги. Страна в целом откладывает всего 2% национального дохода. Еще недавно сбережения достигали 5–6%. Другие развитые страны куда более бережливы – сбережения там составляют 10–12%. Одна из причин американской расточительности кроется в хорошо налаженной системе социального обеспечения, пенсионных фондах, практически бесплатной медицинской помощи для немущих и людей старше 65 лет. И еще – в большой легкости, с которой можно тратить еще не заработанные деньги с помощью кредитных карточек и долгов в банке.

Экономисты считают, что слишком малая часть заработанного сберегается и вкладывается в развитие промышленности. У нас чересчур дорогой капитал, говорят они. Промышленнику невыгодно вкладывать деньги в долгосрочные проекты, он платит слишком высокий процент. Деньги должны уж очень быстро оборачиваться, иначе они не принесут дохода вкладчику.

Дело еще в том, что на рынке не так давно появился сравнительно новый покупатель денег: дядя Сэм собственной персоной. Он всегда с некоторым трудом укладывался в рамки бюджета, а в последние годы перерасход стал его хронической болезнью. Огромных денег стоят социальные программы. Очень велики расходы на оборону. Президент обычно стремится увеличить расходы, обеспечивающие безопасность страны в целом (на оборону, помощь иностранным государствам, космические исследования). Члены палаты представителей, которые переизбираются чаще и больше зависят от голосов избирателей, естественно, сильнее озабочены социальными программами, федеральными проектами в своих штатах и т.д. Положение усугубляется тем, что президент – обычно республиканец, а в конгрессе обычно верховодят демократы. Прийти к соглашению им очень трудно. А поскольку без подписи президента и санкции конгресса бюджет недействителен, приходится делать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Отсюда – колоссальный перерасход. Расходная часть бюджета в последние годы на многие миллиарды долларов превышает доходную. Поэтому казначейство вынуждено одалживать недостающую сумму, расплачиваясь долговыми обязательствами. Обязательства эти очень высоко ценятся на денежном рынке, ибо они чрезвычайно надежны. За надежность дядя Сэм получает небольшую скидку на процент, под который ему одалживают деньги. Конкурировать с таким солидным должником трудно, поэтому в 1986 г. федераль-

ное правительство поглотило 90 процентов частных накоплений! Это одна из причин, почему частные вложения в промышленность падают.

Можно ли руководить без Госплана?

Есть и другая причина, и кроется она в структуре налоговой системы. Советское государство, по сравнению с которым пройдоха Остап Бендер с его четырьмястами способами отъема денег у граждан — невинное дитя, гордится своими необыкновенно низкими налогами. И впрямь, такие ставки подоходного налога, какие платят советские граждане, не всегда доступны даже нефтяным эмиратам. Объясняется это просто: существует множество других способов изъятия денег, ими и пользуется диктатура пролетариата.

На Западе налоги — дело серьезное, ибо других средств получить деньги на предмет заботы о своих гражданах свободные государства не знают. И вот тут, оказывается, у государства есть необыкновенно действенные способы поощрять ту или иную отрасль хозяйства, заставлять граждан покупать как можно больше или, наоборот, откладывать максимум возможного. Можно обложить налогом доход в целом, не делая разницы между статьями дохода. Можно обложить специальным налогом покупки, тогда граждане, которые тратят больше, будут и платить больше, а люди бережливые (и бедные) на этом выигрывают. Такой налог уже давно введен во многих странах Европы, но в Штатах его нет. Можно, наконец, поощрять людей брать деньги в долг, не облагая налогом ту часть дохода, которая идет на погашение процентов.

В Штатах, к сожалению, налоговая система направлена на то, чтобы люди тратили как можно больше и сберегали как можно меньше. Даже налоговая реформа 1986 г. этого положения не изменила. Здесь выгодно одалживать: процент на одалживаемую сумму списывается с дохода. Купив дом в рассрочку на 30 лет, американец выплатит банку за это время двойную, а то и тройную цену дома, но значительную часть этих денег он вернет за счет уменьшения налога. В масштабах страны огромные суммы минуют казначейство. Правда, банки платят налоги со своего дохода, но за них беспокоиться не надо, ибо они свое всегда возьмут.

Зато человеку, который купил акции предприятия, приходится платить налог дважды: один раз как совладельцу, так как доход этого предприятия облагается налогом еще до того, как он распределен между акционерами, и второй раз — когда он указывает свою долю в личной налоговой ведомости. Еще жестче дядя Сэм поступает с акционером, когда тот продает акции, цена которых поднялась — здесь ставка очень высокая и не зависит от суммарного дохода. Иначе говоря, самый мелкий акционер платит столько же, сколько и миллионер. Так что тут еще подумаешь, идти ли в капиталисты...

Результаты такой политики налицо. За последние десять лет Штаты практически не изменили размера вложений в расчете на одного работника. Япония их удвоила. И если в 1978 г. обе страны были близки по этому показателю, сейчас Штаты далеко позади. Страны Западной Европы тоже вкладывают гораздо больше. Пропорционально растет и производительность труда (около 3% в год в Штатах, 6% — в Японии), и реальная заработная плата. Если эта тенденция сохранится, утверждают экономисты, заработки промышленных рабочих в США будут наполовину уменьшаться по сравнению с Японией каждые десять лет...

Зарплата в обществе потребления

Помните приведенное выше определение конкурентоспособности? Уже сегодня квалифицированный японский рабочий зарабатывает столько же, сколько его американский коллега. Живет он, конечно, хуже — Япония очень дорогая страна, она плотно укутана таможенными барьерами и здесь сильна традиция накопления. Но

Западная Европа, особенно ФРГ, уже сейчас живет лучше и ровнее, чем Америка. Япония, конечно, наиболее агрессивный соперник Штатов в международной торговле, хотя она и не может соревноваться с ними в экономической мощи. Но на горизонте уже маячит Объединенная Европа — этаким экономический бегемот, вполне сопоставимый по своим возможностям с Соединенными Штатами. Хотя объединение предстоит только в 1992 году, разговоры о том, что надо бы защитить европейскую промышленность от американских и японских конкурентов, уже ведутся.

Высокая цена на капитал привела к тому, что в Штаты пошел широкий поток иностранных вложений. Нигде в мире не платят 8—9 процентов в год на вложенные деньги, а американцы платят. Иностранцы охотно покупают обязательства казначейства, акции и бонды. Нефтяные шейхи не брезгают небоскребами в Нью-Йорке и дворцами в Калифорнии. Хорошо ли это для Америки? Мнения расходятся. Одни экономисты утверждают, что хорошо, так как приток иностранного капитала оживляет экономику. Другие говорят, что плохо, потому что если завтра все иностранные вкладчики разом решат изъять свои деньги, разразится катастрофа. Непонятно, правда, для чего им это делать. Страна из мощного кредитора превратилась в крупнейшего должника в мире. "Долги стран Латинской Америки ничто по сравнению с нашими", — громят рейганомнику (так здесь называют экономическую политику уходящего президента) деятели демократической партии. Это и правда, и неправда — долги латиноамериканских стран огромны по сравнению с масштабами их экономики, иностранные же вложения в США не превышают десятых долей процента от валового национального продукта.

В общем же, однако, ситуация складывается довольно тревожная. И хотя смешно говорить о том, что Япония может вытеснить Америку на международных рынках, настолько несопоставимы их масштабы, некоторый ущерб ощущается уже сейчас. Американцам приходится осознать, что времена, когда они во всем были первыми, миновали безвозвратно. Сейчас они еще немножко "равнее" конкурентов-союзников — главным образом за счет грандиозных объемов своей промышленности. Но недалеко время, когда они станут совсем равными, и тогда американцам придется либо подтянуть пояса, либо всерьез закатать рукава. Опыт свидетельствует, что страна эта умеет перестраиваться на ходу, что промышленность и сельское хозяйство, не скованные "прогрессивной идеологией" и бюрократической машиной, могут молниеносно реагировать на требования рынка.

Рецепт американской перестройки

Экономисты в один голос утверждают, что общество потребителей-расточителей должно стать обществом накопителей. Откладывать всего 2 цента из заработанного доллара — смешно. Минимум — 10—12 центов. Западная Европа давно достигла этого уровня, Япония его превысила. Если мы не сумеем хотя бы приблизиться к этому уровню, говорят американские экономисты, мы перестанем быть первоклассной державой, и уровень жизни в стране катастрофически упадет. Необходимо прежде всего исключить перерасход федерального бюджета. Нужно преобразовать налоговую систему, чтобы она поощряла сбережения, а не траты. Нужно, наконец, поменьше потреблять внутри страны и побольше вывозить за границу.

Американские граждане получили незаслуженный подарок от своего правительства: за последние десять лет производительность выросла на каких-нибудь 2—3%, а потребление — на 9%. Новый президент Буш очень гордится тем, что участвовал в администрации, при которой заметно вырос уровень жизни. Кандидат демократов Дукакис утверждал, что нельзя без конца брать в долг и стоит подумать, как расплачиваться с долгами. Буш клялся не приближаться к священной американской корове — низким налогам. Оба достаточно искусные политики,

чтобы понимать, что без серьезной реформы налогообложения не обойтись, но голоса избирателей были важнее всего.

Вот здесь-то и кроется ахиллесова пята всякой демократии, включая и такую совершенную, как американская. Иногда даже кажется, что неплохо бы немного твердой руки с этим симпатичным, но разболтавшимся народом, который не желает даже слегка подтянуть пояс во имя лучшей жизни в будущем. Имея, однако, некоторый опыт жизни под твердой рукой, я решительно гоню от себя этакие мысли. Повернуть в одночасье такую огромную махину сверху, из Вашингтона, без серьезных политических и социальных последствий невозможно. Средний американец — человек честный и любящий свою страну, но довольно пассивный политически и очень близко к сердцу держащий свою чековую книжку — пока еще не убежден, что нужно принимать решительные меры, которые заденут его самого. При Рейгане ему жилось хорошо: сократилась безработица, увеличился средний доход семьи. Дефицит федерального бюджета его беспокоит постольку, поскольку штат получает меньше федеральных денег. В то, что безработица сократилась потому, что производительность труда не росла в должной мере, он не вникает. Ему, конечно, не очень нравится, что его жене приходится работать, но он готов с этим примириться, тем более, что жена довольна (эмансипация), а семье это дало возможность купить второй новый автомобиль.

Кое-что, конечно, делается в пресловутых коридорах власти. Один из ближайших помощников Рейгана, секретарь казначейства Бейкер, добился резкого снижения курса доллара, договорившись с торговыми партнерами о поддержании такого курса. Это дало возможность продавать американские товары за рубежом намного дешевле. Партнеры, хотя и не очень охотно (потому что их товары теперь стали в Штатах дороже), согласились. Экспорт из страны сразу увеличился и продолжает расти. Экономика работает ровно и хорошо, без излишнего напряжения, грозящего ростом инфляции. В июле дефицит торгового баланса сократился почти на треть.

Эта радужная картина способствовала победе Буша. Значит, ему, а не Дукакису доведется работать над решением чрезвычайно сложной задачи. Нужно приучить расточителей к бережливости. Нужно сделать так, чтобы американцу стало выгоднее отложить сегодня, а купить завтра. Нужно менять систему кредита, которая препятствует бережливости и развращает людей во имя прибылей банков. Нужно менять систему налогового обложения, которая такой кредит поощряет. Экономисты вместе с промышленными экспертами проиграли необходимые сценарии, и особых разногласий по поводу того, что надо делать, между ними нет. Остановка за малым — приучить к этой мысли гражданина. Ибо никакой политик, даже самый проникательный и дальновидный, не сумеет ничего сделать, если за него не проголосуют. Четыре года назад кандидат демократов в президенты Уолтер Мондейл попытался сказать, что он не видит иного выхода, кроме повышения налогов. Его провал на выборах был катастрофическим. Американский избиратель глубоко убежден, что правительство в Вашингтоне имеет достаточно денег. Вопрос лишь в том, чтобы эти деньги правильно тратить. Может быть, избиратель и прав...

Остается только надеяться, что у новоизбранного президента Соединенных Штатов Америки достанет умения и смелости сделать так, чтобы страна вырвалась из чересчур крепких объятий друзей-конкурентов, которые грозят свести ее на положение второсортной державы. Что ж, задача хотя и сложная, но не такая безнадежная, как та, с которой имеет дело Генеральный секретарь ЦК КПСС (тоже пожелавший сменить свой титул на президентский). Да поможет Бог им обоим...

В ОЖИДАНИИ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЧУДА

Экологические прогнозы бывают двух видов: мрачные и... очень мрачные, бесцветные. Правда, раньше существовал еще третий вид – прогноз советский, разумеется, куда более оптимистический.

Мрачные прогнозы основаны на оценках ученых, на моделях и выводах из практики. Оптимистический – на конституции. Охрана природы, объясняли нам, – исключительно важный фактор в жизни общества, в каком-то качестве он и отражен в Конституции СССР, в конституциях союзных республик и стран социалистического лагеря.

Фраза эта попадалась мне на глаза столько раз, что в конце концов я отправился в библиотеку и отыскал в конституции главу, где сказано, что все население обязано бережно относиться к природе. "В интересах настоящего и будущих поколений в СССР принимаются необходимые меры для охраны и... рационального использования земли и ее недр..." О том, кто принимает эти меры и кто ответствен, если они осуществляются плохо, в тексте не сказано. Каковы права гражданина на чистую и здоровую среду, существуют ли эти права, – тоже неясно. Закон об охране атмосферного воздуха, принятый в 1981 году, снова повторяет слова о Конституции, которая предписывает меры, и о правительстве, которое проводит их в жизнь. И снова ничего не говорится о правах. Правда, закон дважды упоминает граждан. Но оба раза "граждане обязаны..." Граждане обязаны государству, а государство гражданам – не слишком.

А есть ли вообще законы, в которых центральное место занимают права граждан? Есть. Например, американский Clean Air Act, который так и начинается: "Граждане Соединенных Штатов имеют право на чистый воздух, не содержащий веществ, которые могут причинить ущерб их здоровью, их имуществу и так далее..." Впрочем, советский человек знает, что важны не декларации, а реальность. Попробуем разобраться, что стоит за разговорами об охране природы.

Советские идеологи исходили из того, что соответствующие положения Конституции стратегически обеспечиваются централизованной системой планирования, а тактически – внедрением безотходных технологий. Нет надобности объяснять, почему система планирования, доказавшая свою полную несостоятельность в сфере экономики, не лучше проявила себя и в области охраны среды. Пожалуй, даже хуже. Экономическую неэффективность долгие годы компенсировали расхищением богатейших природных ресурсов. Уничтожение же ресурсов, отравление воздуха и водоемов компенсировать нечем.

Теперь о втором факторе. Зимой 1973 года член-корреспондент Академии наук СССР Борис Николаевич Ласкорин был назначен председателем Комиссии по безотходным технологиям при Президиуме АН. Тогда же начал строиться первенец такой технологии – Первомайский химический комбинат на Украине. Недавно Ласкорин, уже академик, констатировал, что безотходные технологии не получили развития. В качестве примера перспективности этого направления был назван все тот же Первомайский комбинат, который, если уж говорить всю правду, безотходен только с поверхности, ибо часть рассолов закачивается под землю.

Надо сказать, что на Западе специалисты с самого начала недоумевали, что имеют в виду советские инженеры под словом "безотходный". Характерно, что этот термин так и не удалось перевести на английский язык. В мире принято говорить о технологиях малоотходных, мало загрязняющих среду обитания. Все понимают, что главное условие производственной деятельности — это высокая эффективность, и лишь побочное — сокращение отходов. Производство, где отходы непременно использовались бы как сырье для другого производства, пока что не осуществимо. Неудивительно, что с безотходными технологиями ничего не выходит и во всяком случае влетает в копеечку. С 1972 года эти технологии объявлены "основным направлением в достижении гармонии между производством и природой". А каков результат? Советский Союз затрачивает на единицу продукции в полтора раза (по другим данным, в три раза) больше энергии и сырья, чем западные страны. На одну и ту же единицу продукции в соцстранах приходится в 2,5–4,8 раза больше выбрасываемых в воздух вредных веществ, чем, скажем, в ФРГ. Я намеренно беру для сравнения Западную Германию, ибо там ситуация с окружающей средой далеко не идеальная.

Повсюду в мире эксплуатация природы выходит за пределы допустимого. Все мы пилим сук, на котором сидим. Но одни больше, другие меньше. Разница существенная — по крайней мере, для судьбы ближайших поколений. Охрана среды по-советски оказалась, пожалуй, самым эффективным инструментом для подпиливания сука, на котором держится шестая часть суши. При этом важным преимуществом советского метода пиления была его бесшумность. Звук пилы слышали лишь те, кто находился около нее. Основная часть общества слабо представляла себе, что происходит. И еще меньше — насколько важно это знать.

Не знаю, многие ли заметили, что гласность в сфере экологии началась несколько раньше переломного 1985 года. Конечно, и в предшествующие годы газеты упоминали о возмутительных ошибках планирования. О том, скажем, что в Пань-кокском лесопункте Костромской области леса валили больше, чем могли сплавить. С 1984 года, когда редактором "Известий" стал Иван Лаптев, газета стала копать глубже, приводя вопиющие примеры неспособности целых министерств и самого Госплана охранять природу. До работы в "Известиях" Лаптев, ведавший в ЦК КПСС вопросами экологической политики, написал кандидатскую диссертацию о капитализме, который неспособен решать проблемы экологии. То ли помогла работа над диссертацией, то ли Лаптев давно догадывался, что дым, вылетающий из труб, рассеивается в окружающей среде и воздействует на человека независимо от закона прибавочной стоимости. Так или иначе, но факт: того, что обнародовали за последние годы "Известия", с лихвой хватило бы для докторской диссертации на тему "Социализм и экологический кризис".

Если есть область, где с появлением гласности произошли реальные перемены, то это, несомненно, экология. Создан Комитет по охране среды, разрабатывается Экологическая программа, предусматривающая использование малоотходных технологий, принято множество постановлений об охране природы — больше, чем за два предшествующих десятилетия. Постановлено спасти Байкал, Ладогу, Волгу, Севан, малые реки и воздух в больших городах, решено создать несколько национальных парков. Наконец, Закон о государственном предприятии содержит вполне разумные меры, призванные дать заводам стимулы и возможности для охраны природы. Будь это все реализовано на практике, можно было бы, пожалуй, говорить о новой экологической политике. И нужно сказать, что кое-какие реальные сдвиги уже есть: отложен на неопределенный срок проект переброски северных рек, заморожено строительство нескольких ГЭС и АЭС, аннулированы планы сооружения некоторых крупных заводов. Правда, все это — достижения с частицей "не": не

перебрасывать, не строить... Это куда проще, чем закрывать или переделывать уже существующие предприятия.

Закрыли ряд целлюлозно-бумажных комбинатов – экологическая ситуация улучшилась, зато план производства бумаги погорел во всесоюзном масштабе. Борис Можаев написал превосходную статью о том, что лес больше губят, чем рубят, о молевом сплаве, который продолжает существовать, хотя вот уже 18 лет как запрещен законом. Кто же санкционирует эти нарушения? Совет Министров СССР... Однако прислушайся Совет Министров к мнению писателя и запрети весь молевой сплав в стране, что бы из этого вышло? Да следующая статья самого Можаева могла бы не увидеть света. Бумаги на "Литературку" не хватит. Без молевого сплава, простого и надежного, обеспечить целлюлозно-бумажные комбинаты сырьем попросту невозможно. Чтобы обойтись без этого сплава, нужно построить тысячи километров дорог в тайге, в горах, в болотах...

В советских условиях уже добыча полезных ископаемых наносит огромный ущерб природе. О производстве и говорить нечего. Чтобы напечатать статью Можаева, книгу Распутина или "Историю государства Российского" Н.М.Карамзина, которую так горячо рекомендует читателям Валентин Распутин, целлюлозно-бумажные комбинаты должны, вынуждены загрязнять российские реки и озера. Причем куда больше, чем аналогичные предприятия в других странах.

В природе все увязано и укручено. Особенно в социалистической природе. В США, где производят раз в сорок больше бумаги на душу населения, чем в Союзе, не так-то просто разобраться в том, на какой бумаге что напечатано, как ее произвели и что при этом загрязнили. При российской бумажной нищете все швы наружу...

Тысяча тонн бумаги, скажем, на Карамзина – недели загрязнения таких рек, как Свирь или Сясь. Речку поменьше эти стоки могут погубить вовсе. Производить бумагу так, чтобы не смущать взора читателя, расположившегося на берегу Свири с книжкой в руках, советская промышленность не может. Хочет (сейчас уже, кажется, хочет), а – не может. И читатель смущен. А писатель возмущен. В Армении литераторы собрались и постановили, что ноги их не будет в доме творчества на Севане, пока там не построят систему отвода и очистки канализационных стоков.

Члены Союза писателей, члены Литфонда и другие члены теперь не причастны к загрязнению Севана, но стал ли Севан от этого чище? Предположим, завтра вся литературная братия страны откажется не только отдыхать, но и печататься, – природе легче не станет. Сегодня большая часть бумаги уходит на учебники и на упаковку.

Раньше других начав критиковать советскую систему хозяйствования, защитники окружающей среды раньше других ощутили и пределы этой критики. Я имею в виду не цензуру, а результаты критики. Через год после принятия весьма разумного и нелицеприятного постановления о Байкале Распутин высказал опасения, что государственная машина, которая погубила все прежние благие постановления, начиная с 1969 года, погубит и это. Машина-то ведь та же. Зорий Балаян каждые два месяца кричит в "Литературке": Ереван в беде! Ереван в беде! А закрытые цеха по производству хлоропрена все откладывается и откладывается. И даже министр здравоохранения им не указ.

Но возьмем оптимальный случай – замораживание проекта переброски северных рек. На дискуссии, которую провела редакция "Нашего современника", один из ученых спросил С.Залыгина: "Вы в самом деле полагаете, что писатели могут заменить нормальный государственный механизм, работающий с учетом экологических интересов общества? Да пока вы боретесь за отмену одного проекта переброски, проектные институты десятков не менее вредных проектов наработали!" Возразить нечего – наработали и начали осуществлять. Залыгин сам это признает, когда пишет: "Только общество может спасти природу". Ни министер-

ства, ни партия, ни конституция, только общество. Но как именно Залыгин представляет себе общественные работы по спасению природы? Имеет ли он в виду создание другого государственного механизма, который считался бы с требованиями общества, или он считает, что проблему решит критика существующего аппарата?

Теперь подпиливание сука уже ни для кого не секрет. Можно сунуть микрофон едва ли не под самые острые зубья пилы и услышать экологический стон, почти такой же, как на Западе. Но последствия этой гласности различны. В демократическом обществе свободная печать воздействует на власть уже потому, что от нее во многом зависит исход выборов. В Советском Союзе ничего этого нет. Говоря языком двадцатых годов, в СССР между общественным мнением и властью нет приводных ремней. Все это напоминает стадион, где в роли общества — зрители. Им разрешили пользоваться рупорами, и они бурно поддерживают свою команду, не скрывая отношения к противнику. Однако игра идет по правилам, которые установили не зрители, а игроки, сговорившись между собой. И судью назначили отнюдь не зрители. Понятно, что результат матча от них не зависит. Но самое худшее, что этот итог болельщики очень скоро ощутят на своем здоровье.

Экономисты, разрабатывающие модели перестройки, сталкиваются с немалыми трудностями. И все-таки им гораздо легче: есть многолетние исследования, опыт, прежние попытки реформ. Одни говорят: надо делать, как венгры, другие, — как китайцы. Третьи предлагают сделать ставку на обыкновенный капитализм. С экологией дело обстоит сложнее. Сомневаюсь, что найдется хотя бы один венгерский эколог, который рискнет сказать, что их путь оптимальный. Про китайцев и говорить не приходится. Да и в большинстве западных стран достижения в сфере экологии впечатляют куда меньше, чем деградация природной среды.

В середине семидесятых ученые, работавшие под эгидой Римского клуба, пришли к выводу, что развитая страна должна — чтобы избежать экологической катастрофы — расходовать на охрану и восстановление природы от 5 до 10% национального дохода. Трудно сказать, насколько точны эти цифры, ибо до сих пор ни одна страна не выделяла на эти цели и пяти процентов. Только недавно Голландия поднялась до уровня 3,5–4%, а ФРГ и Швейцария выделили десятки миллиардов долларов на спасение своих лесов от кислотных дождей. Теперь общие затраты на экологию в этих странах превысят 4% национального дохода.

Чистота среды, однако, далеко не всегда определяется цифрами расходов. Как показала мировая практика, состояние природы зависит не только от экономических факторов, но и от социальной структуры общества, культурных традиций и от самой природы. Существуют строго научные модели, описывающие, что станет со средой обитания в случае атомной войны. Но моделей того, во что превратится природа через сто лет развития капитализма, социализма или чего-то промежуточного, увы, нет. Процессы, идущие в человеческом обществе, куда более сложны и многообразны, нежели процесс ядерного взрыва.

Если взять Европу, легко заметить существенную разницу между Западом и Востоком. Три самых загрязненных района на континенте — это Северная Богемия в Чехословакии, Силезия в Польше и район Галле–Лейпциг в ГДР. В этом районе, например, выбросы пыли и газа в атмосферу достигают 5 килограммов в год на каждого жителя. Различие особенно наглядно проявляется при сравнении выбросов сернистого газа на один квадратный километр: Богемия — 125 тонн в год, Чехословакия в целом — 23 т, Польша — около 20 т, ГДР — 16 т, Венгрия — 10 т, Бельгия — 12 т, ФРГ — 10 т. Тут, однако, надо заметить, что в западных странах количество сернистых выбросов медленно, но неуклонно падает, а в Восточной Европе растет, хотя международные соглашения предусматривают борьбу с загрязнением атмосферы. ГДР, Чехословакия и другие соцстраны объясняют ситуа-

цию ростом цен на нефть, который вынуждает их широко использовать уголь, как правило, низкого качества.

Довод сомнительный. В большинстве стран Западной Европы нефти не было и нет, да теперь там и не строят электростанций на нефти. Чтобы преодолеть энергетический кризис, западные страны внедрили малозергоемкие технологии и сократили потребление энергии. В Восточной Европе потребление энергии растет. На Западе все крупные электростанции оснащены (или оснащаются) газоочистительными установками. Правда, такие устройства — удовольствие дорогое, на их долю приходится 20—25% всех затрат. Именно по этой причине в Восточной Европе действует пока лишь одна (!) подобная установка, построенная по советскому проекту. Кстати, в самом Советском Союзе — тоже одна...

Загрязнение воздуха в Чехии, где сосредоточено производство угля, энергии, знаменитого стекла и фарфора, превысило все пределы. Соответственно выросла заболеваемость. Содержание гемоглобина в крови у детей намного ниже нормы. На летние каникулы власти вынуждены отправлять десятки тысяч школьников к морю и солнцу, чтобы хоть подправить их здоровье, но через три-четыре месяца после возвращения домой уровень гемоглобина у них снова снижается. В безветренные дни, когда дым плохо рассеивается, жителям рекомендуют оставаться дома, избегать физических нагрузок и проветривать комнаты не дольше пяти минут. Серьезные экологические проблемы давно волнуют жителей Словакии и Моравии. Согласно некоторым опросам, около 25% всех чехов и словаков хотели бы сменить место жительства. Причина та же — экология.

Обстановка в польской Силезии, пожалуй, еще тяжелей. Исследования показывают, что уровень заболеваний раком, сердечными и психическими болезнями в Кракове очень высок. Врачи объясняют это загрязнением воздуха. Правда, до недавнего времени эти данные утаивали от широкой публики. Но воздействие газов и дыма на стены старинных зданий в Кракове не скроешь. Костелы, уцелевшие в годы войны, сейчас выглядят как после пожара. И реставрировать их бессмысленно: "пожар" реакций окисления камня продолжает бушевать, и конца ему не видно. Ситуация настолько серьезна, что даже в условиях нынешнего экономического кризиса власти почти удвоили расходы на охрану среды.

Шаг похвальный, но малоэффективный. Загрязнение воздуха и воды нарастает, хотя производство промышленной продукции снизилось на 30—40%, — наглядное свидетельство того, что деньги и добрые намерения сами по себе еще не гарантируют прогресс в экологии. Чистоту водных источников в Польше раньше оценивали по трехбалльной шкале. Позднее к ним прибавили четвертую степень: сверхзагрязненная. Так вот, более половины проб, взятых в Висле и Одере, отнесены к четвертой категории. Ни один участок этих двух важнейших в Польше рек нельзя отнести к первой категории чистоты. Оно и неудивительно: почти половина всех городов страны лишена современной канализации, бытовые и промышленные стоки сбрасываются в водоемы безо всякой очистки. Промышленные районы Польши побили все рекорды по накоплению отходов: в среднем ежегодно на один квадратный километр в Катовицах и Бытоме приходится миллион тонн отходов. Это примерно тонна на квадратный метр! Понятно, что загрязнение распространилось на подземные водоносные горизонты, и сейчас даже вода в сельских колодцах непригодна для питья.

Эту невеселую панораму можно разворачивать долго. Похоже, что размеры катастрофы прямо зависят от полноты публикуемых в стране данных. Наиболее полны они в Польше и почти отсутствуют в ГДР и в Румынии.

Я не рискнул бы столь уверенно говорить о несостоятельности социалистической системы в области охраны природы, если бы опирался лишь на собственные материалы. Но в конце 1985 года московский экономист Гзовский опубликовал в журнале "Вопросы экономики" серьезную работу на эту тему. В статье Гзовско-

го, естественно, нет прямых выводов о несостоятельности социалистической системы, но приведено достаточно фактов, характеризующих экологическую политику социализма. Вот эти факты.

1. С начала 80-х годов относительные ассигнования на охрану среды снижались во всех социалистических странах. Так, в СССР имело место снижение с 1,42% суммы всех капиталовложений в 1981 г. до 1,16% в 1983; в Болгарии соответственно с 1,98% до 1,86%; в Венгрии с 2,36% до 1,92%. (Замечу, что только с 1987 г. бюджеты стали вновь увеличиваться.)

2. Даже ограниченные средства, выделяемые на экологические цели, используются далеко не полностью. (Характерно, что если во всем мире жалуются на недостаток таких средств, то в соцстранах получается, что их выделяют слишком много. В СССР, например, осваивается 85–90% средств, в Чехословакии и Болгарии чуть меньше, а в Польше — намного меньше.)

3. Во всех социалистических странах законы по охране природы применяются весьма ограничительно. ("Руде Право" пишет: "Двадцать лет инспекция по чистоте воздуха накладывала на заводы столь смехотворные штрафы, что им не было необходимости строить фильтры". "Работническо Дело" сообщает, что болгарские суды в 98 случаях из 100 отказывают экологическим инспекциям в иске, так как "причиненное загрязнение было результатом законного стремления завода к выполнению плана". В Венгрии за все годы известно лишь несколько случаев привлечения к ответственности за загрязнение среды. Штрафы, налагаемые на предприятия, чаще всего просто не выплачиваются.)

4. Одна из главных причин высокого уровня загрязнения — непропорционально высокий удельный вес тяжелой индустрии в экономике большинства социалистических стран.

Работа Гзовского интересна не только этим анализом, но и попыткой наметить пути решения проблем наиболее загрязненных промышленных районов. Автор исходит из того, что люди, живущие в этих районах, вынуждены тратить дополнительные средства на лечение, минеральную воду, установку домашнего кондиционера и т.д. Следует компенсировать эти расходы и ввести надбавку за риск и вредность. Это будет не только справедливо с социальной точки зрения, но и снизит миграцию. Иначе говоря, предлагается ввести что-то вроде "северных коэффициентов" или надбавки, которую получают рабочие на вредных производствах.

Не сомневаюсь, что большая часть жителей Темир-Тау, Усть-Каменогорска, Уфы, Салавата, Еревана приняла бы такое предложение. Коль скоро все равно приходится дышать черт-те чем, почему бы не получить хотя бы денежную компенсацию. Но насколько целесообразна подобная мера с социальной, гигиенической и экологической точки зрения?

Прежде всего, на вредных производствах работают, как правило, люди молодые, крепкие, прошедшие специальную медицинскую проверку. Воздухом же в Темир-Тау, в Братске, в Кракове или Галле вынуждены дышать все: дети, больные, старики, женщины — будущие матери. Может ли добавка в несколько рублей компенсировать для них повышенную опасность загрязнения?

Правда, система "платы за грязь" существует и в странах свободного мира. Но там эту надбавку выплачивает фирма, и потому предприниматель заинтересован в чистоте производства. В условиях социализма производитель останется в стороне (ведь он всего лишь "выполняет план"). Понятно, что зона "особого загрязнения" будет распознаться, как чернильное пятно на промокашке; и все новые и новые тысячи жителей войдут в число тех, кто имеет право на доплату.

Сомневаюсь, что официальный статус зон загрязнения будет признан: слишком уж очевидна политическая направленность этой идеи. Факт этот показателен в ином отношении. Гзовский, безусловно, один из самых добросовестных исследователей экологической политики в социалистических странах. Повторив дежурные фразы о конституции, центральном планировании и т.п., он попытался все-таки

отыскать реальный выход. И не смог предложить ничего, кроме сомнительных и знакомых всем зон и льгот. Более серьезных идей в арсенале социалистической экономики просто нет.

Характерно, что какие-то сдвиги в отношении Восточной Европы к проблемам экологии наметились только после Чернобыля. Трудно сказать, что повлияло на это: "гласность", беспрецедентно резкая реакция на Западе или страх "на местах". Очевидно, действовали все три фактора. Факт, что по прошествии нескольких месяцев, когда улеглась радиоактивная пыль (а вместе с ней и страсти на Западе), страсти в Восточной Европе начали разгораться. Только в одном 1987 году в Польше возникло больше экологических групп, чем за предыдущие пять лет. Дошло до того, что в Польше было принято решение о замораживании строительства АЭС, а в Югославии правительство и Скупщина всерьез обсуждали проблему полного моратория на развитие ядерной энергетики.

Одни проблемы тянут за собой другие. Начав с опасности радиации, социалистическая пресса занялась качеством питьевой воды, наличием гербицидов в молоке, организацией экологических служб в Югославии, Венгрии, Чехословакии...

В Венгрии, где легальные организации защитников среды были достаточно активны, возникло новое неофициальное объединение со своим журналом. В ГДР, Чехословакии и Болгарии прекратились преследования "экологистов". Партийное руководство этих стран признало состояние окружающей среды крайне серьезным и объявило о выделении дополнительных средств на экологические цели. За месяц до того, как в СССР был организован Комитет по охране природы, аналогичное министерство было создано в Венгрии. Его новый глава заявил, что существовавшая до сих пор система информации не давала представления даже о масштабах деградации природы в этой самой "западной" из социалистических стран. На Востоке наконец всерьез заговорили о сотрудничестве с Западом, об изучении его опыта.

Таким образом, по крайней мере на двух уровнях — идеологическом и организационном — сдвиги есть, и довольно существенные. Хорошо уже то, что появилась надежда. В этой связи я хотел бы под конец снова коснуться Польши, где ситуация не стала легче, но...

Как известно, с точки зрения экологической статистики Польша выгодно отличается от других стран социалистического лагеря. И тем не менее не так давно появился отчет, который показал, что официальные — достаточно мрачные — данные изрядно отлакированы. По официальной версии, в Краковском воеводстве ежегодно выбрасывается в воздух около 800 тысяч тонн пыли и газов. Расчеты института металлургии и горного дела дают совсем другую цифру — 31 миллион тонн. Разница в 37 раз... В других случаях разрыв не так велик, но тоже значителен: в 2,5, а то и в 10 раз. Странно? Однако нам ли, привыкшим к социалистической статистике, удивляться? Удивительно другое. Второй отчет составлен и опубликован польской католической церковью. Два священника и несколько близких к ним химиков и экологов начали свою работу еще до Чернобыля. Публику поразило и тот факт, что содействие его авторам оказали руководители крупнейших предприятий, которые не всегда давали полную информацию даже официальной статистике...

Важнейшее место в отчете отведено нравственной стороне проблемы. Церковь пытается воздействовать на тех, от кого зависит принятие хозяйственных решений, взывает к их совести и патриотизму. Вряд ли, конечно, после беседы с ксендзом фабрика, руководимая добрым поляком, перестанет спускать ядовитые отходы в Вислу или в море. Но церковь стремится привить населению иную, потребительскую систему ценностей. В воскресных проповедях священники уделяют внимание моральным аспектам уничтожения природы. В том же духе ведутся воскресные религиозные занятия с детьми.

Экологическое образование исключительно важно для Польши, где уровень знаний в этой области обратно пропорционален загрязнению среды. Церковь понимает, что ее деятельность начнет приносить результаты в лучшем случае лет через десять-двадцать. Подчеркивая земные корни большинства нынешних проблем, церковь вовсе не обещает близкое "экологическое чудо". Однако авторитет церкви в стране настолько высок, что на кого же надеяться полякам, если не на церковь?

Природную среду Польши не отнесешь к хрупким и уязвимым. Напротив, экосистемы Центральной и Восточной Европы наиболее устойчивы к антропогенным нагрузкам: умеренный климат, много влаги, обилие растительности. Они обладают в десятки раз большей устойчивостью, чем, скажем, экосистемы основной части Сибири. Тем не менее понадобилось всего сорок лет социалистического хозяйствования, чтобы довести эту прочную среду до состояния катастрофы. Эти сорок лет погасили в поляках инстинктивную заботу хозяина о своей земле и довели их до того, что все надежды на возрождение здоровой природы они связывают с помощью Всевышнего.

Над этим стоит задуматься поклонникам социализма во всем мире, но более всего — в Советском Союзе. Ведь у них нет даже последней надежды на чудо, которая все еще жива в поляках.

●

Иосиф КОСИНСКИЙ (Нью-Йорк)

НАШ СОБСТВЕННЫЙ ПОЗОР

По китайскому поверью, дьявол ходит только по прямой, и в этом его слабость — возможно, единственная. Но если б он еще научился обходить препятствия, воздвигаемые людьми на его пути, никакого спасения от него бы не было.

Для современных ловцов душ препятствий, похоже, не существует. Первоначальная прямолинейность коммунистических политиков осталась далеко в прошлом. Пришедший в конце Второй мировой войны в Болгарию и Польшу, Чехословакию и Венгрию, Восточную Германию и Румынию коммунизм был, конечно, принесен туда на советских штыках — но укоренился во всех этих странах вовсе не с помощью одной лишь грубой силы. Он завоевывал души, действуя многообразными и порой тонкими методами, и особенно, если говорить об интеллигенции этих стран, мало кому удалось избежать уловляющих сетей, уйти от расставленных ловушек, не включиться в "процесс социалистического строительства".

В конце 1986 г. в Париже вышла книга польского литератора Яцека Тшнаделя (J.Trznadel) под названием "Наш собственный позор". Это выражение заимствовано у классика польской литературы XIX в. Циприана Норвида. В предисловии к книге автор напоминает, что Норвиду принадлежит и такое изречение: "Никакой народ не удастся поработить без участия его же сыновей".

Порабощение Польши происходило при прямом участии ее сыновей, притом далеко не худших: среди них были люди, именами которых польский народ мог гордиться.

Как это могло случиться? Как это дошло? Как эти люди объясняют свое участие, свою былую "ангажированность"? Таковы вопросы, поставленные Яцеком Тшнаделем двенадцати видным польским писателям послевоенного периода, далеко не в одинаковой степени запятнавшим себя участием в "строительстве социалистической Польши" и в конце концов — рано или поздно — вышедшим из игры.

Почва

Как и следовало ожидать, собеседники Тшнаделя единодушно объясняют свою былую позицию прежде всего объективными причинами: ситуацией, сложившейся в итоге 20-летнего предвоенного существования Польши как независимого государства, вой-

ной, пятилетней немецкой оккупацией. Конечно, им хочется оправдаться перед своей совестью. Но дело не только в этом. Вдумываясь в приводимые ими примеры и факты, видишь, что почва для поворота польской интеллигенции к коммунизму действительно существовала и подготавливалась десятилетиями.

В сознании этой интеллигенции оставили глубокий и болезненный след разделы Польши, утрата более чем на столетие польской государственности, подчинение авторитарным режимам — российскому, прусскому и австро-венгерскому. Наконец, в короткую пору независимости ее национальные и националистические чаяния были обмануты.

В это межвоенное десятилетие умами просвещенных поляков завладели левые идеологии, которые связывали будущее страны с социализмом. Чисто националистические, патриотические устремления отступили на задний план — просто потому, что они, казалось, сбылись, и даже с некоторой избыточностью, "с издержками". Либеральная интеллигенция возмущалась в ту пору энергичной колонизацией украинского и белорусского населения "кресов" — восточных областей страны, проявлениями шовинизма, классового неравенства, антисемитизма. Когда под двойным ударом, с Запада и Востока, эта независимая Польша пала, некоторым казалось, что это — в определенной степени закономерный крах: "Оттого, что та Польша представлялась им неприемлемой, — говорит Тшнаделью один из опрошенных, Ярослав-Марек Рымкевич, — а потом с такой легкостью рухнула, они сочли себя вправе относиться к ней с презрением. Уже как бы и не приходило на ум, во что обошлась борьба за независимую Польшу в XIX веке, — может быть, потому, что не им самим это так дорого стоило, а их отцам и дедам. А им эта Польша досталась слишком легко и вдобавок с самого начала не нравилась, и неудивительно: не очень-то она была к ним ласкова..."

Собственно, почти все виднейшие польские писатели и поэты межвоенного двадцатилетия — Ивашкевич, Тувим, Домбровская, Налковская, Броневский, Слонимский, Галчинский, Гоявичинская, Ванькович — могут быть причислены к левому крылу польской интеллигенции. Среди "молодых, подававших надежды" (многие из них успели выступить с своими своими произведениями незадолго до войны) тоже преобладали левые: братья Мариан и Казимеж Брандыс, Тадеуш Бреза, Мечислав Яструн, Чеслав Милош, Войцех Жукровский...

Оговоримся: полевение культурной элиты не было чисто польским явлением, и дело не только в исторических судьбах этой страны. Но настроения и иллюзии польской интеллигенции межвоенного двадцатилетия, ее неприязнь к "тупому и хищному" мечтанству, к милитаризму, к государственному шовинизму, конечно, учел и использовал восточный сосед. Видимо, не без участия СССР такой город, как Львов, превратился в рассадник просоветских настроений и идей. Как отмечал (уже после войны) публицист Александр Ват, правые круги видели в интеллигентах левой ориентации "пятую колонну" Москвы, и, может быть, не без оснований. Не только все польское коммунистическое движение, но и косвенно поддерживавшие его силы — журналы и другие издания левой интеллигенции, организованные ею кружки, лекции, публичные демонстрации и пр. — финансировались и в значительной степени направлялись советским посольством.

Симпатиям интеллигенции к марксизму, коммунизму, к великому восточному соседу суждено было подвергнуться тяжким испытаниям: сначала она узнала о пакте Риббентроп-Молотов, а затем пережила очевидный удар ножом в спину — вторжение Красной Армии и аннексию восточных областей страны. Далее последовали массовые аресты и вывоз части населения оккупированного края "в Сибирь" — и, наконец, Катюнь. И все же для огромного большинства поляков немцы, нацисты были куда большими злодеями, и все советские преступления в конечном счете заслоняло великое событие: именно Советский Союз одержал победу над нацизмом. Именно Красная Армия очистила от врагов польскую землю. Хотя Польша лишилась восточных земель, она получила часть территории бывшего рейха и вернула себе морское побережье. Все это, замечает Я.Тшнадель, очень способствовало принятию советской, социалистической идеологии.

Старшее поколение

Народ в своей массе придерживается обидно упрощенного взгляда на вещи. Народ считает, что люди с именем — известные писатели, ученые, художники, артисты, журналисты, как правило "продались" за жизненные блага, в крайнем случае пошли в услужение, гонимые страхом. Таково мнение собеседников Яцека Тшнаделя.

Конечно, были и корыстные побуждения. Был и страх. Мы, вспоминает Юлиан Стрыйковский, жили в атмосфере вечного ужаса: "Мне рассказывала жена Леца, что во сне он вскакивал с постели с пронзительным криком, — так он их боялся". Александра Вата, работавшего, как и Ст.Лец, в первые послевоенные годы корректором, "преследовала навязчивая идея, что его покарают за какую-нибудь ужасную, не замеченную им опечатку. К примеру, Сралин вместо Сталин", — добавляет составитель книги. Стрыйковский рассказывает о том, как его уволили из газеты "Червоны штандар" за то, что газета убавила славным советским вооруженным силам один год: кажется, вместо XXVIII годовщины Советской Армии было напечатано: XXVII. "Это было, — замечает Стрыйковский, — серьезнейшее преступление. А за ошибки, связанные со Сталиным, расстреливали".

Насколько силен был страх перед репрессивными органами даже в среде сугубо лояльных союзников Советов, можно судить по эпизоду с львовским литератором и ученым Бой-Желеньским. В июне 1941 г., когда немцы подошли ко Львову, за Желеньским была послана машина с сотрудником госбезопасности, чтобы спасти его. Завидев эту машину, Бой выскочил через окно, выходящее в сад, и бежал. Через несколько дней пришли гитлеровцы — и расстреляли его как активного советского коллаборанта.

Литературному критику Стефану Жулкевскому после выхода в свет освенцимских рассказов Тадеуша Боровского показалось недостаточным заявить, что они не имеют ничего общего с соцреализмом (так оно, впрочем, и было). Он обвинил бывшего узника, молодого и очень одаренного писателя (вскоре покончившего с собой) в "фашистском" мировоззрении и сравнил его с Луи Селином; в тогдашних условиях это было равносильно доносу. Впоследствии люди, подобные Жулкевскому, оправдывались тем, что они боялись, как бы их не заподозрили в симпатии к неугодным писателям. В действительности страх был неотделим от желания выслужиться и выдвинуться. Как и в Советском Союзе, рептильного писателя ожидала награда: хорошая квартира или вилла, собственный автомобиль, высокие тиражи, щедрые гонорары. Но мы уже сказали, что свести мотивы поведения литераторов к обыкновенному карьеризму было бы упрощением. Ведь сотрудничать с "новым порядком" соглашались не только прохвосты и посредственности, но и люди вроде бы благородные, умные и образованные. Те, для кого было отнюдь не безразлично, кому подпевать: ведь никто из них не соглашался служить оккупантам во время войны. Может быть, это происходило потому, что все или почти все отдавали себе отчет в том, что немецкая оккупация не вечна. И было важно пережить ее, не запятнав себя предательством. Напротив, социализм внушал: эта система — навеки. У тех, кто ее не приемлет, нет никакого будущего.

"Марксизм, говорит Ян Рымкевич, — прививали нам так настойчиво, что я был убежден: если мне не удастся принять того, что меня окружает, если я не вписываюсь в систему, то, значит, надо мной тяготеет мое классовое происхождение, и я обречен быть выброшенным на свалку истории... Марксизм внушал мне — как это ни удивительно — чувство вины перед всей их системой".

Впрочем, вернее будет сказать, что марксистско-ленинские идеологи лишь углубляли чувство вины, которое испытывали многие представители польской культуры. Ян-Юзеф Щепаньский прямо говорит: "Я, безусловно, как и большинство так называемых интеллигентов, вступал в этот период с каким-то комплексом вины: дескать, я принадлежу к привилегированному в прошлом слою, и если сейчас делается что-то такое, что выглядит порой непонятным, неправильным, а то и мерзким, то все же, по большому счету, торжествует социальная справедливость. Думаю, так же рассуждали многие. Мне представляется, что эта власть могла бы привлечь на свою сторону куда больше людей моего поколения и моего склада, если бы она действовала более умно и гибко".

Чувство вины, о котором идет речь, усугублялось у части интеллигенции сознанием — они были не "с борющимся народом", не в польском подполье, не в Сопротивлении, а провели эти годы вдали от родины. Броневский находился в СССР, затем с армией Андерса попал на Ближний Восток; Слонимский бежал в Париж, а оттуда в Лондон и после победы над нацизмом не сразу вернулся в Польшу; Тувим жил в Америке... С другой стороны, бывшие эмигранты военных лет, вернувшись домой, подчас совершали поступки, продиктованные скорее чувством самосохранения, боязнью, как бы новая власть не покарала их как иностранных шпионов. В самый зловещий период — в 1951 г. — Антони Слонимский, поэт и прозаик с мировым именем, поместил в газете "Трибуна люду", центральном партийном органе, статью, клеймившую "предателя" — невозвращенца Чеслава Милоша (впоследствии нобелевского лауреата). В этой постыдной статье говорилось, что Милош поставил себя на службу силам международного фашизма и войны и т.п. Теми же причинами, по-видимому, объяснялось появление в печати льстивых стихов Слонимского, адресованных первому секретарю ЦК ПОРП Беруту. Но настоящую оду в честь польского вождя сочинил виднейший польский прозаик Ярослав Ивашкевич. Чего он опасался, что мог вменить ему в вину новый режим? Разве то, что нацисты, свирепо истреблявшие польскую интеллигенцию, не тронули Ивашкевича: всю оккупацию он более или менее спокойно прожил в своем загородном доме. Еще дальше пошел в этом направлении Владислав Броневский, опубликовавший "Слово о Сталине" и стихотворение, в котором оплакивал смерть одного из надсмотрщиков над литературой, крупного деятеля польских "органов" Ежи Борейши.

Анализируя механизм порабощения культуры в лице ее лучших представителей, Я.Тшнадель приводит еще один яркий пример — известную писательницу Зофью Налковскую, которая "любила вращаться в сферах власти и не отказывалась от этой привычки до конца своих дней". Конечно, ей многое было не по душе, она находила, что Польша "все больше становится похожа на своего восточного соседа", но вот Налковская как-то устроили "встречу с рабочей аудиторией": "Я сам слышал, — вспоминает писатель З.Герберт, — как она сказала, что только в родной Польше ее книги начали издаваться действительно большими тиражами".

Литература на золотой цепи

"Молот пропаганды" в обработке людей сочетался, по словам Яцека Тшнаделя, с "фильтром информации". Обработке литераторов старшего поколения весьма помогала их изоляция, жизнь в своеобразном писательском гетто. Для сотворения этого вполне комфортабельного гетто был учрежден Союз польских писателей, созданы "дома творчества", привилегированные поликлиники, санатории и дома отдыха, — словом, государство проявляло специальную заботу о своих певцах, следствием которой было полное отторжение писателя от реальной жизни.

Многим импонировало то, что власть была теперь как бы "своя", такая доступная и не чванливая; представителей творческой интеллигенции часто приглашали в Бельведер (резиденция правительства), награждали орденами и государственными премиями, им пожимали руку, их принимал "сам" Берут, участливо расспрашивал их и чуть ли не советовался с ними о государственных делах... Нет, ни в одной стране капиталистического мира жрецам искусства не жилось так хорошо!

К ним проявляли тонко дифференцированный индивидуальный подход. Существовала продуманная негласная табель о рангах. Были писатели-"генералы", были "полковники", "майоры", но были и "поручики", и как бы курсанты военных училищ, мелкая сошка. Никому из писателей, однако, не приходилось, как это бывает на Западе, добывать хлеб насущный нелитературным трудом. В Польше насчитывалось около двух тысяч профессиональных литераторов, и все находились в более или менее привилегированном положении. Все были нужны.

Отсечение от жизни облегчалось общей запуганностью народа. Особенно трудно было составить представление о том, чем живет и дышит население Советского Союза, страны, которую польские писатели могли посещать несравненно свободнее, чем Западную Европу. Эти поездки даже приветствовались — не в последнюю очередь потому, что

в СССР люди были давно и надежно запуганы и заведомо, как считали власти, не могли рассказать польским товарищам ничего компрометирующего систему. Яцек Вохеньский свидетельствует: "Мы пребывали в этом своем гетто не только потому, что к этому предрасполагала вся организация культурной жизни, но и по той причине, что люди нас сторонились, никто никогда не завел бы с нами разговора о том, что действительно волновало людей, скажем, о судьбе арестованных или высланных. Они считали, что мы все-цело одобряем режим".

В этой созданной ими обстановке власти искусно пользовались двумя классическими приемами порабощения. Прежде всего, как и в СССР, как и всегда в таких случаях, практиковалась политика "разделяй и властвуй". Одних писателей натравливали на других (довольно часто — молодых на старых). Начиналось "блошиное танго" — так назвал этот процесс Збигнев Герберт, отмечая, что мелкие и крупные писательские свары особенно участились как раз в то время, когда польское крестьянство было подвергнуто коллективизации, когда шли реквизиции и раскулачивания, либо когда партийные идеологи затевали борьбу с разного рода "уклонами" или "искривлениями". Например, "сторонники авангарда" атакуют бывших сотрудников выходившего еще до войны, некогда левого журнала "Ведомостьи литерацки"; критик Юлиан Пшибось азартно нападает на поэта и эссеиста Антони Слонимского, тот отчаянно отбивается, защищая себя и своих давних коллег. Свара тянется долгие годы. Другой пример: поклонники Маяковского внезапно набрасываются на тех, кто "пытается найти место в истории прогрессивной литературы" Аполлинеру. Споры такого рода сплошь и рядом перерастали в борьбу не на жизнь, а на смерть, тем более напряженную, что заранее никогда не было известно, поддержат ли партийные бонзы тезис о прогрессивности Аполлинера или, наоборот, цыкнут на его сторонников, оборвав "дискуссию" к великому торжеству противной стороны.

Борьба за место под солнцем проявлялась и в том, что так как "перспективная" и вообще дозволенная тематика крайне сузилась, каждый "растущий" писатель старался застолбить какую-нибудь актуальную, по возможности производственную, тему. Теперь, тридцать лет спустя, З. Герберт вспоминает об этом с юмористическими интонациями, не лишеными известного цинизма, но в те времена все выглядело весьма серьезно: "Коллеги оказались более проворными: один успел закрепить за собой химический комбинат в Шленске, другой — шахты; Витольд специализировался на верфях, еще кто-то сидел на сахарном заводе. Мне досталась мебельная фабрика. Нельзя сказать, что ключевая отрасль... Но ничего, поехал, и получилось вроде неплохо. Заручился командировкой, беседовал с директором фабрики, очень хороший попался директор, у него всегда находилось время для "товарища" писателя. И с передовиками труда встречался, — короче говоря, накропал какой-никакой производственный романишко..."

Вторым классическим приемом было строго дозированное сочетание кнута и пряника. Анджей Браун чувствовал себя в конце 1952 года уже вполне затравленным; в довершение всех бед на его производственную повесть о гданьских верфях обрушилась некая Рафаловская со страниц "Трибуна люду". Оказалось, что повесть антипартийная, антинародная и пр. Не успело, однако, пройти несколько недель, как на автора ни с того ни с сего повеяло казенной лаской: наверху постановили выпустить книгу вторым изданием, одобрил ее и "старший брат" — появилась одобрительная статья в московской "Литературной газете", прозвучали похвалы официозного советского критика Тамары Мотылевой, повесть перевели на русский язык, после чего она вышла и в других странах "народной демократии". И Мотылева, и эти переводы, и успех в братских странах — "все это входило в планы игры: страшный механизм!" — заключает Браун.

Молодые

С молодым поколением польских писателей, с теми, кто окончил гимназию или университет уже в послевоенные годы, — все обстояло намного проще.

Один из представителей послевоенного поколения, Збигнев Кубиковский, теперь признает:

"Все то, что пришло к нам, не имело ничего общего ни с польскими традициями, ни с польской культурой. Весь характер общественной жизни был абсолютно чужд всему,

что мы знали прежде... Все, что мы знали о мире, не имело ничего общего с тем, что у нас появилось. С этими митингами хотя бы, на которых мы судили наших профессоров, выбрасывали их из университета... Не было ничего подобного ни в наших книгах, ни в рассказах родителей, никогда вообще не было. Пришло к нам что-то совершенно чуждое, и все это воспринималось польской интеллигенцией как нашествие, как уэллсовская война миров, как вторжение с другой планеты”.

Осознание этого пришло лишь много лет спустя. А тогда молодые принимали происходящее как должное, как единственно возможное — и сами в нем участвовали, сами превратились в глазах населения в каких-то марсиан, словно не существовало ни многовековой национальной культуры, ни двух тысяч лет христианства. Новая власть постаралась перерубить все корни.

Тщательно препарировалась история литературы. Произведений Мицкевича, в которых звучали ноты протеста против царской России, словно никогда не было: они не переиздавались. Зато всячески подчеркивалось, что у Мицкевича можно встретить слова “революция” и “социализм”.

”Чему меня учили, какой истории и какой литературе? — вспоминает Я.-М.Рымкевич, самый младший из собеседников Тшнаделя. — Историю мы проходили по советскому учебнику, переведенному на польский... Он состоял из двух частей — XIX и XX век. Излагалась там главным образом история рабочего движения... По литературе обязательным чтением были произведения отечественного польского соцреализма. Заставляли читать, а учителей заставляли разбирать и обсуждать с нами на уроках такие сочинения, как “Шестнадцатый дает продукцию” и “Уголь” Сцибор-Рыльского... Так как в Польше произведений этого рода было недостаточно, мы проходили, тоже в обязательном порядке, советские романы, считавшиеся вершинами соцреализма: “Кавалер Золотой звезды” Бабаевского и “Далеко от Москвы” Ажаева. Кто их сейчас помнит? А я помню. Горького тоже проходили... Правда, была еще и классическая литература — Бальзак, Тургенев. Что именно, не могу припомнить. Зато я не забыл, как меня внезапно осенило: значит, существует и другая литература!”.

Поистине безотказным средством оболванивания молодежи было кино. По словам Рымкевича, во второй половине 40-х годов, когда он был подростком, кино стало его страстью, он боролся с родителями за право ходить в кино три, четыре, пять раз в неделю. “Теперь я с отчаянием вспоминаю, какой я был идиот, как легко поддался всему этому, сколько времени потерял зря”.

Промывание мозгов, естественно, не ограничивалось “отечественной” литературой и историей: средства массовой информации изо дня в день внушали, что все “прогрессивное человечество” равняется на Советский Союз. Вольно или невольно в этом сыграли определенную роль и тогдашние международные знаменитости, друзья и поклонники тоталитарного Советского Союза, именами которых свободно манипулировала пресса: Сартр, Пикассо, Арагон, Триоле, Брехт, Сикейрос, Ив Монтан, Поль Робсон и т.д. “Нам внушали, что весь мировой авангард науки и культуры движется влево, что весь он настроен просветски. И те из нас, кто “отстаёт”, только тормозят и без нужды усложняют этот необратимый процесс”, — комментирует А.Браун.

Результаты этой индоктринации не замедлили сказаться. Я.Рымкевич откровенно признается: “Советская Россия казалась мне идеальной моделью будущего. Если бы тогда, в 50-м или 51-м году, Польшу объявили семнадцатой советской республикой, я бы восторженно аплодировал этому”. Прозаик Яцек Бохеньский обращает внимание на своеобразные чары марксизма, притягательную силу этого учения для неискушенных умов: “В первый момент марксизм воспринимается как откровение, благодаря своей универсальности и простоте: возникает эйфория, кажется, что ты постиг самую суть мирового порядка. Вообще-то это давно известно, переживалось многими молодыми людьми в разных странах и не раз описано в литературе... Это учение отлично изолирует вас от действительности, создавая иллюзию тесной связи с ней. Никакие факты не могут подорвать марксистскую доктрину, потому что для марксиста существуют только те факты, которые подтверждают его теорию, прочие же трактуются как заблуждения, проистекающие от несовершенства нашего познания мира”. Необходимым условием оболванивания молодой польской интеллигенции, подчеркивает Бохеньский, была абсолютная монополия коммунистической идеологии. “Коммунизм действительно надви-

нулся со всех сторон, коммунистическим было правительство и коммунистическим — повседневное чтение, коммунистами были мои друзья и коммунистками — женщины, в которых я влюблялся. Широкое участие писателей и художников во всей этой свистопляске выглядело подчас как осуществление амбиций и грез модернистов прошлого века, как триумф над буржуазным обществом. Впрочем, с одной немаловажной поправкой: система их ценностей здесь подверглась некоторой переработке. Критерии истины, добра и зла были как бы несколько скорректированы... Фанатизм стал добродетелью. Человек, способный раз навсегда покончить со своими сомнениями, ценился несравненно выше, чем тот, кто им поддавался”.

Польский путь к социализму

Совесть — вещь упрямая, но ее можно уговорить.

Польские интеллигенты, включая тех, кто пережил советскую оккупацию западных областей страны 1939—41 годов, и даже тех, кому пришлось побывать в советских лагерях и тюрьмах, уговаривали себя: сталинский режим изменится, не может быть, чтобы события страшной кровавой войны и союз с западными демократиями не повлиял на него в лучшую сторону. Еще распространенной была надежда, что в любом случае ”у нас будет не так”, что Польша пойдет к социализму ”своей дорогой”.

Действительно, поначалу Сталин не спешил закручивать гайки. В первые послевоенные годы Чехословакия оставалась буржуазной республикой, в Румынии еще сохранялась монархия. В Польше существовало несколько политических партий, большим влиянием пользовалась католическая церковь. Многие тешили себя иллюзиями, что ”все решат свободные выборы”, что ”союзники не допустят чрезмерной сталинизации”, ведь у СССР с Англией и Америкой имеется определенная договоренность о судьбе Польши.

После войны официальная пропаганда поддерживала тезис о некоем особом ”польском пути к социализму”. Дескать социализм — это наш старый польский лозунг, мы претворим в жизнь самую возвышенную мечту многих поколений наших предков. Витольд Вирпша напоминает: ”В эти годы коммунисты выступили с программой социальных реформ, которые многие люди в Польше, даже либералы, признавали крайне необходимыми: земельная реформа, реформа народного образования, национализация ключевых отраслей промышленности и так далее”. Сказалось, конечно, и то, что после пяти лет нацистской оккупации людям очень хотелось верить в какие-то позитивные ценности, в возможность не повторять прежние ошибки, а ”начать все заново”. Страна лежала в развалинах, предстояло отстраивать новую Польшу, призыв к этому воспринимался не просто как директива, спущенная сверху, но, казалось, был продиктован самой жизнью.

Иллюзии оказались живучими, и даже десять лет спустя, во время оттепели 1956 года, часть интеллигенции все еще верила, что смягчение режима наступило не благодаря смерти Сталина и временной растерянности власти имущих, а усилиями ”людей доброй воли”, взявших верх в руководстве партии. Перегруппировку сил приняли за смену курса.

Многие из собеседников Яцека Тшнаделя, интервью с которыми вошли в книгу ”Наш собственный позор”, давно порвали с правящей партией, членами или даже активистами которой они некогда состояли. Я.-М.Рымкевич вспоминает, что у него ничего не осталось от былой веры уже в период гомулковской оттепели. Виктор Ворошильский относит свое отрезвление к 70-м годам — времени правления Герека; иные прозрели еще позже. Но прозрели. Даже такой убежденный — в свое время — сторонник социалистического строя, как Ежи Анджеевский, заявил Тшнаделю, что по его убеждению, у советской империи больше нет будущего: ее высший взлет состоялся в 1945 году, и с тех пор она клонится к закату. Ускоренные темпы мирового развития, собственные второй половине XX века, заставляют предполагать, что конец этой империи — не за горами.

Скепсис и безнадежность — вот что оставил в душе у польской интеллигенции неудавшийся опыт приобщения к социализму. ”Зачем это все случилось при нас?” — таким горьким вопросом заканчивает свою беседу с Я.Тшнаделем Ярослав-Марек Рымкевич. В самом деле, зачем? ●

Леонид ЛЮКС (Бремен)

ГОСУДАРСТВО ПРАВДЫ

Россия и Запад на пороге Нового времени.
Заметки о своеобразии исторических путей

Вслед за спором историков в Германии, о котором наш журнал писал в начале этого года ("Страна и мир", № 1/43), нечто подобное началось в СССР. Спор о трагическом и постыдном прошлом, переставший, наконец, быть достоянием подпольной публицистики, развернулся на страницах московских художественных журналов и центральных газет. Этот спор может показаться недостаточно серьезным: ведь огромное множество документов, на которых основывается всякая научная историография, остается недоступным, архивы советских правительственных учреждений не опубликованы, до сих пор в Советском Союзе нет научных биографий Ленина, Сталина, Троцкого и других руководителей страны, нет или почти нет заслуживающих доверия мемуарных источников и т.д. Отсутствие квалифицированной политологии и независимой политической истории делает понятным, почему их функции берут на себя журналистика и художественная литература. Тем не менее мы не можем сказать, что правда о прошлом, о революции, гражданской войне, коллективизации, терроре, правда, которая буквально лезет сейчас изо всех пор, нам недоступна. Спор о советской истории представляет собой, однако, не только расчет с прошлым. Речь идет о чем-то большем — о смысле русской истории вообще.

Статья историка Л. Люкса, публикуемая ниже, трактует об относительно далеких временах. Но читатель заметит, насколько злободневна ее проблематика. Леонид Люкс (род. 1947), автор известной в Германии книги "Коммунистическая теория фашизма", изучал историю, советологию и славистику в Иерусалимском и Мюнхенском университетах и читал курсы новой и восточноевропейской истории в Мюнхене и Эрлангене. С 1983 г. он преподает в университете Бремена.

Разделение церкви на западную и восточную в 1054 году и нашествие татар на Русь были сокрушительными ударами по единству европейского мира. Начиная с XII—XIII вв. Россия все меньше участвует в духовно-политических процессах, происходящих на Западе. И все же, несмотря на почти полную взаимную изоляцию обеих частей Европы, в их развитии начиная со второй половины XV века появляются элементы поразительного сродства. Время это и в России, и на Западе — эпоха победного шествия централизованного абсолютистского государства. Сложную иерархическую систему феодальной зависимости постепенно заменяла унификация всех отношений. Между центральной государственной властью и массой подданных исчезали все промежуточные звенья, которые прежде дробили и ограничивали прерогативы верховной власти. Исчезал и территориальный партикуляризм. Новгород, Псков и Тверь потеряли свою независимость совершенно так же, как Арагон, Бургундия или Наварра. Все это привело к небывалому росту военной и материальной мощи европейских держав и позволило им начать глобальную экспансию. Испания, едва завершив многовековую реконквисту, приступает к колонизации Америки. Но и на другом конце Европы российское государство принимает участие в разделе неевропейского мира, завоевывая в конце XVI века Западную Сибирь.

Этим, однако, исчерпываются основные параллели. Духовные процессы, сопровождавшие и ускорившие становление централизованных государств на Западе и на Востоке, теоретические построения, которые обосновывали новую государственность, радикально отличались друг от друга. Обе части Европы образовали замкнутые, почти непроницаемые для внешних воздействий миры; оба мира вдохновлялись различными иерархиями ценностей. Под этим двойным углом зрения — в плане

внешнего сходства и внутреннего различия — мы попытаемся проанализировать явление Нового времени, эту поистине революционную эпоху, последствия которой ощутимы по сей день. Тема эта, несмотря на огромную дистанцию времени, оказывается удивительно актуальной.

Вначале мы остановимся на процессах, происходивших на Западе, чтобы на этом фоне лучше понять своеобразие тогдашнего юного русского государства. Свообразным остается оно, как известно, и до сих пор.

1. Левиафан

Необходимость создания абсолютного и централизованного государства обосновывалась на Западе теорией суверенитета, основы которой были заложены Жаном Бодэном и Томасом Гоббсом. Теорию эту породило сильнейшее разочарование в человеке и человеческой природе. В свою очередь разочарованию предшествовал праздник человеческой свободы и самоутверждения в эпоху гуманизма и Ренессанса.

”О, век! О, литература! Какое наслаждение — жить!” — восклицает Ульрих фон Гуттен. Человек Ренессанса чувствовал себя как бы пробудившимся от долгого средневекового сна. Он вышел из сурового готического храма и увидел свет солнца. Не Бог, которого невозможно увидеть, но зримый мир и он сам, хозяин этого мира, — вот предмет его внимания и восхищения. Его не останавливает упрек в гордыне (*superbia*), которая в Средние века считалась худшим из пороков. Возникает культ героев и гениев, ярче всего воплотивших это самоутверждающее начало. Все эти перемены происходили до конца пятнадцатого века и главным образом на родине Возрождения — в Италии. И там же раньше всего обозначились отрицательные стороны нового развития. Итальянцы первыми поняли, какую цену человек вынужден платить за каждую новую ступень свободы и эмансипации.

В Италии, освободившейся от универсальных авторитетов папства и империи, от религиозных запретов, расцвел культ и авторитет силы и началась борьба всех против всех. Маленькие государства поглощались большими, шли нескончаемые войны, в борьбе за власть были дозволены все приемы. В политике ее вершиней интересовала главным образом техническая сторона, а отнюдь не идейное содержание. Только в такой атмосфере могли появиться первые в Европе учебники ”технологии власти” — книги Никколо Макиавелли. Никто до тех пор не обнажил так беспощадно психологию человека, не верящего ни во что, кроме силы. Но именно таково было состояние умов. Автор трактата ”Государь” не изобрел этот образ мыслей, но лишь анализировал его. В этой связи гениального флорентинца интересовал вопрос, какая политика вообще еще возможна в обществе, потерявшем контакт с вечными и непреходящими ценностями. В ”Государе” рассмотрен монархический принцип правления, в ”Рассуждениях” — республиканский. Ни тот, ни другой не был для Макиавелли священным и неприкосновенным. Он хотел главным образом знать, при помощи какой тактики, опираясь на какие силы, можно легче всего достичь заветной цели — политического объединения Италии. В этом отношении он, между прочим, на три с лишним века предвосхитил амбиции немецких сторонников идеи единой и могущественной Германии: для них тоже в конце концов оказалось неважным, произойдет ли это объединение демократически-революционным (1848—49) или же консервативно-монархическим путем (1866—71). Как и у Макиавелли, главной их целью была не свобода и не осуществление каких-то абстрактных идеалов, а мощь собственного национального государства, по которому они истосковались, видя успехи соседей. Для каждой эпохи, сознание которой освобождалось от оков и моральных запретов, вопросы, поставленные Макиавелли, становились чрезвычайно актуальными. Не зря ”Государь” был настольной книгой диктаторов нашего века.¹

Севернее Альп, где, в отличие от Италии, секуляризация мышления только еще начиналась, многим казалось, что "Il Principe" написан рукой самого дьявола. По всей Европе сочинения Макиавелли были запрещены. Однако интерес к этой первой теоретической попытке построения мира и государства без Бога, с единственной опорой на опыт прошлого и знание человеческой природы, в сущности никогда не исчезал.

Заметим, что в Италии не только возникли новые образцы политического мышления, но и предпринимались первые практические попытки преодоления того политического хаоса, в который страна вверглась после крушения средневековых структур. Именно там родилась идея равновесия сил и "концерта держав", — добровольное согласие вырвавшегося на волю государства соблюдать в борьбе за свои интересы определенные правила. Складывалась новая концепция международного права, так или иначе противостоящая вседозволенности. В 1454 г. в городе Лоди, к югу от Милана, была основана так называемая Священная лига, к которой со временем присоединились почти все итальянские государства. Достигнутое равновесие сил, несмотря на всю свою шаткость, обеспечило стране сорок лет мира. И лишь вмешательство Франции и Испании на рубеже XV—XVI веков разрушило эту хрупкую конструкцию. Но с тех пор идею равновесия, которая впоследствии не раз спасет наш континент от ужаса кровопролитных войн, уже невозможно было вычеркнуть из сознания европейцев.

В других странах Европы концепции, в которых божественная благодать больше не играла никакой роли, представлялись неприемлемыми. Лишь век спустя эти страны пришли к тому же, хотя и другим путем. Во второй половине XVI столетия Европа по сю сторону Альп очутилась на краю бездны не из-за религиозного нигилизма, как это было в Италии, а из-за религиозного фанатизма.

Итальянский Ренессанс скорее игнорировал церковь, нежели сражался с ней. В Северной Европе, где религиозное мышление все еще преобладало, дело обстояло иначе. Там подавляющее большинство не могло себе представить человеческих и общественных отношений вне религиозных принципов. И чем более утверждался в этих странах моральный ригоризм, тем труднее там могли примириться с упадочными тенденциями в римской церкви. Папство в лице Александра VI Борджиа и ему подобных не могло не дискредитировать церковь в глазах верующих. Настал момент, когда больше невозможно было прощать формальным служителям Бога их человеческие слабости и пороки. Церковь с такими священнослужителями сделалась неприемлемой для самих верующих. Но для того, чтобы посягнуть на институцию, освященную традицией пятнадцати веков, требовалась прямо-таки невероятная сила внутреннего убеждения. И тот факт, что Лютер на это решился, то, что его примеру последовали миллионы других, свидетельствует о том, какого накала достигли тогда религиозные чувства у большинства европейцев. Вопросы веры стали, быть может, еще больше, чем в Средние века, вопросами жизни и смерти. Реформация расколола Западную Европу, считавшую себя еще в XV веке единой и неделимой *res publica christiana*, на два враждебных лагеря, которые стремились истребить друг друга.

Правда, и в Средние века происходило искоренение "неправильно" верующих, например, альбигойцев. Нередко религиозное рвение выливалось в ужасающие еврейские погромы. Но едва ли можно назвать это религиозными войнами. Господствующая церковь имела беспспорный перевес над всеми своими противниками, и борьба с инаковерием, при всей ее жестокости, всегда носила локальный характер. Зато силы двух конфессиональных лагерей, которые консолидировались во второй половине XVI в., были приблизительно равны, и потому война приняла затяжной характер. Война всех против всех, *bellum omnium contra omnes* (выражение Гоббса), какую Италия пережила в XIV и XV столетиях, теперь возобновилась в расширенном масштабе во всей Западной Европе. И хотя причины и цели этих войн не совпадали, методы и результаты были похожи. Теперь тоже все

средства борьбы с политическим противником считались дозволенными, никакие нормы поведения не сдерживали враждующие стороны. Непокколебимая вера в свою правоту и в абсолютный идеал порой приводила к еще более разрушительным последствиям, чем тотальное неверие в какие бы то ни было идеалы, какое демонстрировали в свое время тираны итальянских городов.

После нескольких десятилетий гражданских и религиозных распр перед всей Западной Европой встал вопрос, который раньше выглядел специфически итальянской проблемой: каковы должны быть новые нормы политического и общественного поведения взамен тех, которые утратили свою самоочевидность? В этой атмосфере поисков и брожения появилась идея суверенитета, и неудивительно, что наиболее яркие ее представители, упомянутые нами Ж.Бодэн и Т.Гоббс, жили и творили как раз в тех странах, где религиозные и гражданские войны бушевали с особым ожесточением: во Франции последней трети XVI и в Англии первой половины XVII в. Суверен был, в сущности, тем государем, "князем", которого безуспешно искал Макиавелли в Италии. Последователям Бодэна и Гоббса удалось, в отличие от учеников Макиавелли, добиться объединения государства, передать верховной власти все прерогативы и прекратить всеобщую войну всех со всеми. Так явился на свет Левиафан Гоббса – современное государство, полновластно выносящее решения о жизни и смерти своих подданных, об их месте в политической и общественной иерархии, о войне и мире с другими Левиафанами. Но одного этот новый и, казалось бы, всесильный колосс не отважился больше делать. Наученный опытом религиозных битв, он не собирался создавать рай на земле и спасти души подданных. Он довольствовался лишь мирскими, но не божественными прерогативами. Религиозное спасение он оставлял – чем дальше, тем больше – на усмотрение отдельного человека. Государства, которые не приняли эту новую концепцию и склонялись в дальнейшем к религиозному фанатизму, например, Испания, теряли контакт с духом времени и внутренне увядали.

2. "Государство правды"

Все эти процессы практически не коснулись России. Централизованное государство создавалось здесь в других условиях и обосновывалось совершенно иной политической доктриной.

В то время как Запад переживал раскол и крушение прежде бесспорных ценностей, в России, наоборот, происходило их укрепление. Пятнадцатый и шестнадцатый века – время триумфализма, его апогей совпадает с завоеванием Казани и Астрахани (1552, 1556) – обломков Золотой Орды, которая сама по себе представлялась средневековому сознанию олицетворением могущества. Г.Шедер, автор известной книги "Москва – Третий Рим", заметила, что уже с конца XIV в. московский стиль приобретает особую торжественность и высокопарность.² И действительно, хотя Москва в то время все еще находилась в двойной зависимости – от ханов Орды и константинопольского патриарха, чувство какого-то особого призвания русского государства и русского православия уже тогда дает себя знать. Флорентийская уния 1439 г. между греческой и римской церковью, не признанная Москвой, падение Константинополя и окончательное освобождение от татаро-монгольского ига в 1480 г. чрезвычайно углубили это чувство. То, что Москва осталась единственным православным государством, отстаившим свою политическую независимость, нередко приписывалось особому благочестию русской церкви, первоизданной чистоте и силе русской веры. Надежды, которые все поработанные православные церкви и народы теперь связывали с Россией, только укрепляли это убеждение.³ Разумеется, официальное вероучение не терпело ни малейших возражений, всякое сомнение рассматривалось как святотатство. Этой установкой можно объяснить панический ужас, с которым некоторые церковные круги реагировали на так называемую ересь жидовствующих, появившуюся в последней четверти XV века в Новгороде.

Идеи "жидовствующих" очень трудно реконструировать, так как знаем мы о них главным образом из яростной полемики, которую вели против секты новгородский архиепископ Геннадий и настоятель волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий. Судя по всему, "жидовствующие" отрицали божественность Христа, подвергали рационалистической критике церковные таинства, предпочитали Ветхий Завет Новому. Менее радикально порывала с церковным преданием московская ересь, которая появилась немногим позже. В центре ее критики стояло монашество и церковное землевладение.⁴

Новое централизованное государство постоянно нуждалось в средствах, и мысль о секуляризации церковных имуществ одно время очень прельщала Ивана III, — тут он ничем не отличался от своих западноевропейских собратьев. Некоторое время царь покровительствовал еретикам. Однако это был всего лишь мимолетный флирт. Prestиж Москвы уже с XIV столетия настолько был освящен авторитетом церкви, что рисковать потерей столь влиятельного союзника правительство не могло. Собор 1504 г. осудил ересь, и многие еретики были сожжены на кострах по испанскому образцу. Нужно сказать, что еще до этого архиепископ Геннадий ставил царю Ивану III в пример испанского короля, который очистил свою страну от ереси. Теперь и русская земля была "чиста". Так на долгие годы — вплоть до церковного раскола во второй половине XVII в. — было искоренено инаковерие, если не считать редких локальных вспышек. Во всяком случае, ничего похожего на реформацию в России не возникло. Почвы для рационально-критического подхода к вопросам веры просто еще не существовало.⁵

Тот факт, что в начале XVI века на Руси, впервые в ее истории, запылали костры инквизиции, показывает, что в русском православии восторжествовало волевое начало, то есть стремление подчинить действительность идеалу. Конечно, Геннадий и Иосиф Волоцкий действовали не только по идеалистическим соображениям. Они защищали и материальные интересы церкви, на которые посягали еретические учения. Тем не менее, если бы борцы с ересью заботились лишь о церковном имуществе, они вряд ли смогли бы достигнуть в своей проповеди такой неистовой страстности и представить грозящую опасность в таких апокалиптических тонах. Их страх за устои православия, которому якобы угрожала кучка "инакововерующих", был, надо думать, искренним.

В прошлом, когда в лоне молодой русской церкви возникали сомнения касательно тех или иных вопросов веры, церковь обращалась за советом к более опытным греческим патриархам. Но со времени флорентийской унии, а тем более после падения Константинополя (1453) греческая церковь утратила на Руси свое нравственное влияние. Приходилось собственными силами решать догматические споры и обосновывать концепцию особой чистоты русского православия. Силы эти были более чем скромными. Геннадий жалуется на необразованность русских священников, беспомощных перед аргументами еретиков. Искусство богословской апологетики в России не успело еще развиться. Поэтому новгородский архиепископ выступил против каких бы то ни было прений с противниками догматического православия, — их надо было лишь "жечи да вешати".

Зато — для вящей убедительности — защитники чистоты православия обращаются за помощью к ненавистным "латынцам". У них ищут образцы рационального обоснования догматов веры. Разумеется, ни о каких симпатиях к католицизму не могло быть и речи. В учениях римской церкви искали средства для дальнейшего подкрепления теории о превосходстве и исключительности русского православия. В то время, когда на Западе рационализм уже подкапывался под господствующие институты и стимулировал критическое мышление, в России он мог служить лишь поддержанию status quo. Едва появившись, орудие рациональной аргументации и систематики было тотчас обращено против критического мышления и свободомыслия. Вообще же говоря, истинно верующий должен был не рассуждать, а подчиняться и служить идеалу. "Мнение — второе падение", — говорил Иосиф Волоцкий.

В центре внимания противников ереси стояла борьба за влияние на светскую власть; другими словами, они старались убедить московского государя, что главной задачей власти является защита чистоты православия и забота о спасении душ подданных. По мнению Иосифа Волоцкого, государю, действующему согласно воле Божьей, следует подчиняться, как самому Богу. Но если царь правит вопреки божественным заповедям, то он не царь, а мучитель и слуга дьявола.⁶

Итак, главной задачей царей, как ее понимали иосифляне, было осуществление Божьей правды на земле. Идея "государства правды" во главе с благочестивым и всемогущим монархом, непосредственно осуществляющим эту правду, обладала огромной притягательной силой для всех сословий русского общества. Тезис "Москва – Третий Рим" есть лишь ее разновидность. Но, как заметил Д.С.Лихачев, особо значительного влияния на русское общество в целом идея Третьего Рима все же не имела и была популярной главным образом среди духовенства. Вопреки мнению, распространенному на Западе, она носила не наступательный, а оборонительный характер. Теория Третьего Рима должна была вдохновить московских царей не на покорение мира, а на защиту чистоты и внутренней силы православия.⁷

Между тем как на Западе богословские и религиозные конфликты начали расшатывать все устои, в России после короткой вспышки на рубеже XV–XVI вв. эти конфликты были преодолены. Спор иосифлян с "нестяжателями", который продолжался и после собора 1504 г., был конфликтом другого рода, чем борьба с ересью, так как происходил внутри традиционного православия. Но после падения Вассиана Патрикеева (1531 г.), одного из самых влиятельных проповедников нестяжательства, и этот спор, в сущности, кончился. Иосифлянство окончательно восторжествовало в русской церкви.⁸

3. Бог на небе, царь на земле

Таким образом, на Востоке на пороге Нового времени почти без потрясений и борьбы утвердилась единая иерархия ценностей, которая, несмотря на множество новых элементов, оставалась по существу традиционной. Революционного взрыва в мышлении здесь, в отличие от Запада, не произошло. Новые политические теории опирались на византийские образцы, но при этом теряли их универсальный характер и принимали национальную окраску. Достаточно сказать, что и теория Третьего Рима, как отметила уже цитированная нами Г.Шедер, в значительной мере восходит к византийским источникам, которые в свою очередь обосновывали непреходящее значение Второго Рима – Византийской империи.

То же можно сказать и о концепции "государства правды" во главе с самодержавным царем. И она сформировалась главным образом под влиянием византийских идей. При этом Москву и Византию объединял не только общий идеал, но и вера в то, что идеал этот, в сущности, уже достигнут. Когда-то Вл.Соловьев писал, что христианская этика требует прежде всего недовольства собою и стремления к совершенству. Византийское же общество, по словам философа, вопреки всем бедам пребывало в неизменном самодовольстве, не ведало самокритики и отнюдь не стремилось согласовать действительный общественный строй с идеалом добра. Эти слова применимы к московскому обществу конца XV–XVI вв. Как замечает знаток древнерусской литературы М.Шахматов, московским летописцам этого времени (в отличие от писателей XI–XIV вв., осуждающих князей за несправедные поступки) кажется, будто государство правды уже создано на земле.

Западные путешественники, посетившие страну в XVI столетии, удивлялись, до какой степени подданные этого государства были горды той действительностью, которая выглядела в глазах иноземцев более чем непривлекательной. Иезуит Кампани, который здесь побывал в последние годы правления Ивана Грозного, то есть уже после опричнины, разгрома Новгорода и других "достопримечательств"

этого царствования, писал: "О себе москвиты имеют самое высокое мнение, остальные же народы, по их мнению, достойны презрения. Они считают, что их страна и образ жизни – самые счастливые из всех... Когда же при них хвалят обычаи и нравы какой-нибудь другой страны или показывают им что-нибудь новое, они говорят: "Великий государь все это ведает и имеет гораздо больше того".⁹

Этот отзыв, без сомнения, очень тенденциозен. В России того времени было, конечно же, очень много недовольных. Глубина этого недовольства выявилась с особой силой спустя четверть века, во время Смуты и крестьянских войн. Но и тогда вера в превосходство русского государственного строя и русского православия оставалась непоколебимой. Никакие факты не могли опровергнуть теорию, то есть идеал. Поворот от должного к сущему, от абстрактного к конкретному на Востоке еще не наступил. В средневековой философии, как известно, происходил великий спор между номиналистами и реалистами. В отличие от реалистов, для сторонников номинализма абстрактные, общие понятия не существовали реально, а были лишь мысленными конструкциями. Новое время решило эту контроверзу в пользу номиналистов. Все умозрительное и не соответствующее фактам изгонялось в область фантастики. Мир, по выражению Макса Вебера, расколдовывался. В России абстрактный идеал все еще воспринимался как часть действительности, и притом самая важная. Этот идеал не нуждался в доказательствах; горделивое сознание самодостаточности не могли поколебать никакие достижения Западной Европы в области просвещения, науки и светской культуры. Успехи Запада казались несущественными, ибо он не обладал истинной верой. Не говоря уже о том, что все не относящееся непосредственно к церкви и религии – искусство, наука и пр. – рассматривалось в допетровской России "как праздное любопытство неглубокого ума или как лишние несерьезные забавы" (Ключевский).

Советские авторы часто спорят с распространенным в западной историографии мнением о пропасти, будто бы разделявшей Запад и допетровскую Русь. Они указывают на дипломатические, экономические и культурные контакты между обеими частями Европы. И в этом они, конечно, правы. Никакой китайской стены между Западом и Россией тогда не стояло. Однако существовала внутренняя стена, глухой невидимый барьер, который не позволял ни одной из сторон проникнуть в духовный мир другой стороны: слишком далеко отстояли друг от друга иерархии ценностей. Западному человеку, уже научившемуся быть логически последовательным в своем мышлении, представлялось, что если между идеалом и действительностью существует разрыв, то надо по крайней мере стараться приспособить действительность к идеалу или, если это невозможно, пересмотреть идеал. В России же недовольство социальными и политическими порядками (особенно в эпоху Ивана Грозного и во время Смуты) уживалось с верой в то, что московское царство есть чуть ли не отображение Царства Небесного и что царь – это икона всемогущего Бога на земле. Существовали, однако, и в допетровской России исключения – деятели, для которых разрыв между идеалом и реальностью был неприемлем. Одним из них был Иосиф Волоцкий, для которого "государство правды" было несовместимо с тем, что в нем находились люди, склонные ставить господствующие ценности под вопрос. Весьма прилежным учеником этого страстного проповедника был царь Иван Грозный. И ему было недостаточно одной лишь веры в идеал, он хотел его немедленного воплощения. "Просветитель" Иосифа Волоцкого был настольной книгой Грозного, откуда главным образом он и почерпнул идею божественного призвания монарха и ответственности царя перед Богом – убеждение, что государь отвечает за грехи своих подданных, которых он обязан спасти и тем самым восстановить "правду" на земле. Во имя этой великой цели царю дана неограниченная власть. Иосифлянская теория царя-божества, замечает правовед Н.Алексеев, во многом опиралась на Ветхий Завет, но при этом делала упор не на цитаты касательно прав иудейских царей, а на те места, где говори-

лось о мощи Иеговы и его власти над еврейским народом. "Государство правды" в интерпретации иосифлян и тем более в понимании Грозного не знало никаких прав, а лишь обязанности: долг подданных служить земному богу-царю и обязанность государя служить Царю Небесному. Если на Западе вопрос спасения все больше становился личным делом человека, то в России он все еще был чуть ли не главной функцией государства.

Впрочем, концепцией государя-спасителя не исчерпывалось представление о царской власти в московском государстве. Оно имело перед собой не только ветхозаветные и византийские, но, как известно, и татарские образцы. Русские цари считали себя в известной мере преемниками татаро-монгольских ханов; Иван Грозный, перечисляя все свои титулы, с особой гордостью указывал на титул казанского царя. Скорее с татарской, чем с константинопольской традицией связано убеждение Грозного (как и его отца Василия III), что все его подданные — всего лишь бесправные холопы. По мнению М.Чернявского, достигнуть синтеза между византийской и татарской традицией в допетровской России не удалось: обе линии шли параллельно, и воплощением их был сам Иван IV, который днем убивал, а ночью молился.¹⁰

То, что террор Ивана Грозного не вызвал в русском обществе сопротивления, не привел к бунту, гражданской войне или чему-либо подобному, историки и путешественники часто объясняют психологией русского народа, привязанностью к жестокой власти, потребностью подчиняться.

Этот взгляд возник, между прочим, задолго до опричнины. Посол австрийского императора Герберштейн, посетивший Русь при Василии III, писал: "Неизвестно, народ ли по своей загрубелости жаждет государя-тирана или вследствие тирании Государя сам народ становится столь бесчувственным и жестоким". И далее: "Этот народ находит больше удовольствия в рабстве, нежели в свободе".¹¹ Подобные изречения повторяются на разные лады уже сотни лет, несмотря на все восстания, перевороты и революции, которые с тех пор произошли в так называемой стране рабов. Тезис о рабской психологии — один из мифов о России, укоренившийся в западном, да и не только западном, сознании.

Одно, правда, надо признать. Что касается террора Грозного, то в самом деле удивительно, как слабо реагировали на него жертвы преследований. Но и тут были общеизвестные исключения: князь Курбский, митрополит Филипп и др. Пассивность общества можно отчасти объяснить тем, что самодержец взял, что называется, своей идейной последовательностью. И у царя, и у общества был, в сущности, один и тот же идеал властителя. Мечтали о царской "грозе" (Пересветов), а отнюдь не о безволии, о всемогущем, а не слабом и зависимом царе. Только такой государь мог насаждать правду и справедливость и карать неправедных и нерадивых. Тем не менее этот идеал долгое время уживался с фактическим ограничением царской власти традицией ("старинной"), с "советом" боярской думы и церковным наставлением. Эмпирическая действительность была намного сложнее доктрины. Между тем для всех доктринеров характерно стремление натянуть на действительность смиренную рубашку абстрактной теории. Таким доктринером оказался Иван Грозный — один из самых образованных и начитанных русских людей своего времени. Уверовав в божественное призвание самодержавного, ничем не стесненного в своих волеизъявлениях царя, в абстрактный идеал, о котором он вычитал из книг, он попытался осуществить его как можно быстрее. В отличие от других теоретиков самодержавия, он обладал полнотой власти, и его концепции тотчас воплощались в дела, в конкретные политические мероприятия. Но реальная жизнь — при всем раболепии подданных — не желала подчиняться абстрактной доктрине. И доктрина отвечала на это террором.¹²

4. Раскол

Как мы помним, западные страны того времени на собственном опыте испытали ужасный итог отсутствия единых общепризнанных норм и борьбы враждующих мировоззренческих лагерей. Пример России показал, что и противоположное состояние – торжество единого идеала и единой иерархии ценностей – влечет за собой страшные последствия. Идеал "государства правды" своей стройностью и красотой настолько поработил московское общество, что когда во главе этого государства встал изувер, у оппозиционных сил не нашлось никакой убедительной политической программы. Именно отсутствием программной альтернативы, а вовсе не "рабской психологией", можно объяснить растерянность, с которой все слои русского общества реагировали на переворот сверху, совершенный Грозным. Не было и не могло быть суда над помазанником Божьим. С точки зрения иосифлян, непослушание допустимо было только по отношению к царю, не соблюдающему Божьих заповедей. Но Иван IV соблюдал все церковные обряды, усердно посещал службы, ночи напролет простаивал перед образами в храмах. В том понимании христианской религии, которое восторжествовало в те времена в России, когда внешняя обрядность и показная истовость считались чуть ли не сердцевинной веры, жестокий царь оставался истинно православным государем, отнюдь не антихристом. Единственная возможность, которую Иосиф Волоцкий и его последователи оставляли для сопротивления царю-тирану, оказывалась по отношению к Ивану IV закрытой.

Известно, что в русской церкви XV–XVI вв. существовали и силы, протестовавшие против одной лишь обрядовой, внешней набожности, люди, утверждавшие, что внутреннее благочестие важнее внешнего. Таковы были заволжские старцы во главе с Нилом Сорским, таких взглядов придерживался прибывший в Россию в царствование Василия III Максим Грек. Это течение не сумело остановить победного шествия иосифлянства. А.Карташов в связи с этим пишет: "Ученики Нила Сорского как-то особенно, как бы демонстративно стушевались. Сама собой взяла над всеми верх... увенчивая осифлянскую историософию, песнь о Москве – Третьем Риме".¹³

Продолжая наше сопоставление, мы можем сказать, что на Западе, в условиях, когда ни одному из конфессиональных лагерей не удалось достичь полной победы, постепенно была найдена новая инстанция, признаваемая всеми сторонами, – это был практический разум. Теория суверенитета (о которой уже говорилось), новые интерпретации естественного и международного права – все это опиралось главным образом не на божественное откровение, а на доводы разума. Государство-Левиафан, освободившись от церкви и в большой мере от сословных институтов, мало-помалу атомизируя все общество, сумело все же остановиться в этом процессе покорения всех и склонило голову перед разумом и здравым смыслом, как перед единственной вышестоящей силой. Но так как разум был достоинством всех, к этой инстанции могли апеллировать не только власть имущие. Разум мог быть не только инструментом государственного абсолютизма, но и орудием его критики; это ярко продемонстрировал уже XVII век, не говоря о веке Просвещения.

Иначе обстояли дела в допетровской России. Глубочайший политический и общественный кризис, вызванный методами правления Грозного и их косвенным последствием – Смутой, не вызвал к жизни новую иерархию ценностей. Идея самодержавного "государства правды" по-прежнему владела умами и душами, и только такой образ правления казался приемлемым. Стихийные народные восстания не создавали в этом отношении никакой идейной альтернативы: вершиной государственной мудрости мятежников (об этом писал Н.Н.Алексеев) была идея самозванства, то есть не поиск новых политических форм, а беспомощное подражание старым.

Земские соборы XVII в., предмет особого внимания славянофилов, которые их идеализировали, – не изменили сути государственного строя России. Задача

соборов, как указал Ключевский, была не ограничить, а укрепить временно пошатнувшуюся царскую власть. Вдобавок значение земских соборов на протяжении всего XVII столетия неуклонно уменьшалось. Словом, ничто не в состоянии было нарушить стройность идейно-политической системы, сложившейся в Москве на рубеже XV–XVI веков, и такое положение сохранялось до тех пор, пока никто не смел посягнуть на высшую ценность – идею исключительности русской церкви и русского государства.

Это случилось во второй половине семнадцатого века. То же русское общество, которое почти безропотно переносило террор благочестивого царя, внезапно оказало отчаянное сопротивление некоторым малозначительным нововведениям в церковной литургии и богослужебных книгах. Все это с западной точки зрения опять-таки выглядело странным. Но если вспомнить, с какой истовостью в России верили, будто здесь и только здесь исповедуется незапятнанное, истинное и исконное христианство, то станет понятным взрыв негодования, который вызвали идеи патриарха Никона. Ведь утверждая, что греческие обряды и богослужебные книги в некоторых отношениях более соответствуют церковному преданию, чем русские, Никон подкапывался чуть ли не под самый стержень веры в особое значение Москвы.

Религиозный раскол, это типичное для Запада состояние на пороге Нового времени, охватил теперь и Русь. Петровские реформы его еще более углубили. Идея "государства правды" осталась достоянием низших сословий. В отличие от Запада, раскол в России происходил не по вертикали, а по горизонтали. Своей грандиозной идеей перестройки страны по западному образцу Петру удалось заразить лишь часть привилегированного слоя. Подавляющее большинство населения сохранило верность прежним идеалам. По словам Г.П.Федотова, на территории России существовало теперь два государства: дворянская светская империя, где высшее сословие переняло не только западные представления о лояльности к государю, но и понятие личной чести, – и "мужицкое царство" во главе с земным богом, носителем божественной силы и правды, по отношению к которому не могло быть и речи о каком-то независимом праве или чести. Соединить эти два мировоззрения не удалось, как не удалось в прошлом найти согласие между византийским и татарским образом царя. Кроме того, со временем, особенно после Французской революции, правительство осознало, какой опасностью грозит идея просвещения и рациональной организации общества. И оно постаралось немного прикрыть окно в Европу, прорубленное Петром. Вспомнили в Петербурге и о пользе старинной самодержавной идеи "государства правды", очарование которой все еще не потускнело в глазах народа. В XIX столетии консервативные силы пытаются всемерно оградить эту идею от западных влияний и "заморозить" Россию. Этой концепции, как известно, противостояли либерально настроенные правительственные круги. В эпоху великих реформ Александра II они попытались преобразовать государство, более или менее следуя, как и основатель петербургской империи, западноевропейским образцам. Но еще сильнее помешала осуществлению консервативной программы революционная интеллигенция – новое действующее лицо на политической сцене страны. В сущности, она была тоже детищем Петра и, как и он, стремилась к просвещению народа, хоть и в другом духе. К началу нашего века идея революции в значительной мере вытеснила из народного сознания мечту о государстве правды – точнее, мечта эта приняла новый вид. Таким образом, монархия потеряла свою главную опору и была обречена.

5. Эпилог

На этом можно было бы поставить точку, тем более что после революции большевики с неслыханным успехом завершили дело Петра и в своем стремлении "догнать и перегнать" Запад окончательно повернули взор массового человека с неба на землю. Земной рай, который они обещали создать, не нуждался в поту-

сторонней санкции и строился целиком на человеческой воле и разуме, то есть на тех основах, которые до сих пор ценились главным образом на Западе. Для древнего идеала "государства правды" в такой действительности места уже не оставалось. Однако идеи, которые столетиями определяют сознание нации, бесследно исчезнуть не могут; рудименты этих идей так или иначе влияют на поведение людей. Хотелось бы в заключение кратко указать на те из них, которые все еще обуславливают своеобразие России, отличая ее от Запада.

Нужно сказать, что большевики отнюдь не стремились искоренить все эти традиции, ведь, в сущности, они лишь укрепляли их власть. Назовем прежде всего идею гармонии, с точки зрения которой борьба политических партий за свои частные интересы, фракционность и "групповщина", то есть нечто естественное и даже основополагающее для западного мира, кажутся чем-то болезненным и вредным, чем-то таким, что необходимо преодолеть. Быть может, эта установка частично объясняет тот факт, что народные массы отвернулись от Февральской революции. Новый политический строй – многопартийная парламентская система – не импонировал массам, ибо не казался им настоящей властью; об этом говорят многие свидетельства. На сходную традицию опирались и Сталин в борьбе со старыми большевиками, когда они отстаивали свои позиции вопреки воле большинства. Новое поколение членов партии, выходцев из народных слоев, расценивало такое поведение как пережиток индивидуалистической буржуазной или даже дворянской психологии. И лозунг Сталина: "Мы не хотим иметь в партии дворян"¹⁴, был в партии очень популярен.

С идеалом гармонии тесно связано критическое отношение к распространенному на Западе со времен Ренессанса представлению о самоутверждающейся, автономной личности. В России подобные представления издавна считались порочными. На эту традицию опирались большевики, внушая народу, что личность должна подчиняться коллективу, служить общественной пользе, принести в жертву свои эгоистические интересы. Наконец, партия с успехом воспользовалась давним убеждением, будто ограниченная власть есть власть неполноценная.

Многие особенности политической культуры России критики советского режима ставят в вину большевикам. В действительности большевики, едва ли не самые безжалостные разрушители национальных святынь, оказались в конечном счете тоже своего рода традиционалистами, и этот традиционализм, по всей видимости, и помогает им удерживать власть. Можно напомнить в этой связи мнение одного из идеологов "евразийства": в числе важнейших причин победы большевиков в гражданской войне было то, что народные массы, несмотря на всю жестокость новой власти, увидели в ней что-то знакомое.¹⁵

Разумеется, нельзя забывать о том, что рядом с тенденциями, рассмотренными в этой статье, существовала и противоположная линия духовного развития – традиция старчества и духовного подвижничества, которой было органически чуждо чувство самодовольства и самодостаточности; традиция постоянного поиска правды, а не уверенности, что правда эта уже обретена однажды и навсегда. Сторонники этой линии преклонялись не перед внешним могуществом земного царства, а перед внутренней духовной красотой. Нил Сорский и заволжские старцы принадлежали, как уже было сказано, к самым ярким представителям этого типа духовности, но он, конечно, не исчезал и в другие эпохи. Без него была бы немислима изумительная культура русского XIX столетия. Традицию эту в начале нынешнего века пытались по-новому развить религиозное возрождение. Но революция прервала это начинание. И снова, как бывало уже не раз в истории России, одержали верх не адепты внутренней духовности и приверженцы идеологической терпимости, а их противники. И все же, вопреки всем неудачам, этот тип духовности всегда оставался и остается по сей день своего рода коррективом к идее всемогущего государства. То, что он то и дело возрождается, показывает, что он отвечает какой-то глубокой внутренней необходимости. Его отсутствие рано или поздно воспринимается обществом как невыносимая пустота.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. N.Machiavelli, *Il Principe*. Firenze 1931; *Discorsi. Gedanken über Politik und Staatsführung*. Stuttgart 1966. Рус. пер.: Н.Макиавелли. Сочинения, т. I, 1934.
2. H.Schaeder, *Moskau — das Dritte Rom. Studien zur Geschichte der politischen Theorie in der slawischen Welt*. Darmstadt 1957. См. также С.J.Halperin, *The Russian land and the Russian tsar: The emergence of moscovite ideology, 1380—1408*. "Forschungen zur ost-europäischen Geschichte", 1976, 23.
3. А.В.Карташов, *Очерки по истории русской церкви*, т. I. Париж 1959. Я.С.Лурье, *Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли древней Руси*. В кн.: *Переписка Ивана Грозного с Курбским*. Л. 1979.
4. Н.А.Казакова и Я.С.Лурье, *Антифеодальные и еретические движения на Руси XIV — начала XVI вв.* М.—Л. 1955. И.Еремин, *Иосиф Волоцкий как писатель*. В кн.: *Послания Иосифа Волоцкого*. М.—Л. 1959. Г.Флоровский, *Пути русского богословия*. Париж 1983.
5. Н.Казакова и Я.Лурье, *цит. соч.* Н.Казакова, *Западная Европа в русской письменности XV—XVI вв.* Л. 1980. Ю.Бегунов, *Секуляризация в Европе и собор 1504 г. в России*. В сб.: *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М. 1972. Заметим, что когда некоторые советские историки (например, А.Клибанов, И.Будовниц) пытаются доказать, что никакой качественной разницы в развитии Запада и Востока не существовало, и проводят аналогию между новгородско-московской ересью и западной Реформацией, это звучит очень неубедительно. Однако значение ереси переоценивают — на свой лад — и православные историки, которые считают, что "критицизм" еретиков был чрезвычайно опасен для неискушенной в богословских спорах русской церкви (А.Карташов). Опыт следующих двух веков показал, что косность и неподвижность угрожали православию намного больше, чем свободомыслие.
6. E.Hosch, *Orthodoxie und Häresie im alten Rußland*. Wiesbaden 1975; D.Obolensky, *Russia's Byzantine heritage*. In: "The structure of Russian history. Interpretative essays". N.Y. 1970; Е.Голубинский, *История русской церкви*, т. 2. М. 1900; В.Вальденберг, *Древнерусские учения о пределах царской власти*. Пг. 1916.
7. М.Шахматов, *Подвиг власти; Государство правды*. "Евразийский временник", 1923, № 3, и 1925, № 4. Д.Лихачев, *Национальное самосознание древней Руси*. М.—Л. 1945. *Послания старца Филофея*. В кн.: *Памятники древней Руси*. М. 1984. N.Andreyev, *Filofey and his epistle to Ivan Vasilyevitch*. "Slavonic a. East European Review", 1959.
8. Я.Лурье ("Иосиф Волоцкий как публицист", в кн. "Послания Иосифа Волоцкого", М.—Л. 1959) называет русскую ересь "предреформацией", а победу иосифлян "пред-контрреформацией" в России.
9. В.М.Cherniavsky, ed., *The structure of Russian history*. N.Y. 1970. В.С.Соловьев, *Византия и Россия*. Собр. соч., тт. VII и X. Брюссель 1966. J.Meyendorf, *Byzantine theology*. N.Y. 1979. А.Поссевино, *Исторические сочинения о России XVI века*. М. 1983.
10. *Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским*. А.Зимин, И.С.Пересветов и его современники. М. 1958. Н.Н.Алексеев, *Русский народ и государство*. "Путь", 1927, № 8. С.О.Шмидт, *Становление российского самодержавия*. М. 1973. В.Савва, *Московские цари и византийские василевсы*. Харьков 1901. М.Cherniavsky, *Khan or Basileus*, в кн.: *The structure of Russian history*, N.Y. 1970.
11. Бар. Сигизмунд Герберштейн, *Записки о московских делах*. Спб. 1908. См. также А.Поссевино, *цит. соч.*; G.Fletcher, *Of the Russian Common Wealth*, в кн.: *Russia at the close of the 16th century* (без года изд.).
12. В.Ключевский, *Соч.*, т. II. А.Зимин, *Опричнина Ивана Грозного*, М. 1964. Р.Г.Скрынников, *Россия накануне Смутного времени*, 2-е изд., М. 1985. G.Stockl, *Testament und Siegel Iwans IV*. Opladen 1972.
13. Арх.Макарий, *История русской церкви в период разделения ее на две митрополии*, кн. III. Спб. 1877. А.В.Карташов, *Очерки по истории русской церкви*, т. I. Париж 1959.
14. *Пятнадцатый съезд ВКП(б), 1927. Стенографический отчет*. М. 1961.
15. П.Сувчинский, *К познанию современности*. "Евразийский временник", 1927, № 5.

НЕТ ДВУХ ПРАВД

О советском издании романа Василия Гроссмана "Жизнь и судьба"

"Правда одна. Нет двух правд. Трудно жить без правды, либо с осколочками, с частичей правды, с обрубленной, подстриженной правдой. Часть правды — это не правда..."

Эти в высшей степени прямые, недвусмысленные слова сказаны Василием Гроссманом в той главе романа, которая посвящена Советской армии под Сталинградом. В ней рассказывается о том, как после многодневных сражений, бесчисленных обстрелов и бомбардировок наступила давно забытая тишина; она "вызывала головокружение. Людям казалось, что они опустели, что у них млеет сердце, как-то по-иному шевелятся руки и ноги... Тишина грохотала по-своему, потихому..." ("Октябрь", 1988, № 4, стр. 28).

И вот, повествуя о блаженстве победы и о победителях, о моментах тишины, которые "были лучшими в их жизни", Вас. Гроссман с горечью передает нам сведения "о жалких страстях, охвативших некоторых руководителей сталинградской обороны". И сразу после этого (в журнале) следует пассаж, приведенный выше: "Правда одна... Часть правды — это не правда" (там же, стр. 29). Он кажется немотивированным: ведь о "жалких страстях" ничего не сказано, они только названы.

А между тем у Гроссмана рассуждению о необходимости полной правды предшествует нечто, от чего публикаторы в журнале "Октябрь" сочли нужным избавиться. Приведу полностью этот снятый кусок:

Нужно ли рассказывать о жалких страстях, охвативших некоторых руководителей сталинградской обороны? О том, как непрерывно пили и непрерывно ругались по поводу неразделенной славы? О том, как пьяный Чуйков бросился на Родимцева и хотел задушить его потому лишь, что на митинге в честь сталинградской победы Никита Хрущев обнял и расцеловал Родимцева и не поглядел на рядом стоящего Чуйкова?

Надо ли рассказывать о том, как первая посадка со святой малой земли Сталинграда на большую землю была совершена Чуйковым и его штабом на празднование двадцатипятилетия ВЧК-ОГПУ? О том, как утром после этого праздника Чуйков и его соратники едва все не утонули мертвецки пьяными в волжских полыньях и были вытащены бойцами из воды? Надо ли рассказывать о матерщине, упреках, подозрениях, зависти?

Правда одна. Нет двух правд. Трудно жить без правды... и т.д. (В.Гроссман. Жизнь и судьба. Издание подготовили С.Маркиш и Е.Эткинд. Вступительная статья Е.Эткинда. L'Age d'Homme, Лозанна 1980, стр. 460).¹

В таком контексте все становится на свои места и звучит понятно. Гроссман посвятил немало страниц героическим действиям солдат и генералов под Сталинградом, но он не хочет скрывать и того, как ничтожно и даже постыдно вели себя победители; читатель должен знать все — о героизме, но и о зависти, матерщине, генеральской поножовщине, омрачавших исторический триумф прославленных военачальников. Рассказав обо всем этом и приведя несколько убийственных эпизодов, Гроссман оправдывает свою откровенность утверждением: "Часть правды — это не правда". И продолжает: "В эту чудную тихую ночь пусть в душе будет вся правда — без утайки..."

Почему советские публикаторы выбросили эти строки, обесмыслив дальнейшее? Их осторожность вполне понятна: нехорошо компрометировать легендарных воена-

¹ В дальнейших ссылках "Жизнь и судьба" означает цитату из зарубежного издания, "Октябрь" — из советской публикации.

чальников – Чуйкова и Родимцева. Что подумает читатель, привыкший их уважать и ими восхищаться, когда узнает, что один из них в пьяном виде хотел задушить другого – из вульгарной ревности? И что генералы, напившись, чуть было не утонули в Волге?.. И прочее в том же духе.

Вот и сняли часть текста – чтобы не компрометировать. И оставили авторское утверждение о том, что "часть правды – это не правда". Неужели опытные редакторы "Октября" не заметили, в какое глупое положение они сами себя поставили? Ну хоть бы уж выкинули весь абзац о правде, кончающийся словами: "...пусть в душе будет вся правда – без утайки". Если уж они сами пошли на утайку, хоть бы не давали сразу же оценку самим себе – словами автора! Получился ведь анекдот. Надо думать, что в учебниках редактирования этот пример будет непременно приводиться: вот, дескать, как редактировать нельзя. И, может быть, автор учебника скажет студентам: "Посмотрите: желая уберечь генералов и не компрометировать их, публикаторы скомпрометировали в глазах читателей – самих себя".

К сказанному следует добавить, что "утайка" безобразных и в то же время смешных склок, сменивших торжество победы, представляет собой нарушение не только элементарной повествовательной логики, но и художественной концепции человека, выработанной Гроссманом. Для автора "Жизни и судьбы" очень важно непосредственное соседство противоположных стилей поведения, мышления, речи – например, близость трагического и комического, высокого и низкого. Один только пример, – читатель простит мне его грубую резкость. Полковник Новиков одержим страстной, юношески романтической любовью к Жене; он ждет ее приезда к нему, на Сталинградский фронт. Приходит письмо от нее – письмо необыкновенной теплоты и сердечности, в котором она сообщает, что Крымов, муж ее, арестован и что она именно поэтому останется ему верна: "Я всю жизнь буду тебе благодарна за все чистое, высокое, но что я могу сделать с собой, прошлая жизнь сильнее меня, ее нельзя убить, забыть..." Новиков в ярости, автор пишет так: "Бешенство охватило его. Сыпнотифозная вошь! Гадина! Бить ее по зубам, по глазам, проломить рукояткой револьвера сучью переносицу..." Так он про себя твердит. Он вынимает револьвер:

– И не потому застрелюсь, что жить не могу, а чтобы ты всю жизнь мучилась, чтобы тебя, блядину, совесть заела.

Потом он спрятал револьвер.

– Забудет меня через неделю. ("Жизнь и судьба").

Слово "блядина" в устах Новикова – страшное своей вульгарностью, безжалостным презрением и, можно даже сказать: своей немыслимостью. Чем сильнее и чище он любит эту женщину, тем грубее должна быть брань по ее адресу: "...надо забыть, не вспоминать, не оглянуться!"

Ну, а в журнале стоит: "...чтобы тебя, б..., совесть заела!"

Почему? Традиция русской литературы? правила нашей орфографии? Однако ведь Гроссман никогда себе не позволяет бранных слов; он иногда их описывает или упоминает (как в предыдущем приведенном нами эпизоде: "Надо ли рассказывать о матерщине...?"), но не цитирует. А здесь грязное слово ему понадобилось – ему, необыкновенно сдержанному, целомудренному писателю. Нельзя в таком редчайшем случае подвергать автора дамской редакции!

В тексте романа нецензурное слово встречается еще только один раз. Полковник Новиков предлагает своему приятелю, подполковнику Даренскому, перейти к нему в танковый корпус, заместителем начальника штаба генерала Неудобнова. Даренский вспоминает: это тот самый Неудобнов, что был когда-то, в 1937 году, следователем НКВД, – он тогда на допросе вышиб Даренскому зуб. И Даренский в ходе трудного разговора с Новиковым говврит: *...все зубы мне выбей, а моя любовь к России не дрогнет. Я до последнего дыхания ее любить буду. Но в замы к этой бляди не пойду, вы что, шутите, товарищи? ("Жизнь и судьба").*

Здесь тоже очень важно дать слово целиком; оно противопоставлено другому, торжественному: Россия. К тому же форма его другая, нежели в предыдущем случае: в речи Новикова доминирует презрение, в речи Даренского – отвращение, даже ненависть. При замене обоих, этих столь отличающихся друг от друга, бранных слов одной и той же буквой с тремя точками (б...) теряются различия – и смысловое, и стилистическое.

Имеет ли это значение? Гроссман – тонкий стилист, не допускающий случайных небрежностей. Слова А.Ананьева, главного редактора "Октября", кажутся мне убедительными: "Гроссман не может быть урезан ни в чем, ни в запятой!" ("Литературная газета" от 24.8.1988). Но уже приведенные случаи свидетельствуют по меньшей мере о непоследовательности публикатора.

"Урезание", однако, выходит далеко за пределы запятых. Например, то, что редакция журнала вычеркнула из романа фразы с упоминанием Ленина: *...Ленин не наследовал, а загубил русскую свободу*, *"От Аввакума до Ленина наша человечность и свобода партийны, фанатичны, безжалостно приносят человека в жертву абстрактной человечности ("Жизнь и судьба")*, выглядит в высшей степени нелепо, в особенности потому, что изъятые высказывания принадлежат персонажам. В печати приводился и другой пассаж, изъятый политической цензурой: в нем упомянуты крымские татары и евреи, о которых, при всей гласности, говорить вслух не рекомендуется. Вот заключительная фраза этого пассажа: *Решилась судьба спасенных советской армией евреев, над которыми в десятую годовщину народной сталинградской победы Сталин поднял вырванный из рук Гитлера меч уничтожения. ("Жизнь и судьба")*.

Почему именно эту фразу пришлось снять? Сегодня все читатели не только эмигрантской, но и советской прессы знают, что в 1953 году в ЦК было принято решение о депортации евреев на Дальний Восток и что поводом для этого должен был послужить инсценированный органами очередной лжепроцесс – на этот раз суд над "врачами-убийцами". Достаточно прочесть материалы о "деле врачей" в журнале "Дружба народов" (1988, № 4, мемуары профессора Я.Рапопорта) или в еженедельнике "Московские новости". И все-таки из журнального текста гроссмановского романа убрали приведенную выше фразу. В чем дело? Нельзя допустить прямого сопоставления намерений Сталина и Гитлера? Нельзя серьезно и с болью вспоминать о судьбе еврейского народа? Но ведь в "Жизни и судьбе" оба тоталитаризма – германский и советский – сопоставлены многократно, а порою отождествляются. Вот пример, взятый почти наудачу. Физик Штрум заполняет анкету и доходит до пункта 6: "Социальное происхождение". И вдруг – вдруг происходит неожиданное. "Возможно, – комментирует Гроссман, – война сделала это, он усомнился в действительности бездны между справедливым советским вопросом о социальном происхождении и кровавым вопросом немцев о национальности." ("Октябрь"). Уже и это сомнение Штрума поразительно. Но дальше автор излагает ход его мыслей: "Мне кажется моральным, справедливым социальный признак. Но немцам бесспорно моральным кажется национальный признак. А мне ясно: ужасно убивать евреев за то, что они евреи... Но ведь у нас такой же принцип: важно, что не дворянин, важно, что из кулаков, из купцов... /.../ Что же, у них дворянство в крови, как еврейство, они купцы, священники по крови, что ли? Ведь чушь..." В высшей степени отчетливо сопоставление и в известной мере отождествление обоих тоталитаризмов в аргументах эсэсовца Лисса, объясняющего старому большевику Мостовскому: "Вы, как и мы, знаете: национализм – главная сила двадцатого века. Национализм – душа эпохи. Социализм в одной стране – высшее выражение национализма... Максвелл в физике, разрушая механику Ньютона, думал, что утверждает ее; как Ленин, создавая великий национализм двадцатого века, считал себя создателем Интернационала. Потом Сталин многому нас научил. Для социализма в одной стране надо ликвидировать крестьянскую свободу сеять и продавать, и Сталин не задрожал – ликвидировал мил-

лионы крестьян. Наш Гитлер увидел немецкому национальному, социалистическому движению мешают враг — иудейство. И он решил ликвидировать миллионы евреев... Ваше очищение партии в тридцать седьмом году Сталин увидел в нашем очищении от Рэма, — Гитлер тоже не задрожал.” (“Октябрь”).

Можно сказать: утверждения нациста не должны соответствовать мнению автора. Но отождествление двух фашизмов — расового и классового — проходит через весь роман. Гроссман влагает его в уста самых разных персонажей. Так, Иконников пишет в своем философском дневнике о том, что и коммунисты, и нацисты творили неслыханные преступления во имя добра. “...Идея была прекрасна и велика, и она беспощадно убила одних, исковеркала жизнь другим, она отрывала жен от мужей, детей от отцов.” Это — об идее коммунизма, идее добра, “столь же прекрасного и человеческого, как идеал христианства.” А далее идет речь о преступлениях германского фашизма: “...эти невиданные не только во всей Вселенной, но даже человеком на земле преступления во имя добра.” (“Октябрь”).

И то, и другое В.Гроссман (или его герой Иконников) называет: “грозное большое добро”. И это добро равносильно злу. Спасти человечество может не добро, а доброта. “Доброта сильна, пока бессильна... В бессилии бессмысленной доброты тайна и бессмертие.” (“Октябрь”).

Так что же, если отождествление обоих режимов возможно, если цензура не вычеркивает такую компрометирующую формулу, как “Мы форма единой сущности — партийного государства”, отчего же снята фраза о мече, занесенном над головой еврейского народа? Оказывается, она, эта фраза, не прошла в советском журнале отнюдь не из-за мысли о близости “двух фашизмов”, а из-за нежелательности обсуждать еврейский вопрос.

Мы подошли к факту поистине феноменальному. Дело в том, что публикаторы “Жизни и судьбы”, снимавшие там и сям по фразочке, по придаточному предложению или даже словечку, один раз позволили себе сократить *целую главу*. Они постарались сделать это как можно незаметнее; например, для того, чтобы не нарушилась нумерация, они разделили главу 28 на две очень маленьких, — тем самым исчезновение главы 32 оказалось более или менее замаскированным. Что же это такое, глава 32? Это — авторские размышления об антисемитизме. Рассуждение это отличается подлинной глубиной: Василий Гроссман, писатель русский по языку и культуре, еврейский по судьбе¹, много лет размышлял на эту загадочную и всегда актуальную тему.

После публикации романа в журнале “Октябрь” прошло уже довольно много времени. Вышло четыре номера “Октября”. В №9 за 1988 г. опубликовано читательское письмо под заголовком “Отклик”. Некий Виктор Корецкий выражает главному редактору свою благодарность “за то, что Вы решились на публикацию романа “Жизнь и судьба”. Одновременно он сообщает, что “обнаружил в конце второй части романа выпадение небольшой, но очень важной для романа и архиважной для нашего общества главки... Я готов предоставить в распоряжение редакции “Октября” имеющийся у меня текст недостающей главки”, — пишет Корецкий. Комментарий редакции: “В.Корецкий прав. В настоящее время редакция располагает недостающим фрагментом романа и предлагает его читателям”. И далее: “У Гроссмана этот текст находится во второй части романа, между 31-й и 32-й главами, где речь идет о расистской политике и идеологии фашизма — государственном антисемитизме”.

Редакция “Октября” обманывает читателей и даже не слишком заботится о правдоподобии. Глава, о которой идет речь, всегда была в ее распоряжении, — в западном, лозаннском издании (на которое А.Ананьев ссылался в своем интервью АПН и которое он, следовательно, знает) глава эта стоит на своем месте. “...Этот текст, — пишет редакция, — находится между 31-й и 32-й главами...” Как так — между главами? Разве бывает так, чтобы некая глава находилась между

¹ См. об этом S.Markish. Le cas Grossman. Lausanne 1984.

двумя идущими подряд главами? Между главами могут стоять разве что звездочки. А выброшенный текст — вовсе не "фрагмент" (вторая неправда), а нормальная глава, носящая № 32. Дело, однако, в том, что желая сделать незаметным изъятие целой главы, редакция — мы об этом уже говорили — разделила одну из предыдущих на две крохотных и израсходовала № 32; как же теперь оправдаться? Выход найден нехитрый: текст назвали "фрагментом" и сообщили, что он "находится... между 31-й и 32-й главами". Утверждение нелепое, но кто же будет вдумываться? Еще одна неправда, третья, — насчет "идеологии фашизма — государственном антисемитизме". Получается так, будто речь идет только о немцах. А у Гроссмана говорится не о фашизме, а — о фашизмах; он пишет: "В тоталитарных странах, где общество отсутствует, антисемитизм может быть лишь государственным". В странах, а не в стране.

Ну, да и все остальное шито белыми нитками. Ведь Виктор Корецкий явно подставное лицо. Есть в этой лжи нечто унижающее, вызывающее у читателя чувство стыда. Скорее всего дело обстояло так: в марте напечатать главу об антисемитизме было нельзя, а в сентябре уже стало можно. Почему? Что произошло между мартом и сентябрем? И кто заставил редакцию сознаться в пропуске?..

Впрочем, запрет 32-й главы — в марте — понятен. Анализ Гроссмана напугал власть имущих: с юдофобством не покончено, несмотря на все сдвиги в сторону гласности и демократизации. Еще очень неохотно принимают "людей с пятым пунктом" в университеты, особенно на физико-математический цикл; еще недоверчиво относятся к ним в номерных исследовательских заведениях, предпочитая вовсе не брать их на работу; еще издают антисемитские брошюры, где слово "сионист" служит эвфемизмом для слова "еврей"; еще не рассказано по-настоящему, кто и зачем разрабатывал в конце сороковых — начале пятидесятых годов тактику и стратегию антикосмополитической кампании, кем был задуман процесс врачей и чем грозил еврейскому народу Советского Союза смертный приговор, неминуемо ожидавший "убийц в белых халатах". Но что конкретно удерживало в марте советскую прессу от разоблачений сталинского антисемитизма? Боязнь непопулярного антишовинистического курса? Нежелание настраивать против себя арабов и прежде всего ООП во главе с Ясиром Арафатом?

Глава 32 должна была задеть власть имущих за живое именно потому, что болезнь, о которой идет речь, еще не прошла. Напротив, болезнь жестоко обострилась. Дело в том, что в послевоенное сталинское время, на фоне истерически-националистического бахвальства и партийной демагогии, призывов к бдительности, пропаганды ненависти к буржуазному миру и презрения к его распаду, к разложению и ничтожному индивидуализму Запада, на фоне всего этого идеология антисемитизма выглядела, можно сказать, почти естественно; тем более что идеология эта, будучи расовой, маскировалась под классовую. В новых условиях, на фоне, казалось бы, очевидной демократизации и все растущей свободы слова — антисемитизм выглядит все более уродливо. Это и значит, что болезнь обострилась.

Слишком уж актуально звучат многие утверждения Гроссмана сейчас, почти через три десятилетия после того, как был написан роман.

Вот некоторые из них.

Антисемитизм — *мерило противоречий, из которых нет выхода*. Достаточно посмотреть вокруг, осознать противоречия между реформаторами и консерватизмом государственно-партийного аппарата, противоречия во внешней политике, прозападной и в то же время проарабской, то есть антиизраильской, — чтобы согласиться с Гроссманом.

Антисемитизм *есть зеркало собственных недостатков... общественных устройств и государственных систем*. В самом деле, чем иным, как не вопиющими пороками советской системы, можно объяснить нынешнюю искусственно поддерживаемую дискриминацию никому уже не опасных евреев в СССР? Власти опасались

великодержавных шовинистов из обществ типа "Памяти", но еще больше боялись раздражать националистов, попустительствуя "инородцам", тем самым, которых "Память" требует подавить или изгнать.

Антисемитизм – мера человеческой бездарности. Нужно ли комментировать эту краткую и вечно справедливую формулу? Черчиллю приписывают ответ на вопрос о том, почему в Англии нет антисемитов. "Потому, что мы не считаем евреев умнее нас". Русские тоже этого не считают и никогда не считали; но неудачливым правителям кажется полезным направить недовольство народа ими, правителями, на привычно ненавидимых жидов и превратить социальное негодование в расовую зависть, переходящую в ревнивую подозрительность. Гроссман сам комментирует свою формулу следующими, не менее актуальными утверждениями:

Государства ищут причины своей неудачливости в происках мирового еврейства.

В еврейях, а не в государственном и общественном устройстве, видят невежественные люди причины своих бедствий.

Обе установки еще живы в Советском Союзе: натравливание на "мировое еврейство" сверху и (в меньшей, пожалуй, мере) ненависть к евреям, несущим русскому народу всевозможные бедствия, – снизу. Антисемитизм сверху принимает форму антисюнизма; снизу – создает атмосферу погромов, нагнетаемую ревнителями общества "Память"; пока еще только "атмосферу".

Может ли правящая единая партия, даже если она провозгласила политику демократизации и гласности, спокойно терпеть такое пророчество:

К антисемитизму прибегают перед неминуемым свершением судьбы и всемирно-исторической эпохи и правительств реакционных неудачливых государств, и отдельные люди, стремящиеся выправить свою неудачную жизнь.

Согласиться с этим пророчеством? ("Перед неминуемым свершением судьбы") Тогда придется признать свой собственный режим *реакционным и неудачливым*, свою эпоху – обреченной. Или нужно категорически и без всяких оговорок осудить всякий антисемитизм в СССР – "индивидуальный, общественный, государственный", открыто и честно признав его существование и найдя в себе мужество бросить ему решительный вызов.

Заключительные строки запрещенной главы особенно страшны – начиная с неотразимой формулы: *В тоталитарных странах, где общество отсутствует, антисемитизм может быть только государственным.* И до утверждения, что антисемитизм становится *государственной, партийной идеей* в эпохи, когда *всемирная реакция вступает в гибельный для себя бой с силами свободы.* Мы видели: логика романа призывает мыслящего читателя признать, что сталинский режим вступил в "бой с силами свободы", стремясь их подавить и уничтожить; теперь оказалось, что бой этот и в самом деле был для сталинизма *гибельным*: на наших глазах *силы свободы* крепнут, мужают, завоевывают все более обширную территорию. Остается согласиться с Гроссманом, что сталинская тирания принадлежит ко *всемирной реакции* и что она относится к тому, что Гроссман называет эпохой фашизма, но ведь эта эпоха, казалось бы, миновала, мы живем под другими небесами. Гроссман имел все основания написать: "В тоталитарных странах, где общество отсутствует..." В наши дни *общество уже не отсутствует*: общество возрождается и с каждым днем подает новые признаки жизни. Ну, а если это так, если в Советском Союзе появилось общество, тогда режим перестает быть тоталитарным, и антисемитизм не может, не должен больше быть элементом государственной политики. Изъятие главы 32 из романа "Жизнь и судьба" в марте 1988 года хочется рассматривать как отрывку прежней, навсегда миновавшей эпохи "всемирной реакции". Публикация же этой главы пять месяцев спустя, несмотря на все малые тактические неправды, которыми эта публикация окружена, есть признак стремительно развивающегося процесса оздоровления. Признание того, что общество в самом деле возрождается и диктует издателям свои законы. ●

ЧТО СКАЗАТЬ ИОВУ?

Вокруг "Жизни и судьбы" Василия Гроссмана¹

1. Оттаявший голос

Передо мной книга, законченная в 1960 году. Только двадцать лет спустя, в Швейцарии, она впервые дошла до читателя. Иногда я думаю, что вся наша жизнь была бы немного чище, если бы ее вовремя прочли. Иногда сомневаюсь в этом: так мало людей, способных к духовной трезвости, так много пьяных. Дух национальной обособленности и национальных страстей растет неудержимо; а книга — живой упрек им...

Это книга о духовной победе свободы на краю смерти — и о том, как победа свободы стала победой рабства. Это книга Василия Семеновича Гроссмана, изытая весной 1961 года по доносу Вадима Кожевникова, Людмилы Скорино и Александра Кривицкого (Родина должна знать своих стукачей).

Кажется, барон Мюнхгаузен рассказывал, что на сибирском морозе слова замерзают и потом, весной, внезапно начинаются крики, вопли... Так вдруг зазвучал оттаявший голос Гроссмана. После "Ивана Денисовича", после "Круга первого", после "Архипелага"... Пушчен даже слушок, что роман поддельный, сочиненный невесть кем. Но кто бы мог подделывать этот слог, со всеми приметамы эпохи Николая Островского? Впрочем, живые свидетели помнят, как Гроссман писал это:

Национальное сознание проявляется, как могучая и прекрасная сила в дни народных бедствий. Народное национальное сознание в такую пору прекрасно, потому что оно человечно, а не потому, что оно национально. Это — человеческое достоинство, человеческая верность свободе, человеческая вера в добро, проявляющиеся в форме национального сознания. Но... у начальника отдела кадров, сберегающего коллектив учреждения от космополитов и буржуазных националистов, и у красноармейца, отстаивающего Сталинград, по-разному проявляется национальное сознание.

Логика развития привела к тому, что народная война, достигнув своего высшего пафоса во время Сталинградской битвы, именно в этот сталинградский период дала возможность Сталину открыто декларировать идеологию государственного национализма. Родимые пятна российской социал-демократии были сняты, удалены. И именно в пору сталинградского перелома, в пору, когда пламя Сталинграда было единственным сигналом свободы в царстве тьмы, открыто начался этот процесс переосмысления...

И (добавлю от себя) национальное сознание приобрело уродливую форму соединения психологии раба с психологией всемирного завоевателя. Чье рабство — условие новых завоеваний, а завоевания — начало нового рабства.

В романе есть замечательная сцена. Немецкая авиация неслыханной даже в Сталинграде бомбежкой пробивает путь к Волге. Под удар попал и русский, и немецкий передний край. Солдаты спасаются из окопов (слишком мелких) в глубокие воронки на ничейной земле. И вот двое русских солдат оказались в одной воронке с немцем. Когда бомбежка кончилась,

Климов приподнялся, подле него лежал покрытый пылью, тертый, жеванный войной с пилотки до сапог немец. Климов не боялся немцев, он был постоянно убежден в своей силе, в своем умении нажать на спусковой крючок, подбросить гранату, ударить прикладом либо ножом на секунду раньше, чем это сделает противник. Но сейчас он рас-

¹ Статья написана в 1982–83 гг. Печатается с сокращениями. Все подстрочные примечания принадлежат автору.

терялся, его поразило, что, оглушенный и ослепленный, он утешался, чувствуя немца рядом, что руку немца он спутал с поляковской рукой. Они смотрели друг на друга. Обоих придавила одна и та же сила, оба они были беспомощны бороться с этой силой, и казалось, она не защищала ни одного из них, а одинаково угрожала одному и другому.

Они молчали, два военных жителя. Совершенный и безошибочный автоматизм — убить, — которым оба они обладали, — не сработал.

А Поляков сидел поодаль и тоже смотрел на заросшего щетиной немца. И хотя Поляков не любил долго молчать, сейчас он молчал.

Жизнь была ужасна, и в глубине их глаз мелькнуло ужасное, унылое прозрение, что и после войны сила, загнавшая их в эту яму, вдавившая мордами в землю, будет жать не только побежденных.

Ум и сердце Гроссмана полнее всего выразились в двух главах. Обе они связаны с запиской Иконникова. Иконников, бывший толстовец, сходит с ума в 1930 году, увидев, как умирают с голода крестьяне. Потом, вылечившись, он попадает в немецкий концлагерь за то, что пытался спасти евреев. После всего, что случилось на его глазах, он потерял веру в Бога, но Бог в его сердце, в страстной жалости к людям. Узнав, что лагерники строят газовую камеру, Иконников решил отказаться от работы и ждет казни. Торопливо, каракулями записывает он свои мысли. На обыске его записку находят у коммуниста Мостовского. Уполномоченный Главного управления имперской безопасности Лисс вызывает Мостовского к себе. Но умный эсэсовец не верит, что такую записку мог написать большевик. Ему просто хочется поговорить, сыграть "партию политических шахмат".

Когда мы смотрим в лицо друг другу, мы смотрим не только на ненавистное лицо, мы смотрим в зеркало. В этом зеркале трагедия эпохи. Разве вы не узнаете себя, свою волю в нас? Разве для вас мир не есть ваша воля, разве вас можно поколебать, остановить?..

Мы — форма единой сущности: партийного государства...

И над нашим народным государством красное рабочее знамя, и мы зовем к национальному и трудовому подвигу и единству, и мы говорим: "Партия выражает мечту немецкого рабочего". И вы говорите: "народность, труд". Вы, как и мы, знаете: национализм — главная сила двадцатого века. Национализм — душа эпохи! Социализм в одной стране — высшее выражение национализма!

В конце концов Лисс отправляет Мостовского в камеру, отдав ему записку Иконникова, — пусть прочтет. И Мостовский, читая, действительно испытывает отвращение к этой (по мнению обоих функционеров) слюнявой болтовне:

Я увидел неколебимую силу идеи общественного зла (добра?)¹, рожденной в моей стране. Я увидел эту силу в период всеобщей коллективизации, я увидел ее в 1937 году. Я увидел, как во имя идеи добра, столь же прекрасного и человеческого, как идеал христианства, уничтожались люди. Я увидел деревни, умирающие голодной смертью, я увидел крестьянских детей, умирающих в сибирском снегу, я увидел эшелоны, везущие в Сибирь сотни и тысячи мужчин и женщин из Москвы, Ленинграда, из всех городов России, — объявленных врагами великой и светлой идеи общественного добра. Эта идея была прекрасна и велика, и она беспощадно убила одних, исковеркала жизнь другим, она отрывала жен от мужей, детей от отцов...

Добро не в природе, не в проповеди вероучителей и пророков, не в учениях великих социологов и народных вождей, не в этике философов... И вот обыкновенные люди несут в своих сердцах любовь к живому, естественно и произвольно любят и жалеют жизнь, радуются теплу очага после трудного дня работы и не зажигают костров и пожаров на площадях.

И вот, кроме грозного большого добра, существует житейская человеческая доброта. Это доброта старухи, вынесшей кусок хлеба пленному, доброта солдата, напоившего из фляги раненого врага, это доброта молодости, пожалевшей старость, доброта крестьянина, прячущего на сеновале старика-еврея. Это доброта тех стражников, ко-

¹ Вероятно, опечатка.

торые передают с опасностью для собственной свободы письма пленных и заключенных не товарищам по убеждению, а матерям и женам.

Это частная доброта отдельного человека к отдельному человеку, доброта без свидетелей, малая, без мысли. Ее можно назвать бессмысленной добротой. Доброта людей вне религиозного и общественного добра...

Она, эта дурья доброта, и есть человеческое в человеке, она отличает человека, она — высшее, чего достиг дух человека...

Это доброта бессловесна, бессмысленна. Она инстинктивна, она слепа. В тот час, когда христианство облекло ее в учение отцов церкви, она стала меркнуть, зерно обратилось в шелуху. Она сильна, пока нема, бессознательна и бессмысленна, пока она в живом мраке человеческого сердца, пока не стала орудием и товаром проповедников, пока рудное золото ее не перековано в монету святости. Она проста, как жизнь. Даже проповедь Иисуса лишила ее силы, — сила ее в немоте человеческого сердца.

Записку Иконникова нельзя критиковать как систему, где есть неточности или ошибки. Это крик сердца. И крик вещего сердца. Дробление добра — смертельная духовная болезнь. Как преодолеть ее? Как спастись? В записке нет ответа. Природная человеческая доброта — не ответ. Она не остановила ни Сталина, ни Гитлера, и не остановит будущих сталиных и гитлеров. Намек на рациональный ответ — в размышлениях Штрума (понимание границ науки, невозможность сделать науку судьей человека), в размышлениях Мадьярова (тоска по доброй, человеческой демократии). Но сила книги — не в этих ответах. Сила книги — в самом вопросе, в жгучем вопросе, мимо которого не только наша страна, все человечество не вправе пройти, и не сможет пройти.

И поэтому голос Иконникова выделяется из всех голосов, которые звучали в душе Василия Гроссмана и которым он дал зазвучать вслух в романе. Это пророческий голос. Одних этих страничек достаточно, чтобы сделать роман "Жизнь и судьба" событием нашей духовной жизни.

2. "И бесы веруют..."

Люди двадцатых и тридцатых годов считали, что самое главное зло — это частная собственность и если подрубить ее корень, то средний человек сравнится с Гете и Аристотелем. Так буквально выразился Троцкий: при социализме средний человек подымется до уровня Гете и Аристотеля. Я вспоминаю это иногда в автобусе, пробиваясь к выходу сквозь плотную массу Аристотелей...

Сейчас люди, склонные к категорическим суждениям, начали думать и говорить, что все настоящее, роковое зло началось с отхода от церкви и все будет хорошо, если воцерковиться, вернуться к церкви, отбросив соблазны, созданные дьяволом между XV и XX веками. Для этих людей Иконников (и Гроссман) покажутся старомодными (мы-то, сегодня, знаем, что сказать Иову).

Конечно, Гроссман шире Иконникова. Устами другого героя (Штрума) он говорит об особой ответственности науки за преступления двадцатого века. Но и это сказано скорее с вопросом, чем с восклицанием (и анафемой). У Гроссмана всюду вопросы. Зло со всех сторон: и в Средние века, и в Новое время, и в церкви, и в науке, и в социалистической утопии, и в национализме. Слово "национализм" звучит не как "возрождение России", а как "травля национальных меньшинств", как поворот от стратоцида (истребление дворян, священников, казаков, зажиточных крестьян) к геноциду (истребление немцев Поволожья, калмыков, ингушей, крымских татар и т.д.) — истребление той же системой, теми же людьми и теми же средствами.¹

Для Гроссмана зло — всегда за спиной, в темноте, всегда готово примазаться к добру, великому, святому делу. Это немодно. Сейчас снова носят шоры на

¹ Термин "стратоцид" я вынужден ввести, чтобы различить разные преступления, вдохновленные разными идеологиями. Здесь нет никакого смягчения,

глазах, чтобы не отвлекаться от борьбы с Ложью, запах которой нам указали и по следу которой мы бежим. Гроссману, в лучшем случае, простят его неразрешимые вопросы, примерно так, как Ленин прощал Герцену.

Хочется закричать, что прощать нечего. Что мысли героев Гроссмана продолжают легенду о Великом инквизиторе и статьи Владимира Соловьева. Что укорененность социалистической утопии в грехах церкви – навязчивая идея Достоевского. Правда, Достоевский все время говорит о *католической* церкви. Но Георгий Петрович Федотов имел мужество принять эту вину и на свои, православные плечи. А Соловьев прямо писал в "Упадке средневекового мировоззрения", что отпадение от Христа произошло не в XIX и не в XV, а в IV веке, когда церковь стала государственной и Дух Святой, поддерживающий гонимых, оставил гонителей. И гуманизм Нового времени – попытка Духа Христова, оставив застывшую церковь, пробить новое русло. И теперь, когда и это русло иссыхает в песках, вернуться надо бы не столько к традиции, адрес которой известен, сколько к Духу Святому, который всюду и нигде, без адреса, в словах, знаках, – зная одно: свой открытый, ничем не смягченный вопрос.

Достоевский острее чувствовал кризис гуманизма, Соловьев (в тот период, когда писал "Упадок средневекового мировоззрения") – кризис исторической церкви. Но оба чувствовали и то, и другое.

Христа они не смогли обидеть своим неверием, но они обидели ту самую материальную природу, во имя которой многие из них действовали, – писал Владимир Соловьев. – Против лжехристианского спиритуализма, видящего в этой природе злое начало, они выставили другой, столь же ложный взгляд, видящий в ней одно мертвое вещество, бездушную материю. И вот как бы обиженная этой двойной ложью природа отказывается кормить человечество. Вот общая опасность, которая должна соединить и верующих, и неверующих. И тем, и другим пора признать и осуществить свою солидарность с матерью-землей, спасти ее от омертвения, чтобы и себя спасти от смерти.

Это написано под впечатлением частного факта (голода 1891 года), но продумано до понимания глубинных основ нынешнего экологического кризиса.

Суть христианства, по Соловьеву, – преобразование жизни человеческой по истинам веры. Церковь, отказавшись от этого дела, отказалась и от Христа. Полемизируя со своим противником, Соловьев пишет, что апостол Иоанн

не мог сводить все Христианство к мертвой вере (в другом месте Соловьев поясняет: "в условные знаки церковного единства и послушания духовным властям"), он, конечно, знал ту истину, которую так хорошо выразил его соученик Иаков: "И бесы веруют, и трепещут". Право, союз с либералами не столь опасен, как союз с "бесами"...

И веру, и атеистический гуманизм Соловьев критикует *изнутри*. И Достоевский, при всей ожесточенности своих нападков на гуманизм, мог бы сказать (перефразируя Ницше): я во всем противник гуманизма, кроме одного; сам я тоже гуманист.

Как бы ни расставлять акценты, по Достоевскому или по Соловьеву, суть одна. Мы переживаем *двойной* кризис, мы свидетели бесовщины безбожия (Пол Пот) и бесовской веры (Хомейни). Я отказываюсь от ответа на вопрос, кто хуже. Оба хуже. Лучше – только выход из бесовщины. Из бесовщины гуманистической (по своим истокам) утопии – в сторону традиционной веры. И из бесовщины средневе-

→ просто восстанавливается ясность понятий. Геноцид – преступление национализма (начиная с младотурок, которые ничего общего с социализмом не имели). Стратоцид – преступление, вытекающее из другой теории (не расовой, а классовой борьбы). Возможны режимы, совершающие преступления обоих типов; но это непременно связано с идеологическими сдвигами.
"Жизнь и судьба" как раз фиксирует такой сдвиг – от интернационалистской утопии к национальной.

ковой (по своим истокам) религиозности – в сторону внеконфессионального гуманизма. Бывает и так. Например, на современном Ближнем Востоке.

Весь строй современного Ливана основан на средневековых вероисповеданиях, с "бесовской верой". И каждое вероисповедание с ножом в зубах ждет, как бы ударить другое. Христиане не лучше мусульман и друзов. Последнее, самое отвратительное преступление совершили именно христиане (в отместку за убийство президента перестреляли беззащитных женщин и детей). А кто возмутился? Я говорю об искреннем возмущении, без мысли о политической выгоде. Возмутились наследники европейского либерализма и гуманизма, того самого, от которого (будто бы) все зло. Возмутились европейцы и европейские евреи Израиля (ашкеназим). После шумных демонстраций ашкеназим была назначена следственная комиссия, которая допрашивала премьера Бегина и военного министра Шарона. Шарон вынужден был уйти. И вот на этот раз возмутились сефардим (азиатские евреи, приехавшие в Израиль прямо из Средних веков). Они даже бросили бомбу в ашкеназим. Попустительство израильских военных властей средневековым христианам не возмутило вести средневековых евреев. Все средневековые общины оказались на одном нравственном уровне, а на другом – европейские евреи. Я говорю, конечно, не о личностях (Бегин сам из Европы), но в массе это так.

3. Одетый русскою твердыней¹

Страна тоскует по сильной и разумной власти. Символом этой тоски стал портрет Сталина. Не сам человек, а его знак. Власть Сталина не была разумной. Сталин умел все подчинить своей воле. Это правда. Но правда и то, что страной правила капризная и злая воля.

На каких примерах мне это доказывать? На организации шахтинского дела, процесса промпартии, убийства Кирова? На уничтожении 90% высших командиров армии – накануне войны? Кажется, страшнее всего была политика Сталина в деревне: и по количеству замученных, и по незаживающей ране, оставшейся до сего дня. Ране загнившей, уже не поддающейся лечению... Среди пирровых побед Сталина эта – самая кошмарная.

Четверть века у крестьян отнимали хлеб, мясо, молоко, почти ничего не давая на трудодни. Люди перестали добросовестно работать на колхозном поле, рассчитывали только на воровство и на свои приусадебные участки. Потом Хрущев попытался повернуть процесс в обратную сторону, урезывая усадьбы, – и окончательно все испортил: рухнул последний уголок сельской экономики, где работало с охотой и любовью. Старое поколение вымерло, а новое с молоком матери всосало равнодушие к казенному делу, пьянство и воровство.

Пока свобода внутренне не разложилась, не стала своеволием (об этом я буду говорить в следующей главе), свободные сильнее рабов, и один свободный стоит десяти холопов. О том, что мирный труд свободных эффективнее рабского, не приходится говорить. Но свободными людьми нельзя управлять страхом. Свободный человек подчиняется только разумной воле, с которой соглашается его собственный разум. Свободный ум находит разумные решения, а от дурной головы ногам (и рукам) покоя нет. Свободному уму покоряешься легко, охотно, а от дурной головы в петлю хочется.

И вот приходится решать головоломную задачу: как *одновременно* расширить свободу мысли (без которой система слепа) и укрепить государственную дисциплину. Я не уверен, что эта задача так, во всей полноте, осознана ответственными кругами. Скорее всего, она осознана только наполовину (на вторую половину: подтянуть гайки). Но все половинчатые решения – мнимые решения.

¹ Еще раз напоминаю время: 1982–83. Это отклик на зарубежное издание романа Гроссмана (изд. "L'Age d'homme", ред. С.Маркиш и Е.Эткинд, Лозанна 1980) и на андроповские начинания.

Многие вспоминают войну. Но во время войны каждый неудачный выбор опровергается противником. Уплатив пеню — сотнями тысяч и миллионами жизней солдат и офицеров, — Сталин заменял бездарных генералов талантливыми и устаревшую тактику — современной (загодя предлагавшейся расстрелянным Тухачевским и осужденной как вредительство).

В 1943 году армия твердила поговорку, придуманную Кирсановым (по мотивам знаменитого приказа "Ни шагу назад"): "Немцы нас научат воевать, а мы их отучим". И действительно, мы научились воевать. Сможем ли мы теперь научиться жить по-людски? Сталину помогли немцы, Петра научили шведы. Кто нас научит? Какой противник будет сегодня выбраковывать неудачные государственные решения?

Чтобы воссоздать обстановку военной игры, нужно, чтобы кто-то играл против. И не где-то за океаном, печатая статьи, которые никто в стране не читает, а здесь, дома. Система, которую можно эффективно критиковать только оружием, на войне, не выносит мира, загнивает, и если гниение пойдет слишком далеко, то следующая война окажется роковой: не найдется живых сил для ответа. А лечить гниение — для этого нужно поставить диагноз и обсудить действие предложенных лекарств и процедур. Современная общественная система не может развиваться без свободы — свободы мысли, свободы печати, без возможности интеллектуального эксперимента. Если западная многопартийная система у нас пока невозможна, то надо искать другие формы. Можно представить себе либерализацию мысли и без парламента, в духе аксаковской формулы "Сила власти царю, сила мнений — народу" (с заменой устаревших терминов современными, например, сосредоточив власть в руках президента, но сделав независимыми средства информации). Постепенно можно было бы ввести: 1) печатание и широкое обсуждение апокрифической, по сегодняшним меркам, литературы; 2) поворот общественных наук от апологетики к исследованиям; 3) создание какого-то теоретического форума для обсуждения неортодоксальных теорий общественного развития; 4) наконец, хотя это звучит еще более фантастично, признание правозащитного движения легальной формой борьбы с беззаконием и коррупцией, движением, не претендующим на власть, а только на ограничение власти ее же собственными законами и обязательствами. При таких (или подобных им) условиях наша система получила бы шанс вновь обрести гибкость и работоспособность, которые внезапно обнаружилась в 1941 году и утратила после победы. К сожалению, практически все это очень маловероятно. Почти нуль. Но и возникновение жизни противоречило вероятности...

Одно из обстоятельств, мешающих разумному развитию, — то, что пространство государственного решения сильно отличается от пространства научного решения (в котором с начала до конца остается, к примеру, книга В.Ф.Турчина "Инерция страха"). Наука не знает бесов, и в пространстве научного решения, под эгидой разума, страх рассеивается, как горстка пыли в межпланетном пространстве. А на самом деле он не исчезает. На самом деле мы движемся не в метафизическом вакууме, а в метафизическом гадюшнике, где со всех сторон клубятся духовные гады, вскормленные человеческой жадью, ненавистью и страхом, и прошлое оставило нам в наследство целые полки демонов. Войны (гражданские и национальные) — это взрыв демонических сил, вакханалия смертных грехов, массовая школа насильников и убийц. Ненависть, развязанная войнами XX века, до сих пор определяет нашу жизнь. Она только меняет форму, имя, но не становится светлее. И хотя на войне воспитывается и сила характера, и способность к жертве, и быстрота решения, — темный след от войн сильнее светлого. Даже если война ведется с драконом — только св. Георгий с невозмутимым ликом вонзает в него копьё. Как правило, победа над драконом создает новых драконов. Ужасы гражданской войны в России, сталинизм, гитлеризм — все это было бы невозможно без демонов, раскованных, когда самые просвещенные, цивилизованные, христианские

нации Европы пустили в ход газы, голодную блокаду, подводную войну, лишь бы сломить врага (такую же христианскую, цивилизованную нацию). Горький только формулировал словами общую мораль (заменившую христианскую и гуманистическую): "Если враг не сдастся, его уничтожают". Мораль, усовершенствованную в эпоху Второй мировой войны: если враг сдастся — его тоже уничтожают.

Даниил Андреев в поэме "Ленинградский апокалипсис" увидел войну с немцами как схватку двух чудовищ, двух "трансфизических носителей великодержавной государственности", уицраоров:

Расторгнув строфы благостройные,
Оно в мой сказ вошло, как демон.
Теперь я знаю, кто он, с кем он,
Откуда он, с какого гла:
Он зрим сквозь битвы многослойные,
Но очертить его не властны
Ни наших знаний кодекс ясный,
Ни рубрики добра и зла.

Он был свиреп и горд. Змеиная
Взвивалась шея к тучам бурям,
И там, в подобных амбразурам
Прорывах мчащихся, на миг
Глаз сумрачного исполина я
Узрел, как с низменных подножий
Зрят пики гор, и непохожий
Ни на кого из смертных лик.

В зрачке, сурово перерезанном,
Как у орла, тяжелым веком,
Тлея неместимый человеком
Огонь, как в черном хрустале...
Какая сталь, чугуи, железо нам
Передадут хоть отголосок
От шороха его присосок
И ног, бредущих по Земле?

Можно воспринять эту картину как откровение и как условный поэтический образ. Но и фантазия поэта — исторический документ. Этим пахнула на Андреева ленинградская битва.

Для Андреева Сталин — сознательное "человекоорудие" демонов. То, что Андреев пишет о Сталине в "Розе мира" (неопубликованной книге, в которой размышления, страницы воспоминаний и видения потусторонних сил сливаются в одно неповторимое целое), своеобразно дополняет образ Сталина, нарицательный Гроссманом. Вспомним, как у Поскребышева, выдавшего всякие виды, "похолодели пальцы", — и продолжим:

Есть специальный термин — хохха. Он обозначает сатанинское восхищение, — то есть тип таких экзотических состояний, когда человек вступает в общение с высокими демоническими силами не во сне, не в трансе, а в полной сознательности...

Не знаю, видел ли его кто-нибудь, когда бы то ни было, в этом состоянии? В тридцатых—сороковых годах он владел хоххой настолько, что зачастую ему удавалось вызвать ее по своему желанию. Обычно это происходило к концу ночи, причем зимой чаще, чем летом, — тогда мешал слишком ранний рассвет. Все думали, что он отдыхает, спит, и уж, конечно, никто не дерзнул бы нарушить его покой ни при каких обстоятельствах. Впрочем, войти никто не смог бы, даже если бы и захотел, так как дверь он заперал изнутри. Свет в комнате оставался затенен, но не погашен. И если бы кто-нибудь невидимый проник туда в тот час, он застал бы вождя не спящим, а сидящим в глубоком, покойном кресле. Выражение лица, какого у него никто никогда не видел, произвело бы воистину потрясающее впечатление. Колоссальные, расширившиеся черные глаза смотрели в пространство немигающим взором. Странный матовый

Дрожа, я прынул в щель. В нем чудилось
Шуршанье миллионов жизней,
Как черви в рыбьей головизне
Кишевших меж волокон тьмы...
Господы! Неужто это чудится
С врагом боролось нашей ратью,
А вождь был только рукоятью
Его меча, слепой, как мы?..

Так кто же враг?.. И на мгновенье
Я различил, что запад чадный
Весь заслонен другой громадой
Пульсирующей... Что она
В перистальтическом движенье
Еще грозней, лютей, зверней,
Чем тот, кто, русскою твердыней
Одетый, борется без сна.

А здесь, внизу, туманным мороком
Переливались тени жизней —
Те, кто погиб. В загробной тризне
Их ключья вихрились кругом,
Как вьюга серая над городом:
Не знаю, что они творили —
Без лиц, без образа, без крыльев —
Быть может, длили бой с врагом...

румянец проступал на коже щек, совершенно утративших свою обычную маслянистость. Морщины казались исчезнувшими, все лицо неузнаваемо помолодевшим. Кожа лба натягивалась так, что лоб казался больше обычного. Дыхание было редким и очень глубоким. Руки покоились на подлокотниках, пальцы временами слабо перебирали их по краям...

Хохха влиwała в это существо энергию, и наутро, появляясь среди своих приближенных, он поражал таким нечеловеческим приливом сил, что этого было достаточно для их волевого порабощения...

Я не знаю, как это выразить другим, неметафорическим, не мифологическим языком, но из гнета и крови рождаются демоны. Много слишком крови было пролито в XX веке, слишком много ключев тоскующих душ носится над нашими городами и полями, слишком много разрушительных сил накопилось в подсознании миллионов. Сталин мертв, но демоны, которым он служил, живы — и ищут новых "человекоорудий". Духи тьмы грозят превратить в ничто все наши разумные попытки. И если мы не найдем опоры во внутреннем свете, ничто не остановит надвигающуюся катастрофу. Какую? Не знаю точно. Но чувствую ее дыхание за своей спиной.

И вот наряду с рациональными задачами, которые можно решать с помощью науки, — перед нами стоит еще одна, иррациональная (что, однако, не мешает ей оставаться совершенно реальной). Как выйти из тьмы к духовному свету? Как освободиться от власти демонических сил, раскованных войнами и революциями нашего века? Здесь мог бы помочь поворот к старой доброй вере, наметившийся в последние десятилетия. Но старая добрая вера не остановила дробления добра. Безраздельное господство ее завершилось Реформацией, Варфоломеевской ночью и Тридцатилетней войной. А после Тридцатилетней войны ведущие умы отвернулись от старой доброй веры — к терпимости, науке и Просвещению.¹ И теперь, когда все это тоже рухнуло, когда секуляризация кончилась половой распущенностью (в странах капитализма) и бездуховным, безыдейным, беспробудным пьянством (в странах социализма), когда век науки уперся в войну классової теории с расовой, в газовые камеры и термоядерную бомбу, когда вера в науку подточена событиями, как Тридцатилетняя война подточила авторитет религии, — поворот к старой доброй вере не развяжет всех узлов. Религия без свободной мысли и наука без веры одинаково не дадут выхода из современного тупика. Но, может быть, они найдут его вместе?

Я убежден, что полного ответа на современные вопросы нет. И люди, уверенные, что у них в кармане готовый ответ, — невольные обманщики. Но есть великий современный вопрос. Есть тема, заданная Иконниковым: как прекратить дробление добра?

Вокруг этого вопроса можно объединиться. С этого вопроса нужно начать.

4. Королевская идея

То, что произошло в России, в Италии, в Германии, что на наших глазах происходило в Иране и многих других странах, — этот чудовищный рост деспотизма на революционной волне, деспотизма, созданного заново массовым движением, опрокидывающим либеральные карточные домики, — все это еще в прошлом веке предсказывал Достоевский. Перечитывая "Братьев Карамазовых" (по листочкам передававшихся с женского лагпункта № 15 на наш, комендантский), мы поражались точности предвидений. Хотя вроде бы история разворачивалась в средневековой Испании...

История движется зигзагами, наступающая полоса чем-то подобна позапрошлой, и все пророки надвигавшегося завтра рисовали его вчерашними красками. Сейчас,

¹ В России процесс шел иначе, но в конце концов завершился тем же: секуляризацией, подготовленной Никоном, и расколом.

когда будущее уже наступило, И.Р.Шафаревич называет тупиковые линии истории социалистическими, а тогда Константин Леонтьев описывал поворот к рабству, как новое средневековье:

Тот слишком подвигный строй, который придал всему человечеству эгалитарный и эмансипационный прогресс XIX века, очень непрочен и должен привести или к всеобщей катастрофе, или к более медленному, но глубокому перерождению человеческих обществ на совершенно новых и вовсе уж не либеральных, а напротив того, крайне стесненных и принудительных началах. Быть может, явится рабство своего рода, рабство в новой форме, вероятно — в виде жесточайшего подчинения лиц мелким и крупным общинам, а общин — государству. Будет новый феодализм, феодализм общин, в разнообразных и неравноправных отношениях между собой и ко власти поставленных.

Отбросим явно устаревшие термины: в каждом веке есть свои неповторимые черты, Леонтьев их не угадал. Верно ли главное — поворот к рабству? И да, и нет. Поворот произошел, но не всюду, и не так однозначно, как Леонтьеву казалось. Процесс эмансипации продолжается и захватил новые регионы, Индию, например. А в высокоразвитых странах обнаружилась необходимость большего регулирования. Но это вовсе не требует рабства. В цитадели свободы, на Западе, рабства нет.

Что произошло в Европе? Жизнь потребовала более высокой ответственности каждого за судьбу целого. Не только национального государства, но мирового целого. А культура развивалась так, что интересы личности заслоняли интересы нации, интересы нации — глобальные задачи. И начался кризис.

Истоки этого кризиса — в эпохе Возрождения, в повороте от духовного единства Средних веков к многообразию личностей и наций. Реформация упразднила гегемонию церкви, новые языки вытеснили единую схоластическую латынь, возник европейский концерт наций, и в каждой нации победил индивидуализм — религиозный, экономический, политический. Остатки жесткой иерархии и принудительного регулирования человеческой деятельности к XIX веку почти отпали. И вот тут оказалось, что возможности эмансипации не безграничны. Что есть оптимум, есть равновесие свободы и ответственности, плюрализма и единства, и этот оптимум был нарушен. Индивидуализм пустил в ход миллионы адских машин неудовлетворенного честолюбия, и Европа забурилась. Она могла взорваться либо в социальном перевороте, в прыжке к утопии, либо в войне. Господствующие круги, испугавшись баррикад, стали поощрять национализм, скреплявший единство государства; но одновременно падало внутреннее единство Европы. Герцен предвидел, чем это кончится: "будет вам война семилетняя, тридцатилетняя..." (цитирую по памяти).

Что это значит? Что человек вообще не выдерживает свободы? Тогда прав был Леонтьев, прав Великий инквизитор. Я думаю иначе. Свободы не выдерживает человек, остановившийся на полдороге, не дойдя до уровня "сильно развитой личности" (Достоевский). Для сильно развитой личности свобода — воздух, которым она дышит. Но на полдороге сторожит дьявол. На полдороге, когда воля к свободе устремляется вовне, а не внутрь, и становится разрушительной силой. Когда человек хочет быть вольным, как Бог, не наполнившись волей Божией и ответственностью за миропорядок. Эту общую перспективу надо все время иметь в виду. А теперь взглянем на некоторые частности исторического процесса.

Человек не выдержал эмансипации, начавшейся в эпоху Возрождения, но не так безусловно, как казалось Леонтьеву. Нельзя сказать, что в Германии, в Италии, в России было больше свободы, чем в Англии. Или что режим последнего шаха был чересчур либерален по западным меркам (напротив, по западному счету шах был деспот). Решало отношение достигнутой внешней свободы к внутренней готовности к свободе, другими словами: уровня свободы и уровня ответственности, уравновешенности, выдержки, иммунитета к массовой истерике.

Человек способен не только к той свободе, которая сложилась на Западе, но и к несравненно большей. Если только он достиг достаточной внутренней зрелости. Уровень свободы не может намного превышать уровня зрелости, это грозит катастрофой. Но как поднять уровень зрелости? За счет духовного углубления? Возможно ли духовное углубление в рабстве? Насколько возможно? Для кого возможно? Не является ли свобода предпосылкой для ответственности так же, как ответственность — предпосылкой свободы? История, как я ее понимаю, требует *уравновешенного и соразмерного* роста ответственности и свободы, с переносом акцента то на одно, то на другое, но без потери понимания их связи, их нераздельности.

В Новое время скорость эмансипации постепенно обогнала рост внутренней зрелости, вышла за рамки сложившегося уровня духовного развития. Нынешняя борьба за снятие всех ограничений секса говорит об инерции эмансипации, потерявшей духовный смысл. Свобода высоких уровней личности невозможна без известной иерархии, без известной сдержанности биологических порывов. Я об этом писал в опыте о Ставрогине. То, что западная масса потеряла чувство внутренней иерархии психических уровней, — не менее опасно, чем экологический кризис. Акцент на потреблении, гедонизм, половая распушенность могут привести к утрате способности защищать свободу, к общей расслабленности. Сексуальная истерика — знак нарушенного равновесия. Так же, как массовый алкоголизм в нашей стране — знак чрезмерного крена в обратную сторону, в сторону принуждения (вольному воля, пьяному рай).

Какое-то меньшинство всюду поворачивается вовнутрь, — к созерцанию, медитации, молитве, к общему углублению личности. На Западе это меньшинство обладает свободой слова; и есть надежда, что его услышат. Но на что надеяться нам? Привязанные к мачте, мы можем только потонуть вместе с кораблем.

Масса, освободившись от нынешних шор, скорее всего рванется назад, к традиционной церкви, к вере отцов, к старому обычаю. Величие Солженицына в том, что он выразил скрытые течения реакции на революционный взрыв. История движется зигзагами и, видимо, иначе двигаться не может. Однако я уже писал это и говорю снова: возвращение к букве Писания вернуло бы нас к крестовым походам, войнам суннитов с шиитами, православных с бусурманами.

Не надо забывать, что в нашей стране единственное признанное групповое различие — это национальность. Идеология вроде бы одна, классов нет, только по пятому пункту мы отличаемся друг от друга. Национальности постепенно становятся партиями, и все конфликты (социальные, психологические) принимают форму национальной ненависти¹. (Солженицын и здесь индикатор с его национальными страстями и попыткой победить страсти раскаянием и самоограничением.) Я думаю, что если к национальной розни прибавится религиозная, никакая сила не сможет остановить взрыв².

Духовное единство нашей пестрой страны (и всего нашего пестрого мира, сбитого в один ком современными средствами связи) видится мне скорее в "вере без вероисповеданий, по ту сторону вероисповеданий"³. В вере, где чувство единого духа не отменяет вероисповеданий, путей, форм духовной жизни, но поднимается над ними всеми и делает невозможной вражду. В вере, которая соединит средневековое чувство с аналитическим духом Нового времени и сохранит то, что было доброго в этом духе (терпимость к чужому мнению и методическое сомнение

¹ По одной этой причине трудно представить себе — даже в воображении — советский парламент. Он немедленно раскололся бы на национальные фракции и стал бы неработоспособным, как австрийский рейхсрат.

² С тяжелым чувством перечитываю это весной 1988-го.

³ Стихи, которые цитирует Р.Белла ("Beyond Belief", N.Y. 1970).

в авторитетах, в букве традиции), то есть в диалоге традиций Запада и Востока, мистики и гуманизма.

У Ибсена есть пьеса "Борьба за престол". Там сталкиваются два викинга: простой властолюбец и человек с "королевской идеей". Королевская идея империи — общая вера. Умные императоры всегда покровительствовали вселенским религиям (или попыткам создать новую вселенскую религию). Все коалиции культур без общей веры и возможности общей молитвы недолговечны. Германия может быть Германией, несмотря на религиозный раскол, потому что католиков и протестантов объединяет национальный дух. Но если католики — ирландцы, а протестанты — англичане, то возникает ситуация Ольстера. Именно такое положение на стыках православия с протестантизмом, католичеством и исламом. Русская империя уже единожды рухнула и была восстановлена Лениным только во имя общей новой идеи, достаточно сильной и по сей день захватывающей массы там, где кровоточат раны национальных, религиозных, колониальных войн (так кровоточили они в России 1917 года, после трех лет массовых убийств). Об этом писал Михайло Михайлов, споря с национализмом Солженицына. Примеры резни в Югославии, которую прекратили коммунисты, достаточно убедительны. Однако в нашем опыте идея Маркса, Ленина и Сталина обернулась другой своей стороной, социально-утопической, и в попытках осуществить утопию поблекла, износилась, стала идеологическим штампом. Ужасы Архипелага заслонили ужасы армяно-тюркской резни, погромов на Украине и т.п., и массы не откликаются на выцветшие призывы. Официальная пропаганда постепенно становится патриотической, национальной; чувство стиля требует вовсе выкинуть остатки интернационализма, десять раз пережеванного и потерявшего всякий вкус. Что тогда случится? Я думаю, что откровенное возвращение к идеям и государственным формам, отброшенным в 1917 году, было бы вызовом нерусскому населению, составляющему в общем более пятидесяти процентов страны. Мир с 1917 года сильно изменился. Все империи, кроме нашей, рухнули. Даже Лесото — независимое государство. Никто теперь не согласится с гегемонией имперской нации, и русская спесь вызовет мощные антирусские движения. Насильственное подавление их сорвет возможность каких бы то ни было реформ.

Солженицын предлагал сузить пределы Руси. Но до какой черты? И как? Захотят ли украинцы (частично униаты) войти в состав Великой, Малой и Белой? Спросит ли мнения казанских татар, башкир? А если не спросят, какие от этого будут последствия? Я думаю, что без общей идеи нельзя даже направить центробежные национальные тенденции в разумную сторону, — к Содружеству наций, Общему рынку и общему командованию. Скорее всего, долго подавляемые противоречия вырвутся наружу взрывом, хаосом, анархией.

Что может остановить физическую деградацию народа от алкоголизма, упадок воли к труду, нарастающее отчуждение окраин от центра и другие процессы? Никакой панацеи я не вижу. Необходимо изменение всего стиля жизни. Одними экономическими реформами не обойтись, даже если эти реформы будут глубже и серьезнее, чем исправление цен. Наивно думать, что экономика нажимает на педали, и колеса надстроек тут же начинают вертеться. Экономическое поведение тысячами нитей связано с такими далекими областями человеческой жизни, что просто диву даешься. Все это давным-давно изучено, и скучно повторять это, но изучено не у нас, напечатано только для служебного пользования ("Протестантская этика" Макса Вебера — тиражом 100 экземпляров), и поэтому я все-таки приведу кое-какие примеры.

Бросьте взгляд на карту Европы. Вы увидите, что страны, захваченные Реформацией, производят на душу населения больше, чем католические. Хотя какие природные ресурсы в Швейцарии, в Голландии? Какие колонии у Швеции? А почему Япония, приняв вызов Запада, сразу зашагала семимильными шагами? Капиталы? Только местные средневековые накопления. Иностраных займов сначала не было

вовсе. Колонии? Но Япония стала завоевывать колонии *после* того, как создала современную экономику; и продолжает стремительно развиваться *без* колоний.

Почему этого не получилось в соседнем Китае, из которого Япония заимствовала письменность, религию, науку, искусство? Почему это получилось у китайцев, уехавших в Гонконг, в Сингапур, в Куала-Лумпур? Капиталов в континентальном Китае было не меньше, а капитализма не вышло (оттого Китай и пошел по русскому пути, что западный путь не вытанцовывался. Не в десятке же эмиссаров Коминтерна – разгадка успехов Мао Дзэдуна, который эмиссаров и не слушал вовсе). Между тем в Малайю китайцев завезли с пустыми руками, работать на каучуковых плантациях и оловянных рудниках; а сейчас Сингапур вышел на первое место в мире по количеству миллионеров на квадратный километр, обогнав город Даллас (штат Техас, США).

Я не даю ответов; они гипотетичны. В одном случае, видимо, сыграла роль религия, протестантская этика. В других случаях и религия была одна и та же (китайцы, вывезенные в Малайю, религию не переменили). Решало что-то очень туманное: дух. Дух предприимчивости, экономической активности, рождавшийся на пересечении целой паутины импульсов – интеллектуальных, религиозных, социальных. А иногда довольно нехватки одного определенного обстоятельства, чтобы сорвать развитие, завести его в тупик. Как только китайцев вывезли в Малайю, они приобрели черты народа диаспоры (их так иногда и называют: евреи Юго-Восточной Азии). Но вывозили работать на плантациях и тамилы из Южной Индии. О тамильских миллионерах я не слышал.

Все, что создает человек, хрупко, несовершенно, и нельзя рассчитывать, что реформы не подчиняются этому закону. Во всех системах постоянно возникают новые трещины, и из них выползает хаос. Нет никаких окончательных решений. Вечен только внутренний свет, и во всяком положении, при всяком новом повороте должна быть возможность выслушать тех, кто этот свет видит, чувствует и может что-то сказать. Хотя видит по-своему, несовершенно, однобоко, и никто не видит так хорошо, чтобы других совсем не слушать.

5. Письмо Нюю

Никто не знает, как сольются бесчисленные течения, из которых складывается жизнь, какой сегодня, завтра, послезавтра сложится параллелограмм сил. То, что верно в полдень, может стать ложью еще до полуночи. Будущее открыто, и надо идти навстречу ему с открытым умом. А мы с завязанными глазами движемся навстречу упадку: экономическому, социальному и прежде всего духовному.

Кризис настолько глубок, что наука, получив полную свободу, сможет только *поставить* некоторые задачи. Наука может и должна обобщать проекты выхода из тупика и результаты осуществления этих проектов. Но наука по самой своей природе не может создавать символы вечного света. Оставаясь самой собою, наука не идет дальше точно фиксируемых фактов и закономерностей – а глубины жизни не поддаются такому фиксированию, они остаются смутными, призрачными, едва угадываемыми. Оставаясь самой собою, наука непрерывно ревизует свои гипотезы и теории, заменяет устаревшие новыми. Вечные нравственные истины нельзя научно удостоверить. Нельзя научно обосновать целостное мировоззрение. Основы его постигаются в созерцании и могут быть выражены только метафорами, подобиями, интеллектуальными иконами...

Попытка основать государство на научной идеологии была грандиозным экспериментом, результаты которого начали обнаруживаться с первых лет советской власти, еще при Ленине. Быстро нарастающий культ вождей показывал, что идеология не раскрывала глаз своих адептов, что видеть могли только вожди, а масса (вопреки теории) должна была послушно идти за вождями. Между которыми могли быть споры, но где-то наверху, только наверху. Переход к широкой дискуссии Ленин расценил как ошибку.

Кажется, Муссолини первый поставил точку над *i* и заменил множественное число единственным: вождей — одним вождем. За ним последовал Сталин. Победа Сталина в спорах 20-х годов была не только причиной дальнейшей идеологической деградации; она прежде всего была *следствием* начавшейся деградации, потери перспективы, очерченной *научно* (или полунучно, или мнимонаучно). Возникло чувство слепоты, от которой свободен (будто бы) только вождь, величайший гений всех времен и народов. А остальные, как овцы, с завязанными глазами, должны следовать за вожаком. Хоть в пучину.

Эпоха Ленина и Сталина была венцом веры в науку (отрицающей веру) и одновременно крахом наукопоклонства. Всевластие непобедимой истинной научной теории оказалось только предлогом к всеилию власти, а всеилие власти обернулось бессилием власти, неспособностью остановить процесс нравственной коррупции и физического вырождения (сейчас уже показывают в кино детей, родившихся у алкоголиков и алкоголичек, страшная картина, воплощение кошмаров Даниила Андреева).

Всесильная власть — это система без обратной связи, без способности видеть результаты своих действий, пока они не станут катастрофическими. Это слепая, обреченная власть.

Наука способна выполнить свои естественные задачи, только решительно отказавшись от задач, для науки неестественных и противоестественных. Вопросы о целостности бытия, о смысле жизни и основаниях исторического и личного действия — область созерцания и веры. Невозможно представить себе сколько-нибудь сносное будущее без частичного возрождения традиционных религий.

Старые религии несовершенны, но так же несовершенны живые языки. Невозможно заменить их каким-нибудь эсперанто. Религия — это и язык, на котором мы общаемся с таинственным, недоступным разуму миром, и пространство, в котором мы собираем энергию для поисков "истины, не подвластной мысли"¹, и связь тех, кто глубже причастился истине, с духовными детьми — и многое другое. Двое или трое могут молиться "не на горе или в храме, а в духе и в истине". Но культуру народа нельзя возродить без храма. Культура тысячелетиями строилась вокруг культа, и опыт разрушения этой связи оказался катастрофой. Без обрядов, возносящих душу горе, в жизни образуется какая-то щель, в которую все обрушивается; чувство пустоты лишь на время глушится вином, наркотиками, сексом; и неопытные души, ни разу не прикоснувшиеся к святине, темными тучами кружатся над духовными кладбищами городов и сел.

Русская революция стала концом научной идеологии — и, может быть, началом нового века веры, обновленной в своих испытаниях, глубже постигшей разницу между буквой и духом, единым в разных системах интеллектуальных икон. В этом, пожалуй, величайшее всемирно-историческое значение октябрьского переворота. Перед нами стоит задача: как освободиться от антирелигиозных предрассудков Нового времени, не заразившись заново религиозными предрассудками Средних веков? Как сохранить научную трезвость, открыв заново великий внутренний мир веры? Как освободить науку от задач веры, веру — от задач науки и, разделив, соединить их в современной культуре? Как понять, что в одной культуре может быть множество икон, избираемых свободным движением сердца, без желания навязывать свой выбор другим?

И вот здесь мне снова хочется вернуться к записке Иконникова. В ней нет решения, но есть правильно поставленный вопрос. Правильно, несмотря на все частные ошибки. Вопрос, который перешагивает через положительные учения нашего века, как отчаянье Иова — через ответы богословов. Голос из бури, заговорив с Иовом (не знавшим ответа), а не с его друзьями (которым казалось, что они знают), поднял значение *вопроса* над всеми ответами. Есть глубины жизни, к которым человек может прикоснуться словами лишь одним образом: вопросом. "Только неправильные вопросы имеют ответ, — сказал как-то Кришнамурти. — На

¹ Определение Кришнамурти: "Собрать воедино всю энергию, которая затем будет исследовать вопрос, существует ли истина, не подвластная мысли, не сформированная мыслью, не загрязненная ею", то есть Бог, а не кумир, Бог по ту сторону икон и догматов (из бесед 1976 года).

правильный вопрос нет ответа". На вопрос, обращенный к смыслу и истоку жизни, нет словесного ответа. Ответ приходит с Духом, из глубины, в паузе между словами. Все переводы его на человеческий язык – только метафоры и парадоксы. Вопрос сам по себе предельная форма понимания предельной глубины. Всемирный символ веры сложится, быть может, когда-нибудь как группа неразрешимых вопросов. Не разрешимых умом, но разрешаемых всей полнотой жизни. Один из таких вопросов – вопрос Иконникова.

Положительные ответы спорны. Они вызывают отклик в одном сердце и холод, негодование – в другом. А вопрос Иконникова можно поставить каждому человеку – в Москве или в Ташкенте, в России и в Англии: как прекратить дробление добра? Ответа, способного объединить людей, нет, а вопрос есть.

Вопрос остается открытым. Но сама отзывчивость к этому вопросу создает общность чувства и возможность вести разговор, прислушиваясь друг к другу, в духе солидарности и веры в будущее.

Подымет ли современная Россия этот разговор, этот спор без ненависти, в котором главное – не результат, а процесс, этика спора? Не знаю. Пусть будет попытка. Пусть будет неудача: она научит других, а они научат нас. Даже сама мысль, оставшаяся в воздухе, даже без попытки осуществить, не бесплодна: возникнет новая королевская идея. И может быть, она вытеснит из сознания залежавшуюся ветошь.

Ну, а если вся наша цивилизация погибнет? Если в Содоме или Гоморре нажмут сразу на все кнопки?

Я почему-то верю, что будет и ковчег, что кто-то спасется и после потопа сызнова начнет решать те же вопросы. Так даже дьяволу интереснее; если перебить *всех*, то что делать дальше? Откуда брать дыхание человеческих мук, которыми упивается ад? И вот, несколько моих слов (хотя бы в цитатах, обличенных во всех грехах) попадутся, может быть, в руки читателю после потопа... И я кладу свое письмо в бутылку и пишу на ней: *Нюю Второму.* ●

СВОБОДНЫЕ ГОЛОСА В ТВЕРДОМ ПЕРЕПЛЕТЕ

В НАШ ВЕК избытка и засилия информации нужны особые старания, чтобы остаться незамеченным. В США, например, не быть включенным в телефонную книгу – привилегия, за которую нужно платить. Поэтому не приходится удивляться появлению нового справочного издания, скорее странно, что оно появилось так поздно. Перед нами солидная книга: плотная белая бумага, твердый переплет, элегантная глянцевая суперобложка. Компьютерная печать (тесная, жирная, не слишком красивая) напоминает лишний раз, в какую эпоху мы живем. И цена соответствующая: ее просто страшно назвать.

Цель справочника "Свободные голоса русской литературы, 50-е–80-е годы" – представить русскую неподцензурную литературу. По словам составителей, справочник "включает основные биографические и библиографические сведения о более чем 900 авторах, кто живет или жил в СССР (или эмигрировал после 1955 года), чьи сочинения не публиковались в Советском Союзе

из-за цензурных ограничений, а напечатаны в эмигрантских журналах в 1957–85 гг. или вышли отдельными книгами до 1986 года". Таким образом, справочник задуман как характеристика литературы Третьей волны, а также свободной постсталинской литературы. Кроме того, сюда вошли некоторые уже ставшие классическими произведения, впервые появившиеся на Западе в 1957–85 гг. ("Реквием" А. Ахматовой, "Доктор Живаго" Б. Пастернака и др.), и зарубежные собрания сочинений ряда авторов (Ахматова, Цветаева, Мандельштам). Мы не найдем в справочнике имен русских писателей, уехавших до или во время Второй мировой войны: Набокова, Замятина, Ходасевича, Иванова-Разумника, Мережковского, Берберовой и многих других. В результате русская литература предстает в сильно урезанном виде. Есть Ахматова, есть Цветаева, Пастернак, Мандельштам. Но нет Гумилева, Белого, Волошина, Клюева. Есть Флоренский, но почему-то нет Бердяева, есть Аделаида Герцык и Софья Парнок, но отсутствуют Кузмин и Клюев. Нет Бахтина, Бабеля, Пильняка, Зощенко и многих других, чьи имена тесно связаны с представлением о свободной и преследуемой русской литературе, чьи книги выходили на Западе в рас-

смаатриваемый период. Иногда отсутствие буквально вопиет, а порой приобретает комический оттенок. Например, на стр. 392 читаем: "Е.Шварц (псевдоним), писатель (Ленинград), работы циркулировали в самиздате. Роман "Услуга за услугу" и три пьесы опубликованы в альманахе "Санкт-Петербург", 1984, Чикаго, издатель А.Дельвиг". Составители справочника предупреждают: "Не путать с ленинградской поэтессой Еленой Шварц". Хорошо, не спутаем. Но как быть с замечательным ленинградским писателем Евгением Львовичем Шварцем, автором широко известных пьес, эссе которого "Белый волк" вышло в 1980 г. в сборнике "Память", а "Мемуары" опубликованы в Париже в 1982? Отчего ему не нашлось места в справочнике рядом с его однофамильцами?

Приходится сразу сказать: при всей неоспоримой ценности справочника, "Свободные голоса..." не дают достаточно полного представления ни о неподцензурных публикациях советских авторов, ни о зарубежной русской литературе.

О каждом авторе справочник сообщает, кроме обычных биографических данных, сведения, касающиеся его взаимоотношений с режимом (реальные или кажущиеся столкновения с КГБ, арест и заключение, исключение из партии, резкая критика в печати, предложение выехать из страны, цензурные запреты и т.п.), а также данные о жизни и деятельности за границей. Следует иметь в виду, что значительная часть этой информации исходит от самого автора. Поэтому она может быть не слишком точной, а порой предназначается для объяснения вопросов, читателю неизвестных или даже неинтересных. Например, такая стилистическая конструкция: в то время как автор делал то-то и то-то (поступал не очень хорошо, с его нынешней точки зрения), его произведения распространялись в самиздате и затем публиковались на Западе. Читай: автор не столько сотрудничал с советской властью, сколько водил ее за нос. Иногда встречаются указания, что автор "принимает активное участие в политической жизни русской эмиграции". Не следует, очевидно, думать, что те, о ком так не сказано, менее энергичны. Так, если к числу "активистов" отнесены Краснов-Левитин, Эткинд, некоторые другие, то, например, такие деятельные участники общественной и политической жизни, как Людмила Алексеева, Владимир Буковский, Александр Гинзбург, в этом качестве почему-то не упомянуты. Попутно заметим, что в справочнике отсутствуют и сведения об официальных советских премиях и наградах, членстве в партии и т.п.

Несмотря на то, что "Свободные голоса..." опубликованы в русском издательстве и редактировал их эмигрант из России Александр Сумеркин (продолжавший колоссальную работу по сбору всевозможных фактов), права русского языка в справочнике ущемлены. Достаточно сказать, что все названия и фамилии приведены лишь в английской транслитерации. Включение в

книгу перечня фамилий по-русски не намного увеличило бы объем, на зато облегчило бы чтение.

ОБРАТИМСЯ к некоторым бросающимся в глаза ошибкам или опечаткам.

Анна Ахматова родилась не в 1888 г., как утверждает справочник, а в 1889. Эта дата указана поэтессой в ее автобиографии и принята во всех справочных и энциклопедических изданиях последних лет. Сведения о публикациях Ахматовой в СССР, приводимые авторами справочника, неполны. Авторы считают, что "между 1914–22 было опубликовано пять книг стихотворений. В 1922–40 никаких работ не появлялось в советской печати.... до 1958 было опубликовано всего несколько работ". Из поля зрения, таким образом, выпадают сборники Ахматовой "Из шести книг" (Ленинград, 1940), "Избранное. Стихи" (Ташкент, 1943), "Корейская классическая поэзия" (Москва, 1956), публикации в журналах "Звезда" и "Ленинград" в 1940–46 гг. и в "Ленинградском альманахе" в 1945 и 1954 гг.

О писателе Василии Аксенове в справочнике говорится, что "его повести "Звездный билет", "Апельсины из Марокко", "Пора, мой друг, пора", "Затоваренная бочкотара" и другие (1961–68) постоянно подвергались резкой критике в советской официальной печати, но с восторгом встречались читателями. Его последующие работы были запрещены цензурой". Создается впечатление, что после 1968 г. Аксенов в СССР не публиковался. Это не так. Были напечатаны: "Рандеву", "Мой дедушка памятник", "В поисках жанра", "Любовь к электричеству" (роман о Красине, написанный для серии "Пламенные революционеры") и другие сочинения. Отнюдь не столь однозначно-суровой была по отношению к писателю и советская критика; во всяком случае, она носила иной характер, чем разгром Ахматовой в 1946 г. Однако составители используют для обоих случаев одно и то же словосочетание.

В статье, посвященной Михаилу Булгакову, сообщается, что в 1922–24 гг. писатель сотрудничал в берлинской газете "Накануне", что при его жизни в СССР появилась только одна книга сатирических рассказов "Дьяволиада", а его пьесы были запрещены к постановке на сцене. Между тем хорошо известно, что Булгаков был постоянным сотрудником "Гудка", что в журнале "Россия" появилась первая часть "Белой гвардии", что он выпустил при жизни три книги: "Дьяволиада" (1925), "Записки юного врача" (1926), "Рассказы" (1926). Пьесы Булгакова шли на сцене: "Дни Турбиных" и "Зойкина квартира" были поставлены в 1926 г., "Багровый остров" в 1928, "Кабала святош" в 1936. Я вовсе не хочу сказать, что жизнь великого писателя была благополучной. Более того, составителям, раз уж они отмечают цензурные препятствия на пути каждого современного автора, сле-

довало бы, например, упомянуть об аресте рукописи "Собачьего сердца".

А вот что сказано о Василии Гроссмани: "Хотя он был благополучным официальным писателем, его повесть "Все течет" (1955) была отвергнута цензурой и циркулировала в самиздате". Пожалуй, только западные исследователи еще могут выражать удивление по поводу того, что книга такого "благополучного" писателя не прошла цензуру. Еще более странным кажется, — если верить справочнику, — что книга вообще была предложена цензуре. Но, к сожалению, это интересное сообщение не внушает доверия. Слишком антисоветский, антиленинский характер носит повесть "Все течет". Кроме того, о подобном факте не упоминают авторы воспоминаний о Гроссмани, в частности, С.Липкин.

В справке об Осипе Мандельштаме говорится: "После 1917 года он жил в Крыму и Грузии, в 1922 г. переехал в Москву". На самом деле Мандельштам до середины 1918 г. находился в Москве, после столкновения с Блюмкиным отправился в Киев, где, между прочим, познакомился со своей будущей женой Надеждой Яковлевной Хазиной. Во второй половине 1919 г. он действительно уезжает в Крым, оттуда в Грузию, осенью 1920 г. возвращается в Москву, куда весной следующего года привозит из Киева Н.Я.Мандельштам. О том, что Мандельштам сидел во врангелевской тюрьме в Феодосии и был вторично арестован в Грузии, составители справочника не сообщают.

Первая (и единственная) книга стихов Андрея Платонова "Голубая глубина" вышла не в 1921 г., как сообщает справочник, а в 1922. Не вполне соответствует действительности утверждение, что "резкая критика его сатирических произведений в начале 30-х годов практически закрыла ему в дальнейшем возможность публикаций в советской прессе". Разумеется, жизнь писателя была нелегкой, и все же рассказы и статьи Платонова появлялись в журналах, выходили и некоторые книги: "Впрок" (1931), "Река Потудань" (1937), "Под небесами Родины" (1942), "Рассказы о Родине" (1943), "В сторону заката солнца" (1945). Следовало бы отметить, что Платонов был не только прозаиком и поэтом, но и драматургом (пьесы "Высокое напряжение", начало 30-х гг., и "Ученик лицея", 1950), критиком, а также детским писателем, выпустившим "Башкирские народные сказки" (1947) и сборник русских сказок "Волшебное кольцо" (1950).

Справочник указывает, что стихотворения Н.М.Олейникова никогда не печатались в СССР. Это неверно. Они вошли в сборники "День поэзии", Ленинград, 1964, 1966, и в книгу "Чукоккала", М. 1979. Вопреки указанию справочника, первая книга Булата Окуджавы "Лирика" вышла в свет не в 1955, а в 1956 г. Исключение А.И.Солженицына из Союза писателей было вызвано отнюдь не только "его протестами против цензуры и сталинизации", но прежде всего пуб-

ликацией его произведений на Западе. Он был выслан из СССР не в Швейцарию, как сообщает справочник, а в Германию, и после приезда семьи сам избрал Швейцарию местом жительства. Еще один пробел касается Л.К.Чуковской: не упомянута ее книга стихов, вышедшая в Париже.

Я назвал лишь некоторые погрешности, касающиеся известных писателей: они бросаются в глаза. Что же сказать об авторах, менее значительных или менее популярных? Здесь тоже достаточно ошибок. Но это, может быть, уже не столь огорчительно. Допустим, мы заметили, что редактор журнала "Грани" Е.А.Брейтбарт-Самсонова проживает не в США, как указано в издании, а в Германии или, скажем, что статья "Единожды солгавши кто тебе поверит? Опыт сравнительного лозунговедения" (журн. "Страна и мир", 1984, № 11) написана не Юрием Беловым, а Сергеем Максудовым. Большинству читателей эти мелочи неинтересны. Вообще следует подчеркнуть, что составление справочника потребовало огромной кропотливой работы, благодаря чему впервые можно достаточно полно рассмотреть литературные достижения третьей эмиграции.

Как указывают составители справочника "Свободные голоса...", он охватывает более 900 имен. Оказывается, это излишне скромная оценка. Согласно перечню, здесь приведены биографические сведения о 1015 авторах (включая 70 псевдонимов).

КТО ЖЕ ОН ТАКОЙ, свободно пишущий, точнее, публикующийся на свободе русский писатель? Следуя классической формуле "Иных уж нет, а те далеке", разделим авторов, фигурирующих в справочнике, на три группы: а) те, кто еще "есть" (живущие в СССР), б) те, кто "далече" (оказавшиеся на Западе), и в) те, кого больше нет. Последних 106 человек, не так много, но зато какие имена! Некоторые из них уже упоминались выше. Появление в эмигрантских изданиях почти всех русских классиков XX века — факт не случайный. Он свидетельствует, что настоящая литература не имеет границ; он говорит о том, что большой писатель неизбежно приходит в столкновение с цензурой. Но прежде всего он наглядно показывает, какие колоссальные потери нес на протяжении многих десятилетий советский читатель, запертый в своей стране, читатель, которого лишали то отдельных произведений того или иного писателя, а то и всего творчества крупнейших художников слова; даже имена их подчас оставались для него неизвестными.

Русскому писателю редко суждено долгая и счастливая жизнь. Для поколения ушедших литераторов тюрьма была почти обязательной вехой жизненного пути. Там побывала почти половина мужчин (39 из 86) и треть женщин (7 человек). Многие остались там навсегда. В сталинских лагерях погибли (из числа упомянутых в справоч-

нике) Мандельштам, Флоренский, Хармс, Венденский, Олейников, в постсталинских – Галансков, А.Марченко; к ним можно добавить не упомянутых в справочнике Василия Стуса, Валерия Марченко и некоторых других. Впрочем, и ныне здравствующие писатели хорошо знакомы с Гулагом: лагерное прошлое за плечами по меньшей мере у пятой части всех авторов.

Если исключить умерших и нераскрытые псевдонимы, остается 850 ныне живущих авторов (в том числе 150 женщин). Около трехсот из них живут в СССР, 253 в США, 146 литераторов обосновались в Израиле, остальные во Франции, Германии, Англии, Канаде, Австралии и ряде других стран. 200 авторов работают в области художественной прозы, 266 – в поэзии; остальные – публицисты, мемуаристы, эссеисты. Среднее число публикаций на одного человека невелико – от трех до четырех. Василий Аксенов опубликовал за годы жизни за границей десять книг и большое число статей, а его сосед по справочнику Дмитрий Аксельрод, отсидевший 10 лет в сталинское время и полтора года в постсталинское, опубликовал только одну повесть "Война без прикрас" ("Новый журнал", 1983, № 153). Вообще авторов, выступивших только один раз, в справочнике очень много: около 230 (пятая часть всего состава; многие из них, возможно, – случайные люди в литературе). Писателей, выпустивших десятки сочинений, около 80. Эти цифры позволяют выделить активно работающих литераторов. Как ни медленно пишет Георгий Владимов, как ни далек от суесть литературной жизни Саша Соколов, они выступили в печати каждый не менее десяти раз. Что же говорить о таких весьма плодотворных авторах, как Бетаки, Горбаневская, Кублановский, Зиновьев, Коржавин, Копелев, Максимов, Рой Медведев! Разумеется, о значении писателя нельзя судить по числу публикаций. В группу много или сравнительно много пишущих наряду с такими авторами, как Бродский, Сиявянский, Войнович, входят Д. Антонов (псевдоним Э.Бройде-Треппера), опубликовавший начиная с 1980 г. пятнадцать (!) книг. Рядом с многотомным собранием сочинений Солженицына мы увидим одиннадцать томов В.Тарсиса. Дора Штурман напечатала больше книг и статей, чем Амальрик, Буковский, Парамонов и Белинков вместе взятые.

Мы не будем здесь касаться деликатного вопроса о профессиональном и общекультурном уровне "среднего" литератора русского Зарубежья. Достаточно сказать, что большинство произведений, попавших в справочник, имеет лишь косвенное отношение к литературе. Но в конце концов свобода на то и свобода, чтобы не запрещать графоманам и болтунам, людям не одаренным или страдающим всевозможными комплексами самовыражаться при помощи печатного станка. Находят ли они читателей, другой вопрос. Весьма многие пытаются использовать привычные методы и приемы советской

пропаганды в антисоветских целях. Некоторые начинают забывать русский язык, пишут на волапюке, напоминающем дурной перевод с английского (точнее, с американского). Заметна утрата социальной среды, бросается в глаза узкая партийность, самоутверждение, порой доходящее до абсурда. Вот как рекомендует себя журналист Лев Наврозов (справочник сообщает, что его книга была запрещена в СССР цензурой в связи с вторжением в Чехословакию; тогда он решил уехать из Советского Союза, чтобы бороться с тоталитаризмом): "Мои постоянные читатели освоились с теми представлениями, которые я развиваю в течение многих лет... Читателям же "Нового русского слова" более трудно воспринять мои три колонки, вынутые из общего потока моей умственной деятельности по спасению западной демократии в тех пределах, в которых чей-либо ум вообще способен спасти ее, несмотря на то, что до настоящего времени ее жизнеспособность отнюдь не доказана в сфере исторического опыта ее краткого существования." Этот же автор характеризует А.Д.Сахарова в следующих выражениях: "прощенный раб", "подсадная утка по отряду тоталитарной пропаганды", "повторял всю жизнь модные слова с глубокомыслием попугая", "усердный холоп Сталина", "фрондер-холоп при всемогущих господах" (газ. "Новое русское слово" от 19 и 31 марта 1987 г.). О другом выдающемся современном писателе он отзывался так: "Солженицын: двуличный тоталитаризм сталинского закала"; "Солженицын – это ухудшенное, удешевленное советское издание Ленина под ширмой русской православной церкви"; "у Солженицына можно заметить все пороки, которыми обладал Ленин до своего прихода к власти, – причем в преувеличенной форме: абсолютный эгоцентризм, полную нетерпимость и лишенную юмора одержимость пошлостями, служащими его выгоде... в Гулаге он старался спасти только свою собственную шкуру..." (газ. "Литературный курьер", 1987, № 12). Читатель вправе спросить: кто такой этот автор, занимающий в справочнике целую страницу? "Писатель, эссеист, переводчик..." – отвечают составители. Остается, однако, неясным, при чем тут русская литература.

Однако справочник предоставляет читателю достаточно широкую возможность судить о независимой русской публицистике, мемуаристике, вообще нехудожественной словесности и в ее лучших проявлениях. Вспомним писателей, уже завершивших свой путь на родине или за рубежом: Н.Мандельштам, В.Некрасов, Е.Гинзбург, П.Григоренко, Л.Пинский, Е.Гнедин, Р.Лерт, А.Амальрик, А.Марченко, А.Эфрон, С.Желудков. Если имена некоторых прозаиков и поэтов (Гроссман, Галич, отчасти Бродский) сейчас вернулись на родину, то с литературной и социальной критикой дело обстоит сложнее. Во-первых, потому что публицистика прямо говорит о ве-

шах, которые власти все еще не готовы услышать, во-вторых, она теснее связана со злобой дня, чем художественная литература, и может показаться устаревшей, в-третьих, талантливая журналистика эпохи гласности плотно заполняет то сравнительно небольшое пространство, которое отпущено для произведений этого жанра в советских журналах, и читатель не ощущает вакуума. Тем не менее бурные дискуссии не могут скрыть дефицита идей. Обнаружение трудов А.Белинкова, А.Амалырика, Г.Померанца, Р.Лерт, Р.Шафаревича – я называю лишь несколько имен – могло бы существенно обогатить пробуждающуюся общественно-критическую мысль в СССР.

Если лучшие публицистические и социологические работы, вышедшие за границей, нередко превосходят достижения современной советской журналистики в СССР, то литературоведение и литературная критика находятся в ином положении. Имена Лотмана, Аверинцева, Непомнящего, Эйдельмана, Чудаковой, Мелетинского, Топорова, В.В.Иванова в справочнике отсутствуют, в эмигрантских изданиях эти авторы не публиковались или почти не публиковались (издательство "Эрмитаж" выпустило сборник культурологических статей С.С.Аверинцева – репринт из советских журналов – с забавной пометкой: "Все права принадлежат издателю"). За рубежом известны работы Синявского, Парамонова, Гройса, этюды Майи Каганской, Натальи Рубинштейн, П.Вайля и А.Гениса, академические труды Е.Эткинда, Т.Венцловы, Л.Флейшмана. Переланы из СССР и опубликованы за рубежом интереснейшие книги Чуковской, Герштейн, Гладкова, Ивинской, Липкина, Курдюмова (псевдоним), Карабчиевского, Айхенвальда. В ряду авторов историколитературных, биографических и литературнокритических работ необходимо упомянуть Полякову, Мейлаха, Когана, Кузьминского, Колкера, Швейцер. Напомним, что работы авторов первой и частично второй эмиграции (Г. и Н.Струве, Филиппова, Вейдле, Ржевского, Берберовой и многих других) в справочник не включены.

Казалось бы, этот внушительный список (его можно было бы продолжить) говорит сам за себя. Но беда в том, что отдельные интересные работы не создают сцепления, остаются разрозненными фактами культуры, не формируют литературно-общественного движения. Обсуждение какого-либо явления в эмигрантской печати слишком часто выливается в восхваление в унисон либо сводится к перебранке. Характерно, что многие серьезные ученые, как например, И.Серман, А.Жолковский, С.Маркиш, представлены в справочнике не основными своими работами, а имена Гаспарова, Фрейдина, Паперно вообще отсутствуют.

ПЕРЕЙДЕМ ТЕПЕРЬ к собственно художественной литературе. О поэзии долго говорить не придется, ибо "много званных, но мало избран-

ных". В СССР и на Западе есть, по-видимому, только один признанный поэт, имя которого без возражений ставится вслед за великими мастерами XX века. Подборки стихов регулярно появляются на страницах зарубежных русских журналов и даже газет, но занятый земными делами читатель скользит по ним глазами – и только. Иногда приезжая знаменитость (Вознесенский, Ахмадулина) всколыхнет ностальгические воспоминания, и эмигрант вечером выберется на концерт. Но трудно представить себе, чтобы выступление поэта-изгнанника собрало сотни слушателей. (Впрочем, и в западном мире поэзия – достойная узких кружков.) Если для сложившегося поэта, говоря словами Иосифа Бродского, "география несущественна", если ему еще желанны "покой и воля" (точнее, чтобы оставили в покое), то для поэта начинающего, существа слабого и незащитного, нужны друзья и соратники, среда, восхищение читателей. Тут география выходит на первое место. "Отечество нам Царское Село" – это сказано не о полях и рощах, но о микромире дружеского кружка. Да, поэт-птица, поэт-бабочка независим и свободен, но поэт-гусеница и поэт-куколка привязаны к родимому листку, и если ветер сорвет с него куколку и унесет прочь, поэт не состоится. Поэтому в эмиграции видим мы немало авторов стихов, но нет поэзии, нет поэтической среды, нет кружков и литературных групп, полемики, восхищения, преклонения. Поэтому даже собрать стихи разных поэтов, подготовить представительный сборник или антологию совсем не просто. Это видно, например, по книге "Русские поэты на Западе", изданной недавно А.Глезером. Читать ее подряд мучительно. Странность, еще терпимая сама по себе, становится невыносимой, возведенная в злую степень.

В отличие от Запада, в СССР русская литературная среда и традиционная литературно-поэтическая жизнь еще существуют. Она состоит из двух малосоприкасающихся частей. Поэты, работающие в рамках официальной словесности, представлены в нашем справочнике случайно, несистематически, скорее по воле и прихоти составителей: Ахмадулина, Вознесенский, Окуджава, Слуцкий, Ким, Горбовский. Лишь Липкину, Лиснянской и еще некоторым пришлось на какое-то время сделать главный упор на зарубежные публикации. Такие признанные поэты, как Арс.Тарковский, Кушнер, Самойлов, Чухонцев, Юнна Мориц, в справочник не попали, они обходились и обходятся советскими изданиями и самиздатом. Что касается неофициальной поэзии (к сожалению, я не могу назвать ее молодой, практически всем авторам за сорок), то это тоже среда, хотя и не вполне признанная: кружки, литобъединения, выступления в клубах и кафе, наконец, вновь расцветший самиздат поддерживают здесь дух поиска, стимулируют творчество и, разумеется, честолюбие. Но до самого недавнего времени единственной возможностью для

этих авторов увидеть свое имя в печати была пересылка стихов за границу, к эмигрантам. Так появились в справочнике имена Уфлянда, Рейна, Чичибабина, Ольги Седаковой, Елены Шварц, Пригоба.

Легче говорить о прозе. Это, несомненно, наиболее значительный отряд эмигрантской литературы. Вот где немало громких имен. Вскормленные и вспоенные в ЦДЛ, в "Новом мире" и "Юности", шестидесятники рассеялись по миру. Аксенов в Вашингтоне, Войнович в Мюнхене, Максимов и Снявский в Париже, Солженицын в Вермонте, Владимов во Франкфурте, Алешковский в Коннектикуте, Копелев в Кельне; здесь можно упомянуть и живущего в Западном Берлине Горенштейна, который не относит себя к поколению оттепели. Проблема "здесь и там" волнует, как выяснилось в последнее время, не только уехавших. Позволю себе обширную цитату. Вот что пишет самый, пожалуй, блестящий из сохранившихся на родине прозаиков:

"Радио сказало голосом друга, и я вздрогнул (тем же голосом, того же друга, но из "того" мира...). Радио сказало загробным голосом друга... Радио сказало по Загробному Голосу (на волне 25, 31 и т.д. метров)..."

Мне стало так обидно, что оно сказало! что он сказал...

Он-о сказали, что никого уже "там" не осталось в литературе, что все уже "здесь". Причем "там" — он имел в виду именно нас, оставшихся дома... Как же это НАС нет! а вот МЫ... — стал я ему в запальчивости перечислять, загигая пальцы и не словив себя на том, что совершенно воспринял его логику, меньше всего несогласия выразил в подобном протесте... Пальцев хватило. Нас действительно осталось мало. И все-таки не все же уехали! Не все! Но уехало нас много больше, чем осталось здесь...

Сколько уехало и сколько ушло? сколько уехало и сколько осталось? сколько умерло и сколько выжило? Мартиролог семидесятых не менее впечатляющ, чем тот список, что был голосом друга провозглашен по Загробному Голосу в качестве "всей" уехавшей русской литературы... И то, и другое случилось за одно десятилетие!

Высылка Бродского и Солженицына ничем не может быть уравновешена. Но именно тогда не стало и Твардовского, не стало Рубцова, Вампилова, Шукшина — трех бесспорных надежд русской литературы. С отъезда Максимова писательская убыль стала приобретать почти систему: один отъезд — одна смерть. И попробуйте сказать, что они неравнозначны... Можно выстроить два жутких столбика бок-о-бок: уехали — умерли, — уточняя даты и взвешивая репутации. Не хочется этого бухгалтерского столбика... Но разве не равновелики могут оказаться Некрасов и Домбровский, Гинзбург и Копелев, Коржавин и Глазков, Шпаликов и Горенштейн, Аксенов и Трифонов, Войнович и Козаков? Либо Высокый и Галич — оба мертвы. Ах, я перечислил не всех? Добавьте или вычеркните. Но уже сами.

Да и как построишь настоящих писателей в детсадовские пары?

Умер Бахтин (дальше Саранска не выезжавший). Умер Набоков (ближе Швейцарии не возвращавшийся). Умерла Надежда Мандельштам...

Так же тихо, как Казакова, не стало в этом году Марии Петровых и Варлама Шаламова. Как они молчали!

Как считать умерших ЗДЕСЬ? Можно ли за счет доброй половины этих смертей заявлять, что здесь литературы уже не осталось?

Как считать пьющих?..." (А. Битов. Некролог. "Синтаксис" № 21).

Не будем ломиться в открытые двери, доказывая, что в СССР есть значительная литература. Назовем лишь (кроме автора цитаты) упомянутых в справочнике Искандера, В.Ерофеева, другого Ерофеева из "Метрополя", Попова, Солоухина, Стругацких, В.Корнилова, Липкина ("Декада"). Не упомянуты "деревенщики" (Распутин, Можаяв, Астафьев, Белов), писатели национальных республик, пишущие по-русски (Пулатов, Айтматов, Матевосян, Чиладзе и множество других), Л.Петрушевская, Т.Толстая, В.Маканин, В.Крупин, социально-историческое направление, восторженно принятое читателями (Рыбаков, Дудинцев, Гранин, Приставкин)... Нет, не оскудела еще русская земля. Запутались мы, сбился в поисках выхода из лабиринта, пытаемся приспособить писателя для утилитарных целей, национальных или социальных, и транжирим русское слово, словно природные ресурсы Сибири; но при всем том мы еще бесконечно богаты.

УЕХАВШАЯ ЛИТЕРАТУРА на первый взгляд не нуждается в рекомендациях. Блестящее созвездие, лучшие авторы лучших журналов удивительно дружно покинули родину и заблестели на дальних горизонтах. Но присмотревшись к этому сиянию, замечаешь, что громких имен больше, чем значительных произведений. Трудно сравнить "Архипелаг Гула" с "Красным колесом", "Ожог", "Остров Крым", "В поисках жанра" с "Бумажным пейзажем" или "Грустным Бэби", "Семь дней творения" с "Сагой о носорогах" и "Чашей ярости" и так далее. Похоже, что литература, привезенная с собой, превосходит созданную здесь. Почему так? Оставим этот предмет для размышлений читателю.

Сказанное относится к писателям, составившим себе имя задолго до эмиграции. Но в Зарубежье быстро расцвела литература следующего эшелона. Звезды средней величины, мало заметные на советском небосклоне, вспыхнули за границей с неожиданной яркостью. Назову хотя бы Ф.Горенштейна, А.Львова, Ф.Розинера, С.Довлатова. Конечно, эти авторы, каждый по-своему, тоже пережили чуждый эффект и трудности адаптации, но, может быть, им было легче: в отличие от знаменитостей, им нечего было терять.

Крепость литературного бульона оказалась в эмиграции столь высока, что и здесь возникла

если не литературная среда, то процесс, брожение, явилась новая, молодая поросль. Ее признанный лидер – Саша Соколов, получивший в лучших традициях славного прошлого благословение старшего мэтра – самого Набокова. Особого рода знаменитостью “третьей волны” стал Эдуард Лимонов, чьи выступления и произведения вызвали бурный протест у эмигрантского читателя (что и требовалось) и принесли автору известность. К этому же направлению принадлежат Юрий Милославский, Зиновий Зиник, Сергей Юрьенен. Каждый из них выпустил несколько книг, переведен на европейские языки, с интересом встречен западными славистами. Как это часто бывает, идеология молодого поколения сводится к отрицанию традиций предыдущего. Проза шестидесятых была создана “инфантильными мальчиками” (Аксенов, Гладилин, Битов, Анатолий Кузнецов), пришедшими из журнала “Юность”, и молодыми людьми с производственным стажем, выступившими в толстых журналах (Владимов, Войнович, Максимов, Липатов, Рекемчук и др.). Ни тех, ни других не устраивало окружающее консервативное сталинское общество с его примитивной культурой и жесткими морально-политическими ограничениями. Хотели того или нет “мальчики шестидесятых”, но их творчество несло в себе социальный, да и

политический протест; выражаясь языком нового поколения, они были “стебануты” политикой. Лимонов же и соратники протестуют против этого протеста. Они действительно аполитичны. Для них Сахаров и Солженицын так же неинтересны, как Горбачев или Андропов. Отсюда, я думаю, их утрированный натурализм и фиксация не только внешних обстоятельств, но и оттенков переживаний, мимолетных желаний, случайных чувств и мыслей. Своего рода идеалом служит для них эксгибиционизм; не умея порой выразить себя в слове, они прибегают к нему в самой натуральной форме (см. журнал “Мулета”, Париж, 1984).

Неудивительно, что у читателей, воспитанных литературой предыдущего поколения, да и у самих писателей этого поколения, новая волна вызвала возмущение. Протест детей против отцов и пожирание родителями собственных детей – едва ли не самые известные мифологические сюжеты. “Искусство хавать хаванину”, – как определил Борис Хазанов это литературное направление. Он считает, что погоня за натуралистической деталью убивает мысль. Здесь не место спорить. Останутся ли Лимонов и Милославский в литературе, покажет время. Самый же факт появления новой литературной школы в эмиграции обнадеживает. Рождение нового – свидетельство жизни.

С.Максудов

ИНТЕРЕСНО ТЕМ, ЧТО НЕИНТЕРЕСНО

Началу этих “Записок” мог бы позавидовать любой боевик. За две с половиной недели до начала войны герой книги, нарком вооружения СССР, арестован и находится под следствием. Сюда, в тюремную одиночку, ему передают указание И.В.Сталина – письменно изложить свой план по развитию производства вооружения в условиях начавшихся боевых действий. Прямо из тюрьмы героя привозят к Сталину. “Ваша записка, – говорит вождь, – прекрасный документ для работы... – И затем добавляет: – Вы во многом были правы. Мы ошиблись... А подлецы вас оклеветали...”

Все. Борис Львович Ванников приступает к работе в наркомате вооружения, потом выполняет задания Государственного Комитета Оборона, а в начале 1942 года назначается наркомом боеприпасов. Инцидент исчерпан.

Впрочем, нет. Кое-какие детали к этой истории можно добавить. Кроме Ванникова по тому же делу были арестованы генерал армии К.Мерецков, дважды Герой Советского Союза

генерал-лейтенант Я.Смушкевич, генерал-полковник Г.Штерн, заместитель наркома обороны П.Рычагов и многие другие. Все они (за одним исключением) признались в заговорах, диверсиях, измене родине и т.п. После этого Б.Ванников, К.Мерецков и некоторые другие были освобождены и вернулись в свои кабинеты, остальные (25 человек) расстреляны.

Все это нам известно не от Ванникова. И о “заговоре”, в котором участвовал “второй эшелон” армии (первый был уничтожен раньше), и о жесточайших пытках, и о дальнейшей судьбе арестованных мы прочли в очерке Аркадия Ваксберга “Тайна октября 1941-го”, напечатанном в одном из апрельских номеров “Литературной газеты”.

Но это внешняя сторона дела. А внутренняя? Что думал обо всем этом Борис Львович Ванников – человек, судя по многим свидетельствам, умный, наблюдательный, разносторонне одаренный? Этого мы не знаем и уже никогда не узнаем: в “Записках” об этом нет ни слова, автор умер в 1962 году.

Эта странная ситуация (острейшая коллизия и фигура умолчания) повторяется в кни-

ге неоднократно. Гибель не обязательно грозит самому Ванникову. В одних случаях арестовывают (и расстреливают) его коллег: талантливого конструктора авиационных пушек Таубина, главного технолога Сандомирского, группу инженеров оружейного завода. В других — коллизия в том, что вопросы, связанные с развитием вооружений, решают люди глубоко некомпетентные, руководствуясь случайными впечатлениями, опытом эпохи гражданской войны, движимые амбициями...

Разумеется, автор хорошо понимает, чем чреваты такие решения в условиях надвигающейся войны. Более того, в меру своих возможностей он возражает, пытаясь предотвратить наиболее пагубные, буквально катастрофические решения. Ясно, что участие в подобных дискуссиях требовало незаурядного личного мужества ("Ванников не хочет делать 107-миллиметровые пушки для... танков, а эти пушки очень хорошие, я с ними воевал в гражданскую войну", — сердито говорит Сталин. "Ванников всегда всему сопротивляется, это стиль его работы", — отвечает Жданов). Однако иного мужества — мужества написать, что он думал и чувствовал, сталкиваясь с этой дикой системой, — автору не хватает.

Лишь изредка Ванников позволяет себе короткое, сугубо частное замечание. Скажем, поясняет, что Сталин, рассуждая о 107-миллиметровой пушке, подразумевал полевое орудие времен гражданской войны, не имевшее ничего общего (кроме калибра — диаметра ствола) с танковой пушкой, которую требовалось создать. Или: "Особенно напал на наркомат вооружения Н.А.Вознесенский, который в то время ведал оборонной промышленностью и, казалось, должен был знать хоть основную, главную суть вопросов. К сожалению, он ее не знал, хотя и был незаурядным человеком".

Сейчас многое в нашей истории принято объяснять личными качествами Сталина. Ванников эту тему не обсуждает, ограничиваясь почти протокольной записью бесед. Ничего он не говорит и о личности людей, составлявших свиту вождя (характеристика Вознесенского — единственная в книге). Однако, если судить по нескольким эпизодам, Сталин — еще не самый худший случай. Он хотя бы слушает, что ему говорят; думает; случается, признает ошибки. Его соратники не слу-

шают и не думают, им по чину положено быть правыми. Вряд ли дело тут в характере. Просто Сталин настолько всемогущ, что может иной раз позволить себе роскошь согласиться с мнением какого-то Ванникова; для других эта роскошь непозволительна. С собачьей чуткостью улавливая малейшие оттенки в настроении хозяина, они не могут допустить сокращения дистанции между собой и массой. Это для кого-то нарком — нарком, а для вождей...

"Могу ли я быть свободным?" — спрашивает Ванников. "Пока вас никто не арестовал, вы свободны..." — с улыбкой ответил Сталин". Таков стиль. Стиль не только в отношении к людям, но и к тому Делу, которому вожди вроде бы служат. В сорок первом году наркомат обороны неожиданно изменил заказ, пожелав резко увеличить производство самозарядных винтовок и отказаться от драгунских (мосинских). Наркомат вооружения возражал. Самозарядная винтовка, тяжелая и сложная, не могла заменить обычную. Кроме того, освоение массового производства нового оружия затянулось бы не меньше чем на год. В течение этого года (а год, повторяю, сорок первый!) армия осталась бы вообще без винтовки.

Решение было поручено комиссии в составе: Молотов (председатель), Вознесенский, Маленков, Берия, Тимошенко, Жуков и другие. Выступая на заседании, Ванников сказал, что согласиться с военными значило бы совершить "тяжелую и непростительную ошибку", и привел целый ряд серьезнейших доводов. Бесполезно. Решали не доводы, а мнения. Лишь после долгих уговоров заместителей ("я обратил их внимание на состав комиссии") Ванников решился позвонить Сталину. Произошло чудо. Через четыре часа Сталин объявил: "Доводы наркомата вооружения правильны, решение комиссии товарища Молотова отменяется". В других случаях чуда не произошло. Сколько из двадцати миллионов погибших пали в этой войне из-за того, что не случилось чуда?..

Б.Л.Ванников писал свои "Записки" не просто после смерти Сталина, но на закате собственной жизни. Зачем? Наверное, затем, что каждому хотя бы перед смертью хочется уяснить, на что ушла жизнь, рассказать о людях, с которыми ты встречался, о событиях, свидетелем и участником которых был.

Ничего этого в книге, увы, нет. Главные

ее герои — гаубицы, простые и автоматические винтовки, танковые пушки, авиационные пулеметы... Нелепо думать, будто автор не понимал, что читатель ждет от него совсем не того. Понимал, конечно. Однако сильнее этого понимания был внутренний цензор. Цензор диктовал ему такие смешные заявления, как "финская реакция спровоцировала войну", "Советский Союз... продемонстрировал огромное превосходство социалистического строя над капиталистическим", "Политические авантюристы, пробравшиеся в различные органы власти..." Но главное, чем занимался цензор, — это запреты. На все, что касается личных качеств людей, населявших "высшие сферы", их отношений, воздействия этих сфер на жизнь страны и народа, — на все это наложено жесточайшее табу.

Вообще говоря, мысль о внутреннем цензоре не нова, каждый из нас в той или иной

степени испытал его руку. Но только теперь мы начинаем, кажется, постигать поразительную закономерность: чем выше пост, который человек занимал в системе, тем сильнее он испытал ее мертвящее воздействие. Об этом интересно написал — на примере Косыгина — Даниил Гранин; о том же, собственным примером, свидетельствует Ванников.

Правда, тут есть отличие: Косыгин, когда Гранин с ним беседовал, был председателем Совета Министров, то есть вторым человеком в иерархии. Второму же человеку полагается учитывать реакцию первого — сложную реакцию. Борис Львович Ванников уже никем не был, и ответ ему предстояло держать лишь перед вечностью. Но вечность — даже вечность! — не могла заставить его отказаться от правил игры, вбитых в него системой. Размышляя о перспективах перестройки, взвешивая все "за" и "против", стоит учесть и это немаловажное обстоятельство...

Р. Шаниро

МЕНЬШЕВИКИ И БОЛЬШЕВИКИ

В многотомном советском издании "В.И. Ленин: Биографическая хроника", где зафиксирован каждый день, а порой и каждый час жизни Ленина, в сведениях за январь 1921 года сказано: "Ленин знакомится с письмом Дана... Делает пометки... делает на конверте пометку: "Письмо Дана (в архив)".

Письмо было адресовано не Ленину (в тот период Дан Ленину не писал), а единомышленникам Дана — меньшевикам, может быть, за границу Мартову. В письме дана оценка VIII съезда Советов, в котором Дан принимал участие. Очевидно, письмо было перехвачено ЧК и попало на стол Ленина.

Для Ленина в чтении чужих писем, да и в добывании их таким путем, не было ничего аморального: морально все, что способствует победе пролетариата. В данном случае для дела пролетариата было важно знать, что меньшевик Дан думает о политике Ленина и о VIII съезде Советов. Кто же такой Дан и почему Ленина интересовали его письма третьим лицам?

С того момента, как в 1903 году российская социал-демократия раскололась на большевиков и меньшевиков, в России по сути возникли две социал-демократические партии. Лидерами меньшевиков были А. Потресов, П. Аксельрод, Ю. Мартов и Ф. Дан (отношения Г. Плеханова с меньшевиками — тема особая).

Федор Ильич Дан (настоящая его фамилия — Гурвич) — по профессии врач. Он прожил долгую жизнь (родился в 1871, умер в 1947 году), оставив весьма значительное эпистолярное наследие. Письма Дана к различным людям (в их числе Карл Каутский, Отто Бауэр, Мартов, Потресов) — всего за полвека 339 писем — составили почти 700-страничный том, выпущенный недавно амстердамским Институтом социальной истории. Книга снабжена содержательным и интересным предисловием Бориса Сапира. Да и всю работу по сбору писем Дана и подготовке их к печати провел Б. Сапир — последний из русских меньшевиков в Западной Европе, бывший научный сотрудник Института социальной истории. Работа выполнена Сапиром не только на

Ф.И. Дан. Письма (1899—1946). Отобрал, снабдил примечаниями и очерком политической биографии Дана Борис Сапир. Амстердам. Stichting International Instituut voor sociale geschiedenis, 1985.

Из архива Л.О. Дан. Отобрал, снабдил примечаниями и очерком биографии Л.О. Дан Борис Сапир, 1987.

высоком научном уровне, но и с любовью.

Если бы Федор Дан узнал, что его письма будут готовиться к печати именно Борис Сапир, он, несомненно, удивился бы. Дело в том, что Дан и Сапир принадлежали к враждующим течениям в русском меньшевизме. В своих письмах (в частности и в тех, что опубликованы в данной книге) Дан не жалеет бранных слов по адресу основного течения социал-демократов, к которому принадлежал Сапир и которое Дану представлялось слишком правым, даже реакционным. Но об этом дальше.

Борис Сапир подготовил к печати и другую книгу, изданную тем же институтом, — "Из архива Л.О.Дан". Лидия Осиповна Дан — жена Федора Дана и сестра Ю.Мартова — умерла в Нью-Йорке в 1963 году.

Письма партийного лидера к единомышленникам — это, по сути, интимная история партии. Это та сторона ее деятельности, которая связана с подготовкой съездов и конференций, организацией газет и забастовок, с тактикой партийной и фракционной борьбы. При этом перед нами именно скрытая, закулисная, а отнюдь не официальная сторона деятельности партийного руководства.

Книгу открывают первые письма Дана, написанные им в ссылке в Вятской губернии в конце прошлого века. Это как бы предыстория русской социал-демократии: партии как таковой еще не было, но был уже круг единомышленников и была марксистская теория. В ссылке Дан и его товарищи штудировали немецкую партийную литературу: Вильгельма Либкнехта, Розу Люксембург, Эдуарда Бернштейна и, конечно же, Карла Каутского. Из писем мы узнаем и детали будничной жизни ссыльных: безделье, скука, отсутствие интересных занятий... Ссылных в те далекие времена не заставляли работать: напротив, государство выплачивало им небольшое пособие. Так что они были "обречены" на безделье. И страдали от этого. Впрочем, сам Федор Дан много занимался переводами. Его переводы с немецкого нередко печатались в столичных журналах и сборниках.

После ссылки Дан уезжает за границу и здесь активно включается в работу по созданию РСДРП. С 1903 г. он один из лидеров меньшевизма, и его письма — весьма ценный источник по истории этого течения в социал-демократии. В 1905 г. Дан ненадолго

сближается с Троцким, о котором позднее, правда, он писал как о человеке, страдающем маньерной величицей. Что касается Ленина, с которым Дан был близок до 1903 г., письма демонстрируют, насколько резко Дан расходился с большевиками по основным вопросам стратегии и тактики социал-демократов в России.

Судя по многим признакам, Ленин ненавидел Дана и считал его злым гением меньшевизма (заметим, что к своему старому другу Мартову Ленин относился значительно мягче). Еще и сейчас в СССР публикуются воспоминания, где Дан даже и внешне выглядит отвратительно: "Даже по внешности этот человек был чужд рабочему классу" (из воспоминаний некоего А.Буйко, работника Совнаркома РСФСР, в сборнике "Крушение царизма". Лениздат, 1986, стр. 60). Большевик с ярко выраженной еврейской внешностью — это и в самом деле сочетание скверное...

Борьба двух направлений — большевизма и меньшевизма — приняла после октября 1917 г. (но особенно во время гражданской войны) странный характер. С одной стороны, меньшевики решительно осуждали большевистские методы и вообще большевистскую диктатуру, не считая ее законной. С другой стороны, меньшевики исходили из того, что в стране происходит социальная революция, что главная опасность — не большевики, а "правые", "контрреволюционеры". Поэтому в борьбе между красными и белыми меньшевистская партия официально была на стороне красных и призвала своих членов вместе с большевиками бороться против "реставрации капитализма".

Далеко не все меньшевики были согласны с этой установкой. Но как раз для Дана она была весьма типична. Хотя он сидел в большевистской тюрьме и прекрасно знал, какие репрессии обрушила на меньшевиков большевистская власть (даже после гражданской войны, когда белые ей уже не угрожали), Дан продолжал верить, что в процессе революционного развития рабочее движение вынудит большевиков к демократизации режима.

Дан эмигрировал в 1922 г. Однако и в 30-е годы — в период полного торжества сталинизма — он упорно отстаивал эти идеи. По-прежнему, как и в годы гражданской войны, опасность виделась ему "справа".

Разумеется, вопрос можно ставить и ина-

че, как сделал однажды Валерий Чалидзе: а следует ли вообще считать коммунистическую диктатуру "левой"? Но у Дана сомнений не было, что главная угроза трудящимся исходит все от тех же "помещиков и капиталистов"...

Подобную позицию в те годы не разделяло большинство меньшевиков. Поэтому в конце 30-х годов Дану пришлось уйти из центральных органов партии, лидером которой он был так долго. В эмиграции он основал свою собственную группу и свой журнал, враждебный меньшевикам, и стал искать единомышленников среди французских коммунистов и левых социалистов. Со смертью Дана в 1947 г. журнал перестал выходить, группа распалась, а его ближайший сотрудник стал открыто работать на большевиков.

Основная идея Дана последнего периода его жизни — синтез большевизма и меньшевизма. Он утверждал, что большевизм должен стать демократичнее, а меньшевикам следует признать социальные достижения советской власти. Естественно, что этот синтез не осуществился. Да и как он мог осуществиться...

Но вот прошло 40 лет после смерти Дана, и не воскресают ли его идеи? Я имею в виду идеологию Итальянской компартии, хотя допускаю, что ее лидеры о Дане даже не слышали. Если же считать, что М.Горбачев стоит за "социализм с человеческим лицом", то нетрудно обнаружить перекличку между идеями Дана, Берлингуэра, пражских реформаторов и нынешнего генсека КПСС.

Не менее интересны в определенном смысле и материалы, собранные Сапиром в книге "Из архива Л.О.Дан". Прежде всего — это заметки и воспоминания самой Лидии Осиповны о ее семье и ее брате Ю.Мартове, о дореволюционных тюрьмах и ссылках, об "Искре", о встречах с Плехановым, Лениным, Савинковым и многими другими. На русском языке нет биографии Мартова, лишь в 1959 г. в Нью-Йорке вышел сборник воспоминаний и писем "Мартов и его близкие". Книга "Из архива Л.О.Дан" — ценное дополнение к этому сборнику и, одновременно, материал из первых рук к будущей биографии виднейшего деятеля социал-демократии и идеолога русского меньшевизма.

В сборнике есть сведения не только о Мартове. Здесь и заметки о Вере Фигнер, переписка Л.О.Дан с Е.Кусковой, освещающая

проблемы русского политического масонства, наконец, рассказ о тайной встрече Н.И.Бухарина с супругами Дан в Париже в 1936 г. На последнем моменте стоит остановиться особо.

Бухарин, приехавший в Париж по командировке Института Маркса—Энгельса, пришел к Дану неожиданно, "рискуя головой". Беседовали о многом. Заговорили и о Сталине. Бухарин сказал, что Сталин "даже несчастен оттого, что не может уверить всех, даже самого себя, что он больше всех, и это его несчастье, может быть, самая человеческая в нем черта, может быть, единственная человеческая в нем черта, но уже не человеческое, а что-то дьявольское есть в том, что за это самое свое "несчастье" он не может не мстить людям, всем людям, а особенно тем, кто чем-то выше, лучше его... Если кто лучше его говорит, он — обречен, он уже не оставит его в живых, ибо — этот человек вечное ему напоминание, что он не первый, не самый лучший; если кто лучше пишет — плохо его дело... Нет, нет, Федор Ильич, это маленький, злобный человек, нет, не человек, а дьявол".

Потрясенный Дан спросил Бухарина, как же при такой оценке Сталина он, Бухарин, и другие коммунисты так слепо доверили этому дьяволу и свою судьбу, и судьбу партии, и судьбу страны. Бухарин заволновался: "Вы этого не понимаете, это совсем другое, не ему доверено, а человеку, которому доверяет партия; вот так уж случилось, что он — вроде как символ партии, низы, рабочие, народ верят ему, может, это и наша вина, но так это произошло, вот почему мы все и лезем к нему в хайло... зная наверняка, что он пожрет нас. И он это знает и только выбирает более удобный момент".

"Но в таком случае, — спросила Лидия Дан, — почему же вы лезете в хайло? Почему возвращаетесь?" Бухарин с недоумением посмотрел на нее и как-то досадливо отмахнулся рукой: "Как не вернуться? Стать эмигрантом? Нет, жить как вы, эмигрантом, я бы не мог... Нет, будь что будет... Да может, ничего и не будет".

Так думал, очевидно, не один Бухарин, но и многие старые большевики. Сталин в их глазах двойлся: с одной стороны — "дьявол", с другой — "символ партии". Борьба со Сталиным значило идти против партии — их партии, их государства.

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА ЗА 1988 г.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

- № 1. Двери открываются медленно. — Пора кончать! — Дой мой, или перестройка. — Как быть с Кубой?
№ 2. Выстрелы не умолкают. — Трагическая статистика. — Посмотри направо. — Поражение империи.
№ 3. Венгерский урок. — А.Гальперин. Признание вины. — Б.Комаров. Экологическое эхо войны. — Л.Мезенцева. Чили на пути к демократии?
№ 4. Западная Европа на пути к единству. — Упасть, чтобы подняться. — А.Сикоев. Тревоги Афона. — ПЕН-клуб в Польше возрождается. — Иордания без Западного берега. — Битва за нефтяные камни. — Советская база в Сирии.
№ 5. У.Пафф. Мюнхен, 1938 год. Что могло бы случиться? — "Война, почти война!" — Бирма: часы пошли вновь. — Химическая война против курдов. — Кровавое наследие диктатуры.
№ 6. "Голубые каски" — лауреат Нобелевской премии мира. — Доброе начало, предполагающее продолжение. — Шпионаж и новое мышление. — Польская дилемма: между партией и "Солидарностью". — Алжир на пороге катастрофы.

ВЕСТИ ИЗ СССР

- № 1. Нагорный Карабах. Обращение комитета по воссоединению Нагорного Карабаха с Армянской ССР.
№ 2. Изучаем общественное мнение. — В.А. Приручение "неформальных социалистов". — А.Литовский. Архивы и перестройка. — Гремя огнем, сверкая блеском стали...
№ 3. Нагорный Карабах. — "Экспресс-хроника".
№ 4. Нагорный Карабах. — Капитализм путем натурального обмена. — Э.Лебедева. Мертвые дома и живые люди.
№ 5. Начнем с хозрасчета. — О чистых руках. — Чем мы торгуем.
№ 6. Истоки конфликта. — Эстония: конституционный кризис. — А.Мурженко. День политзаключенного в СССР. — А.Новиков. Демократический союз: оппозиция или игра? — Е.Габович. На смену "чернобыльским" реакторам. — М.Талалай. "Утоли моя печали".

ГЛАСНОСТЬ, ОППОЗИЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ, ПЕРЕСТРОЙКА

Ю.Афанасьев. Служанка лживой пропаганды	1
Х.Ахонен, Т.Мадисон. Эстонская весна	5
Р.Бахтамов. Десять месяцев спустя (2); Другая игра (3); Сказание о демиургах (6)	
Б.Вайль. Атака на привилегии	2
С.Лезов. Победа и поражение правозащитников	2
М.Молоствов. От догматизма к новому мышлению	4
А.Нуйкин. Механизм подмены	6
Общая программа Народного фронта Эстонии	5
М.Поповский. Наука и перестройка	2
О.Румянцев. Демократия без разрешения	5
В.Селюнин. Реванш бюрократии	1
А.Стреляный. Постепенность — самоцель?	6
Р.Шапиро. Петля	1

ПРОБЛЕМЫ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ И ЭКОЛОГИИ

Р.Бахтамов. Без денег не проживешь (1); Между словом и делом (4); Из болота тащить бегемота (5)	
Б.Комаров. В ожидании экологического чуда	6
Г.Попов. Дать взятку Госплану...	4
Э.Эрлих. Призрак великих строек над Арктикой	2

СОВЕТСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ. СТРАНА В МИРЕ

В.Войнович. Орден без справки	1
Г.Давыдов. Принудительный труд	3

Ю. Дружников. Сага о Павлике Морозове	2
За право на пацифизм	2
Ф. Клаудин. Три вопроса об Октябрьской революции	6
А. Кривов. Альтернатива	2
И. Кривова. Отказчики по совести	2
Нельзя доверять тем, кто преследует сторонников ненасилия	2
К. Подрабинек. Беспредел	3
Г. Померанц. Ничего не забыли и ничему не научились	1
Г. Свиридов. "Память" или беспамятство	2
"Служу Советскому Союзу!"	2
Ф. Фернандес Ордоньес. Европа и Советский Союз	6
Е. Фет. Добро пожаловать в Академгородок!	5
Штрихи к портрету маленького вождя (Д. Васильев. Новогоднее обращение. О КГБ. Об Илье Глазунове)	3

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Безопасность и права человека неразделимы. Речь Президента США Р. Рейгана	3
Г. Буяновский. В железных объятиях друзей	6
Б. Гришин. Ученик чародея	6
Дж. Киркпатрик. Язык обмана	4
И. Косинский. Наш собственный позор	6
А. Орлов. Кандидаты и президент	6
Дж. Паркер. Самая большая из развивающихся стран	1
Х. Перес Лопес. Возврат к "нравственной экономике"	4
Э. Финкельштейн. Бедствие, не ставшее катастрофой	5
Б. Х. Прошлое, которое не хочет уйти	1
В. Чалидзе. Заметки о демократии (3); Бюрократия и мирная революция (6)	
Т. Шульц. Фидель	4
Ж. Э. Самые нестрашные тюрьмы Европы	3
А. Яновицкий. Зачем они это сделали?	1

ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ СТРАНЫ. ТЫСЯЧЕЛЕНИЕ КРЕЩЕНИЯ РУСИ

Г. Андреев. Россия между Востоком и Западом	3
А. Антонов-Овсеенко. Катынь	1
М. Аксенов-Меерсон. Тысячелетие крещения Руси	3
А. Великанова. Дороже всех святых	3
А. Вельмин. Живая церковь и патриарх Тихон	3
С. Лезов. Погромы к тысячелетию	3
Л. Люкс. Государство правды	6
Г. Нилов. Как возвышался Сталин	5
Г. Померанц. Мысли о юбилее	3
Т. Рейманова. За три недели до оккупации	5
Религиозный ренессанс	5

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ. ИСКУССТВО. ФИЛОСОФИЯ И ТЕОЛОГИЯ

Е. Барабанов. Московский авангард. Взгляд из 1988 года	4
Б. Вайль. Легитимация власти и культура	3
Э. Гомберг. Искусство и революция	4
И. Левкова-Ламм. Искусство гласности или танталовы муки?	4
С. Лезов. Новый Завет и Голокауст (1); Христианство и политическая позиция (5)	
Х. Маккоби. Истоки антисемитизма	1
З. Миркина. На подтаявшем леднике	5
Б. Парамонов. Пантеон (1); Из града Китежа на Брайтон-Бич (5)	
Г. Померанц. Отвернувшееся поколение	2
Б. Хазанов. Черное солнце философии	1
Е. Эткинд. Письма из Парижа	3

ПИСАТЕЛИ И ЛИТЕРАТУРА. РЕЦЕНЗИИ

Н.Барфод. Критик в плюралистическом обществе	3
О.Баталин. Жизнь Соломона Лурье (Б.Я.Копржива-Лурье. История одной жизни)	1
Э.Бойтар. Убьешь его — родится новый	2
Б.Вайль. Меньшевики и большевики (Ф.И.Дан. Письма; Из архива Л.О.Дан)	6
А.Великанова. Размышления о Германе Гессе (Г.Гессе, Письма по кругу) (1); Логика воображения и необходимость свободы (Я.Э.Голосовкер. Логика мифа) (4)	
В.Войнович. Сказка о глупом Галилее	3
Е.Гессен. Под сенью золотого крыльца	4
А.Жигулин. Черные камни. Автобиографическая повесть	2-3
С.Максудов. Свободные голоса в твердом переплете (B.Stevanovic, V.Wertsman, Free Voices in Russian Literature)	6
А.Мердок. Акаст, или Искусство и Эрос	4-5
Освободивший себя. К 10-летию смерти Анатолия Якобсона	5
Г.Померанц. Что сказать Иову?	6
В.Рудич. Текст жизни и текст искусства (Т.Венцлова, Неустойчивое равновесие)	4
Б.Х. Русская литература от А до Я (В.Казак. Энциклопедический словарь русской литературы с 1917 года)	4
М.Харитонов. Сон при свете солнца	3
Р.Шапиро. Куда уж дальше... (4); Интересно тем, что неинтересно (Б.Л.Ванников, Записки наркомма) (6)	
Е.Эткинд. О единстве русской литературы (2); Нет двух правд (6)	

БЕСЕДЫ И ИНТЕРВЬЮ

Америка голодать не будет. Беседа с помощником министра сельского хозяйства США И.Уилсоном (Дж.Поупкин)	5
Игра в одни ворота. Интервью с инструктором ЦК КПСС В.Тумаркиным (С.Лезов, С.Тищенко)	2
Мы выстрадали надежду. Беседа с Юлием Кимом (К.Любарский)	6
Самиздат вышел из подполья. Интервью с редакторами самиздатских журналов Л.Тимофеевым, С.Григорьянцем, Б.Ивановым, Р.Спектором (М.Дейч)	5
Свободу райкому! Интервью с А.Стреляным (К.Любарский, Б.Вайль)	6
Хорошие и плохие неформалы. Беседа с М.Талалаем (А.Назаров)	5
Чувство перспективы. Разговор Т.Венцловы с И.Бродским	3

ФОТОРУБРИКА. ГОРОДА МИРА. ДОСКА ПОЧЕТА

Армения	5
И.Грэм. Шанхай	1
Доска почета	3
Ереван	2,3
Живу — вижу	4
И.Пауков. Задворки Европы	5
Звартноц, 5 июля	6
Нагорный Карабах	1,3
Революционная Россия. Фотоархив Джона Рида	2
Эстония, 1988	5

АРХИВ. ПАМЯТИ УШЕДШИХ. ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ. КОРОТКИЕ ЗАМЕТКИ

Архив. Государственные курсы стенографии и машинописи	5
Архив. К деятелям науки, культуры и искусства	6
Декрет Совета Народных Комиссаров "Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям"	2
Архив. "Производит впечатление обыкновенного человека..."	1
Умер Борис Рабинович	2
Письма в редакцию: Ю.Колкер (1); А.Голан, Ф.Салказанова (2); Г.Буяновский, Х.Тарсис-Дорман (4)	
Из журналов и газет	3,4,6
Между прочим	3,5

Ситуация, в которой находится мир, напоминает мне старую легенду. Некогда Христос пришел из белой пустыни в пурпурный город. Он увидел молодого человека, пьяного, лежащего на земле. "На что ты тратишь свою жизнь?" Парень ответил: "Я был прокаженным, ты исцелил меня, что же мне еще делать?" На другой улице он повстречал другого, который шел с продажной девкой. "Зачем ты губишь душу распутством?" Тот возразил: "Я был слеп, а ты вернул мне зрение. Что же мне остается делать?" Наконец, на главной площади Иисус увидел старика, он сидел и плакал. На вопрос, о чем он скорбит, старец ответил: "Господи, я был мертв. Ты воскресил меня. Что же мне еще делать, как не плакать?.."

Наши научные достижения помогли нам справиться с многими болезнями, приумножили наше благосостояние и наш досуг, и более того, наука продлила человеческую жизнь. Но что нам делать со всем этим? Предадимся ли мы нигилизму, который видит в разуме несчастье и утверждает, что лучше быть мертвым, чем живым? Говорят, что водородная бомба оказалась самым действенным оружием мира, так как она отпугивает от войны. На самом деле бомба — это призыв к человечеству, призыв создать новый этос, заново определить духовные основы нашего существования...

Две концепции человека противостоят друг другу. Проникнутый сознанием высших ценностей и устремленный к вечному, человек являет собой наиболее очевидное воплощение божественного на земле. Это отвечает учению Упанишад и Платона, да и христианству в его многочисленных разновидностях. Другая концепция восходит к Возрождению и опирается на великие достижения науки и технологии. Согласно этому взгляду, человек высажен без его согласия на берег жизни, брошен в мир, где он может отстоять себя лишь при условии, что он овладеет стихийными силами, которые ему противостоят. Так вот, если мы хотим создать стабильное общество, мы должны соединить оба взгляда. Оба преувеличены, один — в своем агрессивном натурализме, другой — в искусственном сверхнатурализме и фундаментализме. Мы готовы согласиться со всякой непогрешимостью, будь то непогрешимость папы, Библии или Маркса. Но поведение тех, кто распинается во имя первых двух, мало чем отличается от поведения тех, кто клянется именем последнего. Сила, которая у нас в руках, могла бы превратить нашу землю в райский сад, если бы нам удалось превозмочь чувства ненависти и зависти. Необходимость в духовной дисциплине велика, как никогда. Разлад между Грецией и Галилеей, между интеллектом и духом все еще не преодолен. Но уже то, что мы осознали это, внушает надежду.

**КАРЛ ПОППЕР,
ФИЛОСОФ ОТКРЫТОГО ОБЩЕСТВА**

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ